Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and social-educational idea

№ 6 (16) 2012

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов

Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Заведующий редакцией
Е.В. Штурба
Научный редактор
С.С. Васильев
Редактор электронной версии
С.С. Васильев
Редактор англоязычных текстов
О.В. Коленко

Главный редактор
В.А. Штурба
д-р ист. наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т.С. Анисимова *(д-р ист. наук, профессор)*
Н.В. Балабанова *(канд. психол. наук, доцент)*
Р.З. Близняк *(канд. полит. наук, доцент)*
С.С. Васильев *(канд. ист. наук, профессор)*
В.М. Гребенникова *(канд. пед. наук, доцент)*
Г.Ж. Микерова *(д-р пед. наук, профессор)*
М.Ю. Попов *(д-р социол. наук, профессор)*
Л.П. Рассказов *(д-р юр. наук, профессор)*
И.В. Турицын *(д-р ист. наук, профессор)*
А.Л. Факторович *(д-р филол. наук, профессор)*
Е.В. Штурба *(д-р ист. наук, профессор)*

АДРЕС РЕДАКЦИИ
350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 861 237-62-19
E-mail: **editor@hist-edy.ru**

Электронная версия:
http://www.hist-edu.ru
Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Редакционный Совет

Анисимова Татьяна Семеновна, *доктор исторических наук, профессор Славянского-на-Кубани государственного педагогического института. Славянск-на-Кубани. Россия.*

Балабанова Нина Викторовна, *кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета. Краснодар. Россия.*

Бедерханова Вера Петровна, *доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования КубГУ. Краснодар. Россия.*

Близняк Роман Зиновьевич, *кандидат политических наук, доцент кафедры PR и связей с общественностью Кубанского государственного университета. Краснодар. Россия.*

Васильев Сергей Сергеевич, *кандидат исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института. Краснодар. Россия.*

Гребенникова Вероника Михайловна, *кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, заведующая кафедрой педагогики и психологии Кубанского государственного университета. Краснодар. Россия.*

Грушевский Сергей Павлович, *доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий КубГУ. Краснодар. Россия.*

Кононенко Виктор Михайлович, *доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. Армавир. Россия.*

Меликян Александр Максимович, *кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ, Член-корреспондент Российской академии естественных наук, Член Российской академии юридических наук. Армавир. Россия.*

Микерова Галина Жоршевна, *доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начальной школы Кубанского государственного университета. Краснодар. Россия.*

Невский Сергей Александрович, *доктор юридических наук, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы. Москва. Россия.*

Попов Михаил Юрьевич, *доктор социологических наук, профессор, начальник факультета по подготовке научных и педагогических кадров Краснодарского университета МВД России. Краснодар. Россия.*

Рассказов Леонид Павлович, *Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических и исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар. Россия.*

Турицын Игорь Викторович, *доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Московского педагогического университета им. В.И. Ленина. Москва. Россия.*

Факторович Александр Львович, *доктор филологических наук, профессор кафедры PR и связей с общественностью Кубанского государственного университета. Краснодар. Россия.*

Штурба Евгений Викторович, *доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института. Краснодар. Россия.*

Editorial Board

Anisimova Tatyana Semyonovna, *Doctor of History, Professor of the Slavyansk-on-Kuban State Teacher-Training Institute.*
Slavyansk-on-Kuban. Russia.

Balabanova Nina Viktorovna, *PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Psychology of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Bederkhanova Vera Petrovna, *Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogics of Kuban State University. Krasnodar. Russia.*

Bliznyak Roman Zinovievich, *PhD in Politics, Associate Professor of the Department of Public Relations of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Vasiliev Sergei Sergeevich, *PhD in History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology. Krasnodar. Russia.*

Grebennikova Veronika Mikhailovna, *PhD in Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Faculty of Pedagogics, Psychology and Communication Science, Head of the Department of Pedagogics and Psychology of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Grushevsky Sergei Pavlovich, *Doctor of Pedagogics, Professor, Dean of Faculty of Mathematics and Computer Sciences, Head of the Department of information technology in the sphere of education of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Kononenko Victor Mikhailovich, *Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University.*
Armavir, Russia

Melikyan Alexander Maksimovich, *PhD in Law, Doctor of History, Professor of the Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Russian Academy of Law.*
Armavir. Russia.

Mikerova Galina Zhorshevna, *Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Primary School of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Nevskiy Sergei Aleksandrovich, *Doctor of Law, Professor of Moscow City Government University of Management Moscow.*
Moscow. Russia.

Popov Mikhail Yurievich, *Doctor of Sociology, Professor, Chief of the Faculty of Developing Competence in Science and Teaching of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.*
Krasnodar. Russia.

Rasskazov Leonid Pavlovich, *Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law and History, Professor, Head of the Department of Theory and History of the Sate and Law of Kuban State Agrarian University.*
Krasnodar. Russia.

Turitsyn Igor Viktorovich, *Doctor of History, Professor of the Department of National History of Moscow Pedagogical University named after V.I. Lenin.*
Moscow. Russia.

Faktorovich Alexander Lvovich, *Doctor of Philology, Professor of the Department of Public Relations of Kuban State University.*
Krasnodar. Russia.

Shturba Evgeniy Viktorovich, *Doctor of History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology. Krasnodar. Russia.*

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки, этнология и археология

Акопян В.З.
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРЕКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 13

Александров А.А.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «ЧЕЧЕНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» В КОНЦЕ XX в. В РОССИИ 17

Батурин С.А.
ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ДОВОЕННОЙ БУРЯТИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВОГО КОМПЛЕКСА 20

Берзина А.А.
АФГАНИСТАН В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – нач. XX вв. 25

Вартаньян Э.Г.
ЗАКАВКАЗЬЕ И МАЛАЯ АЗИЯ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. И КУРДСКИЙ ВОПРОС 28

Гетманская Е.В.
НАРОДНЫЕ УЧИЛИЩА XVIII в.: ОСОБЫЙ СТАТУС И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА 32

Иванов А.Г.
ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 35

Кумпан Е.Н.
РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ 40

Лобанов В.Б.
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: БОРЬБА ЗА СТАВРОПОЛЬЕ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1918 г. 45

Матвеев О.В.
ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ XVIII –XIX вв. В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРОВ КАВКАЗСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: РАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ 49

Ракачев В.Н.
ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980 – нач. 1990-х гг. 53

CONTENTS

Historical Sciences, Ethnology and Archeology

Akopyan V.Z.
PERIODIC PRESS AND PUBLISHING ACTIVITIES OF THE GREEKS OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SOVIET PERIOD 13

Aleksandrov A.A.
EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF "THE CHECHEN PROBLEM" AT THE END OF THE 20th CENTURY IN RUSSIA 17

Baturin S.A.
VISUAL MATERIALS ON THE HISTORY OF PRE-WAR BURYATIA: COMPLEX SOURCE CHARACTERISTIC 20

Berzina A.A.
AFGHANISTAN IN THE POLICY OF GREAT BRITAIN: THE SECOND HALF OF 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES 25

Vartanian E.G.
TRANSCAUCASIAN REGION AND ASIA MINOR IN THE RUSSIAN POLICY IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY AND THE KURDISH QUESTION 28

Getmanskaya E.V.
NATIONAL SCHOOLS OF THE 18th CENTURY: SPECIAL STATUS AND PHILOLOGICAL TRAINING 32

Ivanov A.G.
THE POLICY OF RUSSIA IN SOUTHERN CAUCASUS IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY 35

Kumpan E.N.
RELIGIOUS POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTHWEST CAUCASUS:BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN ARCHIVES 40

Lobanov V.B.
THE CIVIL WAR IN THE NORTH CAUCASUS: FIGHTING FOR STAVROPOL REGION DURING THE SUMMER AND AUTUMN OF 1918 45

Matveev O.V.
RUSSIA'S POLICY IN THE CAUCASUS IN THE 18th AND 19th CENTURIES IN THE INTERPRETATION OF THE AUTHORS OF THE CAUCASIAN COUNTRIES: RATIONAL IDEAS AND FALSIFICATION OF HISTORY 49

Rakachev V.N.
PROCESSES OF ETHNIC MOBILIZATION AND INTERETHNIC INTERACTION ON NORTH WESTERN CAUCASUS IN THE SECOND HALF THE 1980th – BEGINNING OF THE 1990th 53

Рыжков Т.В.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И КОРПОРАТИВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В РОССИЙСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПОЛИТИКЕ 1990-х гг. 57

Ryzhkov T.V.
STATE AND CORPORATE INTERESTS IN THE RUSSIAN OIL POLICY IN THE 1990s

Терехова О.П.
ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСОВ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ТРУДАХ Н.В. НИКОЛЬСКОГО 61

Terekhova O.P.
THE REFLECTION OF THE ISSUES OF PEOPLE'S ENLIGHTENMENT AND ECOLOGICAL EDUCATION IN THE WORKS OF N.V.NIKOLSKY

Педагогика и методика преподавания

Pedagogics and Methods of teaching

Акимов М.Ю.
МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОМПЛЕКСА 69

Akimov M.Yu.
THE INTEGRATION MODEL OF PROFESSIONAL EDUCATION AND PRODUCTION IN CONDITIONS OF UNIVERSITY COMPLEX

Артамонова Е.В., Андреева Е.А.
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ 75

Artamonova E.V., Andreeva E.A.
SOME ASPECTS OF REFORMING OF THE MODERN MONITORING PACTICE OF MODERN EDUCATION

Аубакирова Р.Ж.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ РИСОВАНИЯ И ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАЗАХОВ В ПРЕДШКОЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ДЕТЕЙ 79

Aubakirova R.Zh.
THE USE OF DRAWING AND ORNAMENT ART TECHNIQUES OF KAZAKHS IN PRESCHOOL TRAINIG OF CHILDREN

Базаров Ц.Р.
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ 82

Bazarov Ts.R.
TENDENCIES IN RURAL SCHOOLS DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Болдырева Т.В.
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ 86

Boldyreva T.V.
ETHNOCULTURAL COMPONENT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT NON-LINGUISTIC FACULTIES

Дакукина Т.А.
ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ 90

Dakukina T.A.
THE TECHNOLOGY OF ORIGINAL FOREIGN TEXTS READING TRAINING

Заикина О.А.
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 92

Zaikina O.A.
EXPERIMENTAL STUDY OF ORGANIZATION OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY IN THE ESTABLISHMENTS FOR SOCIAL PROTECTION OF POPULATION IN OREL REGION

Колосов С.В.
ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И МОТИВАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ НА ПОДГОТОВКУ ЛЕТНОГО СОСТАВА ВВС РФ 94

Kolosov S.V.
THE EFFECT OF HISTORICO-PSYCHOLOGICAL AND MOTIVATIONAL ASPECTS ON THE TRAINING FLIGHT PERSONNEL OF THE RF AIR FORCE

Коплик А.А.
ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ТИПА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ У БУДУЩИХ СРЕДНИХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПОДГОТОВКИ 98

Koplik A.A.
HEALTH-SAVING TYPE FORMATION OF FUTURE PARAMEDICAL WORKERS' PROFESSIONAL THINKING IN THE PROCESS OF THEIR TRAINING

Копейкина Т.Е.
ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 104

Копейкина Т.Е.
THE IDEA OF PERSONALITY DEVELOPMENT AS PEDAGOGICAL PHENOMENON

Ланских Е.А.
ОБОБЩЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ НАЧАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ 106

Lanskikh E.A.
GENERALIZATION OF PEDAGOGICAL EXPERIENCE OF DEVELOPMENT OF BASIC MILITARY TRAINING THEORY AND PRACTICE

Ларченко И.Н.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 109

Larchenko I.N.
CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STAFF CAPACITY DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF PRIMARY AND SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION

Неясова И.А.
ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ШКОЛЬНИКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ 113

Neyasova I.A.
FORMATION OF MORAL VALUES OF SCHOOLCHILDREN IN THE MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Овчинников О.М.
ПРОФИЛАКТИКА ПОДРОСТКОВОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 117

Ovchinnikov O.M.
TEENAGE MALADAPTATION PREVENTION AS PSYCHO-EDUCATIONAL PROBLEM

Самохин В.Ф., Ланских Е.А.
ПРОПЕДЕВТИКА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В КАДЕТСКИХ КЛАССАХ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ: СУЩНОСТЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ 120

Samokhin V.F., Lanskikh E.A.
MILITARY SERVICE PROPAEDEUTICS IN CADET CLASSES OF SECONDARY GENERAL EDUCATION SCHOOLS: ESSENCE AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF REALIZATION

Сейдниязова Н.В., Серикова Л.А.
ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В НАЧАЛЬНОМ ЗВЕНЕ ОБУЧЕНИЯ 123

Seydniyazova N.V., Serikova L.A.
EXTRACURRICULAR ACTIVITIES AS A MEANS OF PERSONAL RESULTS ACHIEVEMENT AT INITIAL STAGE OF EDUCATION

Смирнов А.В.
АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 127

Smirnov A.V.
ACMEOLOGICAL STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF UNINTERRUPTED LINGUISTIC EDUCATION OF ADULTS IN THE RESEARCH UNIVERSITY

Стафеева А.В.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИОННО-КИТАЙСКИХ СИСТЕМ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ФИЗКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ ЗАБАЙКАЛЬЦЕВ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ 130

Stafeeva A.V.
THE USE OF TRADITIONAL CHINESE SYSTEMS OF PSYCHOPHYSICAL TRAINING IN SPORTS EDUCATION OF PEOPLE OF TRANSBAIKALIA AS A MEANS OF ADAPTATION TO LIFE ACTIVITY IN EXTREME ENVIRONMENTS

Серикова Л.А.
НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ 136

Serikova L.A.
SCIENTIFIC AND HISTORICAL PRECONDITIONS OF STUDYING THE PROBLEM OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF PERSONALITY

Шабалина А.А.
ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ДЕФЕКТОЛОГОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 142

Shabalina A.A.
FUTURE SPEECH PATHOLOGISTS' READINESS FORMATION TO IMPLEMENT ECOLOGICAL AND ECONOMICAL EDUCATION

Щербина А.И.
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВУЗА 145

Scherbina A.I.
THE FORMATION MODEL OF SPIRITUAL AND MORAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS IN PRESCHOOL INSTITUTIONS IN CONDITIONS OF THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Политические науки

Political Sciences

Католик Я.Б.
ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА УКРАИНЫ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ 151

Katolyk Y.B.
ELECTORAL SYSTEM OF UKRAINE: ENSURING THE LEGITIMACY OF THE ELECTORAL PROCESS AND ITS RESULTS

Лубский Р.А.
ЭТАТИЗМ КАК ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ 156

Lubsky R.A.
ETATISM AS A PRINCIPLE OF INTERACTION OF THE PERSON AND THE STATE IN RUSSIA

Пироженко В.Б.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ФУНКЦИЙ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 158

Pirozhenko V.B.
METHODOLOGICAL FOUNDATION FOR THE RESEARCH OF SOCIAL AND LEGAL FUNCTIONS OF E-GOVERNMENT

Сорокин О.В.
РЕГУЛЯЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 162

Sorokin O.V.
REGULATION OF POLITICAL CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Старкин С.В.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕГИПТА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 165

Starkin S.V.
THE MAIN TENDENCIES IN EGYPTIAN FOREIGN POLICY: REGIONAL DIMENSION

Социология и психология

Sociology and Psychology

Богданова О.А.
РОЛЬ ДЕФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА УЧИТЕЛЯ В ДИНАМИКЕ СИНДРОМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ 171

Bogdanova O.A.
THE ROLE OF DEFORMATION OF SOCIAL STATUS OF TEACHERS IN THE DYNAMICS OF PROFESSIONAL BURNOUT SYNDROME

Бороноев П.Г.
ПРОЯВЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ 174

Boronoev P.G.
MANIFESTATIONS OF ALCOHOL DEVIATION AMONG STUDENTS

Жапуев З.А.
СОЦИАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ 178

Zhapuev Z.A.
SOCIAL IMMUNITY OF THE RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATION: THEORETICAL PRECONDITIONS OF CONCEPTUALIZATION AND SOCIOLOGICAL FRAMEWORK OF THE STUDY

Кривопусков В.В.
МЕЖГРУППОВОЕ ДОВЕРИЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СПОСОБЫ РЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ 183

Krivopuskov V.V.
INTERGROUP TRUST IN THE RUSSIAN SOCIETY: WAYS OF REINSTITUTIONALIZATION

Кумыков А.М.
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АМНЕЗИИ В ПРЕДМЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ 187

Kumykov A.M.
THE PROBLEM OF SOCIAL AMNESIA IN THE SUBJECT AREA OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTION

Руденко Ф.Г.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОНФЛИКТОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА 191

Rudenko Ph.G.
RESEARCH INTO PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERPERSONAL RELATIONS AND CONFLICTS IN PRODUCTION COMPLEX ENTERPRISES

Швецова В.А.
ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ 194

Shvetsova V.A.
CHARACTERISTIC FEATURES OF PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF MODERN STUDENTS

Филологические науки

Philological Sciences

Бованева Г.М.
НОМИНАЦИИ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ И ЧАЯ В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА 203

Bovaeva G.M.
NOMINATIONS OF DAIRY AND TEA PRODUCTS IN THE LINGUO-SEMIOTIC SYSTEM OF THE KALMYK LANGUAGE

Борлыкова Б.Х.
ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ КАЛМЫЦКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ 206

Borlykova B.Kh.
LINGUISTIC BORROWINGS AS A SOURCE OF REPLENISHMENT OF THE KALMYK MUSICAL TERMS

Манджиева В.Н.
КОМПЛЕКС ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА 209

Mandzhieva V.N.
THE COMPEX OF CATTLE-BREEDING VOCABULARY OF THE KALMYK LANGUAGE

Рассадин В.И.
КОНЕВОДЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ 212

Rassadin V.I.
HORSE BREEDING TERMINOLOGY IN THE MONGOLIAN LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

Философские науки

Philosophical Sciences

Апрелева В.А.
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА О ЛИЧНОСТИ НИКОЛАЯ II 217

Apreleva V.A.
PHENOMENOLOGY OF NATIONAL DISCOURSE ON THE PERSONALITY NICHOLAS II

Бекетова Е.Н.
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ 222

Beketova E.N.
SOCIO-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Денисова Е.А., Лабутина И.Г.
КАТЕГОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В СЕМИОТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ 226

Denisova E.A, Labutina I.G.
MENTALITY CATEGORIES IN SEMIOTIC THEORIES: THE COMPREHENSION EXPERIENCE

Румянцева Н.Л.
СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА В ТРУДАХ Ф. ХАЙЕКА, Р. АРОНА, К. ПОППЕРА: ЧАСТЬ 2. Р. АРОН 231

Rumyantseva N.L.
SOCIAL HUMAN EVOLUTION AS THE EVOLUTION OF INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM IN THE WORKS OF F. HAYEK, R. ARON, K. POPPER: PART 2. R. ARON

Сигида Н.А.
ВЛИЯНИЕ ХАОСА НА ВЕДЕНИЕ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 236

Sigida N.A.
THE INFLUENCE OF CHAOS ON THE CONDUCT OF COMBAT ACTIVITY

Штумпф С.П.
СИСТЕМНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ: СТАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ 240

Shtumpf S.P.
SYSTEMATIC STUDY OF THE SPIRITUAL OUTLOOK: THE STATIC MODEL

Юридические науки

Абдраимов Б.Ж., Сулейменова С.Ж., Саймова Ш.А.
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ АРЕНДЫ ЗА ЗЕМЛЮ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 249

Васильева М.В., Алыхова М.В., Ксандопуло К.В.
БОРЬБА С НАЛОГОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: СУЩНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 257

Милетич О.О.
ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ 260

Упоров И.В.
НЕФОРМАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СТРУКТУРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИХ ПОВЕДЕНИЯ ОТ ДЕВИАНТНОГО К КРИМИНАЛЬНОМУ 265

Информация 269

Legal Sciences

Abdraimov B.Zh., Suleimenova S.Zh., Saimova S.A.
HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT AND ESTABLISHMENT OF LAND RENT IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN 249

Vasilieva M.V., Alykhova M.V., Ksandopulo K.V.
FIGHT AGAINST TAX CRIMES: ESSENCE, TENDENCES AND PROSPECTS 257

Miletich O.O.
FORMS OF RIGHT ABUSE: GENERAL THEORETICAL ASPECT OF RESEARCH 260

Uporov I.V.
INFORMAL SUBCULTURE OF MINORS IN THE MECHANISM OF TRANSFORMATION OF THEIR BEHAVIOR FROM DEVIANT TO CRIMINAL 265

Information 269

Исторические науки и археология

УДК 93/94. 070.4

Акопян Виктор Завенович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права России и зарубежных стран Пятигорского государственного лингвистического университета тел.: (928) 651-45-66

Akopyan Victor Zavenovich

PhD in History, Associate Professor of the Department of History of State and Law of Russia and Foreign Countries of Pyatigorsk State Linguistic University tel.: (928) 651-45-66

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРЕКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

PERIODIC PRESS AND PUBLISHING ACTIVITIES OF THE GREEKS OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SOVIET PERIOD

В настоящей статье представлен материал, посвященный периодической печати Северного Кавказа на греческом языке в советский период, в частности в 20-30-е годы XX века. Периодическая печать была национальной только по языку. Публикуемые материалы отражали точку зрения правящей коммунистической партии.

The article contains the material studying the periodical press of the North Caucasus in the Greek language during the Soviet period, particularly, in the 1920-30s of the twentieth century. Periodical press was national only in respect of the language. The published materials reflected the point of view of the ruling Communist party.

Ключевые слова: **периодическая печать, газеты, издательство, дисперсные этносы, национальные меньшинства, греческий язык, национальные секции, национальные районы.**

Key words: **periodic press, newspapers, publishing house, dispersed ethnic groups, national minorities, Greek language, national sections, national areas.**

Среди выработанных механизмов сохранения национального самосознания особая роль принадлежит периодической печати на родных языках. В настоящей статье представлен материал, посвященный греческой периодике Северного Кавказа в первые советские десятилетия. В досоветский период в южнороссийском регионе на иных языках (естественно, кроме русского) издавалась преимущественно армянская периодика. Так, например, одной из первых была газета «Аревелян цануцмунк» («Восточные известия»), выходившая в 1816 г. в Астрахани. Только в одной Нахичевани-на-Дону (ныне район Ростова-на-Дону) в начале XX в. выпускались 13 газет [1]. У коренных народов Северного Кавказа, которые в досоветский период так же, как и народы, проживавшие за пределами своих национальных образований, относились к национальным меньшинствам, периодическая печать на кириллице и арабской графике только зарождалась. Их газеты и журналы жили недолго и быстро закрывались. До 1917 г. во Владикавказе на осетинском языке выпускались газеты «Ирон газет» («Осетинская газета») и «Хабар» («Новость»), журналы «Зонд» («Знание») и «Æфсир» («Колос»). После Февральской революции 1917 г. в Дагестане издавались газеты: «Аваристан» на аварском языке, «Чанкацуну» («Утренняя звезда») и «Илчи» («Вестник») на лакском языке, «Мусават» («Равенство») на кумыкском языке, «Земан» («Время») на аварском и кумыкском языках [2].

До 1920 г. на Северном Кавказе и Дону греческие газеты вообще не издавались. Но они выпускались в других городах Российской империи, откуда доставлялись в Новороссийск, Ростов-на-Дону, Таганрог и др. Своеобразным центром дореволюционной греческой периодики в России являлась Одесса. В этом городе в 1906-1913 гг. на греческом языке издавалась газета «Космос». Почти два года там же выходили (с 1913 г.) газеты «Эллиникос астир» («Греческая звезда») и «Фос» («Свет») [3].

Образование автономий горских народов, создавало благоприятные условия для организации у них собственной издательской базы и периодической печати. Однако новая власть была заинтересована в распространении своего влияния и на другие этнические группы Северного Кавказа (т.н. национальные меньшинства), некоторые из которых (украинцы, армяне, немцы, греки) по своей численности превосходили многих автохтонов. Созданные для работы среди них секции и подотделы предприняли шаги по организации издательств и выпуску газет.

Как и раньше, в первые советские годы преобладала армянская периодика. В 1918-1922 гг. в РСФСР на армянском языке издавалось 19 газет, в том числе десять на Юге России. Из них после 1924 г. остались одна краевая и две районные газеты. С началом сплошной «украинизации» ряда регионов Кубани и Дона на первое место по количеству вышли газеты на украинском языке. К началу 1930-х гг. на украинском языке издавались более двух десятков газет и журналов, главным образом районных. После образования немецкого Ванновского района на Кубани на немецком языке стала издаваться районная газета «Коллектив-Фане» [4].

Греческая периодика и издательство появляется на Юге России только после установления в регионе советской власти. В это время в регионе впервые начинают издаваться греческие газеты. С декабря 1920 г. в Новороссийске, где скопилось много беженцев и куда регулярно прибывали корабли из Греции, греческой партийной секцией начинается выпуск еженедельной газеты «Спартакос» [5]. В газете рассказывалось не только о жизни местных греков, но и той работе, которую партийная секция проводила с греческими моряками, находившимися в портовых городах. «Спартакос» являлся единственной греческой газетой в РСФСР. На заседании секретарей национальных секций ЦК РКП(б) 10 октября 1921 г., где рассматривался вопрос о положении периодической печати национальных меньшинств, сообщалось о «сокращении сметы на издания нацмен на 75% в связи с общим сокращением бюджета на 69%» [6]. В резолюции заседания признавалась необходимость «изыскать все возможные средства для поддержания нацменовской печати даже на минимальном уровне» [7]. Было также предложено «объединить все национальные издания с финансовой и технической стороны в издательском отделении ЦК, приравняв их в финансировании к изданиям ЦК на русском языке» [8].

До декабря 1922 г. «Спартакос» выходил с перебоями. На уровне Подотдела Нацмен ЦК РКП(б) неоднократно обсуждался вопрос об оказании финансовой поддержке газете [9]. Однако спасти «Спартакос» не удалось. В отчете Агитпропа ЦК РКП(б) сообщалось, что «многие местные периодические органы уже закрыты, а некоторые должны будут закрыться в самое ближайшее время» [10]. В 1923-1924 гг. греческие газеты на Северном Кавказе не издавались.

На необходимость наладить печать национальных меньшинств обратил внимание XII партийный съезд (1923). «Периодические издания на языках нацменьшинств, – читаем в материалах съезда, – обслуживающие почти исключительно беднейшие и отсталые массы нацмен, нуждаются в силу своей слабой распространенности, отсутствия платных объявлений и пр. в усиленной материальной поддержке, без которой их существование невозможно» [11]. Положение и задачи национальной печати в регионе обсуждались и на Пленуме Юго-Восточного крайкома РКП(б), состоявшемся 25-26 июня 1924 г. В постановлении пленума подчеркивалась необходимость в ближайшее время перейти к изданию газет и журналов на родном языке [12].

Однако в первое время приоритет отдавался печати горских народов. На недооценку печати национальных меньшинств обратили внимание участники краевого совещания по советскому строительству (1925) [13].

Образование в конце 1924 г. Северо-Кавказского края, оформление национальных секций, создание в Краснодаре греческого издательства способствовало возобновлению выпуска греческой газеты. Последняя получила новое название – «Алития» («Борьба»). Однако с изданием «Алитии» возникли трудности, о которых говорили участники краевого совещания секретарей греческих секций, проходившего в Ростове-на-Дону с 10 по 14 февраля 1925 г. Организованная на совещании краевая греческая секция в составе: Макрояни, Георгиади, Попандопуло, Дусмани, Казанджи и Лазариди [14], обсудила вопрос о состоянии издательской деятельности на греческом языке [15]. Было принято решение закрыть газету «Алития», а всю ее материальную базу передать греческому издательству в Батуми, где с 1921 г. было организовано издательство «Коммунистис» и выходила одноименная газета на греческом языке [16]. Естественно, что такое решение принималось на другом, более высоком уровне, а указанное совещание лишь формально его озвучило.

Предполагалось, что соединение двух слабых издательств позволит обеспечить на высоком уровне выпуск литературы и периодики для греческого населения всех советских республик. По мнению руководителей греческих секций Северного Кавказа, решение об объединении двух греческих издательств в одно было правильным, но ошибочным являлся выбор местонахождения издательства. Газета удалялась от многотысячного греческого населения Юга России. Хотя в Грузии греков проживало не меньше, чем в Северо-Кавказском крае, значительная их часть говорила на тюркском языке. На самом деле в Батуми оказалось еще меньше возможностей для издания газеты. «Коммунистис» был слабой во всех отношениях. Вот почему, по предложению греческой секции Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), был поставлен вопрос о возвращении газеты в край [17].

В октябре 1925 г. секретариат крайкома партии, по докладу Макрояни, обсудив вопрос о состоянии греческой газеты и издательства, предложил краевой греческой секции приступить к изданию в Ростове-на-Дону газеты на греческом языке под названием «Коммунистис». Был утвержден прежний состав редколлегии (Макрояни, Пиастопуло, Фотиади, Григориади). На этом же заседании крайком возбудил ходатайство перед областным комитетом Аджарии об откомандировании вышеназванных работников в Ростов-на-Дону. Одновременно крайком признал необходимым возложить на редколлегию газеты ответственность за издательство учебной и общественно-политической литературы [18].

Таким образом, с 1926 г. «Коммунистис» в статусе общесоюзной и единственной в стране

греческой газеты стал выходить в Ростове-на-Дону. Центральные и краевые власти поставили перед редколлегией задачу смело пропагандировать «преимущества социализма» и агитировать советских греков активно участвовать в «строительстве новой жизни». Так как эмиграция греков в Элладу могла дискредитировать государство трудящихся и привести к потере опытных табаководов, «Коммунистис» обязан был решительно бороться с эмигрантскими настроениями и обращаться к понтийцам с призывом не покидать СССР. В связи с этим информация о жизни в Греции носила исключительно негативный характер. Публиковались материалы, в частности, взятые из официального органа ЦК компартии Греции газеты «Ризоспастиса», с описанием бедственного положения трудящихся в буржуазной Греции [19].

Издание «Коммунистиса» было сопряжено со многими трудностями. В апреле 1927 г. секретариат Крайкома ВКП(б), обсудив доклад «О греческой газете “Коммунистис”», поставил перед отделом печати ЦК ВКП(б) вопрос «о включении полностью расходов на эту газету в смету Центриздата на общих основаниях с другими нацменовскими газетами» [20]. Это позволило обеспечить стабильный выпуск газеты. В 1929 г. «Коммунистис» выходил один раз в неделю тиражом 3 тыс. экз. [21].

Работники газеты «Коммунистис» одновременно работали и в одноименном издательстве. До начала 1930-х гг. выпуск периодики, учебной и художественной литературы на языках дисперсных этносов Северного Кавказа велся отдельными национальными издательствами. Определенную часть литературы для национальных меньшинств издавало Северо-Кавказское национальное издательство (Крайнациздат), начавшее свою работу в 1925 г., как отделение Центроиздата на Северном Кавказе [22]. Однако Крайнациздат в тот период отдавал приоритет выпуску литературы на языках горских народов.

Почти вся издательская деятельность «Коммунистиса» осуществлялась небольшим коллективом, в составе которого были Г. Фотиади, Ф. Григориади, Янис и Костас Канониди, А. Эрифриади (Коккинос), Д. Саввов, Г. Фулиди, Х. Качалиди и др. Основную часть печатной продукции составляли школьные учебники, методические пособия, агитационно-пропагандистская и художественная литература, переводившаяся с русского языка. Переводы осуществлялись членами редколлегии и приглашенными специалистами. Вполне естественно, что партийная газета и издательство мало внимания обращали на греческую классику и современную литературу буржуазной Греции [23].

Свертывание в конце 1920-х гг. нэпа с его относительно либеральной политикой не могло не привести к изменению отношения властей к отдельным национальным издательствам. Предпринимаются меры по объединению всей издательской деятельности в крае. В предложениях Культпропотдела Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О плане книгоиздательства на языках нацменнаселения края на 1930 г.» предлагалось при Крайнациздате образовать специальный сектор нацменьшинств. Этот сектор был призван заниматься всеми вопросами издания и распространения литературы национальных меньшинств, а также координировать деятельность отдельных национальных издательств [25]. В декабре 1930 г. бюро Крайкома ВКП(б), рассмотрев вопрос «О реорганизации Крайнациздата», высказалось за необходимость реорганизовать Крайнациздат в Северо-Кавказское краевое отделение Центроиздата, сосредоточив в нем издательское дело национальных меньшинств [26]. Тогда же было принято постановление Крайкома ВКП(б) «Об издании литературы для нацменьшинств в крае», которое окончательно решило вопрос объединения всего издательского дела. А для обеспечения издательской работы при Крайнациздате предлагалось создать интернациональную типографию, в которую переходила материальная база греческой типографии, армянского цеха Севкавполиграфтреста в Ростове-на-Дону, армянской типографии в Краснодаре и украинские шрифты краснодарской типографии. Кроме того, в постановлении признавалась необходимость организовать при Крайнациздате отдел распространения. Последний должен был взять на себя все дело распространения литературы национальных меньшинств [27].

На этом, однако, история греческого издательства не завершилась. В связи с образованием Греческого района (1930 г.) в ст. Крымской – центре района была организована типография, где кроме учебной литературы приступили к выпуску еще одной греческой газеты «За социалистическое табаководство». Официальный орган по своему содержанию мало напоминал национальное издание. Более популярной среди северокавказских греков была газета «Кокинос Капнас» («Красный табаковод»), издававшаяся с 1932 по 1937 г. в Сухуми [28]. На Дону имелось немало читателей другой греческой газеты – «Колхетивистис». Орган Мариупольского горкома выходил семь лет (1930-1937 гг.). 13 ноября Мариупольский горком, рассмотрев на своем заседании вопрос «О состоянии газеты “Колхетивистис”», нашел ее работу пагубной. Последний номер газеты читатели получили 17 декабря 1937 г. [29].

Судьбу «Колхетивистиса» к концу 1930-х гг. разделили все греческие газеты и издательства страны. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) принял решение ликвидировать издательство

«Коммунистис», находившееся в ст. Крымской Краснодарского края. Оборудование типографии передалось краевому издательству «Большевик», а греческий шрифт – в распоряжение 7-й типографии города Москвы [30].

Продолжительное время периодическая печать дисперсных этносов не издавалась. Партия, взявшая в середине XX в. курс на строительство коммунизма в предельно короткие сроки, стремилась стереть все различия, включая национальные. И только в 1990-е гг. начинает возрождаться национальная периодика на Юге России. Правда, если в советский период, газеты были национальными по языку, но не по содержанию, то в настоящее время все прямо наоборот – периодика, имея национальное содержание, издается на русском языке [31].

Подведем итоги. В советский период периодическая печать дисперсных народов была национальной по языковому исполнению, но не по содержанию. Считалось нежелательным даже упоминание о национальной культуре. Положительным моментом являлось то, что они имели административную поддержку и бюджетное финансирование, что, тем не менее, не гарантировало их от закрытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Акопян В.З.* К истории национальной периодической печати Северного Кавказа в 20-е годы XX в. // Армяне на Дону и Северном Кавказе: тез. науч. конф. Ростов-н/Д, 1993.
2. *Тотоев М.С.* Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века (1903-1917 гг.). Орджоникидзе, 1968; *Ахмедов Д.Н.* Периодическая печать Дагестана. Махачкала, 1963.
3. *Палькова О.* Век греческой журналистики в России // Сетевая Греческая газета. 2003. № 8. Апрель-май URL: http://www.greekgazeta.ru/archives/nomer08/articles/16.shtml (дата обращения 23.11.2012).
4. Акопян В.З. Указ. соч.
5. Известия Кубано-Черноморского областного комитета ВКП(б). 1921. № 4, 5.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 993. Л. 23.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 993. Л. 23.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 993. Л. 23, 41.
9. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 205а. Л. 59.
10. Известия ЦК РКП(б). № 5. 1922.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1985. Т. 2.
12. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
13. ЦДНИ РО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 119.
14. Там же. Д. 161. Л. 1.
15. Там же.
16. Там же. Д. 163. Л. 25.
17. Там же. Д. 184. Л. 20.
18. Там же.
19. *Игнатова М.Е.* К вопросу о методах ведения агитационно-пропагандистской работы среди национальных меньшинств на Кубани в первой половине 20-х годов XX века // PR в России: образование, тенденции, международный опыт: тез. докл. II Всерос. науч.-практ. конф. (4-8 октября). Краснодар, 2005.
20. ЦДНИ РО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 561. Л. 6.
21. *Соколов С.* Газеты Северного Кавказа // Северо-Кавказский коллекционер (Оттиск стенгазеты Севкавкрайотдела ВОФ). № 5-й (15-й) 2-й год издания. Ростов-н/Д, 1929.
22. Советский Юг. 1927. 5 мая.
23. *Ерифридиади Н.* «Комунистис» // Энциклопедия греков СНГ. Афины-Москва-Ставрополь, 1999.
24. *Акопян В.З.* Греки // Энциклопедия культур народов Юга России. Ростов-н/Д, 2005. Т. 1.
25. ЦДНИ РО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 1038. Л. 29.
26. Там же. Д. 1063. Л. 310.
27. Там же.
28. Зимой 1992 г., в период абхазо-грузинской войны, было разрушено здание исторического архива г. Сухуми, где хранились экземпляры этой газеты. См.: Понтос. 1995. № 11-12; Газета «Кокинос капнас» URL: http://gazeta-nv.ru/gz/?id=65 (дата обращения 23.11.2012).
29. *Балджи А.* О газете, юбилеях и памяти… Эллины Украины URL: http://greeks.ua/content/o-gazete-jubilejakh-i-pamjati_ru/ru (дата обращения 23.11.2012).
30. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 114. Д. 637. Л. 7.
31. *Акопян В.З.* Историческая память этноса на страницах периодической печати диаспор Северного Кавказа // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории: материалы Междунар. науч. конф. «Периодическая печать как источник интеллектуальной истории». Пятигорск, 2006.

УДК 339.543

Александров Алексей Анатольевич

соискатель кафедры Отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
тел.: (84593) 70-20-2

Aleksandrov Aleksey Anatolievich

Postgraduate Student of the Department of National History of Contemporary Time of the Institute of History and International Relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
tel.: (84593) 70-20-2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «ЧЕЧЕНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» В КОНЦЕ XX в. В РОССИИ

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF "THE CHECHEN PROBLEM" AT THE END OF THE 20TH CENTURY IN RUSSIA

Статья посвящена анализу причин начала первой Чеченской войны. Автор рассматривает вопросы формирования «Чеченской проблемы», излагает и анализирует хронологическую картину решений и действий, как со стороны политических сил России, так и политических сил, представляющих Чеченскую Республику.

The article is devoted to the analysis of the reasons for the beginning of the first Chechen war. The author studies the formation issues of "the Chechen problem". The chronological picture of decisions and actions of the political forces of Russia as well as the political forces representing the Chechen Republic has been stated and analyzed.

Ключевые слова: **Чеченская проблема, конфликт, народ, оппозиция, социологический опрос, войска, независимость, нестабильность.**

Key words: **Chechen problem, conflict, people, opposition, sociological poll, troops, independence, instability.**

Кавказ традиционно был одной из самых взрывоопасных и проблемных территорий России. Во многом это предопределено этнической особенностью региона, в котором на довольно ограниченном пространстве проживали десятки национальностей. Любые проблемы социального, политического, экономического и правового характера проецировались в нем на сферу межнационального взаимодействия [2, с. 5].

После распада СССР проблемы взаимоотношений России и Кавказа переместились в районы Северного Кавказа Российской Федерации, а Чечня стала самой болевой точкой России.

Для большинства людей Первая чеченская так и осталась непонятной войной. После прекращения боевых действий и начала переговорного процесса интерес к этому конфликту несколько угас. Необходимо добавить, что при рассмотрении проблемы нельзя руководствоваться только тем, что одна из сторон была права, а другая виновата. Все народы, так или иначе, пострадали, понесли как материальные, так и людские потери. Одним из основных факторов, завязавших российско-чеченский «узел», явилось слабое знание особенностей исторического развития Чеченского региона, специфики формирования ментальности его коренного населения и, как следствие, пренебрежение ими при проведении внутренней национальной политики.

Для разрешения конфликта нужно разобраться в причинах его возникновения, а для этого лучше обратиться к истории, потому что оттуда идут все причины.

В начале 1840-х гг. складывается единое государство народов Чечни и Дагестана, – имамат Шамиля, – просуществовавшее до окончательного покорения Кавказа Россией в 1859 г. [5, с. 35].

Во второй половины XIX в. втягивание северокавказского региона в экономическую систему капиталистической России объективно оказывало положительное воздействие на социально-экономическое развитие края. В конце XIX в. ударил первый нефтяной фонтан, начинается «нефтяная лихорадка» [8, с. 15].

Для всех социальных слоев Чечни Октябрьская революция и гражданская война явились продолжением национально-освободительной борьбы против российского колониализма. Ленин и большевики, обещавшие горцам землю и национальную государственность, получили в Чечне безусловную поддержку [3, с. 60]. Однако автономия Чечни (в рамках РСФСР), провозглашенная 30 ноября 1922 г., в условиях победившей советской власти оказалась фикцией. С середины 1920-х гг. против Чечни была по существу развязана новая война.

В 1934 г. Чеченская и Ингушская автономные области были объединены в одну Чечено-Ингушскую автономную область, которая 5 декабря 1936 г. была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР. 23 февраля 1944 г. Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована с насильственной депортацией народа в районы Казахстана и Средней Азии. Свыше полумиллиона чеченцев и ингушей были депортированы. [4, с. 87].

В январе 1957 г. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена. Но при этом оказались закры-

тыми для проживания нескольких горных районов Чечни, горцев стали выдворять в плоскогорные аулы и в казачьи станицы.

С началом перестройки в СССР в 1985 году чеченцы получили возможность своего определения. Были поставлены на повестку дня вопросы обретения суверенитета. Это было возможным в результате тех крупных социальных, экономических и культурных сдвигов, произошедших в Чеченской республике с 1985 г. [4, с. 91]. Во второй половине 1980-х гг. процесс духовного роста чеченского народа стал стремительно развиваться. Именно в Чечне зародились первые на Кавказе политические организации и группировки, независимые от руководящей системы.

В конце XX в., в период ухудшения экономической ситуации в России, а также отношений между национальными регионами и «центром», стремления высшей государственной власти найти универсальный способ удовлетворения национальных интересов и потребностей, насадить единый стандарт в области экономики, политики и культуры, привели к стихийной консолидации людей по национальному признаку [1]. Именно в национальной группе они увидели средство, способное оказать влияние на государственную систему с целью обеспечить более справедливое распределение общественного богатства и создания возможности самим влиять на свою судьбу [10, с. 12].

Северный Кавказ стал местом межэтнических конфликтов и территориальных споров, обусловленных наличием критического уровня противоречий в сфере национально-государствеенного устройства, в основе которых лежит конкурентная борьба этнических и политических сил за распределение власти и ресурсов. Свое выражение эта борьба нашла в разнообразных движениях народов Северного Кавказа за реабилитацию репрессированных народов, повышение статуса народа в иерархии национально-государственных образований, за выход той или иной территории из состава Российской Федерации [5, с. 37]. Для большинства Северо-Кавказских субъектов России (Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии) порывы к независимости ограничивались стремлением изменить свой статус в составе РФ. В Чечне все обстояло несколько иначе. 23-25 ноября 1990 г. в г. Грозном прошел общенациональный съезд чеченского народа, собравший представителей всех слоев общества, партий и движений. На нем была поставлена конкретная задача – провозглашение суверенной Чеченской республики. Для реальной работы над достижением этой цели был избран Исполнительный комитет [11, с. 123]. Руководство Чечено-Ингушской республики во главе с Д.Г. Завгаевым было вынуждено отреагировать на это принятием Декларации о суверенитете. Однако дальше сугубо декларативных заявлений дело не пошло. С этого времени напряжение в республике начинает расти. Д.Г. Завгаева в то время не особо любили в народе, не только потому, что он был выходцем с равнины (у чеченцев придается большое значение тому, откуда пришел человек), но к тому же его считали ставленником Москвы. До 1991 г. Д.Г. Завгаев пытался удержать власть за счет своего авторитета, но он стал заложником августовских событий и был свергнут как «сторонник ГКЧП» уже в сентябре. В результате выборов 27 октября 1991 г. был избран Президент Чеченской Республики и Парламент.

1 ноября 1991 г. вышел Указ Президента о государственном суверенитете Чеченской Республики, что означало ее реальный выход из состава Российской Федерации. Но как всегда в жизнь это решение так и не удалось претворить. В конце 1991 г. советский генерал Д.М. Дудаев (единственный, имеющий чеченскую национальность) вместе со своими сторонниками приобретает все большую популярность, а уже в 1992 г. захватывает власть. За счет своих идей (восстановление Горской республики, т.е. единое государство, которое объединит все народы Кавказа; провозглашение независимости Чечни) и лозунгов ему удалось привлечь на свою сторону большое количество народа [11, с. 137]. Д.М. Дудаевым была четко поставлена цель – выход из состава в России, которая и дала толчок началу нового витка противостояния Чечни и России.

В республике борьба между региональными группировками стала доминирующим фактором политической жизни после начала перестройки. Региональные и тейповые различия иногда вступали в противоречия. Как писал политолог Д. Фурман, – «...существовало несколько объективных факторов, которые делали такое развитие событий не неизбежным, но глубоко вероятным» [9, с. 7]. Первую группу факторов можно назвать внешней по отношению к Чечне. Она во многом связана с наследием советской национальной политики, а также с той сложной социально-политической и экономической ситуацией, в которой оказалась Россия накануне и в первые годы реформ [10, с. 12]. Вторую группу факторов образуют внутренние факторы, связанные со спецификой экономического, социального и этнополитического развития Чеченского региона, которую не хотели учитывать российские власти в своей внутренней политике.

Чеченская Республика – традиционно трудоизбыточный регион. Уже к 1990-м гг. избыточные национальные ресурсы составляли 300 тыс. чел., что было связано и с высоким приростом населения, особенно городского, высокой плотностью населения в равнинных районах (150 чел. на кв. км). Развал

экономики (прежде всего, сельского хозяйства) отразился на внутриреспубликанской миграции, направленной из сельских местностей в города. Так, до вооруженного конфликта в г. Грозном была сосредоточена 1/4 населения Чечено-Ингушской АССР, что в условиях ухудшения экономической ситуации и политической нестабильности способствовало нарастанию криминогенной обстановки. Развал производства обусловил массовую безработицу (в городах безработица превысила 50%), а уже с 1992 г. выпуск важнейших видов продовольствия практически не осуществлялся. Заработная плата, пенсии, пособия не выплачивались. Это сочеталось с почти поголовной вооруженностью населения, во многом необходимой для обеспечения личной безопасности граждан в связи с бездействием правоохранительной системы и ростом бандитизма [8, с. 47].

Таким образом, национальные приоритеты возобладали, шло формирование своеобразного гражданского сознания личности, в противопоставление общероссийским образцам законопослушного поведения выдвигалось неповиновение российским законам. Общенациональной задачей становилась борьба за независимость Чечни от России любыми способами, без каких-либо морально-этических ограничений.

На этом фоне произошла интенсификация религиозного фактора. Так, в Грозном в 1992 г. был открыт филиал международного исламского братства, в котором осуществлялась подготовка 150 чеченцев, готовых воевать за идеи ислама в любой точке.

Важную роль в чеченском конфликте «...сыграли чисто субъективные и случайные факторы» [9, с. 8]. Внешне они проявились в форме логически не оправданных поступков, совершавшихся чеченскими лидерами и их московскими оппонентами, авантюрными амбициями обеих сторон, меркантильными расчетами «игроков» и многим другим. По сути, чеченский конфликт – это, прежде всего, клубок закулисных игр, тайных контактов, соглашений и пр. В основе всех этих акций стояли не столько государственные и национальные, сколько личные и групповые корыстные интересы. В ходе конфликта решались и решаются вопросы принадлежности чеченской нефти, контроля над финансовыми потоками и т.п. В связи с этим многие эксперты именуют чеченский конфликт «коммерческой войной». Но не стоит считать основными причинами этого конфликта только лишь нефтяные интересы политической и экономической элит, а также стремление Чечни к независимости. Другими причинами были и последствия развала Советского Союза, когда у Чечни появилась возможность создать свою армию [5, с. 43]. Так, Российские власти, принимая решение о вводе войск на Чеченскую территорию в декабре 1994 г., не учли местных социокультурных особенностей. Следствием чего и явилось развернувшееся отчаянное сопротивление чеченцев [6, с. 35]. Чеченцы считали, что в истории нет такой силы, которая смогла бы подчинить их.

Вооруженный конфликт в Чечне, хотя был далеко не первым среди тех, что были в Российской Федерации сразу после распада СССР, но стал единственным в своем роде, который по характеру ведущихся там боевых действий, по количеству участвовавших в нем людей и экономическим потерям, бедствиям гражданского населения заслуживает права именоваться настоящей войной. Сейчас ведется много дискуссий о целесообразности силового решения «Чеченского вопроса», некоторые лица при этом считают, что трагедию, которая произошла в декабре 1994 г. можно было отсрочить, но надолго ли? Как впоследствии показали события 1999 г. – нет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Васильева М.В., Урбанович А.Р.* Стратегические направления и ориентиры социально-экономического развития регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 2.
2. *Гусейнова Н.А.* Северокавказский регион: 90-е годы (социально-политическая ситуация и межнациональные отношения). М., 2001.
3. *Задворнов И.А.* Северный Кавказ. Этнополитические и социокультурные особенности социокультурной идентичности // Социологические исследования. 2000. № 10.
4. *Кадыров А.А.* Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения: дис. … канд. полит. наук. М., 2003.
5. *Лысенко В.Н.* От Татарстана до Чечни (становление нового Российского Федерализма). М., 1995.
6. *Соколов Б.В.* 100 великих войн. Энциклопедия. М., 2001.
7. *Стрельников В.А.* Контртеррористическая и миротворческие операции российских войск // Ориентир. 2004. № 6.
8. *Трошев Г.Н.* Моя война: чеченский дневник окопного генерала. М., 2001.
9. *Фурман Д.С.* Самый трудный народ для России // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
10. Россия: социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах / авт.-сост. В.Н. Иванов, И.В. Ладодо, Г.Ю. Семигин. М., 1996.
11. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

УДК 930.2+94(571.54)

Батурин Сергей Александрович

**хранитель фонда Музея
Бурятского научного центра СО РАН
тел.: (3012) 43-30-80**

Baturin Sergey Aleksandrovich

**Curator of the Fund of the Museum of
Buryat Scientific Center of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences
tel.: (3012) 43-30-80**

ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ДОВОЕННОЙ БУРЯТИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВОГО КОМПЛЕКСА

Статья посвящена характеристике визуальных материалов как источникового комплекса, созданного на территории Бурят-Монгольской АССР в 1920-1930-е гг. Фотографии, кинохроники, плакаты, карты, произведения живописи, книжная графика выявлены в государственных, ведомственных и частных собраниях Бурятии и за ее пределами – в архивах и музеях Красногорска, Санкт-Петербурга, Иркутска, Читы. В источниковый комплекс включены фото- и киноматериалы, изобразительно-графические и изобразительно-художественные источники. В качестве дополнительных групп источников автором рассмотрены опубликованные и неопубликованные письменные свидетельства, раскрывающие историю и процесс создания визуальных материалов, а также устные источники, полученные в процессе их выявления.

Ключевые слова: **визуальный источник, фотография, изобразительные материалы, письменный источник, устный источник, источниковая база, Бурят-Монгольская АССР.**

VISUAL MATERIALS ON THE HISTORY OF PRE-WAR BURYATIA: COMPLEX SOURCE CHARACTERISTIC

The article is devoted to the characteristic of visual materials as a source complex created in the territory of Buryat-Mongol ASSR in the 1920-1930s. Photos, newsreels, posters, maps, paintings, book graphics are presented in the state, departmental and private collections of Buryatia and outside it, i.e. in the archives and museums of Krasnogorsk, St. Petersburg, Irkutsk, Chita. The source complex includes photo and film materials, image graphic and image artistic sources. As additional groups of sources the author considers the published and unpublished written evidences reflecting the history and the process of visual materials creation and also the oral sources obtained in the course of their identification.

Key words: **visual source, photography, graphic materials, written source, oral source, source base, Buryat-Mongol ASSR.**

Первые десятилетия становления советского государства знаменуются коренными изменениями во всех сферах общественно-политической, экономической, культурной жизни населения. Изменяется повседневная жизнь советских граждан, формируется новая система ценностей, традиций и поведенческих устоев.

Значительные события 1920-1930-х гг. отражены в визуальных источниках, созданных в этот период. Большой потенциал этой группы свидетельств раскрывается при изучении истории взаимодействия государства и общества. Визуальные источники становятся средством пропаганды и агитации, воспитания народных масс в духе социалистических преобразований, а нередко – единственным источником информации о том или ином событии в СССР и за рубежом.

В государственных и ведомственных архивах, музеях, ведомственных учреждениях, производственных предприятиях накоплен огромный массив визуальных материалов. Заметим, что как отдельный тип эту группу свидетельств о прошлом выделяют такие крупнейшие исследователи как И.Д. Ковальченко, Л.Н. Пушкарев, С.О. Шмидт и др. [1]. Очевидно, что проблема выявления и всестороннего изучения визуальных источников, находящихся в государственных и частных собраниях приобретает для современных исследователей все большее значение. Многочисленные фонды визуальных источников, содержащие ценные сведения по истории советского государства, требуют тщательного анализа и ввода их в научный и практический оборот.

Современный уровень исторической науки требует изучения региональных особенностей создания визуальных источников как комплекса исторических источников, отражающего социально-политические, экономические и культурные изменения в отдельном регионе страны. Ранее подобные компаративные исследования в Бурятии не предпринимались, лишь отдельные аспекты изучения визуальных источников отражены в работах Т.В. Балхановой, С.В. Васильевой, А.В. Кострова, Ю.Б. Рандалова и др. [2]. Отметим, что в той или иной мере в своих научных исследованиях и публикациях визуальные источники использует подавляющее большинство ученых историков, этнографов, антропологов, культурологов. Во второй половине XX – нач. XXI в. публикуются отдельные виды визуальных источников Бурятии в виде альбомов [3].

Таким образом, комплексное изучение визуальных источников (как технотронных, так и

изобразительных материалов) является современной научной задачей в контексте изучения истории Бурятии как неотъемлемой составляющей историко-культурного, социально-экономического и политического развития России.

Поиск визуальных и документальных источников был осуществлен в государственных, ведомственных и частных архивах, музеях и библиотеках гг. Москвы (Красногорска), Санкт-Петербурга, Иркутска, Улан-Удэ и районах Республики Бурятия.

Выявленные материалы сосредоточены в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД), фонде Восточно-Сибирской студии кинохроники (Телекомпания «Аист»), Иркутском областном кинофонде, Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ), Научном архиве Бурятского научного центра СО РАН, архиве Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, Российском этнографическом музее, Национальном музее Республики Бурятия, Музее истории г. Иркутска, Национальной библиотеке Республики Бурятия, Научной библиотеке Бурятского государственного университета.

Типологическая и видовая классификация сегментов выявленного источникового комплекса может быть представлена следующим образом:

- технотронные источники (фотоальбомы и отдельные фотографии на бумаге и стекле; кинофильмы, кинохроники, кинолетописи, киножурналы; материалы сети Internet и мультимедийная продукция);
- изобразительные источники (карты и схемы, книжная графика, открытки, плакаты, листовки, произведения живописи, рисунки и карикатуры);
- письменные источники (законодательные и делопроизводственные материалы, периодическая печать);
- устные источники.

Основу источникового комплекса составили фото- кино- и изобразительные материалы из государственных собраний. Помимо этого в ходе исследования рассматривались визуальные материалы из личных архивов жителей города Улан-Удэ и районов республики Бурятия. Многие исторические источники, прежде находившиеся в личных архивах, в настоящее время переданы в муниципальные краеведческие и школьные музеи.

Неотъемлемой частью исследования стали опубликованные и неопубликованные письменные источники. Документы законодательного характера представляют собой нормативные акты и распоряжения государственных органов и ведомственных учреждений Бурят-Монгольской АССР (постановления Правительства и Совета Народных Комиссаров БМ АССР). Делопроизводственные документы представлены следующими группами: учетная документация – списки отдельных визуальных источников, созданных в различных учреждениях Бурятии, отчетная документация – квартальные и годовые отчеты различных учреждений, содержащие сведения о деятельности по разработке, созданию и использованию визуальных материалов, организационно-распорядительная документация – протоколы и выписки из протоколов с решениями по различным вопросам организации культурно-просветительской, социально-экономической и политической деятельности в Бурятии. Помимо этого делопроизводственные документы содержат деловую переписку между местными и центральными органами государственного управления по вопросам создания различных видов визуальных источников.

Рассмотри количественные и качественные характеристики выявленных визуальных источников в государственных собраниях.

Российский Государственный архив Кинофотодокументов (РГАКФД) содержит кино- и фотодокументы, созданные на территории Бурятии в довоенный период. В ходе исследования был проведен фронтальный просмотр информационных карточек по различным разделам социально-политической, экономической, культурной жизни страны. Заметим, что тематическое распределение и дискретность материалов существенно затруднили поиск необходимых источников в фондах РГАКФД.

В результате, в фотофонде РГАКФД удалось выявить 78 фотографий в следующих разделах: буряты (Особенности национального быта), коммунальное хозяйство Улан-Удэ, лесная промышленность (лесозаготовки, лесоразработки, лесопиление, лесосплав, лесовывоз), сельское хозяйство, промышленность, производство драгоценных металлов [4, Фотофонд]. Заметим, что тематические группы имеют более дробное деление, характеризующее отдельные стороны жизни общества (так, в разделе «Буряты» выделены «Пионерские организации», «Новый быт», «Этнография» и т.д.).

В этом же архиве нами выявлено 26 кинодокументов, посвященных отдельным аспектам жизни БМАССР, включая документальные фильмы и киножурналы [4, Кинофонд]. Большинство

этих источников – законченные произведения из нескольких частей, созданные в период с 1931 по 1941 гг. Все киноматериалы сняты на черно-белой 35-миллиметровой пленке, треть из них – звуковые. Один киносюжет, содержащий ряд не связанных между собой материалов, датируется достаточно широко – 1920-1930 гг. Сюжеты о Бурят-Монгольской АССР нередко входили в состав регулярно выпускавшихся киножурналов таких как «Союзкиножурнал», «Совкиножурнал», «Социалистическая деревня» и др. [4, Кинофонд, ед. хр. 2850, 13233, 2517].

Небольшая часть фотоматериалов хранится в Санкт-Петербургском филиале РГАКФД. Большая часть из них – поздние копии фотографий, созданных на территории БМ АССР в довоенный период. Так, из 14 выявленных фотографий – 6 атрибутированы и относятся к хронике ТАСС конца 1930-х гг.; отметим, что они представляют собой репродукции 1940-х гг.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК) интересен визуальными и письменными источниками, раскрывающими период вхождения территории Бурятии в состав Дальневосточной республики. Особенно следует отметить тематические подборки фотоизображений: «Группа партизан и участников Гражданской войны» (1920 г.), «Члены Президиума и крестьянской фракции Учредительного собрания», «Совет Министров ДВР» (1920-1921 гг.), фотографии домов, зданий, памятников, связанных с событиями гражданской войны (1918-1921 гг.) [5, Фотофонд].

Ряд документальных фотографий по истории БМ АССР хранится в архивах еще одного соседнего с Бурятией региона – Иркутской области, в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) и Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Выяснилось, что государственные архивы этого региона не содержат большого количества фотодокументов по истории довоенной Бурятии. Так, в ГАИО было выявлено всего 22 фотодокумента-позитива и 17 негативов [6, Фотофонд, оп. 1, кн № 2, тт. 5, 6, 7.]. Однако, необходимо отметить серию фотографий 1924 г. (15 фотографий), посвященную празднованию годовщины образования БМ АССР [6, Фотофонд, оп.1, кн. № 2, т. 7, фф. 8492-8506].

27 позитивов на бумажном носителе было выявлено в ходе исследования фотофонда ГАНИИО [7, Фотофонд, оп. 1а]. Среди выявленных фотодокументов 21 фотография представляет собой портреты наиболее известных государственных деятелей БМ АССР таких как М.М. Сахьяновой, Б.З. Шумяцкого, Н.А. Каландаришвили, П.С. Балтахинова, Ф.М. Осодоева и др.

Неожиданная и очень интересная находка связана с муниципальным музеем Иркутска. Выяснилось, что в Музее истории города в настоящее время хранится более 300 фотодокументов 1920-1930-х гг., собранных в ходе комплексных полевых исследований экспедицией Иркутского государственного университета на территории Северобайкальского, Баргузинского, Кабанского районов Бурятской АССР. Крайне важно, что фотографии, собранные в 1970-х гг., сопровождаются пояснительными подписями, составленные со слов владельцев фотографий, что значительно облегчает их описание и атрибуцию в процессе изучения. Атрибутирована и учтена пока лишь треть коллекции; работы продолжаются [8, Фотофонд].

Наибольший массив информации сосредоточен в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ) – 1890 фотодокументов на различных носителях, 24 фотоальбома. В ходе исследования было выявлено 453 позитива, иллюстрирующих различные аспекты социально-политического, экономического, культурного развития Бурятии [9, Фотофонд].

В ГАРБ сформированы тематические перечни фотодокументов, значительно облегчающие работу исследователей: «Советско-монгольские отношения», «75 лет областной комсомольской организации Бурятии», «75 лет образования Республики Бурятия», «Фотодокументы партийного архива», «330-летие г. Улан-Удэ» и т.п.

Ряд фотоматериалов хранится в отдельном фонде виде фотоальбомов (19 ед.). [9, Ф. Р-392, оп.1, дд. 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 45, 46, 48] 576 фотодокументов раскрываю тематику социалистических преобразований в БМ АССР. Так, например, фотоальбом «Об истории комсомола Бурятии» содержит фотографии содержащие информацию о создании комсомольской организации Бурятии в 1920-1930-е гг. [9, Ф. Р-392, оп.1, д. 12]. Фотоальбом «10 лет рабоче-крестьянской Красной милиции», созданный в 1928 г. раскрывает тему истории создания бурятской милиции [9, Ф. Р-392, оп.1, д. 19].

В этом же архиве хранится самая крупная, известная на данный момент, коллекция фотоизображений на стекле – дагерротипы (545 негативов и позитивов) [9, Фотофонд, оп. 1, Фотодокументы на стекле за 1891-1965 гг.].

Отдельные коллекции визуальных источников, содержащих информацию об истории довоенной Бурятии, включены в личные фонды ГАРБ – фонд Абрама Марковича Куртика [9, Ф. Р-1967], фонд Николая Николаевича Бурлакова [9, Ф. Р-294]. В фонде А.М. Куртика, например, хранится 75

негативов 1920-1930-х гг., 32 черно-белых позитива, а также плакаты, карты планы, иллюстрирующие общественно-политические, экономические, культурные преобразования в БМ АССР.

К изобразительно-графическим визуальным источникам относится комплекс картографических материалов. Наиболее крупное собрание сосредоточено в отдельном фонде ГАРБ и включает в себя более 40 карт размещенных в 19 делах фонда [9, Ф. Р-1763].

Из ведомственных хранилищ наибольший интерес представили документы Научного архива БНЦ СО РАН [10, Ф. № 471 Бурятский ученый комитет], а также материалы общего и личных архивных фондов Центра Восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В общей сложности было выявлено более 1 500 фотографий, рисунков, плакатов, карт отражающих обширную тематику исторических преобразований на территории БМ АССР – организация общественных и политических организаций, промышленное строительство, сельскохозяйственное освоение территории республики, культурное строительство и формирование нового быта сельского и городского населения. Каждая тема в свою очередь также может быть разделена на отдельные тематические разделы.

Крупнейшим хранилищем памятников регионального книгопечатания является Национальная библиотека республики Бурятия (НБ РБ). В отделе редких и ценных книг проанализированы книжные иллюстрации, детализирующие общественный и политический быт байкальского региона 1920-1930-х гг. прошлого века. В 93-х изданиях довоенной Бурятии выявлены иллюстрации различной тематики: общественно-политические, сельскохозяйственные, антирелигиозные, учебные, художественные, детские и др. Ряд книжных иллюстраций был выявлен также в Научной библиотеке Бурятского государственного университета (23 издания, содержащих 192 рисунков и фотографий).

Агитационно-художественные материалы представлены плакатами, листовками, афишами, карикатурами, характеризующие пропагандистскую работу политических органов и культурно-просветительских учреждений Бурятии. Коллекция плакатов хранится в фондах Национального музея республики Бурятия [11, Научно-вспомогательный фонд] и в ГАРБ [9, Ф. Р-1967]. Тематика отражает наиболее важные события первых лет социалистического строительства – плакат «Лучшие из лучших» [11, Научно-вспомогательный фонд, 10884(7)], информационный плакат «Отчет ЦИК и СНК БМАССР о деятельности за 1926-1927 год» [11, Научно-вспомогательный фонд, 10884(5)], плакат-афиша «Выставка образцов изобразительных искусств монголо-бурят» [9, Ф. Р-1967, оп. 1, д. 35, л. 1].

К изобразительно-художественным источникам относятся произведениями живописи и графики, созданные в 1920-1930-х гг. бурятскими художниками И.А. Аржиковм, Ф.И. Балдаевым, А.И. Тиминым, Ц.С. Сампиловым, А.А. Окладниковым, Г.Е. Павловым, Р.С. Мэрдыгеевым и другими. В Национальном музее республики Бурятия нами выявлено 108 произведений живописи и 102 графических изображения, посвященных традициям и обычаям бурят, нелегким будням села, новым веяниям в общественной жизни.

Помимо источников государственных и ведомственных учреждений выявлены визуальные материалы частных собраний жителей города Улан-Удэ и республики Бурятия: М.А. Харитонова, С.В. Данилова, Е.К. Синицыной, Д.В. Цыреннимаевой (Улан-Удэ), С.И. Бодрова (с. Никольск, Мухоршибирский р-н РБ), К.М. Калашникова (с. Никольск, Мухоршибирский р-н РБ), Г.М. Павловой (с. Хонхолой, Мухоршибирский район РБ), В.Ф. Иванова (с. Хасурта, Хоринский р-н РБ).

Визуальные материалы были выявлены в газетах и журналах, выходивших на территории советской Бурятии – «Жизнь Бурятии» (1925-1931 гг.), «Бурятиеведение» (1925-1929 гг.), «Сибирские огни» (1922 г.), «Социалистическое строительство в Бурят-Монголии» (1936 г.), «Бурятоведческий сборник» (1926-1930 гг.), «Бурят-Монгольская правда» (1926-1941 гг.), «Бурят Унэн» (1932-1941 гг.), «Бурят-Монгольский Комсомолец» (1940 г.).

Немаловажной частью исследования источниковой стали устные источники – информация, полученная в процессе сбора визуального материала в государственных учреждениях и у частных владельцев путем свободного опроса по тематике исследования.

В результате проведенных научных изысканий удалось выявить широкий спектр учреждений, хранящих большое количество опубликованных и неопубликованных визуальных источников, а также письменных документов иллюстрирующих особенности их создания. В 1920-1930-е гг. в Бурят-Монгольской АССР складывается обширный источниковый комплекс изобразительных материалов, иллюстрирующий историю государственных преобразований и повседневную жизнь населения.

В общей сложности при исследовании базы визуальных источников было выявлено и проанализировано: 4 341 фотодокумент, 34 киноматериала, 18 законодательных актов, 148 делопроизводственных документов, 480 книжных иллюстраций, 13 карт и планов, 42 плаката и листовки, 14

открыток, 321 политическая и социальная карикатура, 567 произведений живописи и графики, отражающие исторические изменения в БМАССР.

Анализируя визуальные источники по истории Бурят-Монгольской АССР 1920-1930-х гг. мы можем проследить основные исторические изменения в социокультурной, политической, экономической жизни региона. Визуальные источники создавались в историческом контексте, отражая важнейшие события и процессы, происходившие на территории БМ АССР. Комплекс визуальных источников является дополнительным историческим повествованием к документальному изложению событий. Дальнейшая работа над выявлением исторических источников даст возможность более глубоко и детально проанализировать сложную и многоаспектную историю Бурят-Монгольской АССР 1920-1930-х гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Современные методы изучения ист. источников с использованием ЭВМ: учеб. пособие. М., 1987; *Пушкарев Л.Н.* Источниковедческие проблемы кинофотодокументов // Советские архивы. 1968. № 2.
2. *Балханова Т.В.* Фотодокументальный фонд музея истории Бурятии (на материалах исследований об участниках Гражданской и Великой Отечественной войн) // Культурный потенциал Байкальского региона: матер. Межрегион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2009. Т. 2; Васильева С.В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII-XXI вв.: историография и источники. Улан-Удэ, 2010; Костров А.В. Фотоматериалы как источник по истории семейских старообрядцев Забайкалья // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 3; Рандалов Ю.Б. Социалистическое преобразование хозяйства, быта и культуры бурятского улуса за годы советской власти. (1917-1961 гг.) Опыт историко-этнографического исследования. Улан-Удэ, 1967.
3. *Сампилов Ц.* Этнографические зарисовки / отв. ред. И.И. Соктоева. Новосибирск, 1995; Буряты три века с Россией (историко-культурный атлас России). М., 2003; Изобразительное искусство. (Из собрания Национального музея РБ: коллекции Бурятского республиканского художественного музея им. Ц.С. Сампилова, Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, Музея БНЦ СО РАН…). Улан-Удэ, 2011.
4. Государственный архив кинофотодокументов.
5. Государственный архив Забайкальского края.
6. Государственный архив Иркутской области.
7. Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
8. Музей истории г. Иркутска.
9. Государственный архив республики Бурятия.
10. Научный архив БНЦ СО РАН.
11. Национальный музей республики Бурятия.

УДК 327 (420) : (581)

Берзина Анжелика Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета
тел.: (953) 610-34-96

Berzina Anzhelika Aleksandrovna

PhD in History, Associate Professor of the Department of General History of Orel State University
tel.: (953) 610-34-96

АФГАНИСТАН В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.

В статье освещаются ключевые аспекты внешнеполитического курса Великобритании второй половины XIX – начала XX в Афганистане, исследуется его эволюция – от попыток Британской империи поставить Афганистан под свой полный контроль до отказа от вмешательства в его внутренние дела и присоединения афганских территорий.

Ключевые слова: **Афганистан, Великобритания, англо-афганские войны, разграничительные комиссии, линия Дюранда, государство-буфер.**

AFGHANISTAN IN THE POLICY OF GREAT BRITAIN: THE SECOND HALF OF 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

In the article the key aspects of the foreign policy of Great Britain of the second half of 19th – the beginning of 20th in Afghanistan are considered, the policy evolution beginning from the attempts of the British Empire to take Afghanistan under complete control till the renunciation of intervention in its internal affairs and annexation of the Afghan territories is investigated.

Key words: **Afghanistan, Great Britain, Anglo-Afghan wars, demarcation commissions, Durand line, buffer state.**

Афганистан, как объект внимания внешнеполитической деятельности Англии, представлял для последней двоякий интерес: во-первых, с точки зрения защиты северо-западных границ Британской Индии, а, во-вторых, как территория, через которую шла транзитная торговля со Средней Азией и Хорасаном. Данные факторы предопределяли настороженное отношение англичан к любым попыткам третьих государств дипломатическим или военным путем усилить свое влияние в Афганистане.

Так, уже в 1830-е гг. в официальных кругах Британской империи наблюдается формирование русофобских тенденций [1]. Главными причинами кризиса русско-английских отношений было оказание Россией помощи султану Османской империи Махмуду II в его противостоянии с правителем Египта Мухаммедом Али, а также русско-афганские переговоры 1837 г., инициатором которых выступила афганская сторона, рассчитывавшая на российскую поддержку в связи с активизацией сикхов. В октябре 1838 г. лорд Окленд, генерал-губернатор Индии, заявил, что «необходимо создать (имея в виду Афганистан – А.Б.) постоянный барьер против поползновений на нашу северо-западную границу Индии» [2, с. 2].

Начавшаяся в декабре 1838 г. англо-афганская война закончилась поражением англичан, но в 1857 г. был заключен дружественный договор с афганским эмиром Дост-Мухаммедом, давший надежду на реализацию главной цели Англии – создания из Афганистана сильного буфера. Однако энергичная наступательная политика России на Кавказе и в Туркестане, приведшая, в частности, к уступке Бухарским ханством России по договору 1868 г. Самарканда, существенно изменила английские планы, переориентировав их на расширение колониальной экспансии за пределы северо-западной границы Индии и открытое включение Афганистана в сферу английского влияния. В то же время, возбуждение английского общественного мнения, связанное с появлением меморандума сэра Роулинсона 1868 г. о неумолимом приближении России к Индии, подтолкнуло английское правительство к переговорам с российской стороной относительно ее дальнейших планов в данном регионе, в результате которых появилось соглашение 1873 г., по которому Россия признавала р. Амударью от оз. Зор-Куля до впадения в нее р. Кокчи, северной границей Афганистана.

1878 г. ознаменовался началом второй англо-афганской войны, главной целью которой являлось достижение максимально полного контроля над Афганистаном. Как и в первой войне, англичане не достигли желаемого результата – по Раваль-Пиндскому договору 1880 г. они отозвали свои гарнизоны из Афганистана, сохранив, при этом, право политических сношений с последним. Как замечал член Лондонского Королевского географического общества А. Гамильтон, «во время этих длительных занятий афганскими делами (имеется в виду англо-афганская война 1878-1880 гг. – А.Б.) Россия сделала значительные успехи в Средней Азии, где ей оставалось довершить лишь последние штрихи, что и произошло при взятии Мерва в 1884 году» [2, с. 9].

Блестящие победы русской армии 1884-1885 гг. – взятие Мерва, Пули-Хатум, Зюльфагара, Ак-Рабата, продвижение к оазису Пендэ – показали английскому правительству ошибочность его пред-

ставлений о том, что удовлетворение колониальных интересов Англии лежит в плоскости покорения Афганистана, поставив в центр внимания азиатскую политику России и проблему урегулирования англо-русских отношений по афганскому вопросу. Во второй половине 1880-х гг. Англия, в надежде остановить Россию, обращается к силе дипломатии. В 1884 г. начала работу разграничительная комиссия по определению северо-западной границы Афганистана, завершившаяся в 1887 г. подписанием протокола, по которому она была определена от Герируда до Амударьи по линии Ходжа – Салех – Зюльфагар. В состав Афганистана вошел т.н. Ваханский коридор – северо-восточный край, отделявший владения Российской империи от Британской Индии. В 1895 г., по результатам работы Памирской комиссии, была установлена граница с Афганистаном и на Памире.

Параллельно Англия значительно активизирует свои наступательные действия в приграничных районах Афганистана, объясняя их насущной необходимостью обороны Индии. Сумев овладеть основными позициями в Белуджистане и землях ряда пуштунских племен, англичане потребовали от афганского эмира Абдур-Рахмана «отказаться от притязаний на территорию независимых пограничных пуштунских племен и прекратить поддержку проходивших там антианглийских выступлений. Эмир, – как справедливо замечает О.И. Жигалина, – не будучи заинтересован в дальнейшем обострении отношении с Англией, официально отказался от включения полосы независимых племен в состав Афганистана» [3, с. 120]. В 1893 г. между афганским эмиром и Англией был заключен договор, по которому пуштунские племена «независимой полосы» – территории между Афганистаном и Британской Индией, т.е. Читрал, Дир, Сват, Баджаур, Вазиристан и ряд других – оказались за линией Дюранда, т.е. были включены в состав Британской империи [4, с. 348].

Со смертью Абдур-Рахмана возобновляются попытки англичан утвердить свое положение и в самом Афганистане. В частности, в 1905 г. в Кабул была направлена миссия сэра Л. Дена для заключения нового договора вместо аннулированного смертью предыдущего эмира. Требования англичан включали: «замену туземного агента при кабульском дворе официальным английским посольством; допущение английских инженеров к непосредственному руководству фортификационными работами на границах с Россией; продолжение железной дороги от Кветты до Кандагара; соединение Кабула с Индией телеграфом» [5, с. 111]. Из архивных источников известно, что новый эмир Хабибулла на предложения английской стороны ответил: «Жители Афганистана – люди ненадежные, хотя сам я отношусь к англичанам дружелюбно и не даю доступа в свое государство другим иностранцам. Кабул – важная крепость и если я не допускаю туда русских и других чужеземцев, то не хочу также, чтобы ваши войска и железные дороги были в моем государстве» [6]. Уклончивый ответ эмира, безусловно, вызвал негативную реакцию англичан, которые решили пустить в ход весомый, на их взгляд, аргумент «русской угрозы», напомнив, что «Россия прекратила войну с Японией и вознамерилась ввести порядок и предпринять активные действия на границах Бадахшана и Индии», для чего уже «привезла на эту границу легкие пушки и военные припасы».

Однако, проявив известную твердость, Хабибулла не согласился на английские требования, что, в конечном итоге, привело лишь к автоматическому продлению действия всех договоров, заключенных между Абдур-Рахманом и индийским правительством на срок царствования Хабубуллы. О растущей напряженности в англо-афганских отношениях свидетельствовал и тот факт, что новый эмир Афганистана пожелал, по сведениям российского генконсула в Мешеде, наладить сношения с Россией, от которых он «до сих пор так упорно уклонялся». Отметим лишь, что российская сторона отклонила заманчивое предложение Хабибуллы о присылке посольства для дружественных переговоров в опасении выступления англо-индийских войск, хотя и не исключала негативную реакцию эмира на сделанный отказ, который, во-первых, «мог быть рассмотрен как кровная обида», а, во-вторых, подтолкнуть Хабибуллу «в объятия Англии».

Важно отметить, что настойчивость англичан в начале XX в. в афганских делах была предопределена приходом во власть политиков новой волны – лордов Д. Керзона, с 1899 г. вице-короля Индии, и Г. Китченера, с 1902 г. главнокомандующего британскими войсками в Британской Индии. Оценивая роль названных лиц в изменении политики Англии по отношению к Афганистану, начальник Генштаба Российской империи генерал-лейтенант Ф.Ф. Палицын замечал в своем письме главе МИД России В.Н. Ламздорфу: «…до 1904 г. в английских высших военных кругах преобладал тот взгляд, что оборона Индии должна быть ведена более или менее пассивно… Предполагалось в самых общих, и далеко неясно определенных чертах, что в случае войны с Россией могут играть роль вне-Азиатские театры военных действий, например, Балтийское море, Черноморское побережье и т.п. Но лорды Керзон и Китченер все это сразу изменили… Прежде всего, они установили и выработали, как основную данную, то главнейшее предположение, что в случае войны с Россией главным и почти единственным, во всяком случае, решающим театром

военных действий должна служить Средняя Азия»[7].

По мнению Палицына, этот новый взгляд должен был придать Афганистану совсем иное значение – «передового театра» обороны Индии, положение в котором будет улучшено с точки зрения военно-инженерной, путей сообщения, реорганизации и усиления армии. Не исключал начальник Генштаба и возможности вынесения линии обороны вперед - «к Чар-Вилайету и Бадхызу, т.е. к самым русским границам». Однако российские дипломатические источники, применительно к планам англичанам, утверждали обратное: «Конечно, поход в Афганистан был бы делом далеко не шуточным, афганское войско, благодаря стараниям покойного эмира, уже далеко не тот сброд, с которым англичанам пришлось иметь дело в 1879 г., но, тем не менее, едва ли можно сомневаться в том, что англо-индийская полуторастотысячная армия под руководством энергичного полководца сравнительно легко раздавила бы небольшое войско эмира и партизанские отряды афганцев. Настоящее либеральное министерство великобританское, – утверждал генконсул в Мешеде, – несомненно чуждо всяких агрессивных намерений и в душе не сочувствует никаким авантюрам империалистов» [8]. Ему вторил и русский посол в Англии гр. А.К. Бенкендорф, сообщавший, в секретном письме от 12/25 декабря 1906 г., что «… и бывший министр иностранных дел лорд Лансдоун, и сэр Эдуард Грей неоднократно словесно заверяли меня в том, что в планы Великобританского Правительства вовсе не входит намерение посылать военных инструкторов в Афганистан, или же изменять созданное для этой страны положение государства-буфера» [9]. Убежденность самого Бенкендорфа в отсутствии агрессивных замыслов у англичан базировалась, с одной стороны, на факте наблюдавшегося улучшения в русско-английских отношениях, с другой – известной враждебности афганских эмиров и афганского народа в целом «не только всякой мысли об изменении политического status quo в Афганистане, но даже и всякой попытке экономического проникновения Англии в эту страну».

Действительно, в 1906 г. между послом Англии А. Николсоном и главой МИД Российской империи А.П. Извольским начались длительные переговоры, имевшие своей целью разрешение застарелых проблем по афганскому, персидскому и тибетскому вопросам. Учитывая заинтересованность английской стороны в Афганистане, министр финансов Коковцов в особом совещании по соглашению России и Англии по афганскому вопросу предложил «определенно заявить Англии», что Афганистан лежит вне сферы российских интересов, потребовав, однако, гарантий с ее стороны в том, что она «не будет присоединять афганскую территорию, не будет занимать отдельные ее части и воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела страны», а также «не предпримет в Афганистане никаких действий, направленных против России» [10, с. 75]. Окончательную точку в английских планах относительно Афганистана поставило русско-английское соглашение 1907 г., согласно которому Британское правительство обязалось не вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, не присоединять или занимать какую-либо часть Афганистана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Gleason J.H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge, 1950.
2. *Гамильтон А.* Афганистан. СПб., 1908.
3. *Жигалина О.И.* Великобритания на Среднем Востоке. XIX – начало XX в. М., 1990.
4. Дипломатический словарь / под ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалева, П.П. Севостьянова, С.Л. Тихвинского. М., 1985. Т. 1.
5. Цит. по: *Рейснер И.М.* Афганистан. М., 1929.
6. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147. Оп. 485. Д. 747. Л. 3.
7. Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 747. Л. 98об-99.
8. Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 747. Л. 141об-142.
9. Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 747. Л. 239.
10. Цит. по: *Воронкова И.Е.* Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010.

УДК 94(470)”1800/1850”(=22)

Вартаньян Эгнара Гайковна

**доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры новой, новейшей
истории и международных отношений КубГУ
тел.: (918) 45-92-036**

Vartanian Egnara Gaikovna

**Doctor of history, Professor of Modern, Contemporary
history and International relations department of
Kuban State University
tel.: (918) 45-92-036**

ЗАКАВКАЗЬЕ И МАЛАЯ АЗИЯ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. И КУРДСКИЙ ВОПРОС

TRANSCAUCASIAN REGION AND ASIA MINOR IN THE RUSSIAN POLICY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY AND THE KURDISH QUESTION

Статья посвящена политике России в Закавказье и Малой Азии в контексте Курдской проблемы. В результате русско-иранских и русско-турецких войн границы Российской империи приблизились к Курдистану, а часть курдов перешла в подданство России. Россия осознавала неизбежность столкновений её интересов в регионе не только с Турцией и Ираном, но и с соперничающими с ней в регионе Великобританией и Францией и перешла к более сбалансированной стратегии в Закавказье и Малой Азии.

Ключевые слова: **курды, восточная политика, стратегия России, мюридизм, соперничество великих держав.**

The article is devoted to the Russian policy in Transcaucasian region and in Asia Minor in the context of the Kurdish problem. As a result of the Russian-Iranian and Russian-Turkish wars the borders of Russian empire approached to Kurdistan region and some Kurds took out the citizenship of Russia. Russia realized the inevitable collision of interests in this region not only with Iran and Turkey, but also with Great Britain and France; and moved to a more balanced strategy in the Transcaucasia and Asia Minor.

Key words: **Kurds, Eastern policy, the strategy of Russia, Muridism, great power rivalry.**

Исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России за 2009 –2013 гг. по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.B37.21.0966)

Присоединение Закавказья к России открывало широкие перспективы для развития торговли с азиатскими странами, что, с одной стороны, обеспечивало Россию сырьем, с другой – расширяло рынки сбыта российских товаров. Особое значение придавалось Каспийскому и Черному морям, через которые можно было развивать широкую торговлю со странами Востока. Для России Закавказье и Малая Азия были также регионом военно-стратегического интереса. Активизируя свою политику в Закавказье во второй половине XVIII в., Россия осознавала неизбежность её последствий для отношений с Ираном и Турцией. Менее ясные представления она имела о том, как наиболее целесообразно использовать закавказскую внутриполитическую ситуацию, чтобы обойтись наименьшими материальными и людскими потерями. Ставка на одного «клиента» (долгое время им была Картли-Кахетия) ограничивала возможности привлечения на свою сторону других и провоцировала их на поиск иранского или османского покровительства.

Борьба России за господство на Черном море шла с Османской империей, которая в XIX в. была уже политически слаба и превращалась в полуколонию европейских стран. Между великими державами усиливалась борьба за преобладающее влияние на Османскую империю и все принадлежащие ей владения. Самая могущественная в тот период держава – Англия, боясь усиления России и превращения ее в морскую державу, всячески подстрекала Османскую империю и Иран на войну с Россией.

Курды, проживающие на территории Закавказья, в начале XIX в. попали под власть России (по Гюлистанскому договору с Персией 1813 г.) [1]. В результате последующих договоров России с Персией (Туркманчайский 1828 г.) и Османской империей (Берлинский 1878 г.) другие районы, населенные курдами, также вошли в состав Российской империи. В соответствии с этими договорами Россия приобрела Карабахское ханство, территорию Елизаветпольской губернии, Эриванскую область, Карс и Ардаган. Таким образом, часть курдского населения перешла в подданство России. Очевидно, что во всех этих районах среди курдского населения, кроме оседлых, были и кочевники, которые передвигались со своим скотом в карабахские эйлаги. Зафиксированы случаи массовой миграции курдов в этот период из Персии в Россию.

Российские курды находились в сложном материальном положении, главным образом, в ре-

зультате политики царских властей в Закавказье. В целях увеличения площадей пахотных земель русские чиновники передавали кочевья, которыми пользовались курдские племена, переселенцам из центральных губерний. Для части курдов, переходивших к оседлости, уже не осталось свободного земельного фонда. К тому же царское правительство в 1901 г. увеличило поземельный налог. Поэтому в поисках средств к существованию курды нередко бежали за пределы империи [2]. Недовольство курдов вызывали жестокие административно-полицейские порядки, с помощью которых местные власти стремились ликвидировать традиционные вольности курдов.

Русско-иранская война 1804–1813 гг. не разрешила русско-персидских противоречий в Закавказье. Персия вовсе не хотела мириться с потерей территорий и ждала удобного момента для реванша и аннулирования результатов Гюлистанского договора. Подстрекаемая Англией, она готовилась к новой войне с Россией. В 1826 г. 60-тысячное персидское войско, нарушив Гюлистанский договор, внезапно напало на территорию Карабаха. Аббас-мирза планировал занять Шушу и Елизаветполь, укрепить тыл своей армии, а затем приступить к штурму Тифлиса. Однако иранские войска потерпели поражение. Русские войска штурмом взяли Эривань, а 13 октября 1827 г. вошли в Тебриз. 10 февраля 1828 г. был заключен Туркманчайский мирный договор, в результате которого Восточная Армения присоединилась к России [3]. В результате границы Российской империи приблизились к Курдистану. Российские власти на Кавказе старались завязывать контакты с курдами, если не использовать прямо, то добиваться их нейтрализации [4].

Престиж Ирана среди курдов в результате поражения Персии в 1826–1828 гг. упал. Некоторые курды выразили готовность совместной войны против Османской империи и искали в этом покровительства России. Некоторые курдские племена обращались к российским властям с просьбой о переселении и получении российского подданства. Однако генерал А.П. Ермолов, который обязан был соблюдать выполнение условий Гюлистанского договора, вежливо отказывал им. Кроме политических причин учитывался и религиозный фактор – курдов считали неблагонадежным элементом по причине общности религии с персами и турками, т.е. с враждующими с Россией Турцией и Ираном. В то же время ассирийцы, оказав во время русско-иранской войны 1826–1828 гг. услуги русской армии в качестве проводников, получили право переселиться из Урмийской области в переделы Закавказья. Но когда в 1840-х гг. ассирийский священник из Ирана Ш. Аракан попросил у наместника Кавказа графа М.С. Воронцова разрешения для переселения ассирийцев на Кавказ, М.С. Воронцов отказал ему, указывая по этому поводу в письме министру иностранных дел К.В. Нессельроде: «Мы не можем разрешить несторианам поселиться на Кавказе, но поддержание с ними сношений и покровительство перед правительством Ирана очень необходимы для укрепления доверия к нам с тем, что в будущем они будут нам нужны» [5].

Иранский шах Тахмасп I именно на севере искал себе союзника, способного перекрыть пути для крымской конницы в Иран. Так создавалась общность интересов Ирана и России против Турции. Выход России на берега Каспия объективно помогал Ирану, находившемуся между двумя враждебными ему государствами – Турцией и Афганистаном.

Россия и Османская империя вопреки своим национальным интересам вовлекались в конфликты интригами европейской дипломатии, игравшей на имперских амбициях турков, сложностях межэтнических отношений, социально-экономической и религиозной неоднородности России и Османской империи. Поэтому одной из проблем взаимоотношений России и Турции были права христианского населения Османской империи и мусульманского населения России (в первую очередь горцев Северного Кавказа и Закавказья).

В русско-турецкой войне 1827–1829 гг. курды не принимали участия. В 1828 г. паша Баязида курд Бахлул в поисках надежного союзника обратился к главнокомандующему российскими войсками в Закавказье графу И.В. Паскевичу с просьбой о помощи. Однако И.В. Паскевич счел преждевременным начинать войну против турков на эриванском фронте. Бахлул-паша имел большое влияние на курдов санджака Хой, на племена, кочевавшие между Аладахом и оз. Ван, поэтому сотрудничество с Бахлулом-пашой могло быть на руку России. А в период осады Баязида Бахлул-паша предложил сдать крепость России при условии сохранения его жизни, имущества, вооруженного отряда пехотинцев и кавалерии в несколько тысяч человек. Император Николай I одобрил предложение о поддержании контактов с курдами и для привлечении их на сторону России дал разрешение на использование для этих целей испрашиваемой графом И.В. Паскевичем суммы в 100 тыс. червонцев. Правда, российские местные начальники отдали предпочтение армянам и из указанной суммы лишь 4 тыс. червонцев было потрачено на эти цели, а 96 тыс. – на нужды армян, бежавших из Турции или переселённых на Кавказ после военной кампании 1828–1829 гг. [6].

Политические позиции России в Османской империи были серьёзно укреплены подписанием

8 июля 1833 г.Ункяр-Искелессийского договора, который предусматривал политические консультации сторон и военную помощь друг другу в случае угрозы извне или изнутри. Кроме того, Османская империя обязывалась закрывать проливы для военных судов третьих стран в случае вооруженных конфликтов [7].

Успехи восточной политики России вызвали недовольство европейских держав, которые в 1840-е гг. делали все возможное для того, чтобы срок Ункяр-Искелессийского договора не был продлен по истечении восьми лет, предусмотренных при его подписании. На смену ему пришла система коллективных гарантий безопасности Турции по Лондонским конвенциям 1840 и 1841 гг. Последними был определен иной, менее удобный для России режим проливов: они ставились под международный контроль и в мирное время были открыты для торговых и военных судов всех стран. В военное время проход их определялся по усмотрению Турции [8].

В начале 1850-х гг. Николай I противопоставил восточную политику России европейскому политическому миру. Притязая на монопольное покровительство православному населению Османской империи, российский император ошибался, считая, что ни Англия, ни Франция не пойдут на решительную борьбу против этого. Трагизм положения Николай I вполне ощутил лишь в начале Крымской войны 1853–1856 гг., когда стало ясно, что воевать придется в дипломатической изоляции и не со слабой Османской империей, а против коалиции ведущих европейских держав и не на Дунае и Балканах, а на российской территории, в Крыму.

В Крымской войне курды не принимали участия ни на османской, ни на российской стороне. Один из руководителей курдских восстаний Йзданшир хотел использовать войну для объединения курдов и создания независимого Курдистана. Воспользовавшись массовым возмущением действиями турецких властей в Курдстане, Йзданшир призвал своих сторонников к восстанию. Выдвинутый им лозунг ликвидации османского владычества нашел широкую поддержку среди курдов.

В Петербурге желали активной поддержки со стороны курдов русских войск. Это признавалось «делом первостепенной важности», как писал военный министр России главнокомандующему Кавказской армией в апреле 1852 г. [9]. Причиной тому было не только соперничество великих держав на Балканах и в Малой Азии, Крымская война, но и война на Кавказе, движение мюридизма. Кавказская война требовала немало усилий со стороны России. 270 тыс. военных находилось на Кавказском фронте с 1854 г. до середины 1856 г. [10]. Большие опасения вызывали у царского правительства сообщения о попытках Шамиля установить связи с некоторыми курдскими феодалами. Об этом писал российский консул в Тебризе Н.В. Ханьков в 1852 г. [11]. Он подчеркивал, что у курдов «завелись мюриды», самый крупный среди них шейх Сеид Таха, который имеет десятки тысяч мюридов и поддерживает регулярно связи с Шамилем. Шамиль посылал письма и подарки шейху Сеиду Таха, крупному курдскому феодалу Керим-хану Равандузскому и др.

Царские власти были крайне заинтересованы в изоляции движения мюридизма, тем более с началом Крымской войны возникла опасность координации действий Шамиля и турецких войск. Имеются сведения о том, что некоторые курдские вожди откликнулись на предложения России о сотрудничестве, например, Али-ага, представители которого передали 15 сентября 1853 г., что курды племени хайдаранли готовы поддержать Россию. Али-ага, опасаясь преследований турков после подписания мирного договора между Османской империей и Россией, вынужден был переселиться в Персию.

Российское командование наблюдало за ростом антитурецких настроений среди курдов под руководством Йзданшира. Со своей стороны Йзданшир выжидал удобного момента для восстания против Османской империи.

Восстание Йзданшира началось зимой 1854 г., количество его участников достигло 100 тыс. чел. Порта вынуждена была перебросить против Йзданшира часть своих войск из районов Алашкерта, Эрзурума, Уч-Килиса, Баязида и даже Карса. Для успешного наступления России на этом участке создалась чрезвычайно выгодная ситуация. Русские войска, кстати, не испытывали проблем с продовольствием, так как жители Вана обеспечивали их продуктами [11].

Восстание курдов заставило турков открыть еще один фронт – зимой 1854–1855 гг. большая часть турецкой армии была отозвана для подавления восстания Йзданшира. Турецкие войска заняли основные города и узлы дорог, оттесняя повстанческие отряды в горы. Сам Йзданшир находился в горной местности в своей родовой крепости и готовился весной продолжить борьбу. В феврале 1855 г. Йзданшир постарался выйти на контакт с Россией, но не получил никакого ответа. Дошли ли по назначению послания Йзданшира? Если да, то пассивную позицию России можно объяснить природными условиями, поскольку в зимнее время многие горные перевалы были непроходимыми, а также наличием разногласий среди военно-политических деятелей России по поводу развития отношений с курдами.

Великобритания и Франция выступали против создания независимого Курдистана, опасаясь контроля России над ним. Поэтому английский консул в Мосуле Н. Рассам зимой 1855 г. отправился к Йзданширу с предложением посредничества Англии в переговорах с Портой по вопросу о независимости Курдистана. Для прекращения восстания он стал подкупать курдских вождей. Как видим, английские правящие круги в должной степени оценили опасность событий в Курдистане и дали своим политическим представителям в восточной Турции указания принять любые меры для ликвидации восстания. Йзданшир поверил обещаниям Н. Рассама (не дождавшись ответа от России) и согласился на его посредничество в переговорах с турецким пашой. Фактически британские агенты пошли на открытую провокацию. Н. Рассам заручился согласием Йзданшира на встречу с уполномоченным султана, гарантировав от имени турецких официальных лиц безопасность руководителя повстанцев. В начале марта 1855 г. Йзданшир отправился в назначенное место встречи для переговоров по урегулированию спорных вопросов, но по пути его арестовали и отправили в Стамбул [13]. Весной 1855 г. восстание было окончательно подавлено. Отечественный исследователь П.И. Аверьянов, анализируя возможности совместной операции курдов с российскими войсками, пришел к выводу о том, что результат был бы успешен, если бы поднялся весь Курдистан, и восстание охватило бы арабские районы и другие азиатские части Турции.

Таким образом, Крымская война выявила глубокие противоречия между курдским населением и турецкими властями. Борьба курдского народа за освобождение от османского гнета в середине XIX в. потерпела поражение в силу ряда внутренних и внешнеполитических факторов и недооценки Россией роли курдского фактора в антиосманской политике. Вместе с тем, ряд приведенных в статье эпизодов о позиции России в курдском вопросе свидетельствует о том, что проблема курдов была в поле зрения русской дипломатии и военного ведомства и не сбрасывалась со счетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Из особого акта, заключенного в Туркманчае 10.02.1828 г. // Хрестоматия по новой истории. М., 1965. Т. 2.
2. *Лазарев М.С.* Курдистан и курдская проблема (90-е гг. XIX в.–1917 г.). М., 1964.
3. Особый акт (о торговле), заключенный в Туркманчае 10.02.1828 г. // Новая история Ирана: хрестоматия. М., 1988.
4. *Аверьянов П.И.* Курды в войнах с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Тифлис, 1910.
5. *Матвеев К.П.* (Бар-Маттай), Мар-Юхана И.И. Ассирийский вопрос во время и после Первой мировой войны. М., 1968.
6. *Аверьянов П.И.* Указ. соч.
7.Ункяр-Искелессийский договор об оборонительном союзе между Россией и Турцией (8.VII.1833) // Хрестоматия по новой истории. М., 1965. Т. 2.
8. Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003.
9. *Халфин Н.А*. Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX в). М., 1963.
10. *Шарафканди С.* Краткая история национального движения курдов. Стокгольм, 1995.
11. Письмо Н.В. Ханькова от 25 июля 1852 г. // Архив внешней политики Российской империи. Гл. арх. 1-9. Оп. 8.1848. Д. 12, ч. 5. Л. 209.
12. *Ольшевский М.Я.* Русско-турецкая война за Кавказом в 1853–1854 гг. // Русская старина. 1884. № 10–12.
13. *Халфин Н.А*. Указ. соч.

УДК 37

Гетманская Елена Валентиновна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания литературы Московского педагогического государственного университета
тел.: (916) 772-03-56

Getmanskaya Elena Valentinovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Methods of Literature Teaching of Moscow State Pedagogical University
tel.: (916) 772-03-56

НАРОДНЫЕ УЧИЛИЩА XVIII в.: ОСОБЫЙ СТАТУС И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

NATIONAL SCHOOLS OF THE 18TH CENTURY: SPECIAL STATUS AND PHILOLOGICAL TRAINING

В статье анализируется учебный процесс российских народных училищ, учреждённых в конце XVIII в. Училища положили начало массовому регулярному обучению. В то же время они не стали преемственным звеном образования в системе «начальная школа – университет». Отсутствие преемственности было обусловлено слабостью филологической подготовки в училищах.

Ключевые слова: **малые и главные народные училища, массовое образовательное звено, специфика филологической подготовки.**

The article analyzes educational process of the Russian national schools established at the end of 18th century. The schools initiated mass regular education. At the same time they did not become a successive link of education in the system «elementary school - university». The absence of continuity was conditioned by the weakness of philological training in the schools.

Key words: **small and main national schools, mass educational link, specific character of philological training.**

К 1770-м гг. российская модель сословного обучения теряет свою аксиоматичность. В 1773 г. учреждается Комиссия для народных училищ, начинающая подготовку к созданию системы общего образования; в заявлении Комиссии прописываются государственные обязанности по образованию своих граждан. Впервые в российской империи на уровне государственного документа утверждается государственный патронат над образованием. Указом от 7 сентября 1782 г. на Комиссию возлагается три главных обязанности: 1) начертать и постепенно приводить в исполнение общий план народных училищ; 2) приготовить учителей; 3) перевести на русский язык или вновь сочинить необходимые руководства [1, с. 17]. Согласно Уставу народных училищ в Российской империи от 1786 г., учреждаются главные и малые народные училища, в которых могут обучаться представители всех сословий по единым учебникам и программам.

Устав стал первым образовательным документом, в котором прописывались строго регламентированные требования к учителям, к использованию учебных пособий, способам преподавания, количеству часов на учебные предметы в неделю и распределению предметов по классам. Русский язык как единственная дисциплина филологического цикла имел следующее содержание в учебных планах главных народных училищ: I класс – обучение грамоте; II класс – правописание и первоначальные правила грамматики; III класс – грамматика с упражнениями в правописании; IV класс – грамматика («употребительные в общежитии сочинения» – письма, счета, расписки и пр.) [2, с. 155]. Российская грамматика, вводимая в курс обучения с третьего класса и занимавшая по три часа в неделю как в третьем, так и в четвёртом классе, включала и учебные часы на сочинения [3, с. 6 7]. Примечательно, что за четыре года до этого, в Плане к установлению народных училищ на преподавание российской грамматики отводилось только по два часа и в третьем, и в четвёртом классе. Вместе с тем, в Плане, в отличие от последующего Устава, гораздо шире была прописана дидактическая часть, предлагающая методы и конкретные приёмы преподавания, в которой не последнее место занимала самостоятельная познавательная деятельность учащихся: «Что же касается до способа преподавания, то [учителя] должны все вообще определённые для наук их книги заставлять учеников читать, а потом вопрошениями исследовать, стараясь вразумить в них читанное» [4, с. 30].

В плане впервые закладывалась обязательность учебной книги не только для ученика, но и для учителя. Традиционным разделом учебника становилось методическое предисловие, и учитель обязывался «науки преподавать по наставлению, которое для учителя в предисловии учебной его книги положено». Появление государственной массовой системы обучения – народных училищ со специфической программой и собственными принципами организации – потребовало создание нового банка учебников. «Краткая российская грамматика» Е.Б. Сырейщикова, предназначенная для народных училищ Российской империи, – первый филологический учебник, созданный для новой образовательной структуры, сформированной по Уставу 1786 г. Издана она непосредственно Комиссией об учреждении народных училищ; невиданный прежде тираж, 10 000 экз., подтверждает наличие государственных

обязательств по изданию учебников для регулярной школы и массовость самого звена училищ. «Грамматика» состояла из четырёх традиционных частей: 1) правописание; 2) произведение слов; 3) сочинение слов; 4) произношение слов. В каждом разделе материал излагался последовательно, правила подкреплялись упражнениями и примерами, взятыми из художественных произведений. В тексте, помещённом в разделе «Антология», изложены дидактические и методические советы по изучению краткого курса грамматики. Весь учебный материал методически и научно продуман автором так, чтобы «учащим малого весьма труда было преподавать по ней учение и самым малолетним детям» [5, с 1]. Срок выхода «Грамматики», – всего лишь через год после обнародования Устава 1786 г., – говорит об острой нехватке учебников для только что организованной структуры училищ и невозможности применять в них уже имеющиеся.

Распространённость народных училищ требовала массовой подготовки учителей. Такая подготовка была сосредоточена в единственном (на 1785 г.) главном народном училище в Петербурге, при котором была организована особая учительская семинария. В ней преподавались те же предметы, что и в главном училище, но более подробно и основательно. Главной задачей обучения будущих учителей ставилось знакомство с методами преподавания.

Основательность подхода к совершенствованию методической подготовки учителей подтверждалась периодическими (два раза в год) публичными испытаниями преподавателей в присутствии директора народных училищ. В круг предметов малых училищ входили обучение грамоте, чтение, письмо, арифметика, катехизис, священная история, чтение книги о должностях человека и гражданина, чистописание и рисование. Перечень дисциплин вполне позволяет идентифицировать малые училища со ступенью начальной школы. В старших классах главных народных училищ преподавались катехизис, священная история, арифметика, русская грамматика, история, география, геометрия, механика, физика, естественная история, гражданская архитектура. Желающим продолжить обучение в гимназиях и университетах преподавался латинский язык. Обширный перечень предметов главного училища, безусловно, приближал его уровень к средней школея, но, как показала ревизия народных училищ, предпринятая через три года после их основания, в 1789 г., курс главных училищ оказался слишком высок для потребностей городского населения, родители не видели пользы от учения в старших классах училищ [6, с. 21].

В учебном Плане народных училищ отражаются первые попытки разрешить в широком масштабе проблему построения системы массового школьного образования, при котором знание родного языка имеет чётко выраженный социально-практический характер. Вместе с тем, констатировать существование преемственных связей между филологической подготовкой в народных училищах и последующим литературным образованием в этот период было бы преждевременно. «Основания его преемственности, – как мы указывали ранее, – связаны с созданием учебных книг по теории и истории словесности, позднее со становлением курса истории отечественной литературы в университетах и гимназиях и последовательной государственной регламентацией всей системы образования, от приходского училища до университета» [7, с. 8].

В то же время, унификация учебных пособий, требований к учителям, использование единообразных методов обучения и одинаковое распределение учебных часов, бесспорно, увязывали малые и главные народные училища в единую систему обучения. Комиссия, руководившая процессом, была подотчётна только высшей власти и постепенно расширяла своё влияние на все общеобразовательные и некоторые специальные учебные заведения, возникшие в разное время, подчинённые разным ведомствам и не объединённые каким-либо общим планом. Так, Комиссия приняла участие в преобразовании учебных планов Воспитательного общества благородных и мещанских девиц, Сухопутного кадетского корпуса, Казанской гимназии, Инженерного кадетского корпуса, училища солдатских детей, Рязанского дворянского училища. Свою главную задачу в этом процессе Комиссия видела в том, чтобы, по мере возможности, применить учебные планы и методику народных училищ ко всем этим разнородным учебным заведениям.

Основная методическая задача, которую выполнили народные училища, как нам представляется, состоит в возникновении системных взаимосвязей внутри системы: между дифференцированными ступенями обучения – малыми и главными училищами. По Уставу в преподавание вводится язык «природный», отечественный, даются методические указания к его изучению в печатных руководствах. Классы и предметы распределяются в Уставе таким образом, чтобы, в отличие от прежней школьной схоластики, происходило постепенное развитие ученика, сообразно его возрасту и способностям. Вместе с тем, наличие в целом предметной корреляции малых и главных училищ, не означало, к сожалению, взаимосвязей и последовательности в преподавании филологических дисциплин. И в начальных, и в старших классах из филологического цикла была представлена только грамматика русского языка.

Основой изучения грамматики в третьем классе были упражнения в правописании, в четвёртом – упражнения в письменных общеупотребительных сочинениях, как то: в письмах, счетах, расписках и тому подобном [8, с. 6-7]. Результирующим умением всей филологической подготовки в народных училищах можно назвать утилитарную способность учеников грамотно составить письмо или прошение. Такая направленность изучения грамматики позволяет сформулировать цели филологической подготовки в училищах как овладение узкопрактическими умениями, необходимыми для исполнения простейших гражданских функций. Гимназическая подготовка в этой области была значительно шире, и предметно, и содержательно. Представляется, что именно разница филологической подготовки обусловила в дальнейшем замещение главных училищ классическими гимназиями в качестве полноценного среднего звена, готовящего к высшей школе. Специфика образовательного процесса в училищах обусловливала их особый статус, не связанный отношениями преемственности ни с гимназиями, ни с университетом.

В 1789 г. Комиссией был поднят вопрос о соотношении главных народных училищ и гимназий. Эта проблема имела для судеб российского образования принципиальное значение, так как, с позиции членов Комиссии, значение обеих форм обучения как средних общеобразовательных заведений было до некоторой степени равным. Предпринятый в статье анализ филологической подготовки в училищах не позволяет нам согласиться с представленным мнением. С нашей точки зрения, главное народное училище оказалось несостоятельным по нескольким причинам: оно не удовлетворяло социальному заказу на образование тех городских слоёв населения, для которых и создавалось; не обеспечивало полноценной подготовки к университету; уровень изучения филологических дисциплин в главном училище никак не мог конкурировать с гимназической подготовкой, а значит, препятствовал взаимосвязям между средней и высшей школой в русле ключевого предмета «русская словесность». В то же время, прогрессивность введённого Устава 1786 г. обусловливалась тем, что он законодательно вводил в учебные заведения России дидактические принципы и методические рекомендации, которые были обязательными к исполнению во всех училищах страны. Такое единство требований являлось, безусловно, признаком постепенной унификации массового образования, чего никогда не было прежде в истории образования России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ферлюдин П.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1893.
2. *Черепанов С.А.* Учебные планы общеобразовательной школы в дореволюц. России // Известия АПН РСФСР. Вып. 33. М., 1951.
3. Устав народным училищам в Российской империи. СПб., 1786.
4. *Янкович де Мириево Ф.И.* План к установлению народных училищ в Российской империи. СПб., 1785.
5. *Сырейщиков Е.Б.* Краткая Российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующая императрицы Екатерины Вторая. СПб., 1787.
6. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 гг. СПб., 1902.
7. *Гетманская Е.В.* Преемственность литературного образования: период научной и государственной регламентации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2011. № 2.
8. *Янкович де Мириево Ф.И.* Устав народным училищам в Российской империи, (царствование императрицы Екатерины II). СПб., 1786.

УДК 327(470: 479. 2)

Иванов Александр Гаврилович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
ivanov@kubsu.ru

Ivanov Alexander Gavrilovich

Doctor of History, Professor, Head, Chair of Modern, Contemporary History and International Relations of Kuban State University
ivanov@kubsu.ru

ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

THE POLICY OF RUSSIA IN SOUTHERN CAUCASUS IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY

В статье анализируется политика Российской Федерации на Южном Кавказе в преддверии войны между Россией и Грузией в августе 2008 г. и после нее.

The article analyses the policy of the Russian Federation in Southern Caucasus on the eve of the war between Russia and Georgia in august 2008 and after it.

Ключевые слова: **внешняя политика, Южный Кавказ, конфликт, безопасность.**

Key words: **foreign policy, Southern Caucasus, conflict, security.**

Южный Кавказ всегда был и остается для России регионом исключительной важности. Его стратегическая значимость особенно возросла в последние годы в связи с обострением отношений между Москвой и Тбилиси и агрессией Грузии против Южной Осетии. Военное вмешательство России на стороне югоосетинского народа продемонстрировало всему миру, что Россия готова защищать свои интересы с помощью оружия.

После распада СССР Южный Кавказ стал ареной острейшей политической борьбы и конфликтогенным регионом. К нагорно-карабахскому конфликту, доставшемуся Армении и Азербайджану от горбачевской перестройки, добавились новые – между Грузией, с одной стороны, Абхазией и Южной Осетией, – с другой. Конфликты и то, что за ними последовало, продемонстрировали слабость центральной власти (в Баку и Тбилиси) и недовольство жителей «мятежных» районов прежним положением дел. По существу, раскол Грузии был реакцией бывших автономий (Абхазии, Южной Осетии) на развал СССР. Как справедливо отмечает С. Маркедонов, «после крушения СССР произошел первый передел границ некогда общего государства. Он не везде и не всегда был воспринят как легитимный. Распад Советского Союза по границам республик (представляющийся внешне логичным) вызвал неоднозначную реакцию внутри бывших автономных образований, для которых обретение национальной независимости экс-союзными республиками вовсе не было чаемым идеалом. Отсюда и этнополитические конфликты со своими победителями и побежденными» [1]. Что касается России, то для нее эти этнополитические конфликты были невыгодными, и в этой связи нельзя согласиться с мнением Дж. Гасанлы, который пишет: «Россия, не сумев в период распада союзного государства воспрепятствовать дезинтеграционным процессам, использовала возникшие конфликты, в том числе и нагорно-карабахский, как средство серьезного воздействия на политику государств Южного Кавказа. Стратегические задачи России состояли в стремлении ограничить влияние США и НАТО на развитие событий в странах Южного Кавказа, но это, в свою очередь, стало источником новой серии конфликтов на Южном Кавказе. В последние годы в политике России произошли определенные подвижки, но они еще не стали постоянной тенденцией. События августа 2008 г., приведшие к резкому обострению в российско-грузинских отношениях, оставили глубокий след в развитии Кавказского региона в целом, еще раз выявив опасность, которую могут представлять замороженные конфликты [2, с. 11-12]. Разжигание конфликтов не в интересах России, ибо это грозит дестабилизацией ситуации на неспокойном Северном Кавказе. Россия играла и играет роль главного посредника в урегулировании замороженных конфликтов, будь то Нагорный Карабах, Абхазия или Южная Осетия. Другое дело, что не все зависит от России; игроков на обширном пространстве Большого Кавказа более чем достаточно.

Южный Кавказ традиционно привлекает пристальное внимание таких акторов большой или региональной политики, как США, страны Евросоюза, Турция и Иран. Их интересы не всегда совпадают, а иногда и прямо противоположны (например, интересы США и Ирана). Турция – один из реальных региональных лидеров на Южном Кавказе и способна играть, как и Россия, заглавную роль в урегулировании конфликтов и обеспечении безопасности в регионе.

Россию и Турцию связывают тесные экономические интересы, что было подтверждено во

время визита Президента Российской Федерации В. Путина в Стамбул в начале декабря 2012 г. Объем торговли между двумя странами достиг внушительной цифры в 32 млрд дол. и может быть увеличен, как отметил В. Путин, до 100 млрд дол. Что касается политики, то здесь у обеих стран гораздо больше общих позиций, нежели разногласий. Это, в частности, подтвердили участники V Черноморского международного симпозиума «История и современные политические проблемы: взгляды и рекомендации», состоявшегося в Гиресунском университете (Турция) 6 – 7 декабря 2012 г., на котором присутствовали депутаты парламентов нескольких стран, представители исполнительной власти и академического сообщества. Они отметили значимость организации Черноморского экономического сотрудничества, заинтересованность стран и народов Черноморского бассейна в стабильности и прочном мире. Турция играет активную и стабилизирующую в целом роль на юге Кавказа, этом стратегически важном перекрестке Европы и Ближнего Востока. Россию не пугает тот факт, что Турция – член НАТО, в Москве с уважением относятся к независимой внешнеполитической линии Анкары, которая не всегда и не во всем совпадает с позицией Вашингтона [3, с. 173]. Разумеется, в отношениях между Россией и Турцией имеются разногласия, прежде всего по вопросу о судьбах народов Северного Кавказа. Но эти разногласия не в состоянии перевесить общий позитивный баланс многостороннего сотрудничества двух стран, в том числе в сфере внешней политики и дипломатии.

Ближайший союзник и партнер Турции на Южном Кавказе – Азербайджан. Президент Азербайджана И. Алиев умело выстраивает внешнюю политику страны, балансируя между Турцией, Россией, Ираном и США. Россия с пониманием относится к такой политике баланса, тем более что Азербайджан не собирается вступать в НАТО или размещать на своей территории американские базы.

В нагорно-карабахском конфликте, пожалуй, самом болезненном из всех конфликтов на Южном Кавказе, Россия занимает сторону Армении, своего стратегического партнера и союзника. Формально замороженный, этот конфликт при неблагоприятных обстоятельствах способен перерасти в крупное противостояние регионального масштаба. С учетом этого необходимо его разблокировать, выработать некие неформальные обязательства конфликтующих сторон решать спорные вопросы в рамках политического диалога [4, с. 50].

Еще один крупный игрок на геополитическом пространстве Южного Кавказа – Иран. Россию связывают с Ираном тесные экономические связи и взаимопонимание по многим международным вопросам. В пику США Россия поставляла оружие в Иран в 1990-е гг. и осуществила реализацию крупного проекта – строительство ядерного реактора для АЭС в Бушере. С тем чтобы снять любые подозрения в нарушении режима нераспространения ядерного оружия, проект находится под надзором Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Что касается иранской ядерной проблемы, то она вызывает озабоченность всего мирового сообщества, в том числе России, из-за угрозы военного конфликта между Ираном, с одной стороны, США и Израилем – с другой. Иран, в отличие от многих стран, с пониманием отнесся к подавлению Россией сепаратистского движения в Чечне, и это с одобрением было воспринято в Москве. В то же время Россия, с 2010 г. участвующая в санкциях ООН против Ирана, ввела эмбарго на поставки ему тяжелого вооружения. Все это подчеркивает глубокую противоречивость проблемы Ирана для России и многих других стран, которые с явным неодобрением относятся к планам США (и Израиля) решить данную проблему силою оружия.

Отношения России с Грузией после распада СССР складывались также весьма противоречиво. При первом президенте Грузии З. Гамсахурдиа они, по сути, не развивались, тем более что националистически настроенный грузинский лидер был решительно против вступления Грузии в СНГ. Его преемник Э. Шеварднадзе пытался договориться с Москвой, прежде всего по вопросам грузино-абхазского урегулирования, но тщетно. Абхазия не собиралась идти на уступки Тбилиси, а Кремль не считал нужным оказывать давление на нее. Разочарованный Шеварднадзе примерно с середины 1990-х гг. начал ориентироваться на США. «Это, – как справедливо пишет Д. Тренин, – привело к ухудшению (но не разрыву) отношений между Россией и Грузией… Когда в ноябре 2003 г. Шеварднадзе был свергнут в результате «революции роз», Кремль не слишком печалился. Однако его беспокоила ситуация неопределенности, возникшая в связи с уходом со сцены лидера-ветерана» [5, с. 139, 140]. На смену Шеварднадзе пришел молодой и горячий М. Саакашвили. Ему удалось вернуть под контроль Тбилиси Аджарию и осуществить серию реформ. Поначалу отношения Тбилиси с Москвой складывались как весьма перспективные. Россия проявляла готовность урегулировать конфликты Грузии с Абхазией и Южной Осетией. Но вскоре последовали ошибки и просчеты грузинского лидера, имевшие явную антироссийскую направленность. «В августе 2004 г. он отдал приказ о проведении полицейской операции по борьбе с югоосетинскими контрабандистами. Дело дошло до вооруженных столкновений. Прежде

Саакашвили мог беспрепятственно приехать в столицу Южной Осетии Цхинвали и поговорить на улице с горожанами. После спецоперации от доброй воли ничего не осталось, и вроде бы угасавший конфликт вспыхнул с новой силой. Путин был в ярости. Он утратил доверие к человеку, которого считал своим партнером. Осенью 2004 г. Саакашвили не раз пытался дозвониться в Кремль, но ответом ему было молчание.

С рейдом грузинских внутренних войск в Южной Осетии закончилась и позитивная интерлюдия в отношениях между Москвой и Тбилиси. В дальнейшем ситуация лишь неуклонно ухудшалась. Особенно прискорбным событием стала скоропостижная кончина в 2005 г. премьер-министра Зураба Жвании – человека рассудительного и вдумчивого. Сдерживать Саакашвили стало больше некому. Москва поставила на нем крест и начала наращивать давление на Тбилиси» [6, с. 140 – 141].

Другим непродуманным шагом Саакашвили явилось его стремление как можно скорее интегрировать Грузию в структуры НАТО. Тем самым грузинский лидер переступил «красную черту» – Москва всегда была решительно против расширения НАТО за счет бывших советских республик. Саакашвили, ориентируясь исключительно на Запад, направил в Афганистан в рамках операции НАТО крупный воинский контингент (по меркам Грузии): пехотный батальон, пехотную роту, медицинский персонал – всего около 950 военнослужащих. В результате Грузия заняла второе место среди стран-партнеров НАТО по численности своего контингента в составе Международных сил содействия безопасности в Афганистане.

Прозападная и антироссийская позиция Саакашвили неизбежно привела к ухудшению отношений между Грузией и Россией. Каплей, переполнившей чашу терпения Москвы, стал публичный судебный процесс в Тбилиси в 2006 г. над несколькими российскими военнослужащими, которых обвинили в шпионаже. «Российские власти, – пишет Д. Тренин, – расценили инцидент как незаслуженное оскорбление. Посол России в Грузии был отозван в Москву. Россия ввела эмбарго на ввоз грузинских вин и минеральной воды, прервала авиационное и морское сообщение с республикой, а также передачу почтовых отправлений – в результате грузинские гастарбайтеры утратили возможность переводить домой заработанные деньги» [7, с. 141]. По существу, между двумя странами началась холодная война. А в августе 2008 г. на Южном Кавказе вспыхнул вооруженный конфликт.

Война между Россией и Грузией явилась водоразделом между прежним состоянием дел на Южном Кавказе и новыми реалиями. Неспособность и нежелание Грузии мирным путем разрешить грузино-южноосетинский и грузино-абхазский конфликты создали тупиковую ситуацию. В Тбилиси рассчитывали на блицкриг и на пассивность России (без должных на то оснований). Президент М. Саакашвили явно переоценил возможности влияния США и Евросоюза на Россию. В свою очередь, Южная Осетия и Абхазия настаивали на скорейшем признании их независимости. Однако Россия давно уже сделала свой выбор. Она взяла на себя роль посредника в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, прежде всего из гуманитарных соображений. Попытки мирным путем разрешить противоречия между Грузией и ее бывшими автономиями ни к чему не привели. Но патовая ситуация в этом регионе не могла сохраняться бесконечно долго, все накопившиеся проблемы Саакашвили попытался решить с помощью силы. Это была тщательно продуманная акция, причем в Тбилиси не очень-то заботились о ее последствиях. А последствия оказались тяжелыми – в ходе конфликта в августе 2008 г., по некоторым оценкам, было убито 850 чел., свыше 100 тыс. чел. покинули места своего проживания. Южной Осетии был нанесен большой материальный ущерб. В Москве нападение Грузии на Южную Осетию было воспринято крайне болезненно. Россия вмешалась в конфликт и принудила грузинское руководство отказаться от попыток реванша. Мировое сообщество по-разному отреагировало на события августа 2008 г. Запад, на который давно уже ориентировался Саакашвили, осудил действия Москвы, назвав их актом агрессии. Москва, в свою очередь, считала свои действия абсолютно законными и обоснованными (защита русскоязычного населения Южной Осетии от вооруженной агрессии Грузии). Тут же последовало признание независимости Южной Осетии и Абхазии со стороны России, а вскоре и со стороны некоторых других стран.

Президент Российской Федерации Д. Медведев в выступлении 26 августа 2008 г. подчеркнул, что «грузинское руководство в нарушение Устава ООН, своих обязательств по международным соглашениям, вопреки здравому смыслу развязало вооружённый конфликт, жертвами которого стали мирные люди. Эта же участь ждала Абхазию. Очевидно, в Тбилиси рассчитывали на блицкриг, который поставил бы мировое сообщество перед свершившимся фактом. Был выбран самый бесчеловечный способ добиться своей цели – присоединить Южную Осетию ценой уничтожения целого народа».

Стремление некоторых западных аналитиков изобразить действия России как акт агрессии не имеют под собой должных оснований. Россия на протяжении длительного времени неоднократ-

но пыталась урегулировать конфликты на Южном Кавказе, но, к сожалению, ей это не удалось.

В тексте заявления Президента России на этом сделан особый акцент: «Россия проявляла выдержку и терпение. Мы неоднократно призывали вернуться за стол переговоров и не отошли от своей позиции даже после одностороннего провозглашения независимости Косово. Но наши настойчивые предложения к грузинской стороне заключить с Абхазией и Южной Осетией договорённости о неприменении силы остались без ответа. К сожалению, их проигнорировали и в НАТО, и даже в ООН».

Отдельные западные аналитики справедливо оценивают события августа 2008 г. как кульминацию противостояния между Россией и Грузией, когда холодная война между ними переросла в реальный конфликт. Так, научный сотрудник Международного института стратегических исследований (Лондон) О. Антоненко считает действия грузинской стороны спланированными заблаговременно: «В течение нескольких недель накануне 7 августа грузинские войска готовились к войне… Когда я посетила Грузию в июле, ожидания приближающейся войны были широко распространены как среди грузин, так и международных обозревателей. Мало кто сомневался, что это будет российско-грузинская война. Москва неоднократно и открыто предупреждала Тбилиси, что готова вмешаться для защиты жителей Южной Осетии, которых она рассматривала как российских граждан» [9, с. 23]. Но руководство Грузии игнорировало эти предупреждения в расчете на блицкриг и на то, что Россия не посмеет вмешаться. Грузинские войска атаковали не только Цхинвал, но и российских миротворцев, которые находились в Южной Осетии с 1994 г.

Война приняла скоротечный характер: 10 августа российские войска выбили грузинские части из Цхинвала. К тому времени Россия уже имела в Южной Осетии 10 тыс. военнослужащих и более 150 единиц боевой техники. Одновременно в Абхазии были размещены около 9 тыс. солдат и офицеров. По существу, был создан второй фронт в противостоянии России с Грузией. С точки зрения России, ее действия были абсолютно обоснованными, призванными обеспечить не только защиту русскоязычного населения Южной Осетии, но и стратегические интересы в Закавказье. Впервые после окончания холодной войны Россия действовала решительно и бескомпромиссно и продемонстрировала свою военную мощь. Это получило соответствующую оценку на Западе, который давно уже отвык от того, что Россия – суверенная и великая держава. Что касается последствий этой скоротечной войны, то они не поддаются точному прогнозу. Россия разрубила гордиев узел, казалось бы, неразрешимых противоречий. Она воспользовалась прецедентом Косово и поступила так же, как раньше поступил Запад в отношении независимости этого в прошлом автономного края в составе Сербии. К тому же интересы России требовали должного обеспечения безопасности ее южных рубежей с учетом, в частности, стремления Грузии вступить в НАТО и благосклонности Запада относительно таких намерений грузинского руководства.

После августовского конфликта в отношениях между Россией и Грузией вновь воцарилась атмосфера холодной войны. Режим Саакашвили не признал независимость Южной Осетии и Абхазии, более того, в Тбилиси был принят закон «Об оккупированных территориях». Этот закон, по сути, объявляет блокаду бывших грузинских автономий, в частности запрещается вся экономическая деятельность Абхазии и Южной Осетии. Исключения могут быть сделаны при наличии специальных разрешений и при условии, что такая деятельность соответствует «национальным интересам Грузии, целям мирного урегулирования конфликтов, прекращения оккупации, укреплению доверия или гуманитарным целям».

Каковы же перспективы урегулирования конфликтов на Южном Кавказе?

Вплоть до октября 2012 г., т.е. до парламентских выборов в Грузии, на которых партия Саакашвили «Единое национальное движение» потерпела поражение, таких перспектив практически не было. С одной стороны, резкое охлаждение отношений между Москвой и Тбилиси не давало шансов на какой-нибудь диалог. Россия сделала свой выбор в августе 2008 г. и не собирается от него отступать. С другой стороны, непризнание Грузией независимости Южной Осетии и Абхазии заводит ситуацию в тупик. Трудно сказать, какие действия в отношении этих самопровозглашенных республик предпримет новый премьер-министр Грузии Б. Иванишвили, но, несомненно одно – необходимы новые нестандартные подходы и отказ от стереотипов прошлого.

Что касается Южной Осетии и Абхазии, то для них главное – это подъем экономики и инфраструктуры. Без инвестиций (прежде всего российских) этого не сделать. Россия активно участвует в восстановительных процессах в Абхазии и Южной Осетии, укрепляя тем самым свое стратегическое и политическое влияние на Южном Кавказе. Она по-прежнему играет важную роль посредника в урегулировании постконфликтных ситуаций в Закавказье, и эта роль не под силу другим державам. Таким образом, улучшение отношений Грузии со своими бывшими автономиями возможно лишь посредством улучшения ее отношений с Россией. Новое руководство Грузии, видимо, это понимает и готово

вести диалог с Москвой. Насколько этот диалог будет продуктивным, покажет время.

Война в Закавказье в августе 2008 г., как и более ранний кризис в Косово, обнажили острую проблему суверенитета и территориальной целостности страны. В условиях XXI в. и возросшей роли гуманитарного измерения происходит переоценка этих, казалось бы, прочных стереотипов. Права человека не только в идеале, но и на практике должны занимать центральное место в числе приоритетов государства, и следует признать, что если государство не в состоянии обеспечить волеизъявление и свободы граждан, то такое государство несостоятельно. За примерами далеко ходить не надо – СССР и Югославия в 1990-е гг.

Уроки войны в августе 2008 г. разнообразны и не поддаются точному подсчету. Один из них заключается в том, что возврат конфликтующих сторон в прошлое невозможен. В равной степени бесперспективны попытки разрешить острые этнополитические кризисы силовым путем. Западные аналитики считают, что Россия потерпела фиаско в реализации плана широкого международного признания Абхазии и Южной Осетии. Более того, они заявляют, что «в сложившейся ситуации (т.е. после августа 2008 г. – А.И.) России стало труднее добиваться своих целей на международной арене» [9, с. 6]. Неразрешенные до конца конфликты являются «камнем преткновения в двусторонних отношениях России с США, Евросоюзом, странами – членами ЕС. Конфликты вокруг Грузии создают помехи для проведения российской политики по реформированию ОБСЕ» [10, с. 7].

С такой оценкой позиции России трудно согласиться. Конфликты на юге Кавказа при всей их значимости и остроте не могли, да и не могут повлиять решающим образом на отношения России с внешним миром. «Перезагрузки» отношений России с США никто не отменял. Отношения России с Евросоюзом развиваются позитивно независимо от событий на Южном Кавказе и даже мирового экономического кризиса. Что касается реформирования ОБСЕ, то это давно назревший вопрос, и его надо решать параллельно с вопросом создания системы европейской безопасности в рамках широкого диалога всего европейского сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Маркедонов С.* Региональные конфликты: перезагрузка. URL: http://caucasica.org/analytics/detail.php?ID=1396 (дата обращения 23.11.2012).
2. *Гасанлы Дж.* Новая геополитическая ситуация в Черноморско-Каспийском регионе после августа 2008 г. // Черноморье – Каспий: поиск новых форматов безопасности и сотрудничества. М., 2011.
3. *Тренин Д.* POST-IMPERIUM: евразийская история. М., 2012.
4. *Арешев А.Г.* «Внешний фактор» на Кавказе и российско-армянское сотрудничество // Россия и Армения: перспективы углубления стратегического партнерства (Москва, 12 марта 2010 г.): материалы круглого стола / под ред. Д.А. Александрова. М., 2010.
5. *Тренин Д.* Указ.соч.
6. Там же.
7. Там же.
8. *Antonenko O.* A war with no winners // Survival. 2008. Vol. 50. №. 5. October – November.
9. *Чарап С., Вельт К.* План первоочередных шагов по преодолению последствий грузинских конфликтов // Аналитические доклады. М., 2011. Вып. 3 (27).
10. Там же.

УДК 9. 94

Кумпан Екатерина Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
тел.: (960) 486-83-25

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

На основе материалов Российских архивов исследована религиозная политика на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. Показано изменение религиозного законодательства Российской империи и специфика его реализации в регионе.

Ключевые слова: **религия, политика, церковь, законодательство, ислам, православие, Кавказ.**

Kumpan Ekaterina Nickolaevna

PhD in History, Associate Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Kuban State University
tel.: (960) 486-83-25

RELIGIOUS POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTHWEST CAUCASUS:BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN ARCHIVES

The religious policy in the Northwest Caucasus in the second half of the19th - early 20th centuries has been analyzed on the basis of the Russian archives. The change of the Russian Empire religious legislation and specifics of its implementation in the region has been presented.

Key words: **religion, politics, church, legislation, Islam, Orthodoxy, Caucasus.**

Исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 –2013 гг. по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.B37.21.0966)

Конфессиональная политика в российской истории – одна из сфер наиболее связанных с мифологизацией: с одной стороны религиозные чувства и развитие церковной истории значительно выходят за пределы светской истории и предполагают особый подход, с другой стороны атеистическая советская история способствовала своеобразному «откату» в современной науке к идеализации церковных отношений и периодов в истории, когда церковь определяла развитие общества и государства. Обращение к источниковой базе исследований конфессиональной политики, позволяет приблизиться к объективности.

В статье рассматривается период с 1864 по 1917 г. Нижняя хронологическая граница обусловлена завершением Кавказской войны и переходом к мирному управлению регионом, а также выделением Северо-Западного Кавказа в отдельную административно-территориальную единицу (Кубанскую область). Верхняя хронологическая граница определяется изменением политического режима России.

Учитывая численность конфессиональных групп, проживавших на Северо-Западном Кавказе [1] в период 1864-1917 гг., в статье, на основе архивных материалов, показано государственное регулирование деятельности Русской православной церкви (РПЦ), мусульман, Армянской апостольской церкви (ААЦ), католиков, протестантов, последователей старообрядчества и религиозных сект.

Необходимость интеграции Северо-Западного Кавказа в систему Российской империи обусловило необходимость укрепления влияния РПЦ на территории многосоставного региона. Управление деятельностью Русской православной церкви на Северо-Западном Кавказе происходило посредством Кавказской епархии с центром в городе Ставрополе до 1885 г., затем была создана Ставропольская епархия [2], контролировавшая Ставропольскую губернию и Кубанскую область (до 1917 г.) [3].

Для укрепления церкви необходимо было решить проблему нехватки квалифицированного духовенства, которая наиболее остро ощущалась в Закубанье. Епископ Кавказской епархии Игнатий Брянчанинов писал, что «духовенство Кавказа первоначально собиралось в этот отдаленный край из разных мест России. Выходцы эти не отличались особым благонравием, принадлежа по преимуществу к разряду людей, не надеявшихся на получение хороших мест на родине» [4]. Материалы региональных архивов показывают процесс разработки комплекса стимулирующих мер для привлечения в регион квалифицированного духовенства [5], дают информацию о методах административного контроля за деятельностью и нравственностью духовенства Северо-Западного Кавказа [6].

Параллельно с мерами по организации работы духовенства, в рамках религиозной политики Святейший Синод координировал миссионерскую деятельность РПЦ на Северо-Западном Кавказе:

были учреждены вакансии епархиальных и окружных миссионеров, определено их финансирование, формировалась епархиальная библиотека для приходских священников и миссионеров; было увеличено жалованье священников, работавших в приходах, где проживают сектанты и старообрядцы» [7].

После принятия указа «Об укреплении начал веротерпимости» и провозглашения свободы вероисповедания в 1905 г., на Северо-Западном Кавказе активизируется деятельность неправославных конфессий, повышается религиозная мобильность, в том числе из православия [8]. Зафиксированные в законодательстве принципы регистрации религиозных общин вводили ограничения на деятельность отдельных конфессий [9], однако задачам религиозной политики на Северо-Западном Кавказе соответствовала разработка комплекса мер, которые бы позволили РПЦ сохранить и упрочить свои позиции в изменяющихся условиях. В 1908-1911 г. была модернизирована миссионерская деятельность: церковь стремилась объединить и скоординировать работу прихожан, духовенства, миссионеров, привлекла православных полемистов к практической «полевой» деятельности и обучению прихожан, попыталась обеспечить не только периодическое присутствие православного в храме, но его вовлечение в приходскую жизнь, активную деятельность в общине. Полной реализации поставленных в миссионерской сфере задач помешала начавшаяся первая мировая война и революционные события, однако предпринятые действия показали способность церкви адаптироваться в условиях политического реформирования [10].

Доминантной целью, определяющей вектор религиозной политики Российской империи в отношении мусульман на Северо-Западном Кавказе, являлась необходимость обеспечить лояльность населения региона и условия для нормального экономического развития. При этом продолжалась эмиграция горцев из России [11] – отчасти эмиграцию стимулировало отсутствие законодательно закрепленной системы религиозного управления мусульманами Северо-Западного Кавказа [12]. На протяжении второй половины XIX – начале XX в. составлялись проекты управления мусульманами региона [13]. Существовало два основных варианта определения статуса мусульман Северо-Западного Кавказа: первый – мусульман региона подчинить Оренбургскому или Таврическому магометанскому собранию; второй – создать специфическую структуру самоуправления для Северокавказского региона.

В результате планы предлагались, но утверждены не были. Подчинять мусульман Северо-Западного Кавказа существующим исламским центрам в России считалось нецелесообразным из-за отдаленности структур самоуправления: ситуация в регионе требовала постоянного контроля. Создание нового самоуправляющегося духовного центра мусульман, властям представлялось рискованным, из-за опасности объединения мусульман Кавказа.

Отдельные аспекты религиозной жизни регулировались Положением об управлении горцами Кубанской области от 4 июня 1865 г.: для разбирательства «спорных и тяжебных дел» горцев в округах учреждались окружные словесные суды, дела в которых решались по адату и шариату [14]. Введение специальных судов для горцев должно было унифицировать систему отправления правосудия для всех горцев Кубани, однако администрация столкнулась с проблемой конфессиональной неоднородности горцев – в горских судах разбирались дела, в которых участвовали осетины, являвшиеся православными. В результате с 1893 г. из ведомства горских словесных судов изымались дела, возникавшие в «Кубанской области между осетинами православного исповедания или по односторонним их просьбам». Разбирательство таких дел отныне должно было производиться «мировыми и общими судебными установлениями по правилам, изложенным в уставе гражданского судопроизводства» [15].

Межкультурные контакты населения Северо-Западного Кавказа, в сочетании с государственным статусом РПЦ способствовали переходу некоторых горцев в православие. В ходе Кавказской войны горские дети иногда попадали в казачьи семьи, часто эти дети воспитывались в православных традициях. После завершения войны в Кубанское областное правление поступали прошения о крещении горских детей, живших у казаков [16]. Местная администрация, в соответствии с законом, требовала письменного подтверждения согласия родителей или опекунов несовершеннолетних, при отсутствии документа крещение не производилось [17]. Переходы в православие совершеннолетних горцев [18] приветствовались, но светские и епархиальные власти следили за тем, чтобы крещение осуществлялось добровольно, с пониманием смысла этого поступка. После крещения, горцев, согласно общероссийской практике, старались переселять в станицы и города, как правило, по выбору крещенного (на это переселяющимся могло выдаваться денежное пособие [19]) считая, что поселение новокрещенного в православную среду будет способствовать укреплению веры [20]. Указанное правило действовало до начала XX в. – позже областные власти вели наблюдение за тем, чтобы права горцев, принявших православие, но не сменивших место жительства, не ущемлялись их бывшими единоверцами [21]. Отметим, что иногда горцы обращались к властям с просьбой позволить им после крещения поступить

на службу в Кубанское казачье войско [22].

В рамках либерализации религиозного законодательства в начале XX в. принципиальных изменений в системе управления мусульманами Северо-Западного Кавказа не произошло – на практике в регионе религиозная жизнь последователей ислама корректировалась распоряжениями местного начальства с учетом общероссийского законодательства. В ноябре 1911 г. по указанию Департамента духовных дел в Кубанской области проводился сбор сведений, который показал, что система управления мусульманами, сформированная в административном порядке, обеспечивает достаточный контроль над горским духовенством, за системой горского судопроизводства и образования мусульман [23].

Согласно архивным материалам, Армянская Апостольская церковь, в соответствии с утвержденным 11 марта 1836 г. Положением об армяно-григорианской церкви в Российской империи, имела автономное устройство. Высшее управление ААЦ принадлежало Эчмиадзинскому патриарху – католикосу всех армян [24]. В 1860-1870 гг. в контексте международных отношений, сохранялись привилегии ААЦ: Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел «приписывали эчмиадзинскому патриаршему престолу и его пастве неоспоримо важное значение в деле политического влияния… на Востоке» [25]. С отменой наместничества на Кавказе в 1881 г. произошло общее изменение курса политики на Кавказе: «обрусение туземцев было признано первейшей задачей новой кавказской администрации, а школа – лучшим к тому орудием» [26]. 16 февраля 1884 г. были утверждены Правила об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе [27]: некоторые школы на территории Северо-Западного Кавказа были закрыты, как несоответствующие Правилам, при этом распоряжение о передаче в учебное ведомство армянских школ сопровождалось конфиденциальным письмом в штаб Кавказского военного округа: «предвидя, что таковая мера вызовет в известной части армянского народа превратные толки и сенсацию и подвернется тенденциозному обсуждению… признать необходимым, что в выходящих в крае изданиях не допускалось рассуждений, имеющих целью поколебать значение принятой меры». В марте было сделано распоряжение местной администрации установить наблюдение за преподавателями закрытых школ с целью недопущения тайного обучения армянских детей [28].

В ноябре 1896 г. последовало циркулярное распоряжение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе с приложением Высочайше утвержденных 16 марта 1891 г. Правил о применении карательных мер, в административном порядке, к армяно-григорианским священнослужителям [29].

2 июня 1897 г. и 26 марта 1898 г. были изданы акты по которым открывавшиеся при церквях и монастырях ААЦ школы должны были подчиняться Министерству народного просвещения на общих основаниях с другими начальными школами, Кавказскому начальству было поручено принять в свое ведение имущество церковных армянских училищ, а ААЦ было разрешено возбуждать судебные иски. Церковь воспользовалась этим правом и выигрывала дела [30].

В 1900 г. Г.С. Голицын (главночальствующий гражданской частью на Кавказе) предложил «вообще отобрать имущества у армянской церкви, ссылаясь на принцип секуляризации церковных имуществ, давно уже признанный русским правительством по отношению к православной церкви, католиками в Царстве Польском, а также и правительствами западных стран». 12 июня 1903 г. проект был утвержден. После публикации закона резко усилилась активность революционных организаций армян: если ранее их деятельность была направлена против Турции, то теперь ими было заявлено, что они «переносят деятельность в Россию и вступают в борьбу с самодержавной бюрократией» [31]. Представители армянской интеллигенции образовывали «комитеты самообороны», заявлявшие целью своей деятельности «показать правительству, что с армянами оно не может делать все, что ему угодно». Общественность требовала от духовенства не передавать имущества [32].

В документах, исходивших от Департамента духовных дел, говорилось о негативной и потенциально опасной реакции духовенства ААЦ, о распространявшемся в среде армяно-григориан мнении о предстоящем насильственном обращении в православие, и о возможной передаче армянских церквей РПЦ. Сопротивление армян усиливалось. Также протест заявило турецкое духовенство, указывавшее на то, что имущество принадлежит не русско-подданным армянам, а всей ААЦ.

Сложившаяся ситуация и изменения состава Кавказской администрации повлекли пересмотр политики в отношении армяно-григорианской церкви – 1 августа 1905 г. указом императора был отменен закон 12 июня 1903 г. Армянской церкви возвращались недвижимые имущества и капиталы [33].

Значительная часть католиков и последователей евангелическо-лютеранской церкви на Северо-Западном Кавказе являлась колонистами, и в силу специфики положения колонистов в области их вероисповедные права не подвергались ограничениям. Религиозная политика изменяется во втором десятилетии XX в., в контексте осложнения отношений с Германией и Австро-Венгрией.

Уже 2 февраля 1910 г. МВД разослало циркуляр с требованием предоставить сведения о религиозных общинах католиков и протестантов в колониях и других населенных пунктах Северо-Западного Кавказа [34]. Колонии и отдельные представители указанных конфессий были поставлены под наблюдение. В годы Первой мировой войны колонии католиков и протестантов, особенно населенные немцами, были объектами постоянного внимания властей, права колонистов ограничивались, однако причины ограничений находились не в конфессиональной, а во внешнеполитической сфере [35].

Период с 1861 по 1903 г. характеризуется рядом преобразований в конфессиональной политике, затрагивавших положение старообрядцев и сектантов. Нетерпимость правительства в отношении «раскольнических исповеданий» в период правления Александра II была несколько ослаблена. 4 сентября 1863 г. вышло «Положение о дозволении раскольникам причисляться к городам Кавказа на тех же основаниях, какие допущены вообще в России» [36]. В конце 1864 г. было разослано в епархии и распространено по всем церквям «наставление для руководства» [37], на основе которого формируется модель совместной работы светских и административных властей: в документе отмечалось, что «состоящие в расколе от рождения», не должны были «преследоваться за мнения о вере», при этом «им строго воспрещается распространять свои убеждения между православными и вообще уклоняться от исполнения общих, законами определенных, правил благоустройства». На гражданское начальство возлагалась обязанность наблюдения за старообрядцами и сектантами и «недопущением на будущее время из-за границы раскольнических духовных лиц» (в 1870 г. было сделано исключение для «представителей менее вредных сект») [38].

3 мая 1883 г. было утверждено мнение Государственного совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских» [39], предусматривавшее уменьшение правовых ограничений для религиозных групп, определявшихся как «менее вредные». Одновременно подтверждалась наказуемость «публичного оказательства раскола» (в Кубанской области в каждом отдельном случае по подозрению публичной проповеди учения старообрядцев и сектантов проводилось расследование [40]) и оставалось запрещенным строительство старообрядческих храмов. Анализируя на основе архивных материалов специфику реализации закона 1883 г. на территории Северо-Западного Кавказа, можно сделать вывод о том, что власти, учитывая основную функцию казаков – несение военной службы – относились к казакам-раскольникам более терпимо, чем в неказачьих регионах [41]. Также местная администрация стремилась выявить религиозные движения, рассматривавшиеся в XIX в. как потенциально опасные [42].

В марте 1906 г., после согласования свода законов с указом «О веротерпимости» были введены изменения уголовного законодательства, закрепившие продекларированные принципы, 10 октября 1906 г. вышел указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов [43]». Законы давали право легализации религиозных общин в России на Северо-Западном Кавказе [44]. Светская власть тщательно разработала и зафиксировала в законе не только юридический статус общин, но и принципы их внутреннего устройства, подчинив их местным властям. Если действия общины противоречили закону, то она могла быть закрыта в соответствии с постановлением губернского или областного правления [45].

С начала Первой мировой войны отмечались отказы от военной службы баптистов, адвентистов, меннонитов, евангельских христиан, молокан, толстовцев и представителей других религиозных течений. Наиболее сильны были антивоенные настроения в евангелических, лютеранских и баптистских общинах. Государство стремилось не допустить распространения в обществе идей, подрывавших авторитет правительства. В прессе был помещен целый ряд статей, посвященных рассмотрению русского сектантства: происхождение ряда религиозных групп властями приписывалось влиянию германских миссионеров, командированных в империю для насаждения немецкого вероучения с целью религиозной реформации России. В переписке министра внутренних дел и наказного атамана Кубанского казачьего войска указывалось, что рационалистическое сектантство, «в корне проникнуто противогосударственными тенденциями». Отдельные общины были закрыты [46]. С 1917 г. контроль за деятельностью религиозных организаций ослабевает вследствие смещения политических акцентов.

Специфика религиозной политики России на Северо-Западном Кавказе определялась необходимостью умиротворения региона, его интеграции в политическое и экономическое пространство империи. Религиозные процессы регулировались на основе общероссийского законодательства, но администрация региона вводила дополнительные коррективы, варьировавшиеся в зависимости от ситуации от использования дополнительных ограничений и запретов до расширения рамок религиозной свободы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи: Кубанская область. СПб., 1905. Т. 54.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1002. Л. 3; Там же. Д. 1258. Л. 2об.
3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 74. Д. 890. Л. 16.
4. Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М., 2002.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 574. Оп. 1. Д. 1675. Л. 1, 17.
6. ГАКК. Ф. 352. Оп. 2. Д. 385. Л. 16; ГАСК. Ф. 135. Оп. 20. Д. 599. Л. 2; Там же. Оп. 27. Д. 813. Л. 10, 12-23.
7. Там же. Оп. 46. Д. 88. Л. 1, 6, 7.
8. Там же. Ф. 439. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.
9. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 3. Л. 10.
10. ГАСК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 43; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2301. Л. 22.
11. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 222. Л. 1, 2; ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 364. Л. 1, 11–12.
12. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 14–15.
13. Там же. Ф. 318. Оп. 6. Д. 945. Л. 4.
14. Там же. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 7; Там же. Д. 172. Л. 5, 12; Там же. Д. 270. Л. 4.
15. Там же. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1616. Л. 115-116, 129.
16. Там же. Ф. 774. Оп. 1. Д. 354. Л. 1–3.
17. Там же. Д. 154. Л. 10.
18. Там же. Ф. 774. Оп. 2. Д. 10. Л.1; Там же. Д. 94. Л. 1, 4, 9.
19. Там же. Д. 423. Л. 18.
20. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 289. Л. 1; Там же. Ф. 774. Оп. 2. Д. 422. Л. 2; Там же. Д. 96. Л. 1–2; Там же. Ф. 452. Оп. 1. Д. 3724. Л. 1–9.
21. Там же. Ф. 449. Оп. 3. Д. 3770. Л. 4; Там же. Д. 3778. Л. 16.
22. Там же. Ф. 774. Оп. 2. Д. 80. Л. 1, 7.
23. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 1; Ф. 449. Оп. 3. Д. 3779. Л. 5.
24. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830.
25. Там же. Ф. 821. Оп. 7. Д. 96.
26. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 42.
27. Там же. Ф. 821. Оп. 7. Д. 222. Л. 45.
28. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 2004. Л. 1, 56.
29. Там же. Д. 2060. Л. 1.
30. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 96.
31. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 44, 48, 62–66.
32. Там же. Ф. 821. Оп. 7. Д. 286. Л. 78–80.
33. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 88–89.
34. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 1830. Л. 1, 5, 6, 12.
35. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5834. Л. 12–13, 20–23.
36. Там же. Ф. 452. Оп. 1.Д. 206. Л. 53; Там же. Ф. 318. Оп. 2. Д. 679. Л. 107.
37. ГАСК. Ф. 135. Оп. 22. Д. 100. Л. 1.
38. Там же. Ф. 135. Оп. 28. Д. 13. Л. 20.
39. ПСЗ. Собр. 3-е. 1883. Т. 3. Ст. 1545.
40. ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 501. Л. 2; ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 230. Л. 1, 4, 26; Там же. Д. 144. Л. 3, 21, 25, 29.
41. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 35. Л. 1, 14, 27, 58, 77, 83; Там же. Ф. 318. Оп. 2. Д. 2003. Л. 12–13, 15.
42. Там же. Ф. 449. Оп. 3. Д. 606. Л. 1, 3, 8; Ф. 452. Оп. 1. Д. 3725. Л. 1–2.
43. ПСЗ. Собр. 3-е. 1906. Т. 26. Ст. 27560, 28424.
44. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 445. Л. 69–73; ГАСК. Ф. 439. Д. 83. Л. 2, 7.
45. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 3. Л. 10; Ф. 449. Оп. 2. Д. 1831. Л. 1, 3–7, 16.
46. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5843. Л. 1–2; Ф. 774. Оп. 2. Д. 155. Л. 1-2, 33, 34.

УДК 94(470.62) “1918”

Лобанов Владимир Борисович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета тел.: (952) 282-90-22

Lobanov Vladimir Borisovich

PhD in History, Associate Professor of the Department of History and Law of St. Petersburg State Forestry Engineering University tel.: (952) 282-90-22

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: БОРЬБА ЗА СТАВРОПОЛЬЕ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1918 г.

THE CIVIL WAR IN THE NORTH CAUCASUS: FIGHTING FOR STAVROPOL REGION DURING THE SUMMER AND AUTUMN OF 1918

В статье предпринята попытка проанализировать один из эпизодов Гражданской войны на юге России, а именно противостояние Добровольческой армии под командованием генерала А.И. Деникина и Северо-Кавказской, а позднее XI и XII армий Южного фронта РСФСР, сменивших за указанный период нескольких командующих. Показано положение противоборствующих армий накануне разгрома красных сил на Северном Кавказе на рубеже 1918-1919 гг. Вводятся в научный оборот новые архивные данные из ГАРФ, РГВА И РГАСПИ.

Ключевые слова: **Гражданская война, Северный Кавказ, Деникин, Врангель, Шкуро, Ставрополь.**

The article attempts to analyze one of the episodes of the Civil War in the south of Russia, namely the opposition of the Voluntary Army under the command of General Denikin and the North Caucasus Army and later the 11th and 12th Armies of the Southern Front of the RSFSR that had changed several commanders over the period. The position of the opposing armies on the eve of the defeat of the Red forces in the North Caucasus at the turn of 1918-1919 has been shown. The new archival data from SARF, RSMA and RSASPH have been introduced into scientific circulation.

Key words: **Civil War, North Caucasus, Denikin, Wrangel, Shkuro, Stavropol.**

Летом 1918 г. гражданская война в России только разгоралась, постепенно принимая непримиримый характер. Одним из ожесточенных театров боевых действий этого периода стал юг страны, где силам Добровольческой армии белых противостояла Северо-Кавказская, а чуть позже XI армия красных. Борьба на ставропольском направлении летом 1918 г. приняла затяжной характер, здесь установилось относительное равновесие сторон, что с одной стороны можно объяснить малочисленностью белых, а с другой неорганизованностью красных сил. Сразу после взятия в июле 1918 г. Ставрополя отрядом А.Г. Шкуро его атаковали превосходящие красные отряды. Их главными недостатками, не позволившими отбить город, были партизанщина, имевшая здесь наиболее широкое распространение. Ставропольские силы действовали самостоятельно, не подчинялись командованию Северо-Кавказской армии до образования РВС XI армии, т.е. до начала октября 1918 г. [1]. Количество этих сил несколько противоречиво. По некоторым подсчетам отряды Благодарненского и Александровского уездов к августу 1918 г. насчитывали в своих рядах до 10 тыс. чел. [2], те же цифры приведены у А.И. Деникина [3]. Несколько другое количество красных называет в своей монографии В.Т. Сухоруков – до 20 тыс. штыков и сабель [4]. С этими силами в августе 1918 г. красные предприняли штурм города [5], отбитый благодаря использованию белыми разветвленной сети железных дорог в районе. Генерал А.А. Боровский, объединивший здесь все имевшиеся в наличии силы, несколькими ударами оттеснил красных на линию Петровское – Донская Балка – Сухая Буйвола – Медведское, затем до района Кевсалы [6]. В ходе этого наступления фронт был отодвинут от Ставрополя на восток и северо-восток примерно на 100 км. В сентябре на ставропольском фронтовом съезде произошла реорганизация красных сил [7]. Советское военное руководство создало 2 пехотные дивизии и кавалерийскую бригаду, 19 сентября 1918 г. был создан так называемый Ставропольский фронт [8]. На сентябрь его численность была более 23 тыс. бойцов. Этими реорганизованными силами советское командование в сентябре перешло в наступление в направлении Торговая – Медвежье – Донское. К середине октября накал боев несколько спал, так как дивизия А.А. Боровского, бывшая основной белой силой здесь, была переброшена в район Ставрополя в связи с начавшимся решающим сражение за город. Операция против города, была удачной для красных потому, что по словам белого источника, добровольческое командование не располагало точными сведениями о направлении удара [9]. 15(28) октября 1918 г. красные выбили дроздовцев из Ставрополя, за что получили от ВЦИК РСФСР почетное революционное Красное Знамя, что косвенным образом указывает на ожесточенность боев и немалые усилия, затраченные для победы. На такой победоносной волне красные вполне могли развить

свое наступление, однако начавшаяся авантюра И.Л. Сорокина против руководства Северо-Кавказской республики сказалась отрицательно на ходе операции. Е.И. Ковтюх в своих мемуарах в качестве причины последующего поражения советских сил и сдачи Ставрополя указывал на то, что таманцы, остановив свое успешное продвижение, в течение 20 дней были вынуждены вести тяжелы оборонительные бои [10]. В.Т. Сухоруков же делал упор на нехватку боеприпасов и подкреплений для дальнейшего наступления. Тем временем белым удалось в значительной степени стабилизировать положение, перебросив в район ставропольских боев дополнительные силы с других участков фронта. Началось постепенное стратегическое окружение города. Все красные части, действовавшие в районе Ставрополя, подчинялись командованию Таманской армии, что и было подтверждено позднейшим приказом от 22 ноября 1918 г. (по новому стилю) [11]. Даже после такого подчинения силы красных были на исходе. Оставалось единственное решение – прорыв. Благодаря тому, что белые в свою очередь были истощены многодневным беспрерывным сражением, красным не составило особого труда прорваться на северо-восточном участке белого окружения [12]. 2(15) ноября 1918 г. Ставрополь попадает в руки белых. И хотя город располагался на западе губернии, почти на границе с Кубанью, именно после его взятия начинается методичное выдавливание красных в восточном направлении, при общей нестабильности красного тыла, о чем будет сказано позднее.

Потери обеих сторон в ходе ставропольского сражения были огромными, однако наиболее существенные потери, несомненно, понесли белогвардейцы. Получил смертельное ранение полковник М.Г. Дроздовский, который приводом своего отряда из Румынии практически спас Добровольческую армию от разгрома. «Цветные» части, бывшие опорой белого движения, понесли невосполнимые потери. С мнением Антона Ивановича Деникина по поводу того, что белая армия гибла второй раз после Ледяного похода, можно вполне аргументировано поспорить. Не стоит забывать, что второй раз белые были на грани поражения во 2-м Кубанском походе в боях под Кореновской, имевших место в июле 1918 г., когда былым удалось избежать поражения только благодаря неумелому руководству И.Л. Сорокина. Так что ставропольские бои были третьим, а не вторым разом, когда решалась судьба белой армии. В эмигрантской литературе нередко встречалось утверждение о том, что после борьбы за Ставрополь красные были полностью разбиты и не смогли оправиться, наиболее же корректным будет утверждение о том, что хотя красные и были разбиты, но уничтожены не были.

Несмотря на огромные потери в ходе предыдущих боев, обе армии провели реорганизацию своих войск. Что касается Северного Кавказа, то здесь белая армия представляла собой 3 корпуса (1-ый армейский Б.И. Казановича, 3-й армейский В.П. Ляхова и 1-ый конный П.Н. Врангеля) и группу С.Л. Станкевича. Эти войска растянулись узкой полоской от Маныча до Минеральных Вод, решающие же сражения проходили на центральном участке фронта, в районе дислокации корпусов П.Н. Врангеля и Б.И. Казановича. Красные, сознавая всю опасность потери Северного Кавказа, в свою очередь начали бурную организационную деятельность. Приказом от 2 ноября 1918 г. из состава Южного фронта был выделен для успешной боевой деятельности (местный театр боевых действий, наконец, посчитали не менее важным, чем, например, царицинское направление) Кавказско-Каспийский отдел в составе XI и XII армий [13]. Штаб и РВС (председатель А. Шляпников) базировались в Астрахани. Повторялась та же история со штабом Северо-Кавказского округа и тогда еще Северо-Кавказской армией, т.е. плохая неорганизованная связь, скоропалительные несоответствующие реальной военной обстановке приказы, и самое главное, неспособность оказать реальную помощь боеприпасами и подкреплениями: войска и штаб разделяли астраханские и калмыцкие степи и полупустыни. Все пороки командования повторялись в мелочах, и разумеется на успех невозможно было рассчитывать. Это явилось одной из причин поражения советской власти в регионе.

9(22) ноября 1918 г. в Астрахань прибыл командующий отделом военспец, бывший полковник М. Свечников, 8(21) декабря 1918 г. отдел был преобразован в самостоятельный фронт: это означало, что регион окончательно приобрел самостоятельное военно-стратегическое значение. Однако на местах эта реорганизация почти никак не отразилась, там шла своя «преобразовательная» деятельность, которая не помогала, а только медленно подтачивала красные силы. В качестве доказательства можно привести очень характерный факт: за период с конца 1918 г. по начало 1919 г. сменилось несколько командующих XI-й армии, принимавшей на себя главный удар белой армии. После отстранения со своего поста И.Л. Сорокина, командующим армии становиться И.Ф. Федько, командовавший до этого войсками одной из колонн красных войск. Однако на этом посту И.Ф. Федько долго не задержался: 30 ноября 1918 г. армией стал командовать очередной военспец В. Крузе, а И.Ф. Федько становился его помощником [14]. 13 января 1919 г. приказом № 31

сначала В. Крузе, по ходатайству Чрезвычайного комиссара юга России Г.К. Орджоникидзе, был сменен на военспеца, бывшего штабс-капитана М. Левандовского. Шел какой-то лихорадочный поиск наиболее приемлемой кандидатуры на столь ответственный военный пост, перебирались видимо все возможные претенденты: очевидно, что выбор был не столь широким. Чувствовалась какая-то надорванность, обреченность в действиях красных, что связано в определенной степени с большими потерями в составе таманских войск, бывших ударной силой XI-й армии. Кажется целесообразным несколько остановиться на этом вопросе.

20 ноября 1918 г. был издан очередной приказ по красным войскам о подчинении всех советских сил, действовавших в Ставропольской губернии, Таманской армии. Видимо предыдущие приказы по этому поводу не исполнялись. Сами таманские силы по очередной реорганизации должны были составить 1-й корпус (всего в армии планировалось создать 4 пехотных, 1 кавалерийский корпус и 1 кавалерийскую дивизию). Практически все эти силы действовали на территории губернии, и получили сначала название Ставропольского, а затем Северного фронта XI-й армии [15]. Именно здесь на центральном участке фронта, где таманцам противостояли корпуса П.Н. Врангеля и Е.И. Казановича, решилась судьба Ставропольской губернии. Что касается командования этим участком, то во главе него с 23 ноября 1918 г. становится еще не совсем выздоровевший Е.И. Ковтюх, еще одна колоритная личность, в определенной степени самородок, проявивший себя в ходе гражданской войны в регионе. Будучи по происхождению иногородним кубанской станицы Полтавской, он организовал в 1918 г. отряд из таких же, как и он сам, иногородних соседних станиц, сражался с немцами и казаками на Тамани, оборонял Екатеринодар, затем командовал ударной силой Таманской армии – 1-ой колонной в ходе легендарного Таманского похода, после расстрела И.И. Матвеева возглавил армию, и вот теперь ему доверили ответственейший участок фронта. На последующие его действия, которые он сам же потом признавал неоправданными, повлияли в первую очередь обстановка на фронте и по-видимому недолеченная болезнь. Прибыв 25 ноября 1918 г. в с. Петровское, в расположение подчиненных ему войск, первым мероприятием, которое он по его же словам провел, была мобилизация в остававшихся под контролем советской власти уездах губернии всех мужчин до 40 лет. Е.И. Ковтюх сам пишет о том, что тем самым он включил контрреволюционные элементы в пошатнувшиеся войска. Здесь опять встает вопрос об отношении ставропольского крестьянства к советской власти и ее мероприятиям, в частности к мобилизации. В целом Ставрополье было середняцким регионом. Следовательно должна была развернуться «борьба за крестьянина». В.И. Ленин на протяжении всего 1918 г. в ряде статей указывал, что «рабочий класс вовсе не обязан расходиться со средним крестьянином» [16], что «средний крестьянин нам не враг… уметь достигнуть соглашения со средним крестьянином… это задача момента». Судя по происходившим в Ставрополье событиям, очевидно, органы советской власти не справились с поставленной высшим руководством задачей. Нестабильность положения большевиков, переход сел из рук в руки, постоянное исполнение различных повинностей, снабжение войск обеих сторон продовольствием и лошадьми не способствовало, конечно же, формированию положительного образа как красных, так и белых. Но не следует забывать, что в губернии существенную роль играла эсеровская организация, ее деятели то уходили в тень, то опять появлялись на губернской политической арене. И объективно деятельность эсеров играла на руку белогвардейцам. В губернии в конце 1918 г. эсеры активизировали свою деятельность. Более того, среди мобилизованных крестьян шла агитация «не воевать», а в Святом Кресте шла усиленная подготовка к провозглашению Ставропольской Народной Демократической Республики. И здесь речь не может идти только о каких-то «кулацких группах», которые открыто переходили на сторону белых, как утверждал В.Т. Сухоруков. Крестьянская община, как правило, выступала единым фронтом, порой независимо от материального положения ее членов, против внешнего фактора, в данном случае против мобилизации в красную армию. Это не противоречит словам Я. Полуяна, председателя РВС XI армии, который прямо отметил переход некоторых красных частей на сторону противника в качестве одной из причин поражения в Ставрополье. Несколько сдержаннее позиция Н. Какурина по этому вопросу, который отмечал, что пополнявшие XI армию крестьяне либо не желали воевать, либо открыто сочувствовали белой армии [17]. В работе Ф. Головенченко и Ф. Емельянова акцент сделан на других причинах поражения, в частности основным по их мнению являлось то, что мобилизация в XI армию шла параллельно мобилизации, проводимой руководством губернии, т.е. из этого утверждения вполне очевидно вытекает вывод о том, что даже после всех реорганизаций красных вооруженных сил фактически не существовало единого военного командования. И все это на фоне не прекращавшихся ожесточенных боев в центре губернии. Другим несколько спорным утверждением является то, что якобы красная армия способствовала распро-

странению эпидемии тифа в губернии. Тем не менее, именно эта эпидемия по чересчур категоричному мнению Я. Полуяна явилась якобы основной причиной поражения XI армии, а вовсе не Добровольческая армия. Очевидная спорность этого утверждения видна хотя бы из того факта, что эпидемия не щадила и белогвардейцев, что однако не помешало им одержать победу.

В ноябре 1918 г. бои восточнее Ставрополя приняли затяжной характер. Они были более невыгодны для белых, т.к. обстановка на других участках белого южного фронта складывалась неблагоприятно: закончилась Мировая война, германские войска стали уходить с Украины, донской фронт был прорван и требовал переброски туда значительных подкреплений. Единственной реальной силой, способной оказать военную помощь донскому казачеству, являлась Добровольческая армия, а она в свою очередь была скована ожесточенными боями в Ставрополье. Видимо приказ А.И. Деникина от 24 ноября 1918 г. о переходе в наступление белой армии, в которой корпусу П.Н. Врангеля отводилась решающая роль, мотивировался именно такими соображениями. Лихорадочная смена красного военного руководства отразилась роковым образом на ходе всего вооруженного противостояния на Северном Кавказе на рубеже 1918-1919 гг., перевесила чашу весов на сторону Белой армии, и Ставропольский участок сыграл в этом немаловажную роль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Полуян Я.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1921.
2. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5895. Оп. 1. Д. 13. Л. 6об.
3. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май-октябрь 1918. Минск, 2002.
4. *Сухоруков В.Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918 – 1920 гг.). М., 1961.
5. *Краснов Г.Д.* Очерки по истории гражданской войны в Ставрополье // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 1. Ставрополь, 1949.
6. ГАРФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 13. Л. 10об.
7. *Головенченко Ф., Емельянов Ф.* Гражданская война в Ставропольской губернии (1918-1920 гг.). Ставрополь, 1928.
8. *Иванько Н.* За власть Советов. Ставрополь, 1957.
9. ГАРФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 13. Л. 102.
10. *Ковтюх Е.И.* «Железный поток» в военном изложении. М., 1935.
11. Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 39720. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.
12. ГАРФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 13. Л. 133.
13. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). Сб. док. в 4-х т. М., 1971. Т. 1.
14. Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 699. Л. 8об.
15. *Горлов В.* Героический поход. М., 1967.
16. *Ленин В.И.* Избранные сочинения в 10-и т. М., 1987. Т. 8.
17. *Какурин Н.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1.

УДК 93/94 (470+571)

Матвеев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета тел.: (918) 081-00-47

Matveev Oleg Vladimirovich

Doctor of History, Professor of the Department of Pre-Revolutionary National History of Kuban State University tel.: (918) 081-00-47

ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ XVIII – XIX вв. В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРОВ КАВКАЗСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: РАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

RUSSIA'S POLICY IN THE CAUCASUS IN THE 18TH AND 19TH CENTURIES IN THE INTERPRETATION OF THE AUTHORS OF THE CAUCASIAN COUNTRIES: RATIONAL IDEAS AND FALSIFICATION OF HISTORY

Статья посвящена характеристике истории политики России на Кавказе в работах представителей кавказского зарубежья. В работе показана идеологическая подоплёка этих сочинений, которая позволяет рассматривать их скорее в русле преследующей определённые цели национально-политической публицистики, нежели собственно историографии.

The article is devoted to the history of Russia's policy in the Caucasus in the works by the Caucasus countries. The ideological background of these writings is shown which allows to consider them more in line with certain purpose-driven national political journalism, rather than actual historiography.

Ключевые слова: **политика России на Кавказе, фальсификация, кавказское зарубежье, историография, национальная идеология.**

Key words: **Russian policy in the Caucasus, falsification, Caucasian diaspora, historiography, national ideology.**

Статья написана при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.B37.21.0966)

Интерпретация истории политики России на Кавказе сегодня нередко вовлечена в мозаику воюющих между собой национальных историографий. При подборе аргументов нередко раздаются призывы обратить внимание на опыт, накопленный авторами кавказского зарубежья. В статье предпринята попытка характеристики основных тенденций исторической литературы, вышедшей из под пера представителей кавказской диаспоры в Турции и в других странах.

Историю региона с древнейших времён до середины XIX в. охватывает книга Исмаила Беркока «Кавказ в истории» (Стамбул, 1958). И. Беркок утверждал, что «Кавказская война, начатая в 1567 г. с берегов Каспийского моря, завершилась в 1864 г в кубанских степях. Эта война продолжалась 297 лет. Горцы защищали не только себя, но и выступили против страны, которая стремилась захватить весь мир» [1, p. 349–350]. Кавказская война не могла начаться в 1567 г. и завершилась, как известно, не в кубанских степях, а на Черноморском побережье Кавказа. Но следует иметь в виду, что автор смотрел на проблему во многом глазами турецкого генерала. Исмаил Хакки Беркок (Жерештиев) (1880–1954 гг.) являлся представителем воинской элиты Турции, депутатом парламента Турецкой республики, активным членом организаций кавказской диаспоры. После Февральской революции в Российской империи, на Северном Кавказа и в Закавказье усилились сепаратистские силы, мечтавшие о «независимом» Кавказе. В поддержку сепаратистов Османское руководство попыталось организовать экспедиционный корпус из потомков махаджиров. Одним из офицеров корпуса подвизался тогда полковник Исмаил Беркок. После провала этой авантюры Беркок попытался проявить себя на ниве исторической публицистики, разжигая ненависть к России, основанную на пантюркистких и панисламистких интерпретациях истории Кавказа. Беркок изображает российско-северокавказские отношения как сплошную борьбу, утверждает, что мусульмане Кавказа, особенно сунниты, всегда искали «помощи и покровительства» со стороны султанской Турции. Генерал романтизирует прошлое кавказских народов, затушевывает имевшиеся социально-политические противоречия в истории этих народов, идеализируют тех, кто выступал против России, преувеличивая религиозный фактор [1, p. 332].

Среди представителей дагестанского зарубежья подобные подходы были характерны для Шерафеддина Эрела (1882–1975 гг.). Он родился в лакской семье в селении Согратль Гунибского

округа Дагестанской области, получил религиозное образование в сельском медресе. После установления советской власти в Дагестане эмигрировал в Турцию [2, с. 32]. Здесь Ш. Эрел стал видным нумизматом и историком, печатался в турецких газетах и журналах «Исторический мир», «Азербайджанское краеведение», «Историко-географический мир» и др. Крупным историко-этнографическим сочинением Ш. Эрела явился труд «Дагестан и дагестанцы» (Стамбул, 1961). Факты непростой истории российско-кавказских взаимоотношений подавались Ш. Эрелом вне совершенно конкретной исторической обстановки, в русле концепции жестокого колониального завоевания, которое сопровождалось массовым геноцидом. Восхищаясь героизмом дагестанцев в борьбе против Надир-шаха, Эрел «сожалеет» о «жестокостях русских», которые «заставили» кабардинцев принять свое подданство. Автор писал, что «Россия насильственно заставила горцев, в частности кабардинцев, принять русское покровительство», а тех, кто сопротивлялся, русские «поголовно истребили» Так русские власти поступили с ногайцами Северного Кавказа [3, p. 111–112.]. Современные кавказоведы пришли к справедливому выводу, что разгром генералом Якоби княжеской «фронды» в Кабарде, взятие с кабардинцев «баранты» и принуждение их к присяге можно считать мерами со стороны России ответными: неприятие их привело бы к расширению антироссийских выступлений кабардинских князей, претендующих на собственное доминирование на Центральном Кавказе [4, с. 15]. Что же касается ногайцев, то в письме, отправленном Екатерине II мурзой Халил-ага-эфенди, ведавшим Едисанской, Едичкульской, Джембойлукской и частью Буджакской орды, ногайское прошение о перекочёвке было определено как политическое обязательство. Наряду с поддавшимися турецкой пропаганде противниками переселения имелись активные сторонники перекочёвки. Среди последних – Муса-бей, султан Джембойлукской орды и приятель А.В. Суворова [5, с. 185–186]. После спровоцированного нападения на Ейское укрепление был отброшен обычный суворовский девиз – «благомудрое великодушие более полезно, чем стремглавый меч». Военная акция против мятежной части ногайцев была вызвана стремлением ликвидировать очаг постоянный напряжённости в Южном Приазовье и Прикубанье. В отношении ногайцев Россия никогда не устанавливала официальной дискриминации [6, с. 53]. И хотя последствия разгрома Суворовым мятежников были весьма ощутимы, оставили горькую память в истории ногайского народа [7, с. 32], вряд ли имеет смысл подходить к силовым мерам Российской империи в конце XVIII в. с критериями национальных обид.

Среди представителей вайнахских народов в среде кавказской диаспоры Турции было наиболее заметно наследие Вассан-Гирея Джабагиева (1882–1961 гг.). Вассан-Гирей Ижиевич Джабагиев родился в семье полковника царской армии, полного Георгиевского кавалера Ижи Джабагиева. Успешно окончив Владикавказское реальное училище, Вассан-Гирей поступил на сельскохозяйственный факультет Дерптского политехнического института, а затем продолжил образование в Германии в Йенском университете, где изучал естественные науки, земледелие и экономику сельского хозяйства. По завершении учебы В.-Г. Джабагиев получает профессию экономиста в области земледелия. После Февральской революции 1917 г. он переехал в родную Ингушетию, где принял участие в создании Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана, стал министром финансов в правительстве Горской республики. С 1920 г. после установления Советской власти на Кавказе В.-Г. Джабагиев в эмиграции. Жил во Франции, в Польше, с 1938 г. осел в Турции. По мнению исследователя творчества В.-Г. Джабагиева, кандидата филологических наук Марьям Яндиевой, вместе с А. Авторхановым в этот период Вассан-Гирей «был одним из главных идеологов борьбы с советским коммунизмом и великорусским шовинизмом, видя вызовы и угрозы как для западной, атлантической, так и для меняющейся мусульманской цивилизаций» [8]. Поэтому его исторический труд «Кавказско-русская борьба» (Стамбул, 1967) явно выполнял идеологический заказ. В определении причин, принудивших кавказские народы покинуть родину, он основную тяжесть вины возлагает на Россию, пытаясь смягчить ответственность Османской империи [9, p. 73].

Идеологические мотивы прослеживаются и в книге Рамазана Трахо «Черкесы» (Мюнхен, 1956). Рамазан Трахо окончил филологический факультет МГУ, в 1932-1934 гг. работал в Институте Востоковедения с известным языковедом Н.Ф. Яковлевым, до войны был сотрудником Адыгейского научно-исследовательского института. Когда началась Великая Отечественная война, был призван в армию, в 1942 г. попал в плен. В Мюнхене Р. Трахо становится сотрудником Института по изучению народов СССР, в 1951–1954 гг. работал в журнале «Кавказ», который издавался в Мюнхене на русском, английском и турецком языках и использовался как один их рупоров холодной войны. Противоречивые процессы вхождения Центрального и Северо-Западного Кавказа в состав России Р. Трахо однозначно именует «русско-черкесской войной» [10, с. 38]. В своей книге Р. Трахо много пишет о жестокостях русских по отношениям к кавказцам, одновременно показы-

вая, каким гуманным был горский плен [10, с. 36]. Лишает работу объективности и цитирование так называемой «Декларации независимости Черкесии», которая, по мнению автора, дышит «достоинством борцов за независимость» [10, с. 45]. На самом деле эта фальшивка составлялась не горными адыгами (они не называли свою страну Черкесией), а английскими дипломатами в Стамбуле. «Декларация» была рассчитана на политико-дипломатический эффект, рассматривалась как средство давления на Россию и Турцию, была направлена против условий Адрианопольского иУнкяр-Искелесийского договоров [11, с. 653–654]. Кавказскую политику царской России Р. Трахо отождествляет с советской национальной политикой. Национальные автономии, предоставленные кавказским народам в годы Советской власти Р. Трахо определяет в заключение своей книги как «не достижение, а национальное несчастье, так как, несмотря на национально-культурный фасад, они лишены «своего собственного слова, свободы и независимости мысли» [10, с. 103]. А.Ю. Чирг, ставя в кавычки понятия «изучение» и «труды» применительно к работам кавказских эмигрантов, пришёл к выводу о том, что их публикации существенно искажали «историю внешней политики России и русско-кавказских отношений» [12, с. 25-26].

Другие работы черкесского зарубежья отличают упрощённые трактовки, тенденциозность и дилетантизм [13, с. 315–316]. Особенно это характерно для наследия Расима Рушди (1898–1978 г.), руководителя Черкесского братства в Каире, автора книг «Черкесы и Египет», «История национальной трагедии черкесского народа», «Эта моя нация». Он примитивно считал, что для создания огромной Российской империи Петру Великому потребовался «захват Кавказа и его военная оккупация» [14, с. 42]. Р. Рушди путает Екатерину I с Екатериной II, Александра II с Николем II: «После смерта Петра трон России заняла его жена Екатерина, которая проводила политику экспансии и завоевания, проводившуюся мужем. Она подстрекала предводителей казачества к нападению на черкесов, к столкновениям и стычкам с ними» [14, с. 43]; «В 1861 году царь Николай II посетил кавказский фронт. С ним встретились некоторые из черкесских лидеров» [14, с. 45–46]. Попытка Ю. Тхагазитовым объяснить фактические ошибки Р. Рушди стремлением автора к нравственным принципам [15, с. 90] несостоятельна: любые прегрешения учёного против истины означают не только измену науке, но и личное моральное падение [16, с. 14].

В подобном же духе написана работа Хавжоко Шаукат Муфти «Герои и императоры в черкеской истории». Х.Ш. Муфти родился в 1906 г. в Аммане в семье адыга-переселенца, получил образование в Германии, занимал высокие посты в правительстве Иордании. «Перехлёсты, сгущение красок – это его своеобразная реакция на то, что черкесы на чужбине – и не только там – забывают свой родной язык, всё чаще не придерживаются этикета, обычаев, не имеют понятия о трагической судьбе своих прародителей», – отмечал А.Х. Бижев. Обратив внимание «на очевидные и грубые ошибки», исследователь творчества представителя черкесского зарубежья справедливо отметил, что в книге предельно упрощённо трактуются «причины перехода Российской империи к завоевательной политике на Кавказе» [13, с. 314–315]. В то же время в книге встречаются и достаточно интересные наблюдения. Так, говоря о жестокостях Кавказской войны, Х.Ш. Муфти отмечает, что «они не могут быть приписаны русскому правительству», поскольку «не совершались по приказу, правительства, главнокомандующего или по какому-нибудь заранее разработанному плану» и были, скорее, «на совести отдельных личностей» [17, с. 224]. В 1985 г. издал на арабском языке свою первую книгу «Изгнание черкесов» Бэрзэдж Нихад Фуад (01.08.1953 г. Амасья, Турция). Он учился в университете г. Анкара на экономическом факультете, работал в Центральном агропромышленном банке Турции. В 1978–1980 гг. был членом исполкома Северо-Кавказского культурного общества, редактором газеты «Нарт Макъ». Затем жил в Сирии, в 1992 г. приехал на жительство в Адыгею, редактиоровал газету «Гъуазэ», в 1998-2000 гг. работал в секторе этнографии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Свою книгу автор рассматривает как «обвинительный документ» [18, с. 10], что уже лишает её объективности. Широчайшая и многоцветная панорама политики России на Кавказе сводится к выяснению виновных в происхождении Кавказской войны и «геноцида» горцев, к «поиску» давно заготовленного ответа на вопрос, на чьей стороне была правда. В то же время автор определённую долю вины за трагедию кавказских народов справедливо возлагает на Османскую Порту. В книге встречается немало интересных сведений об использовании черкесов османским правительством для подавления освободительного движения на Балканах. Рациональным представляется вывод Нихада Бэрзэджа о том, что «религиозные Воззрения черкесов не были решающими причинами их трагического исхода на чужбину». Это, по мысли автора, подтверждается тем, что народы Чечни и Дагестана, где ислам пустил наиболее глубокие корни, остались на исторической родине, в то время как убыхи и большинство абхазов, не являвшиеся мусульманами, стали жертвами Великого Черкесского изгнания» [18, с. 104].

Подробности биографий авторов национальных историй кавказского зарубежья, сильная

идеологическая подоплёка этих сочинений, тенденциозность и дилетантизм позволяют рассматривать их скорее в русле преследующей определённые цели национально-политической публицистики, нежели собственно историографии. Несмотря на отдельные интересные наблюдения, привлечение определённых малодоступных для российских исследователей сведений из турецких архивов, работы представителей диаспоры в своём большинстве направлены на усиление крайних взглядов на историю кавказской политики России, что представляет собой в научном плане тупик, исчерпанность и бесперспективность дальнейших изысканий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Berkok Ismail.* Tarithe Kafkasya. Istambul, 1958.
2. *Магомедов А.А.* Дагестан и дагестанцы в мире. Махачкала, 1994.
3. *Irel Serefetdin.* Dagistan ve dagistanlilar. Istambul, 1961.
4. *Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю.* Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012.
5. *Соловьёв В.А.* Суворов на Кубани. 1778–1793. Изд. 2-е, испр. и дополн. Краснодар, 1992.
6. *Матвеев О.В.* Вхождение Приазовья в состав России // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2012. № 1-2.
7. *Виноградов В.Б.* Станицы истории Средней Кубани. Армавир, 1993.
8. *Яндиева М.* Вассан-Гирей Джабагиев – ингушский энциклопедист XX века (1882-1961 гг.). URL: http://ghalghay.com/2010/04/04/vassan-girey-djabagiev-ingushskiy-enciklopedist/ (дата обращения 23.11.2010).
9. *Cabagi Vassan Giray.* Kafkas-Rus mücadelesi. Istanbul, 1967.
10. *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик, 1992.
11. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004.
12. *Чирг А.Ю.* Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе (1829–1864 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1987.
13. *Бижев А.* Адыгская история: взгляд из зарубежья // Хавжоко Ш.М. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994.
14. Это моя нация. Из-под пера Расима Рушди. Черкес рассказывает о своём народе / пер. с арабского Аубекир Гукемух. Нальчик, 1993.
15. *Тхагазипов Ю.* Прошлое не умерло, оно даже не пришло // Это моя нация. Из-под пера Расима Рушди. Черкес рассказывает о своём народе. Нальчик, 1993.
16. Основы научной работы и этики учёного: учеб. пособие / сост. Н.И. Кирей. Краснодар, 1993.
17. *Хавжоко Ш.М.* Герои и императоры в черкесской истории / пер. Б.Н. Берзегова. Нальчик, 1994.
18. *Бэрзэдж Н.* Изгнания черкесов (Причины и последствия) / пер. Н. Хуажевой, М. Губжокова. Майкоп, 1996.

УДК 314.145:316.334.52

Ракачев Вадим Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета тел.: (918) 413-18-47

Rakachev Vadim Nikolaevich

PhD in History, Associate Professor of the Department of Sociology, Kuban State University tel.: (918) 413-18-47

ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980 – НАЧАЛЕ 1990-х гг.

PROCESSES OF ETHNIC MOBILIZATION AND INTERETHNIC INTERACTION ON NORTH WESTERN CAUCASUS IN THE SECOND HALF THE 1980th – BEGINNING OF THE 1990th

Вторая половина 1980 – начало 1990-х гг. – время, которое прямо и косвенно отразилось на этнической мобилизации и межэтническом взаимодействии в стране. Специфический характер эти процессы приобрели в таком многонациональном регионе как Северо-Западный Кавказ.

Second half of the 1980th – the beginning of the 1990th – time in the country, which was directly and indirectly reflected in ethnic mobilization and interethnic interaction. These processes gained specific character in such multinational region as North Western Caucasus.

Ключевые слова: **Межэтнические отношения, политика гласности, этническая мобилизация, национальные движения, реабилитация репрессированных народов.**

Key words: **The interethnic relations, policy of publicity, an ethnic mobilization, national movements, rehabilitation of the repressed people.**

Статья написана при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.B37.21.0966)

События второй половины 1980-х гг., коренным образом изменившие отечественную историю, связаны с избранием 10 марта 1985 г. на должность Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Перед новым лидером государства стоял ряд первоочередных задач, и прежде всего преодоление системного кризиса, охватившего всю страну. Стратегия реформирования, разработанная М.С. Горбачевым и его командой, включала в себя такие элементы, как ускорение социально-экономического развития страны, политика гласности, демократизация общества.

Снятие цензуры и увеличение числа новых изданий в рамках политики гласности способствовали переменам в общественно-политической жизни. Достоянием общественности становятся некогда закрытые документы и материалы, в том числе и по национальным проблемам. Это способствовало активизации этнического самосознания, делало неизбежной реанимацию, казалось, давно решенного национального вопроса.

В условиях демократизирующегося общества новый импульс получает движение крымских татар за возвращение на историческую родину, в Крым, заявившее о себе с новой силой в июле 1987 г. многолюдной акцией в г. Москве. В это движение также включилось крымско-татарское населения Краснодарского края, компактно проживавшее в г. Новороссийске, Геленджике, Крымском, Анапском, Темрюкском и Апшеронском районах.

Для решения крымско-татарского вопроса была создана комиссия, которую возглавил Председатель Президиума ВС СССР А.А. Громыко. Рабочая группа комиссии с 29 июля по 5 августа 1987 г. посетила Краснодарский край, где состоялась встреча с лидерами крымских татар и обсуждение ряда вопросов, в частности, проблема их возвращения в Крым [1].

Пытаясь каким-то образом повлиять на ситуацию, власти проводят разъяснительную работу через краевую прессу. Так, 6 октября 1987 г. в газете «Советская Кубань» была опубликована статья «Куда ведет слепой поводырь» под рубрикой «Экстремисты из числа крымских татар затевают провокационную акцию», с целью предотвратить готовившийся «поход в Крым», приуроченный ко Дню Конституции СССР. Также, под предлогом санитарных ограничений, был закрыт въезд для крымских татар в край, и прежде всего в Темрюкский район, откуда планировалось начать поход.

Несмотря на принятые меры, 7 октября 1987 г. с 8 часов на площади станицы Тамань начался сбор лиц крымско-татарской национальности для участия в «походе в Крым». По местному ра-

дио было передано обращение с требованием отказаться от намеченной акции. Перед собравшимися людьми выступили председатель Темрюкского райисполкома Ю.А. Загоруйко и и.о. прокурора района А.М. Гноевой, обратившие внимание на противоправный характер их действий.

Тем не менее, участники шествия в Крым выступили в «поход» с лозунгами «За возвращение на Родину», но движение колоны было блокировано, шествие остановлено и пресечено в принудительном порядке.

Массовые выступления и митинги крымских татар еще продолжались какое-то время (18 октября 1987 г. в станицах Тамань, Ахтанизовская и г. Крымске, 13 декабря 1987 г. в гг. Новороссийске и Крымске, станицах Тамань и Ахтанизовская, пос. Сенном, Нижнебаканском и Архипо-Осиповке; 10 января 1988 г. в г. Крымске и станице Анапской и 17 января в г. Новороссийске и Крымске), но уже носили локальный характер.

Во многом стабилизация крымско-татарской проблемы была достигнута за счет конструктивной позиции, которую вскоре заняли как федеральные, так и местные органы власти. С 1988 г. организуется преподавание крымским татарам родного языка в ряде школ Краснодарского края, Крымской области и других регионов. Начинает издаваться пресса на национальном языке, решаются вопросы развития национальной культуры.

21–27 января 1991 г. Госкомстатом РСФСР, Министерством труда РСФСР и МВД РСФСР было проведено единовременное обследование крымско-татарского населения. Одним из пунктов анкеты содержал «сведения о желающих возвратиться в Крымскую область».

9 сентября 1991 г. СМ РСФСР принял распоряжение № 996-р «Об организованном возвращении крымских татар в Крымскую АССР и гарантиях по их обустройству», которое было подкреплено соответствующими решениями краевого Совета от 14 апреля 1990 г. и 17 мая 1990 г. Это помогло значительной части крымских татар вернуться на историческую родину.

Движение крымских татар стало «первой ласточкой», национальный вопрос оказывается в эпицентре происходящих изменений и политического противоборства, которое разгоралось все сильней.

В крае, как и по всей стране, происходит бурный рост национальных общественных организаций, которые постепенно стали выходить за рамки фольклорных и историко-культурных клубов и играть все большую роль в общественно-политической жизни.

Наибольшую активность в общественно-политической жизни края в конце 1980-х гг. проявляет казачество. Принадлежность к казачеству выступила альтернативой в ситуации кризиса идентичности русских и других, близких к ним по социально-культурным характеристикам народов.

Организационное оформление казачества как общественной организации состоялось на учредительном съезде казаков Кубани, прошедшем в Краснодаре 12 октября 1990 г., решением которого была создана Кубанская казачья Рада, а атаманом был избран В.П. Громов.

Кубанская казачья Рада определялась как военно-патриотическая организация, ставящая перед собой цель «возрождения кубанского казачества как особого народа с богатейшей самобытной культурой, укладом жизни, хозяйственной деятельностью на основе православия, веротерпимости, уважения национальных традиций других народов, населяющих Кубань, духовного и военно-патриотического воспитания молодежи, свободного хозяйственного развития».

Однако процесс возрождения кубанского казачества проходил достаточно сложно. Помимо Кубанской казачьей Рады в крае заявили о себе и организационно оформились Кубанское казачье войско во главе с атаманом Е.А. Нагаем, Кубанская казачья ассоциация «Россия» (атаман В.И. Каюда) и ряд других более малочисленных организаций. В основе размежевания лежали различные социально-политические ориентации организаций и их лидеров.

Единство позиций казачьих организаций Кубани проявилось преимущественно в вопросе о необходимости сохранения единого Российского государства и защиты интересов русского населения в республиках бывшего СССР. Кубанская рада потребовала от союзных и российских властей не допустить обращения земли в частную собственность, предоставить казачеству право государственной воинской службы и финансовые льготы, ускорить принятие законодательных актов о реабилитации казачества.

26 апреля 1991 г. был принят Закон о реабилитации казачества. На его основании Законодательное Собрание края приняло краевой закон, в котором 26 апреля провозглашен днем реабилитации казачества.

Достаточно уклончивое определение казачества в Законе: «репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество…) [2], дало повод отдельным казачьим лиде-

рам выделять его как отдельный этнос, имеющий некоторые исторически обоснованные преимущества перед остальным населением, например, в вопросах землепользования, что в свою очередь получило негативную оценку общественности края.

В этот период проявилась еще одна проблема, связанная с коренным населением края – адыгами-шапсугами. Ее началом можно считать 1989 г., когда шапсуги выдвигают требование о переименовании ряда причерноморских населенных пунктов и присвоения им адыгских названий, а также принятии мер по возрождению национальной культуры, в частности, об открытии национальных школ, о радио- и телетрансляции передач из Майкопа. К этому времени относится создание и начало функционирования общеадыгской общественной организации «Адыге-Хасе».

Однако по мере всеобщей политизации этнических процессов в стране их требования стали носить более радикальный характер. Шапсуги выступили с требованием демонтировать памятник адмиралу М.П. Лазареву на железнодорожной станции Лазаревская, установленный в 1954 г., мотивируя это тем, что Лазарев был активным участником создания Черноморской береговой линии, и под его непосредственным руководством происходило уничтожении прибрежных аулов в ходе Кавказской войны.

27 августа 1990 г. II сессия Лазаревского райсовета согласилась с требованиями шапсугов, и памятник был демонтирован.

Разворачивается активное движение за восстановление Шапсугского национального района, существовавшего в 1924–1945 гг. Организационное оформление движения происходит на I съезде причерноморских адыгов-шапсугов, состоявшемся 1 декабря 1990 г. в пос. Лазаревском, где было провозглашено образование Шапсугского национального района как субъекта РСФСР в границах традиционного расселения адыгов-шапсугов от пос. Головинка Лазаревского района г. Сочи до пос. Новомихайловский Туапсинского района (включительно) и избран оргкомитет. В его задачи входило взаимодействие с органами государственной власти с целью дальнейшего политико-правового оформления принятого на съезде решения по сознанию национального района.

Однако ни администрация, ни большинство населения края не приветствовало создание района. Территория СССР в этот период была охвачена процессами суверенизации, и население Лазаревского и Туапсинского районов опасалось быть обманутым и стать «дискриминируемым большинством» на территории новой национально-территориальной единицы.

В ответ на требования шапсугов восстановить свой национальный район возникло интердвижение «Сочи», объединившее несколько сот представителей различных народов, проживающих в регионе.

Однако, лидеры движения «Сочи» и «Адыге-Хасе», делая довольно жесткие политические заявления, осознавали необходимость сохранения стабильного межнационального климата в регионе. С этой целью 6 декабря 1991 г. ими было принято совместное обращение к жителям районов, о необходимости сохранения спокойствия, взвешенности при решении любых проблем; о недопущении вмешательства извне деструктивных сил с целью дестабилизации обстановки; о соблюдении гарантий прав и свобод представителей всех национальностей; о признании того, что вынесение окончательного решения о воссоздании Шапсугского национального района может быть реализовано только после принятия соответствующего Закона РФ; о том, что при разработке закона РФ «О статусе национального района» необходим учет мнения населения, проживающего на данной территории [3].

Весной 1992 г. по решению сессий Туапсинского и Лазаревского райсоветов был намечен опрос местных жителей этих районов относительно их мнения о создании Шапсугского национального района. Лидеры шапсугов призвали свой народ бойкотировать его, опасаясь невыгодного для них результата, так как доля адыгов-шапсугов на территории районов была незначительна.

В списки для голосования были включены 50 063 чел., из них в опросе приняли участие 35 791 чел. (71,5%). Результаты голосования были следующими: число граждан, проголосовавших за создание Шапсугского национального района, составило 731 чел. (2,0%), против – 33 806 чел. (94,5%), затруднились ответить – 1 254 чел. (3,5%) [4]. Таким образом, подавляющее большинство отвергло идею создания национального района.

Несмотря на результаты опроса жителей Туапсинского и Лазаревского районов, 15 июня 1992 г. было принято Постановление Президиума ВС РФ «О создании Шапсугского национального района в составе Краснодарского края».

В ответ на Постановление собравшийся 30 июня 1992 г. Малый Совет Краснодарского крайсовета принял решение о невозможности создания Шапсугского национального района в настоящее время, когда отсутствует закон, регламентирующий образование национально-

территориальных районов в составе субъектов Российской Федерации. Постановление вызвало мощный протест жителей Туапсинского района, которые на следующий день собрались в г. Туапсе на многолюдный митинг. После этой вспышки напряженности деятельность шапсугских лидеров претерпела ряд изменений. Вектор их деятельности перемещается из политической в общественную и культурную области. Так, совместно с Администрацией Краснодарского края была разработана «Программа национального и социально-экономического возрождения шапсугской этнической общности».

И хотя лидеры движения не отступили от своих изначальных целей, одиозных заявлений уже не звучало, что способствовало постепенному переходу движения в конституционное конструктивное русло.

Если шапсугский вопрос был инициирован коренным населением края, то следующий блок межнациональных противоречий был связан с активными миграционными перемещениями на бывшем постсоветском пространстве и противостоянию по линии «мигранты-местное население».

В целом, в рассматриваемый период межэтнические отношения в регионе характеризовались высокой степенью конфликтности, в отдельных случаях, переросших в открытое противостояние, что определяло и высокий уровень этнической мобилизации. Однако, такая ситуация специфична не только для Северо-Западного Кавказа, но и для других регионов России, что было обусловлено нестабильной экономической и политической ситуацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Встреча с представителями крымских татар // Советская Кубань. 1987. 4 авг.; Разум выше эмоций (встреча с представителями крымских татар в крайисполкоме) // Советская Кубань. 1987. 5 авг.
2. О реабилитации репрессированных народов: Закон РСФСР от 26.04.1991. № 1107-1 // Реабилитация народов России: Сборник документов. М., 2000.
3. Совместное обращение представителей интердвижения «Сочи» и общественной организации «Адыге-Хасе» // Шапсугия. 1991. № 5.
4. *Тер-Саркисянц А.Е.* Национальные меньшинства Краснодарского края РФ: история и современное положение // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX веке. М., 1996.

УДК 338.22.021.1

Рыжков Тимофей Викторович

кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского
tvr23@rambler.ru

Ryzhkov Timofei Viktorovich

PhD in History, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Rossinsky
tvr23@rambler.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И КОРПОРАТИВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В РОССИЙСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПОЛИТИКЕ 1990-х гг.

STATE AND CORPORATE INTERESTS IN THE RUSSIAN OIL POLICY IN THE 1990s

Исследована проблема соотношения государственной и корпоративной инициативы в российской нефтяной политике 1990-х гг.

The article investigates the problem of the relationship between the state and corporate initiatives in the Russian oil policy of the 1990s.

Ключевые слова: **энергетическая политика, нефтяная промышленность, рыночное реформирование, вертикально интегрированные нефтяные компании.**

Key words: **energy policy, oil industry, market reform, vertically integrated oil companies.**

В современном мире бизнес на «черном золоте» остается одним из самых прибыльных видов предпринимательства. Это касается как отдельных компаний, так и государств. «Нефть – это деньги, – пишут К. Тьюгендхэт и А. Гамильтон. Именно ей обязаны своим богатством Рокфеллеры, Гюльбенкяны и Гетти, как и многие другие богатейшие семьи мира; даже Ротшильды были когда-то нефтепромышленниками в бурную эпоху становления и развития нефтяной промышленности до первой мировой войны. Нефть и поныне сохранила свое “прикосновение Мидаса”, но сегодня выигрывают от этого обычно целые страны и их правительства, а не отдельные люди» [1]. Для России, вставшей в 1991 г. на путь радикальных рыночных реформ, эта очевидная истина, к сожалению, не стала прямым руководством к действию.

С одной стороны, сформировав 15 ноября 1991 г. новое российское правительство под своим председательством, Б.Н. Ельцин подписал ряд президентских указов и правительственных постановлений, направленных на усиление контроля государства за нефтяной сферой. Среди них важнейшее значение имело постановление правительства «О регулировании поставок нефти и продуктов ее переработки за пределы РСФСР», в соответствие с которым, с 1 декабря 1991 г. вводились ограничения на вывоз нефти с территории РСФСР. Одновременно Комитету внешнеэкономических связей было предписано прекратить выдачу до 1 января 1992 г. новых лицензий на экспорт нефти и нефтепродуктов и пересмотреть ранее выданные лицензии [2].

Однако после разрешения «вопроса о власти», с конца 1991 г., внимание властей привлекли вопросы иного рода. Нефтяная промышленность оказалась, по сути дела, предоставленной самой себе. Радикальные реформаторы смотрели на отрасль весьма упрощенно. Испытывая трудности с формированием доходной части бюджета, они фактически собирались изымать подавляющую часть прибыли от экспорта нефти, особо не заботясь о привлечении в отрасль инвестиций.

Довольно скоро стало ясно, что развитие нефтяной отрасли, по вполне объективным причинам, не могло идти по искусственным реформаторским схемам. В частности, оказалось невозможным в полной мере применять в ней принципы либерализации цен. Понимая, что либерализация в данной сфере породит настоящий экономический коллапс, правительство было вынуждено жестко регулировать цены на энергоресурсы, в том числе на нефть. Но это не решало вопросы сохранения объемов нефтедобычи, которые катастрофически падали.

Благодаря позиции нового правительства, возглавленного В.С. Черномырдиным, с 1993 г. основная ставка окончательно была сделана на формирование на базе крупных производственных объединений вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК).

Стремительный передел в отрасли не обошелся без жертв. В частности, в преддверии залоговых аукционов 1995 г., результатом которых стала смена менеджмента во многих крупных компаниях, осенью 1993 г. был убит первый вице-президент «ЮКОСа» В. Зенкин, а в августе 1994 г. – президент «Славнефти» А. Кузьмин [3]. Однако, несмотря на сопротивление сторонников максимально широкой демонополизации нефтяной отрасли, а также усиление в ней внутрикорпоративного противостояния, к середине 1990-х гг. в России действовало уже более десятка таких компаний.

В целом, в чрезвычайно короткий срок – за 1993-1994 гг. нефтяная отрасль России прошла тернистый путь приватизации и акционирования. В 1996 г. доля 8 крупнейших ВИНК в российской нефтедобыче составляла 227 млн т (из 301 млн). В то же время, 62 мелкие компании (80% от их общего числа) добывали менее 4% нефти [4]. Заметим, что ни в одной нефтедобывающей стране мира разгосударствление, приватизация не осуществлялись столь быстрыми темпами.

В полной мере поддерживая процессы приватизации, государство все в большей степени устранялось от последовательного регулирования собственно отраслевого развития. Его интересы ограничились главным образом фискальной сферой. Именно здесь правительство пыталось жестко контролировать ВИНК. При этом использовались классические механизмы – квотирование, лицензирование. Попытки отменить их вылились в президентский Указ 1994 г. № 1007 «Об отмене квотирования и лицензирования поставок товаров и услуг на экспорт». Однако всего через полтора месяца его действие было приостановлено. Как следствие – квотирование и лицензирование окрепли, с одной стороны, обеспечили определенный контроль государства за нефтяной отраслью, а с другой – превратились в мощный фактор роста коррупции. Лишь с 1995 г. квотирование и лицензирование экспорта нефти и нефтепродуктов было отменено.

В условиях реорганизации отрасли на новых принципах, помимо решения число экономических задач, все большее значение для ее дальнейшего развития приобретала политическая самоорганизация нефтяников. Они начали активно формировать корпоративную политику, создавать лоббистские «группы давления». Наибольшую влиятельность получил Союз нефтепромышленников (с момента присоединения к нему РАО «Газпром» – Союз нефтегазопромышленников). Наряду с ним оформились Межрегиональная Ассоциация экономического взаимодействия основных нефтегазовых регионов и Российский союз экспортеров нефти.

Особой активностью в государственных структурах (в Правительстве, Государственной Думе и пр.) отличался Союз нефтепромышленников. Его президент – В. Медведев являлся сопредседателем депутатских групп «Новая региональная политика» и «Регионы России». Стремясь опереться на более широкие группы предпринимателей, представители Союза нефтегазопромышленников прямо заявляли: «Отстаивая интересы ТЭК, мы отстаиваем интересы регионов, поскольку предприятия комплекса разбросаны по многим регионам» [5]. Подчеркивалось, что «нефтепромышленники – один из немногих кругов нашего общества, где развито высокое чувство самосознания – свидетельство большого продвижения общества к духовному и социальному возрождению. Корпоративные интересы способны сформировать и отстаивать только те слои общества, где чувство самосознания развито достаточно остро» [6].

Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия основных нефтегазовых регионов была учреждена 17 июня 1994 г. представителями органов государственной исполнительной власти республик Башкортостан, Коми, Татарстан, Оренбургской, Сахалинской, Томской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. В числе главных задач организации были определены: сочетание федеральных и региональных интересов, осуществление государственного контроля и управления топливно-энергетическим комплексом Российской Федерации. Объединяя усилия регионов по развитию нефтяной и газовой промышленности, Ассоциация считала необходимым осуществление государственной поддержки нефтегазовому комплексу. Она, в частности, добивалась решения вопросов расчетов за топливно-энергетические ресурсы, создания условий для стабильной работы предприятий нефтегазового комплекса на основе пересмотра порядка налогообложения, обеспечения выполнения принятой Федеральной Программы «Топливо и энергия» и Программы модернизации нефтеперерабатывающих предприятий. Ассоциация вела совместную работу с Минтопэнерго по подготовке проектов новых законодательных актов с целью координации и отражения в них интересов Российской Федерации в освоении нефтяных и газовых ресурсов, являющихся невосполнимым национальным достоянием [7].

Таким образом, российские нефтяники, помимо решения задач реструктуризации отрасли, стали заметно активнее и в сфере пиара. Тот факт, что нефтяные корпорации в России длительное время не занимались ориентированной на общественное мнение пиар-деятельностью, привел к тому, что они испытывали серьезное давление различного рода слухов. Так, отечественная пресса писала, что нефтяные корпорации заняты главным образом погоней за наживой, продавая сырую нефть за рубеж и совершенно не заботясь о российских потребителях [8]. Утверждалось и то, что рост цен на бензин был вызван не столько инфляцией, сколько эгоистической политикой таких компаний как, «ЛУКойл», «ЮКОС», «СИДАНКО», которые действовали, как и ведущие американские нефтяные корпорации в периоды энергетических кризисов, вздувая цены на энергоносители. Все это немало повредило имиджу нефтяных компаний, особенно крупных. Не в меньшей степени для нефтяных компаний был ва-

жен политический лоббизм. Проблема совершенствования российского законодательства объективно требовала от нефтяных корпораций активного разъяснения своих позиций на всех уровнях государственной власти и во всех государственных институтах.

Тем не менее, на наш взгляд, адекватная потребностям времени концепция «нефтяной корпоративности», единая нефтяная политика так и не были разработаны. Представители корпоративных организаций не смогли превратить их в по-настоящему мощные структуры, в рамках которых нефтяные компании вырабатывали бы общие решения, как это делается, к примеру, нефтедобывающими странами в рамках ОПЕК.

На наш взгляд, причины такого развития являлись весьма разноплановыми. Прежде всего, важно видеть, что молодые российские нефтяные компании работали в весьма специфических условиях. В принципе, к середине 1990-х гг. нефтяная промышленность осталась одной из немногих реально работавших отраслей российской экономики, в которой, как справедливо подметил один из исследователей, «ориентированные на внутренний рынок» капиталы «окончательно сошли с политической арены». В свою очередь: «Это кардинально сузило круг политически значимых субъектов экономики». Конечно, положение нефтяных компаний, особенно ВИНК, было более предпочтительным. Однако и для них объективно реальную опасность представляло то, что на политическую арену России вышел иностранный капитал. Основное политическое противоречие в очередной раз трансформировалось и превратилось в противоречие между зарубежным и национальным капиталами. По мнению М. Делягина, это произошло примерно в 1997 г., причем инструментом проникновения иностранного капитала стали агенты – российские финансисты и купленные ими крупные предприятия. «Даже крупнейшие компании России все в большей степени превращаются в “русскоязычные оболочки” иностранных инвесторов» [9].

Конечно, отечественные ВИНК пока еще не стали объектом прямого поглощения. Это противоречило базовым интересам государства. Более того, ситуация для российских нефтяных компаний с 1996 г. даже несколько стабилизировалась. В немалой степени, здесь сказалось позитивное влияние начавшегося с середины 1996 г. некоторого роста мировых цен на нефть (ситуация в районе Персидского залива). Однако эта передышка оказалась для них недолгой. Позиция доминирующих игроков на мировом рынке нефти состояла в это время в сохранении низких уровней цен не нефть. В частности, в декабре 1996 г. на конференции стран производителей и потребителей нефти в Гоа (Индия), представители ОПЕК заявили, что они удовлетворены ценами на нефть и полагают, что по марке «бренд» они должны остаться на уровне 20-25 долларов за баррель [10].

Между тем, в условиях деградирующей отечественной экономики основной выход для нефтяных компаний, пытавшихся преодолеть трудности развития, состоял в развитии экспорта. Экспортная выручка стала основной статьей дохода нефтяных компаний в России. Лишь здесь можно было получить необходимые средства. А поскольку условия жизни на этом рынке определяли не они, российские ВИНК, с одной стороны, экспортировали все большие объемы даже при низких ценах на нефть, а с другой – усиливали борьбу на внутреннем рынке.

Конкуренция между ВИНК во второй половине 1990-х гг. неуклонно обострялась, причем на передний план выходили более сильные, прежде всего ЛУКОЙЛ и ЮКОС. В основном эта борьба проходила скрытно, невидимо для широкой общественности. В то время как большинство журналистских и «научных» версий о поведении нефтепромышленников выглядели скорее как продуцирование политической мифологии, основанной на стереотипах о поведении крупного капитала, сами компании предпочитали скрывать свои интересы. К примеру, анализируя отраслевое развитие, В. Алекперов предложил весьма надуманную схему деления регионов на те, где присутствуют постоянные интересы нескольких ВИНК и те, где «конкурентная борьба будет обостряться» (Центральный и Северо-Кавказский) [11].

Таким образом, несомненная общность корпоративных интересов не исключала конкуренции ВИНК, которая очевидно нарастала. Впрочем, с другой стороны, с каждым годом все более актуальной для России становилась и тема ценового сговора ВИНК.

На наш взгляд в условиях усиления конкуренции, в немалой степени снизившей эффективность выработки единой корпоративной политики, для нефтяных компаний России все более очевидными становились два основных вектора развития. В решающей степени их определяла та зависимость (даже самых крупных компаний) от интересов уже не столько отдельных лиц и корпораций о которой писали К. Тьюгендхэт и А. Гамильтон, сколько конкретно взятых стран. В данной связи каждой компании предстояло определиться – чьи интересы являются для нее доминирующими.

Однако отчетливое осознание данной истины, видимо, пришло позднее. Пока же, на первый взгляд, компании выбирали между приоритетом укрепления на основе поглощения конкурентов за

счет развития сотрудничества с зарубежным капиталом и развитием с приоритетной ориентацией на собственные силы.

В частности, руководство «Сургутнефтегаза», следуя изначально взятому курсу, последовательно выступало против опоры на иностранный капитал и излишней ориентации на иностранную технику. В основном сконцентрировавшись на работе в западносибирском регионе и избегая крупных внешних заимствований, компания в дальнейшем легче перенесла кризис 1998 г.: «компания самодостаточна в финансовом плане, и она не пострадала от кризиса именно потому, что не нахватала зарубежных кредитов, как другие» [12].

Однако такая модель имела и свои недостатки. В частности, как показал обострившийся в начале 1999 г. конфликт компании с «Транснефтью» (С. Вайншток), она оказалась особенно зависимой от ряда внутренних институтов, в том числе, от государственных структур. Кстати, развивавшиеся в ином направлении компании «ЛУКОЙЛ» и «ЮКОС», активно пытаясь выйти из такой зависимости от «Транснефти», перешли к реализации проектов добычи в приграничных регионах, а также к строительству собственных нефтепроводов и морских терминалов.

Однако тем самым они начали заявлять об известной независимости от государства. Как известно, в последующем далее всего по этому пути пошла компания «ЮКОС», что, в итоге, привело ее руководство, попытавшееся перепродать компанию зарубежной ТНК, к конфликту с государством. В отличие от данной модели развития, в перспективе предпочтительнее оказалась модель, основанная на более полном учете стратегических государственных интересов. Однако этот вектор развития в полной мере был обозначен самим государством лишь с рубежа 1990-2000-х гг.

В немалой степени под влиянием кризиса 1998 г., государство обнаружило свою прямую заинтересованность в динамичном развитии компаний, более законопослушных, патриотичных, национально ориентированных. В частности, весьма высоко руководство страны оценило позицию «Сургутнефтегаза», являвшегося единственной нефтяной компанией России, показавшей после кризиса уже в 1999 г. прибыль почти в 1 млрд дол. Примечательно и то, что руководители данного рода кампаний стали олицетворять собой образец политического поведения, который с начала 2000-х гг. в большей степени отвечал интересам государства. Как характеризовала местная печать президента данного ВИНК – «сургутского затворника» В. Богданова: «Он самостоятельный игрок на нефтяном рынке. Его империя независима от московских олигархов. Сам же он не часто бывает в Москве и далек от политики» [12]. Видимо не случайно именно «Сургутнефтегаз» стал первой компанией, которую посетил новый лидер страны В.В. Путин.

В целом, анализ эволюции государственной нефтяной и корпоративной политики ВИНК в 1990-е гг. показывает, что, несмотря на сохранение отраслевого потенциала благодаря созданию ВИНК, государство не смогло обеспечить проведение сбалансированной политики поддержки отрасли, а также экспортного потенциала России по нефти и нефтепродуктам. В данной связи к началу 2000-х гг. в повестку дня объективно была поставлена задача целенаправленной работы по созданию условий для передачи сверхприбылей нефтеэкспортеров как на развитие самой отрасли, так и на подъем экономики страны. Здесь роль государства в отлаживании хозяйственного механизма объективно становилась решающей, поскольку, как показала практика, ВИНКи, как правило, исходили исключительно из решения узкокорпоративных, а не общенациональных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Тьюгендхэт К., Гамильтон А.* Нефть. Самый большой бизнес. М., 1978.
2. САПП РФ. Ст. 2. 1992. № 1-2.
3. Нефть и газ России. История и перспективы. М., 1995.
4. *Перчик А.И.* Возрастание значимости малых нефтедобывающих компаний // Нефть и бизнес. 1997. № 4.
5. Капитал. 1995. 20 декабря.
6. *Медведев В.* Нефтяное лобби – на пути к открытому обществу // Нефть и бизнес. 1994. № 10.
7. Создана ассоциация нефтегазовых регионов // Нефть России. 1994. № 1.
8. Российские вести. 1994. 13 июля.
9. *Делягин М.* За порогом корпоративного государства? // Нефтегазовая вертикаль. 1998. № 4.
10. Нефть и бизнес. 1997. № 1.
11. *Алекперов В.Ю.* Вертикальная интеграция и конкуренция на рынке нефти и нефтепродуктов // Нефть и бизнес. 1997. № 2.
12. Земля Сургутская. Специальное приложение к журналу «Деловые люди». М., 2000.

УДК 929 Никольский: 37.033

Терехова Ольга Павловна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры инженерных изысканий и материаловедения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
тел.: (8352) 62-42-02 доб. 6121

Terekhova Olga Pavlovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Engineering Research and Materials Science of Chuvash State University named after I.N. Ulyanov
tel.: (8352) 62-42-02 доб. 6121

ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСОВ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ТРУДАХ Н.В. НИКОЛЬСКОГО

THE REFLECTION OF THE ISSUES OF PEOPLE'S ENLIGHTENMENT AND ECOLOGICAL EDUCATION IN THE WORKS OF N.V.NIKOLSKY

Исследованы жизнь и деятельность просветителя чувашского народа Н.В. Никольского, его вклад в развитие народного образования и экологического просвещения чувашей. Проведен анализ источников, научных трудов ученого, на основе которых сделаны выводы и обобщения.

Ключевые слова: **педагог-просветитель, родной язык, экологические задачи, садоводство, школы, распространение агрокультурных знаний.**

The life and activity of the educator of the Chuvash people N.V. Nikolsky, his contribution to the development of national education and ecological education of Chuvash people are investigated. The analysis of sources, scientific works of the scientist on the basis of which the conclusions and generalizations are drawn is carried out.

Key words: **teacher educator, native language, ecological tasks, gardening, schools, spread of agricultural knowledge.**

Разработка современной стратегии развития образования и экологического воспитания и обучения подрастающего поколения требует всестороннего анализа и учета изменений, происходящих в обществе. Одним из важных аспектов теоретической разработки путей её совершенствования является осмысление исторического опыта, накопленного школьным образованием и природоохранным воспитанием. Исследователи отмечают, что любые преобразования могут быть успешными лишь при условии использования положительного опыта, как современных педагогов, так и исторического опыта просветителей-педагогов. Просветитель-педагог Н.В.Никольский внес большой вклад в развитие просвещения и формирования экологической культуры чувашского народа. В своих трудах он исследовал историю просвещения и природоохранные традиции чувашского народа с XV по XIX вв.

В данной статье впервые предпринята попытка глубокого всестороннего изучения научно-педагогической деятельности Н.В. Никольского по просвещению и природоохранительному воспитанию учащихся, распространению среди сельского населения экологических знаний.

Главный вопрос: каковы возможности использования идей и опыта народного образования и экологического воспитания в педагогическом наследии Н.В. Никольского в современных условиях? Решение этой проблемы составляет цель исследования: изучение исторических условий развития народного образования и экологического просвещения чувашского народа во второй половине XIX в., освещение роли Н.В. Никольского в становлении системы народного образования и природоохранительного воспитания чувашей, отражение этих особенностей в его научных трудах.

В процессе исследования были изучены материалы Центрального государственного архива Чувашской Республики, Национальной библиотеки Чувашской Республики, архива и библиотеки Чувашского государственного института гуманитарных наук и т.п.

Полученные результаты исследования расширяют и углубляют известные ранее факты историко-педагогической и этнопедагогической науки, обогащают ее новыми данными и сведениями.

Данное исследование вносит определенный вклад в разработку проблемы истории развития нерусской школы с преподаванием родного языка, в формирование экологической культуры и нравственности подрастающего поколения. Материалы исследования могут быть использованы в курсах лекций по истории педагогики, а также в качестве спецкурса по данной проблеме; на уроках в школах различных типов, в работе научных кружков учащихся и студентов. Собранные данные помогут выработать правильное отношение к культурному и историческому наследию своего народа, позволяют использовать накопленный в прошлом опыт в современных условиях.

Среди просветителей чувашского народа и нерусских народов Поволжья Николай Васильевич Никольский занимает достойное место. Он родился 7 (19) мая 1878 г. в деревне Юрмекейкино Шуматовской волости Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Моргаушский район Чувашской

Республики) в крестьянской семье. Отец его Василий Никитич Никитин учился в Корпусе межевщиков в Вятке. Здесь ему присвоили фамилию Никольский. После окончания училища, став межевщиком, он служил в Вятской и Курляндской губерниях. По состоянию здоровья вернулся из Прибалтийской комиссии в родную деревню и начал заниматься крестьянским трудом. За годы службы он изучил культуру земледелия латышей и других народов и стал вводить новшества в хозяйстве. Вместе с отцом в этих делах участвовали и дети. В связи с выходом Василия Никитича в отставку уездное начальство выделило ему 3 десятины земли. Посреди деревни он устроил большой пруд и развел в нем карасей. Половину своего душевого надела отвел под фруктовый сад, завел пасеку, стал разводить пчел. Следуя его примеру, многие односельчане стали разводить сады. На второй половине надела семья Никольских начала выращивать лекарственные растения. Николай Васильевич вспоминал, что здесь росло около 360 лекарственных трав.

После окончания Казанской духовной академии, историко-филологического факультета Казанского университета Н.В. Никольский работал в Казани преподавателем чувашского языка, этнографии, истории в разных учебных заведениях.

Николай Васильевич вместе с женой Александрой Владимировной летом отдыхали и работали на отцовской усадьбе в Юрмекейкине. В деревне они учили крестьян передовой агрокультуре и домоводству, изучали быт и культуру сельчан. Узнав, что Н.В. Никольский приехал в отпуск, крестьяне из окрестных деревень приходили к нему лечиться.

В 1903-1917 гг. Н.В. Никольский работал в Переводческой комиссии при Православном миссионерском обществе. В 1906 г. в своем выступлении на съезде сотрудников комиссии подчеркнул, что нужно вести работу по улучшению материального положения чувашей, для них необходимо издать сельскохозяйственные брошюры, открыть сельскохозяйственные школы. [6, л. 62]. Он усердно работает над подготовкой и изданием на чувашском языке брошюр о земледелии, животноводстве, пчеловодстве, медицине, воспитании детей. Таких брошюр было издано более 30. Никольский выпустил составленные им календари на чувашском языке, в которых давались сведения о передовых приемах ведения полеводства, животноводства, о земледельческих машинах, в большом количестве были представлены статьи о гигиене и санитарии, о школах, библиотеках-читальнях. [2, с. 23-24].

В декабре 1907 г. при Управлении Казанского учебного округа была создана комиссии для издания на местных языках учебников и учебных пособий для нерусских школ округа. Возглавлял комиссию проф. Н.Ф. Катанов. Н.В. Никольский был утвержден членом комиссии, под его редакцией были изданы: Книга для чтения на чувашском языке (Казань, 1907); Рассказы из русской истории (Казань, 1909); Ашмарин Н.И. Словарь на чувашском языке (Казань, 1910). [2, с. 63].

Знаменательным событием в истории чувашского народа явилось издание первой чувашской газеты «Хыпар» («Вести»). Издателем и главным редактором был Н.В. Никольский. Газета издавалась с января 1906 г. по май 1907 г. Через газету чуваши учились организовывать артели, вести эффективно сельское хозяйство, домоводство, экономно пользоваться природным богатством.

Н.В. Никольский был последовательным сторонником системы профессора Н.И. Ильминского, понимал большое значение родного языка в школьном обучении. По его мнению, первоначальное образование дети всех «инородцев» должны получить на своем родном языке. «Если детей начинать учить сразу нескольким языкам или изолировать от родной среды и обучать чужому языку, то такие дети будут лишены характера и творческой силы. Поэтому первоначальный этап обучения должен осуществляться на родном языке учащихся» [7, с. 19]. Н.В. Никольский подчеркивал, что инородческий язык является также и средством усвоения нерусскими детьми всего русского, воспитания в них чувства неразрывной связи с русским народом.

Следующим условием для эффективной организации учебного процесса является наличие учителей, владеющих родным языком учащихся, так как «учитель, вышедший из среды инородцев, по себе знает меру и образ понимания своего племени», – подчеркивает ученый. [7, с. 21].

Целью преподавания чувашского языка Н. Никольский считал общее развитие учащихся, овладение ими литературным языком, живой речью, прозой и поэзией родного языка, привитие умений и навыков перевода с русского и другого языков.

В преподавании истории учащимся-«инородцам» он считал целесообразным явления, события в исторической жизни русского народа связывать с явлениями из жизни нерусских народов. Ученик чувствует связь родного народа с историей русского народа, привыкает «считать историю Русской земли своею историею», кроме того, использование родного языка при объяснении трудных вопросов укрепляет это чувство, развивает в учащихся чувство патриотизма.

По мнению Н.В. Никольского, распространение просвещения и культуры среди населения «может осуществляться через организацию народных библиотек и читален, народных чтений и

общедоступных лекций, а также через составление и издание брошюр познавательного характера, через устройство вечерних повторительных и воскресных классов для взрослого населения и через просветительский кинематограф» [6, л. 107].

Николай Васильевич был не только ученым-историком, лексикографом, но и знатоком народной медицины, интересовался лекарственными травами, их целебными свойствами. В 1929 г. была издана его книга «Народная медицина у чуваш», в которой рассмотрены народные способы лечения внутренних, наружных, детских, женских болезней, народное акушерство, народные лекарства растительного, животного и неорганического происхождения. «Среди окружающей природы чувашин хочет увидеть для себя союзников, – пишет Н.В. Никольский. Некоторые виды растений, животных, отдельные представители из природы неорганической, с точки зрения чувашина, могут помочь ему в борьбе с болезнями» [9, с. 313]. Во второй части книги – «Средства растительного происхождения при разных болезнях», «Средства животного происхождения» подробно описано, при каких болезнях и как пользоваться разными травами (полынью, земляникой, лопухом, багульником, ромашкой, подорожником и др.), средствами животного происхождения (гусиным жиром, коровьим молоком, муравьиным спиртом, рыбьим жиром, свиным салом, сметаной, сывороткой, шерстью животных и др.). Даны рекомендации о сроках сбора лекарственных растений, как из них готовить лекарства, как хранить. Описано, при каких болезнях и как народ пользуется минералами (глиной, землей, кирпичом, камнем, смолой, дегтем).

В трудах Н.В. Никольского всесторонне отражены жизнь, обычаи, традиции чувашского народа. В 1922-1926 гг. Никольский Н.В. заочно учился в Казанском институте сельского хозяйства и лесоводства. По его мнению, для улучшения жизни крестьян, необходимо повысить их сельскохозяйственные и агрокультурные знания. В повышении культуры земледельческого труда Н.В. Никольский рекомендует использовать опыт русского народа.

Н.В.Никольский отмечает, что садоводство среди чувашей начинает развиваться с 1860-х гг. под влиянием чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Он считает, что работу по распространению экологических, медицинских, ветеринарных знаний среди народа целесообразно проводить через школу. Учащихся нужно обучать садоводству, полеводству, рассказать о пользе деревьев, о необходимости разведения деревьев, о борьбе с вредителями, ознакомить с правилами ухода за садом.

Приводит пример из школьной практики. Например, в Абызове Ядринского уезда имеется школьный сад. Под руководством учителя С.И. Федорова все учащиеся школы в количестве 185 чел. после уроков работают в саду. Они очищают яблони от пожелтевших листьев и устраивают торжественное сожжение спрятавшихся внутри листьев вредителей. Кругом толпа крестьян-чуваш, наблюдающих за работой. Школьники чистят яблони, разрыхляют почву под яблонями. Когда нужно, опрыскивают инсектицидами. Собирают урожай, рыхлят почву, очищают стволы. Мажут известкой, где нужно, вырезают загущающие ветви; все это видят родители; конкретные уроки садоводства становятся далее предметом широкой огласки среди населения [10, с. 163].

«Любовь чувашина к деревьям – факт общеизвестный. Наиболее характерной особенностью чувашской деревни является ее окруженность деревьями. Она как-то вся спряталась в массе деревьев. Сами себя чуваши называют любителями леса. Позади избы, на улице, вдоль изгороди, вдоль оврага, на кладбище, на перекрестках дорог – всюду растут деревья, посаженные чувашами. Прибыльным деревом считается ветла; через 8 лет она уже большая, и за нее могут быть получены хорошие деньги. Идет она на изгородь, на щепы для крыши, на доски для драницы, на топливо.

Чуваши сажают березу, липу, орешник, осину. Но краше всех деревьев считается рябина. Тальником обсаживают песчаные местности, негодные для каких-либо иных целей.

Шум деревьев для чувашина имеет особую прелесть. Лес особенно гулко шумит перед наступлением непогоды, когда поднявшийся ветер рвет и нагибает зеленые ветви деревьев летом и голые, покрытые пушистым инеем сучья зимою. К некоторым деревьям у чувашина особое расположение. Они почитают рябину, липу, яблоню» [10, с. 165].

Если чувашин увидит кого-либо, сдирающего кору с живого дерева, тотчас же делает замечание: «Зачем сдираешь кору с дерева, ладно ли будет тебе, если с тебя самого будут драть кожу?» Страдания дерева они считают равносильными страданиям человека в аналогичных случаях: «Не пей сока березы, это – ее кровь».

Чуваши считают, что как и человек, дерево бывает доброе, злое; дерево радуется, дерево плачет. «Злое дерево обязательно начинает вредить дровосеку. Доброе дерево, напротив, при падении не причиняет зла человеку. Некоторые деревья при падении плачут [10, с. 166-167].

Исследователь В.Д. Димитриев считает, что в своих представлениях о деревьях чуваши близко подошли к древним римлянам: Arbor honoretur, cujus nos umbra tuetur – Почитай дерево,

которое нам дает тень. У немцев имеется тождественное выражение: Den Baum man ehren sol, von dem man schatten hat [2, с. 168].

Н.В. Никольский отмечает, что чуваши ценят деревья как противопожарные средства, а также из-за их целебных свойств. Например, настой коры дуба принимают при болях в животе. Настой из коры рябины применяют для лечения глаз от покраснения и трахомы. Цветы липы употребляют от простуды, от боли в груди. Настой ягод черемухи, коры пьют при расстройстве желудочно-кишечного тракта.

Чем старее дерево, тем большим почетом оно пользуется среди сельчан. Не разрешается их рубить, продавать и покупать. Старые деревья оставляют, не трогают, пока сами не упадут от сильного ветра.

По мнению Н.В. Никольского, исконным занятием чувашей является земледелие, древность чувашского земледелия доказывает и чувашская мифология. В древнем чувашском языке имеются термины по сельскому хозяйству, соответствующие современному чувашскому. Никольский приводит слова Н.М. Карамзина из «Истории государства Российского»: «чуваши с юга (из Азии) принесли и свои культуры, и способы возделывания их. Не мудрено поэтому, что в Волжско-Камском районе они оказываются передовым земледельческим народом, который возделывал всякого рода зерновой хлеб и имел земледелие в цветущем состоянии» [4, с. 95].

Н.В. Никольский подчеркивает, что в XVI и XVII вв. у чувашей, наряду с трехпольной системой земледелия, имело место и так называемая переложная. При переложной системе земля, однажды обработанная и доставившая 3-4 урожая, бросалась на несколько лет; выбирался другой участок, еще не разработанный, или поднималась залежь, непаханая в течение ряда лет. Трехпольная система среди чувашей существует в XVII в. как основная.

Народом тщательно учитывались фенологические явления. Обыкновенное время для посева – апрель и май, и тем раньше, чем почва суше и меньше влаги, чтобы уловить в ней запасы зимней влаги. Чувашские поговорки и приметы отдают полное и почти безусловное предпочтение раннему посеву перед поздним. «Кто рано сеет, семян не теряет». Ранний посев в значительной степени ускоряет и созревание хлебов. «Где рано посеешь, рано и пожнешь». Народная агрономия относительно гречихи сводилась к следующему: должна быть хорошая пахота, аккуратное удобрение, своевременный посев, надлежащий уход.

Н.В. Никольский был первым чувашским ученым, получившим звание профессора и ученую степень доктора исторических наук в 1916 г. в Московском университете. Он отличался многогранной деятельностью: научной, педагогической, общественной, организаторской, пользовался большим авторитетом среди ученых Казани, русской и национальной интеллигенции. Был известен не только в Поволжье, но и в столице и за рубежом. Он владел греческим, латинским, французским, немецким, английским, итальянским, турецким языками, а также языками народов Поволжья – татарским, марийским, удмуртским, коми-пермяцким [1, с. 260].

На формирование взглядов Н.В. Никольского на первом этапе его становления как ученого оказали значительное влияние В.К. Магницкий, Е.А. Малов, И.М. Покровский, а также Н.Н. Фирсов, Н.Ф. Катанов и др. Будучи просветителем, он считал себя учеником Н.И. Ильминского, почтительно относился к его системе религиозного, христианского просветительства нерусских народов и сам старался развивать эту систему.

Еще в студенческие годы (с 1900 г.) Н.В. Никольский начал собирать исторические, этнографические, фольклорные материалы. В летние месяцы почти ежегодно он выезжал в сельские местности для изучения хозяйства, быта и культуры чувашей, сбора этнографического материала. Профессор эстонского и сравнительного фольклора Вальтер Андерсон, до революции работавший в Казанском университете, в 1925 г. писал: «Собрание Н.В. Никольского представляет собою ни больше, ни меньше, как благоустроенный научный архив, содержащий огромные массы ценнейших научных материалов, относящихся к фольклору, этнографии и истории чувашского народа…» [3, с. 14-15].

Обработав материалы, полученные от корреспондентов, своих учащихся, студентов и других информаторов в период с 1904 по 1931 г., сведения, которые сам лично собрал, работая в архивах и библиотеках, Н.В. Никольский создал собрание материалов, состоящее из 249 томов, по 200-300 листов в каждом томе. В них представлены копии и оригиналы исторических документов, памятники письменности и художественной литературы, копии чувашских словарей XVIII-XIX вв., этнографические, фольклорные и лингвистические записи, иллюстративный материал. Как отмечает исследователь Г.Б. Матвеев, Н.В. Никольский передал в научные архивы 260 томов, в т.ч. в ЧНИИ (1946) – 214… В каждом томе насчитывается от 400 до 800 страниц» [3, с. 46].

Н.В. Никольский заботился о кадрах чувашских исследователей, старался привлечь к науке

талантливую молодежь. Его учениками были Г.И. Комиссаров, К.В. Элле, И.Д. Никитин (Юркки), Н.А. Резюков, Н.К. Кузьмин, К.М. Макаров (Никишов) и др.

Николай Васильевич поддерживал творческие связи с видными просветителями, этнографами и филологами Татарии, Мордовии, Удмуртии, Марийской Республики. Он являлся активным участником научных обществ.

Таким образом, среди просветителей чувашского народа и нерусских народов Поволжья Н.В. Никольский занимает достойное место. Он внес большой вклад в организацию народного образования и экологического просвещения чувашей. Темы исследовательских работ Н.В. Никольского были многосторонними. Его научные работы, как отмечает Г.Б. Матвеев, являются настольной книгой как для исследователей, так и для практиков, прежде всего для преподавателей вузов, средних учебных заведений и школ, для студентов и учащихся в качестве учебников и пособий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Васильева И.Н.* Педагогические идеи Н.В. Никольского и его взгляды на просвещение инородцев // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: сб. науч. тр. Чебоксары, 2005.
2. *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары, 2002.
3. *Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья // Собр. соч.: труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. Т. 1.
4. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед.хр. 228. Инв. № 5681. Л. 258.
5. НА ЧГИГН. Отд.1. Ед. хр. 307. Инв. № 6875. Л. 62-63, 107.
6. *Никольский Н.В.* Основы инородческого просвещения. Казань, 1919.
7. *Никольский Н.В.* Родной язык как орудие просвещения инородцев // Собр. соч. в 4-х т. Чебоксары, 2007. Т. 2.
8. *Никольский Н.В.* Народная медицина у чуваш // Собр. соч. в 4-х т. Чебоксары, 2004. Т. 1.
9. *Никольский Н.В.* Собр. соч. в 4-х т. Чебоксары, 2004. Т. 1.

Педагогика и методика преподавания

УДК 316.354:351/354

Акимов Михаил Юрьевич

кандидат технических наук, доцент кафедры эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского государственного нефтегазового университета тел.: (3452) 20-93-02

Akimov Mikhail Yurievich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Automobile Transport Exploitation of Tyumen State Oil and Gas University tel.: (3452) 20-93-02

МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОМПЛЕКСА

THE INTEGRATION MODEL OF PROFESSIONAL EDUCATION AND PRODUCTION IN CONDITIONS OF UNIVERSITY COMPLEX

В статье рассматривается подход к интеграции учебного подразделения обеспечивающего подготовку рабочих кадров и специалистов среднего звена в условиях университетского комплекса с производством на основе кластерного подхода.

The approach to the integration of educational subdivision providing the training of workers and specialists of middle ranking in conditions of university complex with the production on the basis of cluster approach is presented in the article.

Ключевые слова: **университетский комплекс, «система социальных эффектов», кластерный подход.**

Key words: **university complex, «the system of social effects», cluster approach.**

Профессиональное образование сегодня постепенно соотносится с процессом формирования новой инновационной стратегии развития Российской Федерации [1]. Кроме того, именно в нем видится основа для наращивания интеллектуального потенциала страны. Эта мысль подтверждается высказыванием В.В. Путина по поводу постановки первоочередных национальных задач, сформулированных в авторской статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России» [2], а также современной оценкой его качества, изложенной в стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. [1, с. 8].

Особую значимость приобретают тенденции инновационного развития страны в системе начального и среднего профессионального образования, современная общая ситуация в которых характеризуется отсутствием системы квалификаций рабочих профессий и внятных требований к компетенции специалиста; низким престижем начального и среднего профессионального образования в обществе; несоответствием системы подготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена реальным потребностям экономики, рынка труда; отсутствием среднесрочных прогнозов в разрезе секторов занятости, профессий, квалификаций и т.п.

Вероятно, в качестве решения проблем, «…нужно сделать так, чтобы молодежь видела перспективы, которые открывает среднее профессиональное образование, возможности, создаваемые новой экономикой и развитием технологий, осознала значимость и ценность для общества квалифицированного труда…» [2].

В этом плане мнения многих ученых и специалистов-практиков, бизнесменов сходятся в одном: для соответствия внешним вызовам инновационной стратегии развития страны подготовка рабочих кадров и специалистов среднего звена соответствующего уровня и профиля должна опираться на многоканальную интеграцию учебных заведений со всеми заинтересованными субъектами рыночных отношений [2, 4, 5].

Субъектами рыночных отношений могут выступать научно-исследовательские, производственные предприятия и организации, многоканальная интеграция с которыми обеспечивается на организационном, функциональном, институциональном уровнях. Обратим внимание на то, что и требования федеральных государственных образовательных стандартов начального и среднего профессионального образования ориентируют нас на такое же синергетическое взаимодействие. Это означает, что «…в условиях рыночной экономики, быстрой смены конъюнктуры динамично изменяющегося рынка труда и квалификаций задача подготовки кадров с минимальным сроком производственной адаптации принципиально не может быть решена вне сферы реальной экономики… Подобный опыт, даже при организации учебных цехов, не может быть получен в стенах учебных заведений…» [4, с. 102-103].

Вполне очевидно, что в современных условиях система начального и среднего профессионального образования может успешно функционировать и развиваться только в том случае, если процесс профессиональной подготовки основан на партнерстве заинтересованных друг в друге субъектов: об-

разовательных, научных учреждений, промышленных предприятий и организаций.

Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать, что в системе начального и среднего профессионального образования сохранилось множество проблем, затрудняющих развитие такого направления.

Во-первых, сегодня практически никто из работодателей четко не формулирует реальные потребности экономики и рынка труда в квалифицированных кадрах и специалистах. Они неохотно участвуют в формировании требований к рабочим и специалистам со стороны самого производства. Хотя надо сказать, что отдельные корпорации, фирмы для внутреннего обучения разрабатывают соответствующие требования, которые находят отражение в корпоративных профессиональных стандартах. Но они, как правило, ограничены внутрифирменными границами и могут соответственно быть использованы только корпоративными образовательными структурами [3, с. 18].

Во-вторых, в силу недостаточно активного участия работодателей в формировании содержания федеральных государственных образовательных стандартов, по мнению президента Союза директоров ССУЗ РФ В.М. Демина, некоторые из них оказались весьма «неудачными». Именно с такой ситуацией пришлось столкнуться педагогическому коллективу нефтегазового колледжа им. Ю.Г. Эрвье Тюменского государственного нефтегазового университета при разработке функциональных карт по рабочим профессиям нефтегазового профиля. В ходе совместного обсуждения их функционального наполнения, с представителями компаний-партнеров, некоторые компетенции по профессии «Бурильщик эксплуатационных и разведочных скважин» были изменены в связи с их некорректной формулировкой, неприемлемостью в реализации на данном уровне профессионального образования.

В-третьих, для решения многих проблем, надо иметь реальные представления о потребностях экономики и социальной сферы региона. Из-за нехватки статистической информации и достаточно взвешенных прогнозов до сих пор сохраняется дисбаланс в подготовке специалистов. Нехватка квалифицированных рабочих кадров является основной проблемой российской экономики. «…Сейчас у нас 70% специалистов с высшим профессиональным образованием, 20% специалистов – со средним и 10% специалистов – с начальным профессиональным образованием… А вот требования рынка на сегодняшний день совсем другое: нужно 80% специалистов с начальным и средним профессиональным образованием и только 20% с высшим образованием...» [5].

В-четвертых, требования современных работодателей, как правило, превышают возможности различных уровней профессионального образования, заложенных как в государственных, так и федеральных образовательных стандартах. Например, работодателю нужен на 95% рабочий с 4-6 разрядом и только 5% с третьим разрядом, 92% должны, по мнению работодателей, иметь среднее (полное) общее образование [4, с. 96].

В качестве одного из способов решения перечисленных проблем можно рассмотреть потенциал образовательного комплекса непрерывного профессионального образования и опыт организации в его условиях интеграции профессионального образования с производством. Это высказывание обосновано следующими фактами:

процесс создания университетских комплексов пока еще не вышел из стадии эксперимента, и поэтому требует анализа достигнутых результатов по всем направлениям работы;

университетский комплекс представляют собой новую форму высшего учебного заведения, который объединяет в единую целостную систему образовательные и научные организации на основе максимальной структурной и содержательной интеграции профессиональных образовательных программ разных уровней (начальное, среднее, высшее, дополнительное профессиональное образование);

качественный профессорско-преподавательский и педагогический составы вуза обеспечивают непрерывность профессионального образования и плавный переход с одного образовательного уровня на другой в рамках одного образовательного пространства комплекса, что облегчает внедрение инновационных образовательных программ, технологий и методик в образовательный процесс вуза;

университетский комплекс способствует созданию условий для формирования «сквозных» профессиональных компетенций за счет реализации разных уровней профессионального образования;

гибкое реагирование на запрашиваемые производством компетенции происходит в рамках университетского комплекса на основе выбора требуемых квалификационных параметров по рабочим профессиям, специальностям, направлениям профессиональной подготовки;

университетские комплексы, осуществляя профессиональную подготовку по рабочим профессиям, специальностям среднего профессионального образования, направлениям подготовки по программам высшего профессионального образования и программам дополнительного профессионального образования, ориентируются на точки роста региона, так называемые территори-

альные кластеры развития;

общность долгосрочных стратегических целей университетского комплекса и производства по развитию территориальных кластеров, способствует формированию единого интегрированного комплекса по проведению совместной образовательной и научной, производственной деятельности;

заинтересованность вуза в формировании востребованного и конкурентного специалиста обеспечивает развитие новых форм взаимодействия с работодателями: привлечению к образовательному процессу специалистов-практиков из базовых и смежных отраслей промышленности, преподавателей внутрифирменного обучения на предприятиях, созданию кафедр на базовых предприятиях и т.п.;

адаптация университетского комплекса к потребностям производства региона обеспечивает получение следующих социальных эффектов от совместной с ним деятельности. «Система социальных эффектов» интерпретируется как результат влияния деятельности вуза на конкретные социальные объекты или субъекты взаимодействия [6];

в условиях университетского комплекса учебное подразделение, реализующие профессиональные образовательные программы начального и среднего профессионального образования имеет больше преимуществ в организации взаимодействия с производством, чем те, которые функционируют самостоятельно. Преимущество обеспечивается совместно используемыми материально-техническими ресурсами вуза, возможностью включения преподавателей в научно-исследовательскую деятельность вуза и производства, участием в реализации мероприятий по сотрудничеству вуза с научными организациями и промышленными предприятиями области, обеспечивающими развитие территориального кластера региона.

Таким образом, в условиях университетского комплекса создаются условия для решения проблемы выполнения требований работодателей к квалификациям и разрядам выпускников.

При таком взаимовыгодном сотрудничестве, основанном на общих интересах, возможно участие работодателей в подготовке кадров на всех уровнях профессионального образования.

Особенности взаимодействия с производством в условиях университетского комплекса представлялись автором статьи на международных научно-практических конференциях и семинарах. В соавторстве с Ларченко И.Н. эта проблема была освещена в публикации, посвященной условиям перехода на федеральные государственные образовательные стандарты [7].

В этом контексте можно рассмотреть модель интеграции учебного подразделения нефтегазового колледжа имени Ю.Г. Эрвье Тюменского государственного нефтегазового университета с производством. Реализуемая в этом учебном подразделении модель представляет собой определенным образом подобранные организационно-управленческие, организационно-педагогические, социально-психологические условия и способы совместной деятельности, реализуемые на основе «принципов эффективного взаимодействия», обеспечивающие надежность в системе взаимодействия: профессиональное образование – предприятия на основе кластерного подхода [3]. Кластерный подход рассматривается как процесс формирования интегрированной структуры, включающей в себя учебное подразделение, научные организации, промышленные компании, объединенных долгосрочным взаимовыгодным социальным партнерством.

Организационно-управленческие условия обеспечивают планирование, организацию и контроль деятельности по обеспечению взаимодействия с производством со стороны колледжа. Организационно-педагогические условия направлены на развитие профессионального уровня педагогических работников и мастеров производственного обучения для реализации требований федеральных государственных образовательных стандартов и производства. Социально-психологические условия формируют мотивацию и готовность к обеспечению взаимодействия, как со стороны педагогического состава учебного подразделения, так и со стороны производства. Способы совместной деятельности представляют собой совокупность совместных мероприятий, направленных на обеспечение интеграции [8, 9].

Раскроем содержание принципов:

1. Принцип регионализации профессионального образования, предполагает ориентацию учебного подразделения вуза в содержании и структуре подготовки кадров по программам начального и среднего профессионального образования на требования регионального производства. Так, в условиях колледжа это проявляется в ежегодной корректировке объема профессиональной подготовки по рабочим профессиям и специальностям среднего профессионального образования нефтегазового профиля, реализации новых направлений подготовки по рабочим профессиям, завершению обучения по непрофильным для учебного подразделения профессиям и специальностям. Принцип предусматривает привлечение работодателей к процессу непрерывной профессиональной подготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена на основе совместного проектирования содержания функцио-

нальных карт по всем рабочим профессиям и специальностям среднего профессионального образования учебного подразделения, совместного планирования образовательной, научной деятельности, предусматривающий взаимную увязку образовательного и производственного процесса. Взаимное участие в процессе преподавания дисциплин и предметов в учебном подразделении, руководство дипломными проектами, участие в итоговой государственной аттестации, организации повышения квалификации преподавателей и мастеров производственного обучения учебного подразделения на производственных рабочих местах, профессиональной подготовке работников предприятии в учебном подразделении и т.п.

2. Принцип непрерывности профессионального образования, обеспечивает возможность преемственности реализуемых образовательных программ в колледже и плавный переход на следующий уровень профессионального образования в другом учебном подразделении вуза.

3. Принцип профилизации образовательных программ, обеспечивает концентрацию программ одного профиля в одном учебном подразделении вуза.

4. Принцип диверсификации образовательных услуг, заключается в оперативном, адекватном реагировании на потребности рынка труда в требуемых квалификациях, разрядах за счет имеющегося перечня основных и дополнительных профессиональных образовательных программ, программ профессиональной подготовки, развитию новых форм и технологий обучения (заочная форма, с сокращенным сроком освоения программы, с использованием дистанционных технологий).

5. Принцип сетизации профессионального образования. Под ним понимается «…совместная деятельность образовательных и иных организаций, направленная на обеспечение возможности освоения обучающимися образовательной программы с использованием ресурсов нескольких образовательных структур, а также – при необходимости – ресурсов организаций экономики, управления, науки, культуры, спорта…» [4, с. 31]. Следовательно, сетизация профессионального образования позволяет по-новому выстраивать отношения с образовательными учреждениями не входящими в состав университетского комплекса на основе реализации взаимных интересов и создания условий для обеспечения образовательных потребностей производства и конкретных субъектов образования.

Руководство названными принципами способствовало разработке и реализации новых способов организации совместной деятельности учебного подразделения с производством, к которым относятся:

исследование рынка труда и квалификаций в регионе по рабочим профессиям и специальностям среднего профессионального образования нефтегазового профиля. Вследствие проведенной работы была открыта подготовка по четырем новым рабочим профессиям, расширен перечень дополнительных квалификаций. Отработана схема содержательной интеграции в условиях университетского комплекса. Так, обучающиеся по программам начального профессионального образования стали дополнительно получать требуемую работодателями рабочую квалификацию посредством параллельного освоения программ профессиональной подготовки и осваивать следующий уровень профессионального образования (среднее профессиональное) с сокращенным сроком обучения по профильной специальности. Студенты, получающие среднее профессиональное образование, стали параллельно получать рабочую квалификацию и высшее профильное образование с сокращенным сроком освоения программы и т.п.;

реализация программ профориентационной работы и мероприятий, по профессиональному самоопределению обучающихся и абитуриентов. Это позволило сформировать потенциальный контингент для конкретных предприятий и организаций с учетом получения требуемого уровня профессионального образования, квалификации, разряда;

дооснащение и модернизация существующей учебно-лабораторной базы учебного подразделения и полигона;

разработка, совместно с работодателями, функциональных карт по каждой рабочей профессии и специальности среднего профессионального образования в которых нашли отражение «сквозные» профессиональные компетенции, формируемые с уровня начального профессионального образования и выше на основе требований федеральных государственных образовательных стандартов и внутрикорпоративных профессиональных требований к работникам производства. В качестве примера совместного результата работы можно привести выдержки из функциональной карты рабочей профессии и специальности среднего профессионального (табл. 1 и 2) [7], где перечень конкретных функций, знаний, умений и практических навыков были дополнены в ходе взаимодействия с работодателями. Ими же была установлена их значимость по 4-бальной шкале;

разработка учебно-методических комплексов по всем рабочим профессиям и специальностям среднего профессионального образования в соответствии с учетом требований федераль-

ных государственных образовательных стандартов. Завершение согласования их содержания с работодателями;

проведение корректировки содержания и структуры управления методической работой в колледже. Сформированы новые направления, связанные с развитием профессионального уровня преподавателей и мастеров производственного обучения учебного подразделения. В структуру управления методической работой были введены дополнительно подструктуры: проблемная лаборатория разработки газовых месторождений, научное общество студентов и учащихся «Эврика», временные творческие группы и т.п.

Примечания к таблицам:
Ф – федеральный уровень требований;
Р – региональный уровень требований;
С – специальный вид компетенций;
* – должность в соответствии с ФГОС.

Таблица 1

Фрагмент функциональной карты для рабочей профессии
131003.03 «Бурильщик эксплуатационных и разведочных скважин»

Функции	Иметь практический опыт, уметь, знать	Должность*	Значимость				Уровень требований	Вид компетенций
			1	2	3	4		
Вид деятельности 1. **Ведение технологического процесса бурения на скважинах**								
ПК 1.2. Выбирать рациональный режим бурения по геологическим характеристикам пород	Выбирать рациональный режим бурения в зависимости от геологической характеристики и характера пород	1-3			+		Ф, Р	С
	Проводить бурение гидравлическими забойными двигателями	1-3			+		Ф	С
	Проводить бурение электробурами	1-3	+				Ф	С
	Использовать нормативно-техническую документацию	1-3			+		Ф	С
	Проводить роторное бурение	1-3			+		Р	С
	Проводить горизонтально направленное бурение	1-3			+		Р	С
	Применять навыки бурения в изменяющихся геологических условиях	1-3			+		Р	С

Таблица 2

Фрагмент функциональной карты для специальности
среднего профессионального образования
131003 «Бурение нефтяных и газовых скважин»

Функции	Иметь практический опыт, уметь, знать	Должность	Значимость				Уровень требований	Вид компетенций
			1	2	3	4		
Вид деятельности 1. **Проведение буровых работ в соответствии с техническим регламентом**								
ПК 1.2. Выбирать способы и средства контроля технологических процессов бурения	Составлять геолого-технический наряд на бурение скважин	4			+		Ф	С
	Выбирать способы и средства контроля технологических процессов бурения	3-9			+		Ф	С
	Определять свойства буровых и тампонажных растворов	3-9			+		Р	С
	Составлять режимно-технологическую карту	4			+		Р	С
	Составлять геологический разрез разбуриваемой породы	4		+			Р	С

Таким образом, сегодня уже отмечены пути по улучшению реализации эффективных механизмов интеграции профессионального образования и производства. Предложенная для рассмотрения практика реализации модели интеграции профессионального образования и производства, в условиях университетского комплекса, основана на взаимовыгодных условиях, что обеспечивает подготовку рабочих и специалистов среднего звена соответствующего уровня и профиля в соответствии с вызовами инновационной стратегии развития страны и территориального кластера региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительством РФ от 08.12.2011 № 2227. URL: http://правительство.рф/gov/results/17449/ (дата обращения 01.12.2012).
2. *Путин В.В.* Строительство справедливости. Социальная политика для России // Российская газета. 2012. 13 февраля. URL: http://www.rg.ru/printable/2012/02/13/putin-statya.html (дата обращения 01.12.2012).
3. *Мухамедзянова Г.В., Ибрагимов Г.И.* НПО-СПО: больше проблем, чем путей решения // Профессиональное образование. Столица. 2012. № 8.
4. *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Модернизация российского профессионального образования: проблемы и перспективы: монография. Тюмень, 2011.
5. Начальное профессиональное образование сегодня – самое незащищенное // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 1.
6. *Акимов М.Ю., Ларченко И.Н.* Реструктуризация структурной и содержательной интеграции в университетском комплексе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. URL: http://www.teoria-practica.ru/-2-2012/sociology/akimov-larchenko.pdf (дата обращения 18.12.2012).
7. *Акимов М.Ю.* Особенности взаимодействия с работодателями в условиях университетского комплекса при переходе на федеральные государственные образовательные стандарты: региональный опыт работы // Педагогический вестник Казахстана. 2012. № 1.
8. *Ларченко И.Н.* Социальное управление профессиональным развитием педагогических работников в условиях университетского комплекса // Вестник инновационного евразийского университета. 2011. № 4 (44).
9. *Ларченко И.Н.* Современные методы управления профессиональным развитием педагогических работников в условиях университетского комплекса // Инновации в профессионально-педагогическом образовании: тезисы докладов 18-й науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012.

УДК 378

Артамонова Екатерина Валерьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета
тел.: (927) 678-30-79

Андреева Елена Анатольевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета
тел.: (927) 678-30-79

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья освещает вопросы контроля результатов обучения в современном образовании в контексте происходящих процессов реформирования в России. Определяется характер изменений отдельных элементов системы в условиях Болонского процесса. Выделяются некоторые проблемы, связанные с контрольно-оценочной практикой, осуществляется поиск путей решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: **качество образования, Болонский процесс, контроль качества образовательных результатов, инструментарий системы контроля.**

Artamonova Ekaterina Valerievna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Kazan State Power Engineering University
tel.: (927) 678-30-79

Andreeva Elena Anatolievna
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Kazan State Power Engineering University
tel.: (927) 678-30-79

SOME ASPECTS OF REFORMING OF THE MODERN MONITORING PACTICE OF MODERN EDUCATION

The article covers the issues concerning control of students' knowledge results in modern education in the context of reformation of the Russian education system and defines the character of changes of some elements of the system in conditions of Bologna Process. Some issues relating to the practice of knowledge monitoring have been emphasized; the search of the ways for solution of the allocated problems has been carried out.

Key words: **quality of education, Bologna Process, educational results monitoring, monitoring tools in the system of monitoring.**

Ведущие позиции в развитии современного российского образования связаны с принятием и следованием основным положениям Болонского процесса в условиях формирования единого мирового образовательного пространства. При этом, Болонская декларация, не являясь государственной директивой, обязательной к исполнению, определяет пути формирования и функционирования единого европейского образовательного пространства, целью которого становится повышение конкурентоспособности европейской и российской систем высшего образования на мировом рынке образовательных услуг [1].

Наиболее ярко процесс сопоставимости отечественной и европейских систем образования проявляется, на наш взгляд, в двух направлениях. Во-первых, среди всех ступеней образования наибольшему реформированию подвергается высшее, причем изменения затрагивают не только внутреннюю содержательную сторону образовательного процесса, но и внешнюю в виде изменения форм подачи данного содержания, отражаясь и на сроках обучения: разделение ранее принятого пятилетнего цикла обучения на два самостоятельных уровня, взаимодействующих при этом в определенной мере между собой. Во-вторых, речь идет о влиянии собственно процесса интеграции на сферу образования, проявляющегося в определенном копировании отдельного элемента всей системы. В данном случае мы говорим об изменениях, затрагивающих процедуру контроля качества учебных достижений обучаемого (акцент на блочно-модульное обучение с приоритетом письменных методов контроля).

Важно отметить, что речь идет не столько об изменении средств данного этапа обучения (хотя инструменты и процедуры оценивания тоже меняются), сколько об изменении целей контроля качества обучения и его философии [2, 3]. Как известно, все основные характеристики системы проверки и оценки результатов обучения (ведущие подходы к разработке инструментария, составляющие проверочных работ, процедуры проведения, представление результатов и др.) определяются целями и задачами, которые ставятся перед этой системой: в большинстве стран – это получение объективной информации о функционировании системы образования, необходимой для обеспечения прав граждан в получении полноценного образования, поддержания устойчивого развития образовательной системы, установления отчетности образовательных учреждений перед обществом и его гражданами, оценки реализации инновационных введений в образовании [4]. С этих позиций контроль учебных достижений студента представляет собой не подведение конечных результатов, а лишь переход на новый виток развития, то есть улучшение, а значит, и повы-

шение качества образования. Иными словами, главная задача этой процедуры – повышение качества работы, учебных достижений конкретного студента и через это достижение более широких целей – улучшение качества учебных программ, в которые вовлечены оцениваемые обучающиеся, и достижение нового качества всего педагогического процесса в целом [5].

Отличие европейской контрольно-оценочной практики от отечественной преимущественно состоит в широком использовании постоянной академической оценки, основная цель которой заключается в диагностике трудностей и поиске путей их преодоления, что предполагает последующую ориентацию на успешное обучение. Зарубежная практика особо поощряет самостоятельную исследовательскую деятельность, предполагая систему дополнительных премий за высокое качество выполненной работы и «штрафов» за нарушение сроков выполнения тех или иных заданий. Студент может быть допущен к сессии и использовать только промежуточный контроль, без учета текущего контроля или комбинировать обе формы контроля: текущий и промежуточный для успешной сдачи экзаменационной сессии и для получения определенного количества кредитов. В российской же системе проведение только промежуточного контроля (зачета или экзамена) недостаточно для получения кредитов, а значит и для успешной сдачи сессии.

Однако любое нововведение всегда предполагает не только положительные черты, но и определенные сложности исполнения. Так, помимо положительных перспектив для российской высшей школы налицо ряд трудностей вхождения России в Болонский процесс и соответственно развития отечественного высшего образования:

1. Пренебрежение, в определенной степени, традициями российского высшего образования одним из аспектов которого является фундаментальность, которая не будет иметь место в связи с сокращением срока обучения, введением степени бакалавра.

2. Использование системы кредитов учета объема учебной нагрузки студентов и преподавателей, предусмотренной задачами Болонского процесса. Сейчас трудоемкость освоения каждой дисциплины указывается в академических часах, которые должны быть переведены в условные временные единицы – «кредиты». То есть в учебном плане для студентов часы заменяются кредитами по установленному соотношению.

3. Одной из видимых перспектив является смена «линейной» (последовательной) системы обучения, которая практикуется в российских вузах, «асинхронной», что приведет к трансформации организации учебного процесса и структуры учебных подразделений вузов. Создание института консультантов по академическим проблемам (тьюторов), осуществляющих помощь студентам в персональном решении вопросов стратегии и тактики формирования своего индивидуального образовательного плана является одной из проблем.

Говоря более конкретно о современной контрольно-оценочной практике, следует указать на несколько видоизмененное значение связки «знающий, умеющий». Практически все теоретические нормативно-правовые регуляторы российского образовательного процесса указывают на необходимость (с оттенком однозначного требования к исполнению) переноса прежнего акцента со «знаниевого», алгоритмического компонента действий на приоритет «умениевого», предполагающего применение знаний в нестандартных практико-ориентированных ситуациях. Однако современная реальность профессионального образования в части контрольно-оценочной практики характеризуется повсеместным заимствованием западных подходов в этой области и переориентацией на тестовые проверки, предполагающие письменные формы изложения.

В современном контроле измерения стали органической частью образовательного процесса, важнейшим средством получения информации, широко используемой в управлении качеством образования. На фоне постоянно растущей роли тестов пришло осознание ограниченности количественных методов, благодаря чему в педагогическом контроле стала развиваться так называемая смешанная методология, строящаяся на сочетании количественных и качественных оценок. Соответственно появилось новое поколение измерителей, обеспечивающих вместе с традиционными средствами контроля и тестами многомерные аутентичные (комплексные, многогранные) оценки, охватывающие результаты учебной деятельности и в образовательном учреждении, и во внеучебное время. Приоритет статических оценок, фиксирующих уровень подготовленности обучаемых в момент контроля, сменился в последнее время преобладанием динамического анализа изменений качества подготовленности студентов, основанного на повсеместно разрабатываемых и внедряемых системах мониторинга качества образования [6].

Среди новых видов измерителей, используемых в современной контрольно-оценочной практике и нацеленных на выявление положительной динамики изменения подготовленности, активности обучаемых в усвоении знаний, расширения набора компетенций, а также степени усвоения коммуника-

тивных и интеллектуальных умений, особой популярностью пользуются портфолио, представляющие собой целевую подборку работ студента по одной или нескольким дисциплинам. Технология учебного портфолио нацелена на личностно-ориентированный подход в обучении с заменой пассивного типа обучения, в котором студенту отводится роль слушающего, усваивающего, повторяющего, на активный, где в центре студент как активный «трансформатор» знаний, решений, информации и т. п. Преподаватель создаёт условия, определяющие мотив деятельности, формирует систему знаний на основе самоуправления процессом обучения, стимулирует активность студентов, обеспечивает дифференцированный подход в процессе обучения. Непосредственное участие самого студента в отборе работ вместе с преподавателем является важным фактором положительной мотивации учебной деятельности, стимулирующим стремление к самооценке своих достижений. Именно поэтому многие преподаватели видят в портфолио эффективное средство развития у обучаемых критического мышления и получения реальных самооценок. Несмотря на индивидуализированный подход при выборе заданий, результаты выполнения которых нуждаются в основном в экспертных оценках, портфолио обеспечивают достаточно объективную информацию о качестве учебных достижений. Это связано с тем, что процесс проверки предельно стандартизируется, с четким определением критериев оценки достижений и обеспечением свидетельства самостоятельной работы обучаемых. Причем данный инструментарий можно лучше оценить и при необходимости скорректировать как сам процесс обучения, так и его результат в полном объеме.

На сегодня существует определенная типология образовательных портфолио [7]:

– рабочее портфолио – ориентирован на работы обучаемого за определенный период времени, которые показывают произошедшие изменения его знания;

– протокольное портфолио – в документальной форме отражает все виды работы обучаемого. Сюда могут включаться черновики готовых работ; – процессное портфолио – предназначено для демонстрации достижений студента на различных этапах процесса учения;

– итоговое портфолио – используется для получения суммарной оценки знаний и умений студента, усвоенных по основным дисциплинам.

Формы представления материалов портфолио в образовательной практике могут быть различны: от аудиовизуальных средств до электронных версий работ. Так, в отечественной образовательной практике внутри данного типа «измерителя» образовательных результатов обучаемых выделяют:

– Портфолио документации – содержит документы студента, показывающие развитие и рост в обучении: зачетные книжки, свидетельства, удостоверения о присвоении квалификации, категории, разряда, получении дополнительного образования.

– Портфолио-коллектор – включает материалы, авторство которых не принадлежит студенту. Это могут быть предложенные педагогом памятки, схемы, ксерокопии статей периодических изданий, иллюстрации, словарные и энциклопедические материалы, любой иллюстративный материал – все, что связано с тематикой портфолио и не является продуктом деятельности самого студента.

– Портфолио процесса – демонстрирует процесс и уровень самостоятельного использования студентом полученных знаний при выполнении учебных, исследовательских и информационных проектов.

– Портфолио показательный – ориентирован на итоговый результат по определенным направлениям, включая лучшие работы студентов.

– Портфолио оценочный – собирается для контроля накопления результатов учения студента и включает контрольные материалы различных видов. Может быть составлен преподавателем самостоятельно, акцентировав внимание на достижении запланированного результата.

– Портфолио отзывов – включает в себя характеристики отношения студента к различным видам деятельности, предоставленные педагогами, руководителями практики, родителями и др., а также письменный анализ самого студента своей деятельности и ее результатов.

– Портфолио достижений – располагает материалами, которые, по мнению студента, отражают его лучшие результаты и демонстрируют успехи. Этот вид портфолио может содержать лучшие проекты, благодарственные письма, грамоты, дипломы, сертификаты, отзывы, фотографии и т.д.

– On-line-портфолио может быть особо разнообразным: документы по определенной части курса, собственная веб-страничка и пр.

Однако данная форма, как и тесты не решают всех проблем оценивания качества образования, имея свои недостатки – определенную дороговизну, большую, сравнительно с традиционной проверкой, трудозатратность и в определенной степени сомнительную надежность.

Современные инструментальные техники контроля и оценки знаний поддерживают различные формы заданий, позволяя реализовать сценарии проведения контроля с использованием тек-

ста, неподвижных и анимированных изображений, звуков, видео и т.д. Отдавая предпочтение тем или иным инновациям, нужно всегда стремиться к многогранной оценке качества результатов обучения и пониманию целесообразности использования новшеств в учебном процессе.

Не умаляя значимость письменных проверок, следует указать на их весомый, на наш взгляд, недостаток, предполагающий невозможность оценки адекватных реакций собственно личности студента с учетом полученных знаний на решение сиюминутно поставленной задачи (отсутствие диалога), что вступает в определенное противоречие с заявленными требованиями со стороны государства и указывает на необходимость сокращения количества повсеместных централизованных проверок лишь в виде тестирования с возвратом к «традиционным» устным формам (с учетом современных условий и требований) контроля результативности образования для сохранения фундаментальности и определенного «знака качества» российского образования.

В итоге можно проследить определенный резонанс: в рамках планируемых результатов интеграция российского образования в мировое образовательное пространство должна содействовать поддержанию высокого статуса отечественного образования и науки, повышения конкурентоспособности и соответствия современным мировым стандартам, на практике воплощение указанных изменений усугубили, начавшийся еще в конце 1990-х гг. спад российского высшего образования и вследствие этого науки, что подтверждается понижением России в мировом образовательном рейтинге, снижением качества диссертационных исследований с одной стороны, и оттоком перспективных научных кадров с другой, что повлекло за собой старение научного потенциала страны. В целом, одной из весомых позитивных характеристик в рамках развития единого европейского образовательного пространства является создание Европейской сети агентств качества высшего образования, где организационные вопросы контроля и оценки в контексте европейских образовательных процессов остаются одними из важнейших для того, чтобы добиться более успешного процесса сближения и гармонизации систем образования разных стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Байденко В.И.* Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): методическое пособие. М., 2005.
2. *Robitaille D.* National context for mathematics and science education: An encyclopedia of the educational systems participating in TIMSS // Pacific Educational Press. Vancouver, BC, 1996.
3. *Ительсон Л.Б.* Математические и кибернетические методы в педагогике. М., 1964.
4. *Ковалева Г.С.* Основные подходы к сравнительной оценке качества математического и естественнонаучного образования в странах мира (по материалам международного исследования TIMSS). М., 1996.
5. *Coste D., Moore D.* Autour de l'évaluation de l'oral // Bulletin CILA 55. 1992.
6. *Перегудова Ю.М.* Проблемы развития российского высшего образования в условиях Болонского процесса // Педагогическая наука и практика: проблемы и перспективы: Сб. науч. статей. Вып. 1. М., 2004.
7. *Bateson D., Nicol C., Achroeder T.* Alternative Assessrnent and Tables of Specification for the Third International Mathematics and Science Study. ICC 64. 1991.
8. *Савченко Е.А.* Образовательная деятельность как социокультурный феномен (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. … д-ра педагог. наук. Брянск, 2006.

УДК 373.174 (574)

Аубакирова Рахила Жуматаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Семипалатинского государственного университета имени Шакарима (г. Семей, ВКО, Республика Казахстан)
тел.: (7222) 35-81-14

Aubakirova Rakhila Zhumataevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Psychology of Semipalatinsk State University named after Shakarim (Semei City, East Kazakhstan Region, Republic of Kazakhstan
tel.: (7222) 35-81-14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ РИСОВАНИЯ И ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАЗАХОВ В ПРЕДШКОЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ДЕТЕЙ

В работе дано описание технологий рисований, которые можно использовать в предшкольной подготовке детей. Раскрыты элементы орнаментального искусства казахов, используемые в учебном процессе дошкольников.

Ключевые слова: **дошкольное воспитание, технологии рисования, орнамент, технологическая карта, технологическая схема, изобразительная деятельность.**

THE USE OF DRAWING AND ORNAMENT ART TECHNIQUES OF KAZAKHS IN PRESCHOOL TRAINIG OF CHILDREN

In the article the description of drawing techniques which can be used in preschool training of children has been given. The elements of ornamental art of Kazakhs used in the educational process of preschool education are presented.

Key words: **preschool education, drawing techniques, ornament, technological map, technological scheme, graphic activity.**

Дошкольные группы и классы являются важной ступенью в подготовке детей к школе. Именно здесь закладываются те основы, которые будут считаться отправным моментом в получении образования, формировании культуры и общечеловеческих ценностей. И не последнюю роль в этом играет изобразительная деятельность, посредством которой формируется интерес к искусству, творчеству, закладывается любовь к природе, окружающей среде, Родине. В данной статье предпринята попытка раскрыть особенности использования технологий рисования и элементов орнаментального искусства казахов в педагогическом процессе предшкольных групп и классов Республики Казахстан.

Для педагога важно не только обладать знаниями о закономерностях реализации педагогического процесса, но и обладать знаниями технологий изобразительной деятельности. При разработке технологических карт и схем для педагогов и детей предшкольного возраста особую значимость приобретают известные технологии рисования (табл. 1):

Таблица 1

Технологии рисования

№	Название технологии рисования	Технологические сведения и приемы
1	Алла-прима	Технический прием в акварельной и масляной живописи, состоящий в том, что этюд или картина пишутся без предварительных прописок и подмалевка, иногда за один прием или сеанс.
2	Витраж	Живопись на стекле прозрачными красками или орнамент, составленный из кусочков разноцветного стекла, скрепленного металлическим переплетом, служит для заполнения оконных и дверных проемов.
3	Граттаж	Это способ выделения рисунка путем процарапывания пером или острым инструментом бумаги или картона, залитых тушью. Слово "Граттаж" произошло от французского gratter – скрести, царапать, поэтому другое название техники – техника царапанья. Начинающие работают обычно так: плотную бумагу покрывают толстым слоем воска или парафина. Можно равномерно растереть по бумаге свечку. Затем широкой кистью, губкой или тампоном из ваты наносят на поверхность слой туши. Когда тушь высохнет, острым предметом – скребком, ножом, вязальной спицей – процарапывают рисунок, образуя на черном фоне тонкие белые штрихи.
4	Гризайль	Монохромная живопись в сером тоне. В станковой живописи применялась при выполнении эскиза. Отсюда однотонную живопись любого цветового оттенка называют гризайлью.
5	Живопись по-сырому	Технический прием масляной и акварельной живописи. При работе маслом необходимо окончить работу до подсыхания красок и исключить такие этапы как подмалевок, лессировки и повторные прописки. Живопись по-сырому обладает

		известными преимуществами – свежестью красочного слоя, хорошей сохранностью, сравнительной простотой техники исполнения.
6	Лессировка	Прием наложения краски почти сухой кистью. Такими движениями краску как бы втирают в поверхность. Используется для размывания резких и четких контуров или для истончения верхнего слоя краски так, чтобы стал, виден слой краски под ним. Цвета при этом получаются мягче.
7	Зарисовка	Рисунок с натуры, выполненный преимущественно вне мастерской с целью собирания материала для более значительной работы, ради упражнения.
8	Монотипия	Одной из простейших графических техник считается монотипия. На гладкой поверхности – стекле, пластмассовой доске, пленке, толстой глянцевой бумаге – делается рисунок масляной или гуашевой краской. Сверху накладывается лист бумаги и придавливается к поверхности. Получается оттиск в зеркальном отображении. Всегда только один. Отсюда и название – монотипия (от греческого monos – один, единый и tupos – отпечаток).
9	Отмывка	Акварельная техника с использованием очень жидкой краски или туши. Прием осветления краски или удаление ее с бумаги при помощи кисточки, смоченной в чистой воде, и сбор отмоченной краски промокательной бумагой.

Названные технологии рисования нашли свое отражение в разработанных в соавторстве с И.Б. Абремской учебно-методических комплексах, которые были апробированы в Казахстане в 2002-2003 уч. г., и используются до настоящего времени в практике работы предшколы (2011 г. включительно). В этом комплексе представлены методическое пособие с технологическими картами и технологическими сведениями, и альбомы с технологическими схемами. Технологические карты и сведения позволяют педагогу экономить время для конструирования и организации педагогического процесса, а технологические схемы значительно облегчают работу воспитанникам.

Педагог предшколы формирует представления детей об орнаментах. Важно показать, что орнамент – обязательный элемент народного искусства. Дети знают, что орнамент построен на ритмичном чередовании и сочетании геометрических изобразительных элементов. Педагог акцентирует внимание на богатстве и самобытности языка народного орнамента. «Орнамент» по-казахски называется «ою-орнек», от слов «ою» – выкройка и «орнек» – узор. Каждый узор может рассказать свою историю. Мастер орнаментального искусства (оюшы) очень уважаемый в народе человек. Всякий цвет имеет свою символику: голубой – небо, белый – радость и счастье, жёлтый – знание и мудрость, красный – огонь, солнце, зелёный – юность и весну, чёрный – землю.

В древности по орнаменту у казахов можно было определить, к какому роду или жузу (у казахов разновидность родоплеменных отношений) относится тот или иной человек. Орнамент кочевников, говорят, обладает свойствами отгонять злых степных духов и имел магическое значение, например амулет – имеет форму треугольника и оберегает обладателя от дурного глаза.

Существует огромное многообразие орнаментальных узоров. Вот только некоторые из них: Кун (солнце), Куннин кози (глаз солнца, луч), Ай (луна), Айшык (лунное подобие), Айтанба (лунный знак), Аймуйиз (лунные рога), Шолпан (Венера), Жулдыз (звезда), Жулдыз гуль (лунный цветок), Омир жолы (дорога жизни), Бугы муйиз (оленьи рога), Райхангуль (цветок легендарной девушки Райхан), Тумарша (изображение амулета), Кырык муйиз (сорок рогов, изобилие, богатство), Семсер/ пышак уши (острие меча), Байлык (достаток), Алмагуль (цветок яблони), Гуль (цветок), Кок шоп (зелень, растения), Жапырак (лист), Уш жапырак (трилистник), Бес жапырак (пятилистник), Бульдирген (ягоды), Муйиз (рога), Аркар муйиз (рога архара), Туе мойын (верблюжья шея), Ат Ерин (лошадиная губа), Кус канат (крылья птицы), Косалка (галоп), Тыс (зубы), Балга (молоток), Балта (топор), Ожау (ковш), Шакпак (спички), Табак (блюдо), Сырга (серьги) и другие.

Мотивы казахского орнамента разделены на 4 группы (табл. 2):

Таблица 2

Мотивы казахского орнамента

№	Мотивы орнаментов	Содержание и технологические сведения
1	Зооморфные	Зооморфные узоры наиболее многочисленны. Они отражают мир древних скотоводов и земледельцев, связаны с древней мифологией и первобытным искусством. Узоры в виде головы, рогов, копыт животных, крыльев и лапок птиц являются основными в казахском орнаменте.
2	Растительные	Растительные узоры широко используются в войлочных изделиях, предметах быта: коврах, сумках, чехлах.
3	Космогонические	К древнейшим относятся космогонические узоры. Предметы искусства с изображением солнца в древности были талисманами, оберегами. Предме-

		ты искусства с космогоническими узорами встречаются на керамике и в архитектурном декоре, например на фасаде мавзолея Бабаджи-хатун, расположенного в окрестностях Джамбула.
4	Геометрические	Геометрический орнамент широко используется в архитектурном декоре, ковровых изделиях, в резьбе по дереву и камню, в тиснении по коже. Это – квадрат, ромб, четырехугольники, треугольники, составляющие половину квадрата или ромба, разделенных по диагонали, шестиугольники, восьмиугольники. Для геометрических узоров характерны равновесие между отдельными элементами, пропорциональное деление фигур, вписанных в композицию.

Таким образом, при формировании знаний о технологиях рисования и орнаментальном искусстве педагог опирается на технологические схемы, которые помогают детям поэтапно изобразить узоры, и в то же время содействуют патриотическому воспитанию, этнокультурному образованию воспитанников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Грибовская А.А.* Воспитание творческой активности у детей четырех – семи лет средствами народного декоративного искусства: автореф. дис. …канд. педагог. наук. М., 1988.
2. *Афанасьева Р.И.* Преемственность в обучении рисованию детей подготовительной к школе группы детского сада и учащихся 1 класса общеобразовательной школы: автореф. дис. …канд. педагог. наук. М., 1979.
3. *Григорьева Г.Г.* Система игровых приемов в обучении изобразительной деятельности детей пятого года жизни: автореф. дис. …канд. педагог. наук. М., 1983.
4. *Дирксен Л.Г.* Преемственность в развитии творческих способностей детей разновозрастного уровня (изобразительное искусство): автореф. дис. …канд. педагог. наук. Астана, 2004.

УДК 3735:39(=512.31)

Базаров Цырен Раднаевич

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ тел.: (902) 166-00-39

Bazarov Tsyren Radnaevich

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Buryat State University, Ulan-Ude tel.: (902) 166-00-39

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

TENDENCIES IN RURAL SCHOOLS DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Дана краткая характеристика особенностей развития общего образования сельской местности в Республике Бурятия. Выделены перспективы развития сельской школы в современных социально-экономических условиях. Показаны возможности и пути решения ключевых вопросов моделирования сельской школы в современных условиях Республики Бурятия.

Ключевые слова: **специфика сельской школы, тенденции развития сельской школы.**

A brief characteristic of the specific features of general education development in rural Buryatia has been presented. The prospects for the rural schools development in the contemporary socio-economic conditions have been highlighted. The possibilities and ways to address the key issues of modeling a rural school in the present conditions of the Republic of Buryatia have been shown.

Key words: **specificity of rural schools, tendencies in rural schools development.**

Обновление и преобразование школы как социального института координируются государственными документами, регламентирующими деятельность образовательных учреждений в условиях введения инноваций («Закон об образовании» РФ 1992 г.), Федеральные программы развития образования (1997-1998 гг, 1999-2004 гг), Модернизация российского образования 2001 г., Приоритетный национальный проект «Образование» 2005 г.

Позитивными инновационными тенденциями образования в селах Республики Бурятия является развитие новых интегративных моделей общеобразовательных учреждений – школа-детский сад, учебно-воспитательный комплекс, школа-комплекс, школа-филиал ПТУ, агрошкола (агролицей), фермерская школа, школа-ВУЗ и др. Подобные модели инновационной деятельности в сфере образования позволяют наиболее полно использовать культурно-образовательный потенциал среды.

В республике функционируют 578 сельских школ (75% от общего числа школ), в том числе начальных – 126, основных – 56, средних – 396.

В сельской местности обучается 46,4% учащихся школ республики, работают 58,3% учителей. В 2 смены работают 37,3% школ, в которых занимаются 19,2% детей.

Создано 9 гимназий и лицеев, 28 учреждений с углубленным изучением отдельных предметов. Функционирует 10 образовательных школ фермерского направления, в которых учащиеся получают практические знания по основам сельскохозяйственных наук и сельскохозяйственных профессий, навыки ведения фермерского хозяйства.

При этом процесс инновационной деятельности сельских школ характеризуется неравномерностью разработки и внедрения, что объяснимо, на наш взгляд, отсутствием механизмов управления, пропаганды новых концепций и технологий.

Любая сельская школа, в которой внедряется или внедрена инновация, отличается от других уровнем материально-технической базы, условиями деятельности, традициями села, его производственным потенциалом, обеспеченностью кадрами и их профессионализмом, контингентом учащихся.

Анализ научных исследований и практики по внедрению инноваций в образовании Республики Бурятия показывают, что создалась противоречивая ситуация между:

а) установкой на введение инноваций государственными органами управления образованием и неспособностью сельских школ принять, ввести и отследить инновационный процесс;

б) реализацией инновационных идей по отдельно взятому направлению деятельности школы и функционированием школы в старом режиме работы;

в) внедрением инновационных процессов в отдельные школы и ограниченными возможностями системы образования внедрять и управлять данными процессами.

На современном этапе педагогическое сообщество республики является субъектом модер-

низации образовательной системы. Обновление содержания образования происходит на основе принципов гуманизации, гуманитаризации и вариативности. Педагоги осваивают новое направление в педагогической науке и практике, которое занимается конструированием и проектированием учебных процессов. Технологический подход к обучению ставит целью конструировать учебный процесс, учитывая социальный заказ, специфику образования, методы и цели обучения. Технологизация образовательной и воспитательной деятельности предполагает широкий и разнообразный спектр образовательных услуг, связанный с использованием современных технологий, требующих отказаться от стереотипов традиционного обучения.

В рамках широкомасштабного эксперимента по совершенствованию структуры и содержания общего образования осуществляется поиск модели профильного образования, что предполагает реализацию общеобразовательного и профильного уровней изучения дисциплин школьного цикла. Профилизация позволяет создать групповые и индивидуальные образовательные маршруты, что способствует развитию активной познавательной деятельности школьников, усилению практической направленности обучения. В эксперименте по развитию системы профильного обучения учащихся участвуют 127 образовательных учреждений республики.

Реальным социально-педагогическим явлением и процессом является становление регионально-национальной системы образования в Бурятии. В республике разрабатываются стандарты национально-регионального компонента содержания общего образования, для чего созданы ВНИК.

Хорошим подспорьем в изучении общественных и естественных наук становится электронные учебники по истории, экономике, культуре Бурятии. В целом национально-региональный компонент в виде электронных образовательных продуктов также должен стать составной частью общефедеральных образовательных программ. Особенно это важно в связи с введением профильного обучения в старших классах.

В рамках эксперимента по новому содержанию общего образования одной их стержневых задач является обеспечение рациональной организации учебного процесса, проведение оптимизации учебной, психологической и физической нагрузки учащихся, повышение двигательной активности учащихся, обеспечение рациональной организации урока и режима дня школьника.

Сегодня появляются новые технологии с колоссальными обучающими ресурсами, которые влияют на организацию учебного процесса, потенциально увеличивая его возможности. В школах республики используются новые технические, информационные, полиграфические, аудиовизуальные средства, с новыми методиками, которые становятся неотъемлемым компонентом образовательного процесса.

В Республике Бурятия реализуются программы «Развитие образования на селе», «Компьютеризация сельских школ», «Школьный автобус», «Ремонт аварийных школ в сельской местности», направленные на сохранение, поддержку и развитие образования на селе. У сельских школ большие социальные задачи: способствовать тому, чтобы сохранялись и укреплялись семейно-общинные формы жизни и воспитания, чтобы растущий человек укоренялся в родной местности, приобщался к традициям, ценностям отечественной истории и культуры, всесторонне развивался. Современная сельская школа взяла на себя функцию, может быть, ей не свойственную (в рамках обычной системы): изменить ситуацию вокруг, активизировать сельский социум, постепенно превращаясь в центр устойчивого духовно-нравственного и социально-экономического развития села и источник культурно-образовательных инициатив. Инновационные образовательные проекты Бургуйской средней школы Закаменского района, Онохойской средней школы Заиграевского района, Кижингинского лицея Кижингинского района, Цагатуйской средней школы Джидинского района и др., направленные на изменение ситуации в сельском социуме, получили высокую оценку федеральных экспертов Института образовательной политики «Эврика» (г. Москва). С целью создания целостной социально-образовательной системы, отражающейся на широких связях с внешней средой, властными структурами, предприятиями и учреждениями, в республике появились социально-педагогические комплексы: Усть-Эгитуйский в Еравнинском, Барагханский в Курумканском, Удинский в Хоринском районах Бурятии.

Специфика сельской школы республики заключается в ее малочисленности и в том, что большая часть национальных бурятских, эвенкийских, семейских школ приходится на сельскую местность. В связи с изменением целей обучения и воспитания в национальных школах возникла потребность сосредоточить усилия ученых-лингвистов, литературоведов, методистов-дидактов на проблеме обновления содержания учебных программ, пособий и учебников на бурятском языке с учетом новейших технологий обучения.

В данное время 30 сельских школ вошли в состав университетских комплексов. С целью расширения доступности среднего и высшего профессионального образования в сельских районах республики открываются филиалы, развивается сеть довузовской подготовки учащихся на базе общеобразовательных комплексов вузов.

Сельская школа дает воспитанникам не только знания по общеобразовательным дисциплинам. В системе дополнительного образования педагоги знакомят учащихся с основами производства сельского хозяйства на уровне современной науки (агроэкологии, агрономии, рыночной экономики, агробизнеса и т.п.), с современной техникой (тракторами, автомобилями, комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами), с современными технологиями и организацией механизированных сельскохозяйственных работ. Принята и реализуется республиканская программа «Развитие подсобных хозяйств школ».

Среди перспектив сельской школы можно выделить следующие: превращение в филиал базовой (опорной) школы, развитие дистанционного образования, создание интернатов, центров раннего развития детей, общеобразовательных учреждений «Агрошкола», «Агролицей».

Продолжается качественное изменение деятельности учреждений профессионального образования, ориентированной как на личные потребности обучаемых, так и на рыночный спрос специалистов технического, общественно-гуманитарного профиля, информационных технологий, сферы сервиса. Учреждения начального профессионального образования, обеспечивая молодежи получение доступного и бесплатного профессионального образования, осуществляют подготовку квалифицированных рабочих. Ряд учреждений работает в режиме инноваций. В 16 учреждениях начального и среднего профессионального образования открыта подготовка по новым специальностям: «электромонтер в сельском хозяйстве», «мастер общестроительных работ», «хозяйка усадьбы» и др. Продолжается работа по созданию на базе учреждений начального и среднего профессионального образования центров непрерывного профессионального образования, предусматривается реализация программ допрофессиональной подготовки. Чрезвычайно важно в условиях развития интеграционных процессов во всем мире сохранить свою самобытность и тот особый интеллектуальный и нравственный потенциал, который свойственен образованию в Бурятии. В последние годы повсеместно началось приобщение к народным истокам, изучаются и возрождаются лучшие традиции народной педагогики. Ориентация в процессе регионализации образования на принцип народности способствует сохранению и развитию традиций, понятий и этнокультурных представлений как общего и особенного своего народа и представителей других национальностей региона. Важнейшей и неотъемлемой функцией образования становится воспитание, которое сегодня является приоритетным направлением в образовательной политике Республики Бурятия. В сложных социально-экономических условиях нужен совершенно новый взгляд на воспитание, нужны современные научно обоснованные и апробированные технологии, где талант педагога, дарование ученика и мудрость родителей получили бы полную реализацию. Главной задачей сегодня является создание в образовательных учреждениях всех типов и видов гуманистических воспитательных систем, направленных на развитие индивидуальности каждого ребенка. Главной целью и результатом воспитания должен стать личностный рост воспитанника.

Нашими стратегическими приоритетами на предстоящие годы являются:

- достижение консолидации различных социальных групп и отдельных личностей в ситуации роста социального разнообразия общества, обеспечивающей уменьшение вероятности социальных, политических, экономических, этнических и религиозных конфликтов;

- выделение в качестве ключевой задачи системы образования формирование социального лифта, позволяющего представителям различных групп и социальных слоев общества посредством социальной, академической и профессиональной мобильности преодолевать различные неравенства и достигать профессионального и личностного успеха;

- проектирование образования как института успешной профессиональной социализации, обеспечивающего развитие социально – экономического ресурса государства и приводящего через накопление человеческого капитала к накоплению государственного капитала.

Наша триада задач – качество, доступность и эффективность образования. Образование должно быть эффективным и давать такие компетенции, которые позволят человеку определиться в своей взрослой жизни. Правильно определиться с максимальной пользой для общества, для государства. В этом суть модернизации.

Таким образом, реалии динамично меняющегося мира требуют современный уровень образования, адекватный процессам модернизации. Сущность его в следующем: если мы ранее учились у прошлого, стараясь воспроизвести его лучшие достижения, то теперь пора учиться у буду-

щего, приближая и опережая его. Опыт прошлого при этом не отвергается, а лишь переоценивается. Конечно, будущее еще предстоит построить. Но если достаточно глубоко всматриваться в будущее, ориентироваться на него, то оно будет неизбежно приближаться, проникая в настоящее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Андреев В.Н.* История бурятской школы (1804–1962 гг.). Улан-Удэ, 1961.
2. *Антипьев А.Г.* Проблемы социальной защиты населения при переходе к рынку. // Социально-политические науки. 1991. № 10.
3. *Базаров Ц.Р.* Развитие бурятской сельской школы (социально-педагогические аспекты). Улан-Удэ, 1999.
4. Внутришкольное управление: вопросы теории и практики / под ред. Т.И. Шамовой. М., 1991.
5. Закон РБ «Об образовании». Улан-Удэ, 1993.
6. *Лазарев В.С., Поташник М.М.* Как разработать программу развития школы. М., 1993.
7. *Намсараев С.Д.* Национально-региональная система образования: теория и практика. Улан-Удэ, 1996.
8. Новые модели образовательных учреждений. М., 1994.
9. *Суворова Г.Ф.* Обновление содержания образования в сельской школе // Начальная школа. 1996. № 11.

УДК 372.881.111.1

Болдырева Татьяна Владимировна

ассистент кафедры иностранных языков и общей лингвистики Калмыцкого государственного университета
тел.: (847) 222-36-27

Boldyreva Tatyana Vladimirovna

Teaching Assistant of the Department of Foreign Languages and General Linguistics of Kalmyk State University
tel.: (847) 222-36-27

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

ETHNOCULTURAL COMPONENT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT NON-LINGUISTIC FACULTIES

В настоящей статье внимание уделено раскрытию содержания понятия «родная культура», рассмотрению специфики его понимания в современной педагогической науке, а также возможностям интеграции сведений, отражающих этнокультурную принадлежность обучающихся, в процесс обучения иностранным языкам.

The author of the article makes an attempt to define the notion of native culture. The article considers the specific character of its understanding in the modern pedagogical science as well as the possibility for integration the data reflecting ethnocultural identity of students into the process of foreign language teaching.

Ключевые слова: **родная культура, нация, этнос, бикультурализм, национально-региональный компонент, этнокультурный компонент.**

Key words: **native culture, nation, ethnos, biculturalism, national-regional component, ethnocultural component.**

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», № 2012-1.2.1.-12-000-3004-044

Прежде всего, необходимо рассмотреть и разграничить базовые для проводимого исследования понятия «нация» и «этнос». Как показывает изучение научной литературы, эти термины, несмотря на смысловую идентичность и взаимозаменяемость во многих случаях, несут предметную определенность, охватывающую ту или иную сторону исследуемых объектов. В социологическом словаре приводятся следующие определения понятий:

этнос (этническая общность) – большая общность людей, развивающаяся на основе единства природно-ландшафтных условий, кровного родства, антропологических особенностей, специфики культуры, языка, религии и психического склада, этнического самосознания, которое является единственной непротиворечивой его чертой;

нация – исторически сложившаяся форма общности людей, характеризующаяся общностью языка, территории, экономической жизни, культуры и особенностями психологического склада [1].

Таким образом, можно говорить о двух основных вариантах современного понимания нации: этническом и политическом (гражданском). Для их различения в отечественной научной литературе иногда применяются понятия «этно-национальный» и «гражданско-национальный». Принимая во внимание вышеупомянутые определения, в проводимом исследовании мы будем придерживаться мнения, что нация является общественной структурой более высокого уровня и качественно новым общественным образованием по сравнению с этносом.

Языковая ситуация в каждом субъекте РФ имеет свою специфику и зависит от широкого диапазона факторов: «демографических, этнических, характера, количества и расселения населения, конфессиональных и исторических традиций» [2], но в большинстве случаев сводится к ситуации билингвизма. Естественный билингвизм является следствием «продолжительного контактирования и взаимодействия носителей двух языков в процессе их совместной практической деятельности, без целенаправленного воздействия на становление данного умения в многоязычной сфере» [3]. Явление билингвизма тесно связано с понятием «бикультурализм». Билингвизм рассматривается как результат взаимодействия с иной культурой и как одна из форм ее адаптации [4], при которой происходит процесс усвоения личностью, принадлежащей одной культуре, элементов другой [5].

Исходя из сказанного, рассмотрим подробнее наиболее распространенный в России тип билингвизма, функционирование которого связано с русским языком и языком этнического меньшинства. Если предположить, что процесс овладения русским языком протекает одновременно с освоением элементов представленной им культуры, то возникает необходимость рассмотреть взаимодействие двух культур в контексте проводимого исследования. Для прояснения этого вопроса обратимся к исследованиям в области социологии. Интересующее нас соотношение культур в сознании билингва рассмат-

ривается через понятия «гражданская идентичность» и «этнокультурная идентичность».

Гражданская идентичность относится к числу базовых, так как «сохранение целостности Российской Федерации, достижение гражданского мира и согласия в российском обществе, возможность устойчивого поступательного развития во всех сферах жизни, напрямую затрагивающая интересы каждой личности, каждой этнической общности, непосредственно зависят именно от состояния гражданской идентичности, от уровня и характера отношения граждан к своей стране» [6]. Этнокультурная идентичность – это категория, включающая в свое содержание «не только осознание, но и восприятие, понимание, оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности» [7].

Проблема соотношения этнической и гражданской идентичности является актуальной для России, так как касается этнической политики государства и затрагивает сферу межэтнического общения. Существует два способа разрешения этой проблемы. Во-первых, гражданское единство общества может быть достигнуто путем объединения в качестве единой российской нации и «снятия» этнической идентичности граждан как фактора, разрушающего гражданское единство. Во-вторых, государство может оказывать поддержку этническим обществам, которые служат фундаментом для строительства гражданского общества [6].

На современном этапе развития российского общества реализуется последний из упомянутых путей консолидации. Одной из центральных идей «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. (№ 909), является идея единства гражданской и этнической идентичности. Данная концепция нашла свое отражение в разработке Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, являющейся методологической основой Федерального государственного образовательного стандарта. В документе говорится, что поликультурное образование должно «предусматривать приобщение обучающихся к культурным ценностям своей этнической или социокультурной группы, базовым национальным ценностям российского общества, общечеловеческим ценностям в контексте формирования у них гражданской идентичности» [8].

В виду того, что под «родной культурой» понимается «вся совокупность произведений человеческой деятельности, как материальных так духовных: система ценностей, представлений, норм поведения, традиции, нравы, обычаи, верования и язык, усвоенные в процессе социализации личности в рамках ее национального социума и отражаемые в сознании индивида» [9], можно предположить, что в рассматриваемом случае понятие «родная культура» представляет собой сложное интегративное образование, характеризуемое двуединством – сочетанием этнической и гражданской идентичности. Речь идет не о «раздвоении» сознания личности, а о достижении его двуединства: осознание себя одновременно и представителем своего этноса и гражданином страны [6].

Большим потенциалом в плане социализации личности обладает предмет «иностранный язык». Современная концепция социокультурного образования средствами иностранного языка ставит своей целью обогащение и самоопределение личности, развитие способности и готовности к межкультурному диалогу на основе уважения самобытности всех его участников. В основу социокультурного подхода положен сопоставительный принцип изучения культур. Основными процедурами приобщения обучающихся к иноязычной реальности являются сравнение и анализ фактов, феноменов соприкасающихся культур [10], что предполагает вовлечение широкого спектра сведений, отражающих как общероссийскую социокультурную, так и этнокультурную действительность.

Интеграция сведений, отражающих этнокультурную принадлежность учащихся, осуществляется в рамках национально-регионального компонента, который получает свое содержание через соотношение с понятием «регион». «Регион» рассматривают как «относительно самостоятельную пространственно-географическую, административно-территориальную, институционально-политическую, экономическую, этническую, социальную и историко-культурную величину» [11]. При реализации национально-регионального компонента свою актуализацию получают следующие особенности [12]: исторические и национально-культурологические (традиции, нравы, особенности образа жизни и характерные ценности); природно-географические (ландшафт, климат, полезные ископаемые, проблемы экологии); социально-географические (плотность населения, характер поселений, традиционные занятия, удаленность от других регионов, средства сообщения); социально-демографические (национальный состав, миграционные процессы, половозрастная структура, характер воспроизводства населения, типы семьи); социально-экономические (типы и характер воспроизводства, профессиональная структура, уровень жизни населения, перспективы экономического развития); административно-политические (территориальное расположение и границы региона, тип инфраструктуры, организация и функционирование органов управления).

Первая группа особенностей региона фиксирует то, что является результатом культуротвор-

ческой деятельности этноса, сформировалось в результате этногенеза, выражает его особый способ ориентации в мире, иными словами «этническую культуру» [6].

Межкультурная коммуникация понимается как многослойный по своей структуре феномен. Выделение той или иной ее плоскости позволяет высветить определенную совокупность черт в характеристиках партнеров по общению. Так, разграничение межкультурной коммуникации между представителями различных этнокультурных сообществ приводит к выделению понятия «этнокультурный статус» субъекта диалога культур [13]. Выделение в статусе участников межкультурного общения этнокультурного аспекта позволяет предположить о владении ими разными совокупностями этнокультурных знаний.

Этнокультурный статус субъекта проявляется в межкультурной коммуникации, когда в нее ступают представители различных культур, отличающиеся национальным складом характера и определенным стереотипом поведения. «Этнокультурный статус субъекта – это совокупность общих этнических и культурных свойств индивида, выделенных на основе объединяющих признаков» [13]. Все показатели этнокультурного статуса оказывают влияние на установление контактов, могут стать причиной порождения конфликтов и дискоммуникации, понимаемой как «нарушение процесса общения и/или полный неуспех при решении той или иной коммуникативной задачи» [14]. В качестве социокультурной причины дискоммуникации называется явление переноса экстралингвистических понятий из родной культуры в культуру страны ИЯ. [14].

Территориальная удаленность и отсутствие длительных исторических контактов между изучаемыми культурами в большинстве случаев значительно затрудняют их сопоставление. С целью выявления сферы предполагаемого сопоставления нами было предпринято изучение социологической, культурологической и этнографической литературы. Проведенный анализ показал, что на современном этапе развития науки исследование культуры этноса осуществляется на основе анализа его отличительных признаков, которые одновременно носят этнодифференцирующий и этноинтегрирующий характер [15, 16]. Эти признаки дают основания рассматривать этническую культуру как определенную совокупность компонентов, присутствующих в культуре каждого этноса, но неодинаково выраженных в разных конкретных исторических ситуациях. Число выдвигаемых компонентов варьируется. Помимо языка как главного отличительного признака этнокультурной общности к числу основных относятся: материальная культура: а) хозяйственная деятельность, жилище, одежда, пища [17]; б) традиции: обычаи, обряды, ритуалы, этикет [18]; в) духовные ценности [19].

Сопоставление в рамках предлагаемых культурных сфер призвано создать благоприятные условия для этнокультурного самоопределения личности средствами ИЯ, которое понимается как неотъемлемый компонент «осознания личностью своего места в спектре культур и целенаправленную деятельность на причисление личностью себя к той или иной культурной группе» [20]. Сопоставительная работа также способствует более глубокому пониманию культурных особенностей страны изучаемого языка. Любая информация приобретает личностный смысл, становится органичной частью образа мира, достоянием личной культуры, если она была не просто получена, а присвоена, пропущена через призму собственного культурного опыта [21].

Принимая во внимание тот факт, что в самом понятии межкультурного общения заложено равноправное взаимодействие представителей разных общностей с учетом их самобытности и своеобразия [22], можно прийти к выводу, что эксплицитное и имплицитное сопоставление контактирующих родной и иноязычной культур в процессе обучения способствует более глубокому пониманию иной культуры и осознанию своей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аберкромби Н.* Социологический словарь. М., 2004.
2. *Баскарова В.* Какой язык мы назовем родным? URL: www.yacc.yakutia.su (18.05.2005).
3. *Муратова З.Г.* Понятие билингвизма и некоторые вопросы обучения иностранному языку // Лингводидактические исследования. М., 1987.
4. *Абдукадырова Т.Т.* Когнитивно-коммуникативный подход к обучению учащихся старших классов иноязычной абстрактной лексике в условиях чечено-русского билингвизма: на основе трехязычного словаря: дис. … канд. педагог. наук. Грозный, 2009.
5. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2010.
6. *Набок И.Л.* Педагогика межнационального общения. М., 2010.
7. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности: дис. … д-ра психол. наук. М., 1999.
8. *Левитская А.А.* Система поликультурного образования как ядро воспитательного потенциала федерального государственного образовательного стандарта общего образования. URL: http://fgos.isiorao.ru/conference/index.php. (дата обращения 02.02.2010).

9. *Высоких Е.В.* Влияние родной культуры на иноязычное общение студентов: психолого-педагогический анализ: автореф. дис. …канд. психол. наук. М., 1999.
10. *Щепилова А.В.* Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному. М., 2003.
11. *Стрелова О.Ю.* Теоретические основы национально-регионального компонента общего гуманитарного образования: автореф. дис. …д-ра педагог. наук. Хабаровск, 2002.
12. *Дякиева Б.Б.* Становление и развитие национально-регионального образования в Республике Калмыкия: автореф. дис. …д-ра педагог. наук. Майкоп, 2006.
13. *Фурманова В.П.* Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков: Языковой вуз: дис. ... д-ра педагог. наук. М., 1994.
14. *Гусева А.В.* Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению: школа с углубленным изучением иностранных языков, французский язык: дис. … канд. педагог. наук. М., 2002.
15. *Мамонтов А.С.* Язык и культура: основы сопоставительного лингвострановедения: дис. …д-ра филол. наук. М., 2000.
16. *Ощепкова В.В.* Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: дис. …д-ра филол. наук. М., 1995.
17. *Козлова Т.А.* Материальные компоненты традиционной культуры в мордовском фольклоре: историко-этнографическое исследование: автореф. дис. …канд. ист. наук. Саранск, 2004.
18. *Долгушин М.И.* Традиции как феномен социокультурного наследия: философское обоснование: дис. …канд. филос. наук. Пермь, 2000.
19. *Назарова А.Ш.* Роль социокультурных ценностей в формировании личности: дис. …канд. филос. наук. Казань, 2003.
20. *Сысоев П.В.* Концепция языкового поликультурного образования: на материале культуроведения США: дис. ... д-ра педагог. наук. М., 2004.
21. *Вербицкий А., Жукова Н.* Кросс-культурные контексты в контекстном обучении // Высшее образование в России. 2007. № 4.
22. *Барышников Н.В.* Параметры обучения межкультурной коммуникации в средней школе // Иностранные языки в школе. 2002. № 2.

УДК 373.1.02:372.8

Дакукина Татьяна Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета
тел.: (382) 256-34-23

Dakukina Tatiana Anatolievna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Institute of Energy, National Research Tomsk Polytechnic University
tel.: (382) 256-34-23

ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

THE TECHNOLOGY OF ORIGINAL FOREIGN TEXTS READING TRAINING

Статья посвящена обучению чтению оригинальных иноязычных текстов. Автором разработаны основные приемы технологии обучения полному пониманию оригинальных текстов, в процессе которых происходит актуализация знаний учащихся, что положительно влияет на создание определенной основы для последующей самостоятельной работы учащегося с текстом.

Ключевые слова: **технология, оригинальные иноязычные тексты, прогностические умения, растер, протокол чтеца, смысловые задачи.**

The article considers original foreign texts reading training. The author developed main approaches of full text understanding which provoke knowledge actualization of students that positively influences creation of a certain basis for the subsequent independent work of a student with a text.

Key words: **technology, original foreign texts, prognostic abilities, raster, reader's report, semantic tasks.**

Разработка технологий обучения чтению оригинальных текстов (далее ОТ) учащихся (как правило, старших классов) обусловлено в настоящее время усложнением задач, стоящих перед учителем иностранного языка и потребностью повышения образовательного процесса. Способность к взаимодействию с ОТ мотивирует не только изучение немецкого языка, но и усвоение культуры стран изучаемого языка, формирует позитивное отношение к народам – носителям изучаемого языка и культуры, потребность более глубоко изучить культуру родной страны. Технология обучения чтению ОТ в целом представляет собой оптимальный набор способов и приемов обучения, организованных в определенной последовательности с использованием таких форм работы учащимися на уроке, которые должны обеспечить успешное формирование культурно-языковой личности при развитии языковых, познавательных, творческих способностей и развитие иноязычной коммуникативной компетенции [1, с. 89].

Предлагаемая нами технология обучения полному пониманию ОТ включает ряд приемов, таких как: введение в тему текста; антиципация и корректировка гипотез; составление растера и ведение протокола чтеца в процессе чтения; проверка понимания содержания ОТ; определение культурно-страноведческой информации текста.

Стимулировать мотивацию к работе с ОТ, сообщать учащимся предварительную информацию к тексту, активизировать их фоновые знания, направлять их внимание на смыслонесущие места текста при чтении ОТ – цель первого приема. В процессе предваряющего этапа работы происходит актуализация личного опыта учащихся. Основной обучающей задачей данного приема является создание определенной основы для последующей работы с текстом. Он должен быть эффективным, чтобы ввести учащихся в тему текста, активизировать их фоновые знания по обсуждаемой проблеме. Этому способствуют упражнения на информирование учащихся о таких параметрах текста, как: время написания, предпосылки, социокультурный контекст, а также беседа с учащимися по этой теме (проблеме).

Фоновые знания учащихся призваны обеспечить в дальнейшем понимание учащимися лингвокультурной (ЛК), социокультурной (СК) и культурно-страноведческой (КС) информации ОТ. Поэтому вопросы учителя, нацеленные на выяснение ценностных ориентаций учащихся, их представлений о неких культурных понятиях, должны занять достойное место в данной технологии. При выполнении последнего задания рекомендуем записывать высказывания учащихся с тем, чтобы они затем смогли сравнить своё видение проблемы с трактовкой, изложенной в ОТ.

Формирование прогностических умений или ориентация на «запуск» механизма вероятностного прогнозирования – цель второго приема. Мы предлагаем упражнения на осмысление заголовка ОТ с целью предвосхищения развития его основной темы, прогнозирование основного содержания читаемого с опорой на наглядность, после прочтения первого абзаца, подтверждение выдвинутых гипотез.

Перед чтением текста следует выяснить соображения учащихся о предполагаемых событиях, сделать акцент на ожидания и гипотезы читателя. На наш взгляд, учащимся доставляет удовольствие антиципировать, что могло бы последовать дальше. У них появляется стимул к дальнейшему чтению

текста, что также способствует пониманию содержания ОТ, так как они сами выдвигают гипотезы и проверяют их истинность на основе текста, дополняя и изменяя их.

Следующим этапом работы является прочтение всего текста. С целью управления и самоуправления ходом чтения и обеспечения полной направленности внимания читающего на содержание и смысл читаемого, на обучение стратегии чтения, учащиеся выполняют упражнения, связанные с составлением растеров, протоколов чтеца, заполнением таблиц, созданием собственного текста с позиции иноязычной культуры. «Растер − это задание, организующее впечатление от прочитанного, помогающее установить логико-смысловые связи, выделять смысловые единства, закрепляющее/подтверждающее/контролирующее понимание» [2, с. 108]. Эти задания можно выполнять как индивидуально, так и в парной форме работы. В дальнейшем учащиеся могут сами составлять список вопросов в растерах и обмениваться ими. Формулировка заданий в растерах − это лишь схема, которую любой учитель может использовать по своему усмотрению в соответствии с содержанием текста.

Ведение и составление протокола чтеца играет важную роль в предлагаемой методике. Для того чтобы вывести учащихся на более высокий уровень понимания ОТ и развивать далее умения в интерпретации, следует активизировать эти процессы, одновременно управляя ими. Главным условием здесь является привлечение СК, ЛК и КС фактов ОТ. Проверка понимания учащимися содержания текста управляется через постановку смысловых задач, заданий, вопросов к тексту, а также выполнением определенных упражнений. При контроле понимания прочитанного следует проверять, в первую очередь, не знание значения того или иного слова, а степень проникновения в новую информацию текста. При этом упражнения носят не только контролирующий, но и учебный характер и построены по типу тестовых обучающее-контрольных заданий. Они способствуют улучшению понимания ОТ, а также запоминанию вербального материала тем, что заставляют учащихся вернуться к нему дополнительно с целью выяснения какого-либо момента ОТ. Такие упражнения направлены на развитие смысловой догадки, содержательной антиципации, скорости чтения, на развитие логического понимания текста. К ним относятся упражнения на определение основной и периферийной тем ОТ, главной мысли текста (абзаца) и мыслей, детализирующих главную, членение ОТ на смысловые части, понимание композиционно-смысловой структуры ОТ, соотнесение ранее известных фактов с новыми; содержательную идентификацию, содержательный поиск, а также вопросные упражнения по содержанию текста.

Для нашего исследования также представляют интерес упражнения, направленные на развитие умений находить, обобщать и синтезировать полученные факты, соотносить отдельные информации друг с другом, соотносить их со своими знаниями в данной области. Это упражнения на выделение фактической КС, ЛК и СК информации, понимание хронологической последовательности её элементов, соотнесение КС информации текста с предлагаемой наглядностью, определение количества фактов, изложенных в абзаце, а также упражнения, предлагающие цитирование.

Задания, направленные на решение конкретной задачи по извлечению определенной информации из читаемого, создают учащемуся четкую установку, как и с какой целью необходимо прочесть текст. Эти типы заданий требуют от учащихся максимального применения полученных знаний и уже сформированных на определенном уровне лексико-грамматических навыков. Такие упражнения способствуют формированию собственной точки зрения на события, описанные в ОТ, позволяют интерпретировать актуальные страноведческие и КС события и сравнивать с событиями, происходящими в собственной стране [3].

Таким образом, чтение оригинального иноязычного текста связано, с одной стороны, с овладением учащимися новым для них декодированием мыслей, способностью к свободному мышлению, формированием их картины мира в рамках ЛК и КС компетенций, расширением СК кругозора. С другой стороны, чтение оригинального текста способствует саморазвитию и саморефлексии, интеллектуальной и творческой переработке текстов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Дакукина Т.А.* Обучение пониманию оригинальных текстов с элементами письменной интерпретации: дис. …канд. педагог. наук. Томск, 2004.
2. *Прохорец Е.К.* Обучение чтению современной немецкой художественной литературы для юношества (старшие классы с углубленным изучением иностранного языка): автореф. дис. …канд. педагог. наук. Томск, 2001.
3. *Воронина Г.И.* Методика обучения чтению аутентичных текстов молодежных средств массовой информации учащихся завершающей ступени общего среднего образования с углубленным изучением иностранного языка: автореф. дис. …канд. педагог. наук. М., 1994.

УДК 001.2

Заикина Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры социальной работы и психолого-педагогических наук Орловского государственного института искусств и культуры
тел.: (910) 209-30-80

Zaikina Olga Aleksandrovna

Senior Lecturer of the Department of Social Work and Psychoeducational Sciences of the Orel State Institute of Arts and Culture
tel.: (910) 209-30-80

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируются особенности социально-культурной деятельности учреждений социальной защиты населения Орловской области. Раскрывается специфика социально-культурной среды. Особое место отводится критериям эффективности социально-культурной деятельности в учреждениях социальной защиты населения.

Ключевые слова: **социально-культурная деятельность, культурно-досуговая деятельность, учреждения социальной защиты населения, критерии эффективности социально-культурной деятельности.**

EXPERIMENTAL STUDY OF ORGANIZATION OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY IN THE ESTABLISHMENTS FOR SOCIAL PROTECTION OF POPULATION IN OREL REGION

The article analyzes the specific features of social-cultural activity in the establishments for social protection of population in Orel Region. The specific character of social and cultural environment has been presented. The criteria of efficiency of social and cultural activity in the establishments for social protection of population have been emphasized.

Key words: **social and cultural activity, cultural and leisure activity, establishments for social protection of population, criteria of efficiency of social and cultural activity.**

Одним из направлений работы учреждений социальной защиты населения является организация социально-культурной деятельности.

Социально-культурная деятельность с точки зрения педагогического подхода (Т.Г. Киселёва, А.С. Ковальчук, Ю.Д. Красильников, Н.Н. Ярошенко и др.) – исторически обусловленный, педагогически направленный и социально-востребованный процесс преобразования культуры и культурных ценностей в объект взаимодействия личности и социальных групп в интересах развития каждого члена общества [1, с. 25].

Деятельность специалистов учреждений социальной защиты населения направлена на создание условий для рационального, интересного и полезного использования свободного времени, на удовлетворение духовных, досуговых интересов и потребностей. В учреждениях социальной защиты населения формирование культурных потребностей, установок и ценностных ориентаций происходит в процессе культурно-досуговой деятельности.

Культурно-досуговая деятельность является одним из важнейших средств реализации сущностных сил человека и оптимизации социально-культурной среды, окружающей его [2, с. 29]. Культурно-досуговая деятельность, согласно точке зрения А.Д. Жаркова, призвана решать важнейшие социальные задачи. В их числе изучение, удовлетворение и возвышение потребностей и интересов личности, формирование её общественно-значимых качеств, развитие творческих способностей человека, создание благоприятной культурной макро- и микросреды, утверждение преимущества общечеловеческих культурных норм и ценностей. Культурно-досуговая деятельность – целенаправленный процесс создания условий для мотивированного выбора личностью предметной деятельности, определяемой предоставленными возможностями и интересами [2, с. 98-100].

Сущность и специфика социально-культурной деятельности учреждений социальной защиты населения заключается в том, что она выстраивается на основе ценностей культуры, реализуется в процессе организации культурно-досуговой деятельности на базе учреждения и вне его, с учётом активности детей.

Рассмотрим особенности организации социально-культурной деятельности в учреждениях социальной защиты населения в Орловской области. Экспериментальное исследование было направлено на изучение возможности организации социально-культурной деятельности в учреждениях социальной защиты населения. В разработанной нами анкете мы предложили выбрать из списка вариантов ответов те виды культурно-досуговой деятельности, в которые чаще всего включают детей на базе учреждения. Как показывают результаты опроса в 100% случаев, преобладают игровые и спортивные мероприятия, далее следуют прикладное творчество – 90%, посещение музеев – 90%, экскурсий –

90%, чтение художественной литературы – 80%, просмотр телепередач – 80%, посещение театров – 60%. Вариант «другое» выбрали 8% респондентов. В данном варианте были перечислены направления творческой реабилитации: «Бумажные фантазии», «Волшебная палитра», «Затейливые узелки», «Домоводство», «Малые олимпийские игры», «Марья искусница» (г. Мценск); занятия с педагогами музыкальной школы и музыкального училища (г. Елец). Данные исследования показывают, что среди видов культурно-досуговой деятельности, в которые чаще всего включают детей на базе учреждений социальной защиты населения, преобладают познавательные, творческие и художественные. Далее следуют спортивные и технические. Мы проанализировали частоту включаемости детей в различные формы культурно-досуговой деятельности на базе учреждений социальной защиты населения. Было выявлено, что еженедельно в работе с детьми, специалистами учреждений проводятся такие формы занятий, как творческие мастерские (в 80% случаев) и интеллектуальные игровые программы (60%). Один раз в месяц проводятся календарные и фольклорные праздники (80%) и тематические вечера (50%). Один раз в квартал применяют такие формы культурно-досуговой деятельности как экскурсии (40%) и музыкальные гостиные (40%) Один раз в полгода – экскурсии (10%) и театрализованные мероприятия и праздники (10%). Опрошенные специалисты отмечают, что испытывают материальные трудности в организации и проведении культурно-досуговых программ. Имеется проблема нехватки специалистов для организации культурно-досуговой деятельности в учреждениях социальной защиты населения.

На базе учреждений социальной защиты населения работают творческие мастерские. Это – кружок бисероплетения, «Народное творчество Орловщины», «Для дома, для души», «Волшебная палитра», «Умелые руки». Дети занимаются вязанием, вышиванием, рисованием, выжиганием по дереву, лепкой, делают поделки из гипса, пластилина, занимаются моделированием, посещают компьютерный класс.

В Орловской области учреждения социальной защиты населения различных территориальных объединений заключили договора о сотрудничестве с такими учреждениями культуры, как библиотека и парк. В учреждениях социальной защиты населения создаются условия для посещения театров и музеев на бесплатной основе или льготных основаниях. Примечательно, что на вопрос: «В чём вы видите роль учреждений социальной защиты населения в организации культурно-досуговой среды для детей?» вариант «раскрыть творческие способности ребёнка» выбрали 90% респондентов, «приобщить к культурному наследию» и «способствовать усвоению культурных норм и ценностей» – 70, «включить в культурную деятельность» – 60% опрошенных. На вопрос: «Происходят ли изменения в культурном развитии детей после проведённой работы?», утвердительно ответили все специалисты.

Уточним критерии эффективности социально-культурной деятельности учреждений социальной защиты населения. На индивидуальном уровне показателями эффективности работы учреждений социальной защиты населения в организации социально-культурной деятельности могут быть: потребность детей участвовать в различных мероприятиях культурно-досуговой деятельности, предпочтение определенного вида деятельности, направленность, глубина, широта и устойчивость интересов, активность, стремление к самоутверждению, адекватное изменение в сознании, поступках и действиях, мотивах поведения.

Анализ результатов показывает роль учреждений социальной защиты населения в усвоении детьми культурных норм, ценностей и образцов поведения, а также в приобретении знаний в области культурной деятельности, в повышении образовательного и культурного уровня, в выработке положительных эмоций, что в дальнейшем служит основой для формирования умений и навыков организации собственной культурно-досуговой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ярошенко Н.Н.* История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник. М., 2007.
2. *Жарков А.Д.* Теория и технология культурно-досуговой деятельности: учебник для студентов вузов культуры и искусств. М., 2007.
3. Культурно-досуговая деятельность: учебник / под науч. ред. А.Д. Жаркова и В.М. Чижикова. М., 1998.
4. *Ковальчук А.С.* Социально-культурная деятельность: учеб. пособие. 2-е изд. Орёл, 2000.
5. *Аванесова Г.А.* Культурно-досуговая деятельность: Теория и практика организации: учеб. пособие. М., 2006.
6. *Лабейкин А.А.* Теоретико-методологичекие основы деятельности учреждений культуры в социальной защите личности: монография. М., 2000. Ч. 1.
7. *Лабейкин А.А.* Указ. соч. Ч. 2.
8. *Киселёва Т.Г., Красильников Ю.Д.* Социально-культурная деятельность: учебник. М., 2004.

УДК 629.735 + 378.1

Колосов Сергей Викторович

кандидат военных наук, доцент кафедры связи факультета военного обучения ЮУрГУ (г. Челябинск) тел.: (922) 636-08-73

Kolosov Sergey Victorovich

PhD in Military Sciences, Associate Professor of the Department of Communication of the Faculty of Military Training of South Ural State University (Chelyabinsk) tel.: (922) 636-08-73

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И МОТИВАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ НА ПОДГОТОВКУ ЛЕТНОГО СОСТАВА ВВС РФ

THE EFFECT OF HISTORICO-PSYCHOLOGICAL AND MOTIVATIONAL ASPECTS ON THE TRAINING FLIGHT PERSONNEL OF THE RF AIR FORCE

В статье раскрыты теоретико-методологические положения о влиянии индивидуальных психологических качеств военнослужащих, высказанные российскими и советскими военачальниками, которые явились основой в подготовке летного состава ВВС РФ.

The article considers theoretical and methodological propositions concerning the impact of individual psychological qualities of military personnel expressed by the Russian and Soviet military leaders that formed the basis for the training flight personnel of the Russian Federation Air Force.

Ключевые слова: **психология, военная педагогика, мотивация, учебный процесс, мотивационная ориентация.**

Key words: **psychology, military pedagogy, motivation, learning process, motivational orientation.**

Вопросы психологии рассматривались со времен Древней Греции такими философами как: Гераклит (530-470 гг. до н.э.), который говорил о материальной природе психических явлений и единстве души и тела. По его учению все вещи являются модификацией огня; Демокрит (460-370 гг. до н.э.), который говорил о душе, как материальном веществе состоящим из атомов; Аристотель (384-322 гг. до н.э.) – как об органической системе; Платон (427-347 гг. до н.э.) – как о самостоятельной субстанции. Душа и тело находятся в сложных взаимоотношениях. Р. Декарт (1569-1650 гг. до н.э.) впервые высказал мысль о сознании, как начале человека. Ему же принадлежит высказывание «Мыслю, значит существую».

Просвещенный Восток еще в начале VI в. в системе образования основывается не на массовости и штампах посредственности, а на индивидуальном подходе к учащимся. Такой подход – единственный известный человечеству способ максимального раскрытия природных дарований людей. Это относилось и к содержанию и воспитанию армии и включало в себя военно-профессиональную, физическую, нравственную и психологическую подготовку [2].

На каждом этапе эволюционного развития общества понятие «психологическая война» принимало более широкое значение и трансформировалось в научное направление.

Все рассмотренные прикладные отрасли психологической науки в той или иной степени связаны с образованием, воспитанием и в целом с развитием человека и человеческого общества.

Не менее значимой для решения практических задач экономического развития общества и технического прогресса является инженерная психология, исследующая процессы и средства взаимодействия между человеком и машиной. Инженерная психология, как самостоятельная наука и под влиянием постоянного технического прогресса решает проблемы анализа задач человека в системах управления, распределения функций между человеком и автономными устройствами, исследования совместной деятельности операторов, процессов общения и информационного взаимодействия между ними, анализа психологической структуры деятельности операторов, исследования факторов, влияющих на эффективность, качество и надежность деятельности операторов, исследования процессов приема человеком информации, анализа процессов переработки информации человеком, ее хранение и принятие решения, разработки методов психодиагностики способностей человека в интересах решения задач профессиональной ориентации; анализа процессов оптимизации обучения операторов.

Самостоятельной отраслью психологии является военная психология. Яркими представителями военной психологии являются российские и советские военачальники: А.В. Суворов (1730-1800 гг.), который обосновал и создал на практике систему психологической подготовки войск; Ф.Ф. Ушаков (1745-1817 гг.), Д.Н. Сенявин (1763-1831 гг.), М.П. Лазарев (1788-1851 гг.), П.С. Нахимов (1802-1855 гг.) и другие обосновали необходимость морально-психологической подготовки матросов на флоте. С.О. Макаров (1848-1904 гг.) предложил каждый поход использовать для приобре-

тения новых знаний и навыков. М.И. Драгомиров (1830-1905 гг.) опубликовал немало научных трудов, в которых обосновал психологические пути военного воспитания и обучения солдат. М.В. Фрунзе активно участвовал в организации психологических исследований с целью отбора и распределения личного состава. С.Л. Рубинштейн в годы Великой Отечественной войны активно работал над вопросами мотивации поведения воинов. К.К. Платонов с 1948 г. проводил экспериментальные исследования по теме «Психология летного труда», с целью обучения летного состава и психологического обеспечения профессиональной деятельности [1].

Все перечисленные вопросы и направления развития психологии постоянно находили свое подтверждение в прошедших войнах и военных конфликтах. Особенности современных боевых действий авиации определяют необходимость максимального развития ряда профессионально важных качеств: личностных, интеллектуальных, психофизических, физиологических.

Личностные качества, такие как летная направленность, нравственность, сила воли и другие составляют основу профессиональной пригодности штурмана, так как только целеустремленный и волевой, способный к правильной самооценке человек способен в полной мере овладеть боевыми возможностями современного авиационного комплекса, грамотно и с высокой эффективностью использовать его по предназначению.

Интеллектуальные качества, такие как развитость ощущений и восприятия (летное чувство), четкость пространственных представлений, быстрота и помехоустойчивость мышления, способность сосредотачивать, правильно распределять и переключать внимание при большом объеме поступающей информации, способность действовать в непредвиденных ситуациях и при дефиците времени, определяют возможности штурмана в полной мере использовать в бою штатные средства разведки и радиоэлектронной борьбы, маневренные и боевые свойства современного самолета.

Психофизиологические качества (эмоциональная устойчивость, устойчивость к утомлению и монотонной работе в вынужденном темпе и т.д.) характеризуют умение штурмана управлять своим функциональным состоянием, при стрессе – гасить излишнее возбуждение, а также мгновенно переходить из состояния пассивного ожидания к активным действиям. Физиологические качества определяют надежность функционирования организма в условиях неблагоприятного воздействия факторов полета. Большое значение имеет вестибулярная устойчивость, а также способность переносить большие перегрузки в течение длительного времени, что особенно важно при выполнении полетов на современных высокоманевренных самолетах.

Принцип единства идеологического и психологического воздействия находит наиболее полное выражение на занятиях, полетах учениях, максимально приближенных к боевым. На них создается обстановка, ставящая воина в условия, когда он должен проявлять на практике осознанные долг, ответственность, честь мужество, свои морально-психологические качества и психологическую стойкость. В ходе занятий целесообразно создавать ситуации опасности, риска внезапности, напряженности, ибо нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда он мог бы проявить мужество. Полеты в сложных условиях днем и ночью при выполнении летно-тактических упражнений и на учениях, на максимальную дальность с попутным выполнением стрельб, пусков ракет и дозаправкой топливом в воздухе днем и с посадкой при ограниченном остатке топлива на аэродромы соседей, прыжки с парашютом и т.д. – все это готовит летный состав к моральным перегрузкам.

Выполнение задач по функциональному предназначению тесно связано с основными протекающими психическими процессами штурманского состава в условиях летной деятельности, а именно: адаптация, явление контраста, последовательные образы, сенсибилизация, восприятие, представление, память, понятие, чувства, воля и т.д. [3, с. 179-182, 266-268, 274-275].

Последовательные образы основаны на ощущениях. Они характерны при длительных полетах строем и над безориентирной местностью. В данном случае последовательный образ может явиться причиной нарушения установленных интервалов и дистанций между самолетами.

Адаптация – изменение чувствительности анализатора под влиянием длительного воздействия раздражителей или их отсутствия. Глаз, например, частично адаптируется к темноте в течение 4-5 мин., 20-30 мин. – хорошо и 60 мин. – полностью. Отсюда вытекает значение режима специального освещения рабочих мест летного состава при проведении ночных полетов.

Явления контраста – когда один и тот же раздражитель ощущается по-разному в зависимости от условий восприятия. Так, после полетов на вертолете или дозвуковом реактивном самолете сверхзвуковая скорость полета и вертикальная скорость набора высоты, в несколько раз превышающие ранее виденные, становятся для летчика непривычными. Поэтому даже при самом старательном отношении он может допускать отклонения в режиме полета, выходящие за установленные нормативы.

Сенсибилизация – взаимодействие и взаимовлияние органов чувств в процессе ощущения. Так при потере радиосвязи экипаж более осмотрителен в зоне боевого маневрирования. Условия деятельности могут влиять на процесс ощущений непосредственно (дым, шум двигателя, вспышки взрывов и т.д.) и опосредованно – через мышление, чувства и волю.

Представление в профессиональной деятельности штурмана играют важную роль, помогая ясно и точно представлять работу сложнейших механизмов авиационной техники, моделировать полет и бой, а также свои действия в той или иной ситуации. Чем полнее и точнее представления штурмана, тем успешнее он овладеет сложной авиационной техникой. Нельзя понять по описанию принцип работы какого-либо прибора или механизма, если не иметь ясного представления о расположении его в самолете и взаимодействии его частей и т.д. Поэтому представления всегда включаются в практические действия в предстоящем полете и в особых случаях – важный элемент психологической подготовки (идеомоторная тренировка).

В процессе мышления, используя данные ощущений, восприятий и представлений, штурман вместе с тем далеко выходит за пределы чувственного познания, т.е. начинает познавать такие явления внешнего мира, их свойства и отношения, которые непосредственно не даны в восприятиях и поэтому непосредственно вообще не наблюдаемы.

Индивидуальные особенности памяти штурмана проявляются весьма широко. Есть штурманы, которые легко запоминают, воспроизводят конкретные факты, тактико-технические данные конкретных образцов военной техники, формулы, позывные радиостанций и т.д. Другие лучше запоминают внутреннюю связь явлений и событий, их последовательность и логическое развитие, доводы, доказательства, теоретические положения. По характеру психической активности, преобладающей в деятельности штурмана, память разделяют на образную (зрительную, слуховую и двигательную), эмоциональную, словесно-логическую. Военная авиация предъявляет к памяти штурмана свои специфические требования. Развитие памяти осуществляется постоянной тренировкой на занятиях, тренажерах и при подготовке к полету (запоминание тактико-технических данных, эксплуатационных параметров, последовательности и порядка действий в обычных условиях и в аварийной обстановке, запоминания положений инструкции экипажу, наставлений и других руководящих документов и т.д.).

Понятие – это форма мысли, в которой отображается сущность предмета или класса предметов, т.е. их существенные признаки, связи и отношения. Иметь понятие о каком-либо типе самолета – значит иметь несколько суждений об этом самолете, о его боевых возможностях, оборудовании и т.д. Чем больше суждений можно высказать по какому-либо вопросу, тем богаче по содержанию понятие.

Воля – это способность штурмана управлять своим поведением, мобилизовать свои силы на преодоление нештатных ситуаций, возникающих в процессе подготовки и выполнения боевого задания. Специфика волевого психического процесса состоит в сознательном усилии, направленном на активизацию всех возможностей для наиболее рационального решения поставленной задачи. Волевое действие может быть простым и сложным, длительным и кратковременным, совершенным по собственной инициативе или по заданию других.

Психические процессы характеризуются психическими основными состояниями: внимание, психологическая готовность к выполнению функциональных обязанностей.

Внимание является направленностью сознания человека на определенный объект или явление, в результате чего они отражаются полнее, отчетливее, глубже. Штурман в полете получает и перерабатывает большой объем информации и совершает за несколько секунд многие десятки операций.

Психологическая готовность штурмана к полету – это испытываемое им состояние настроенности на полет, отмобилизованности, уверенности и собранности. Психологическая готовность штурмана к выполнению определенных задач летной деятельности является результатом психологической подготовки. Таким образом, итог проведения психологической подготовки штурманов – возникновение состояния психологической готовности к выполнению поставленной боевой задачи. На психическое состояние оказывает большое влияние психические свойства личности: направленность, способности, знания, умения, навыки.

Направленность накладывает отпечаток на его действия, поступки, поведение, его мысли, чувства, представление об окружающем. В летном обучении направленность личности штурмана определяет эффективность обучения.

Способности – это психические особенности штурмана, которые являются условием успешного обучения или выполнения какой-либо определенной деятельности.

Знания – это система представлений и понятий о явлениях и предметах окружающей нас действительности, коллективный опыт людей, взятый в обобщенном виде. Теоретическая и

наземная подготовка в летных училищах дает курсантам знания по авиационной технике, аэродинамике, тактике и общевоенным дисциплинам, чтобы подготовить их к полетам, т.е. курсантов знакомят с реальной действительностью, которая уже познана, систематизирована и обобщена другими людьми. Наличие твердых и глубоких знаний служит необходимым условием приобретения определенных умений и навыков, которые в летном деле не менее важны, чем знания.

Умение как способность применять на практике имеющиеся у него знания. Оно характеризует степень теоретической и практической подготовленности летного состава.

Интеллект – это совокупный умственный потенциал штурмана для реализации способностей, которые реализуются для адаптации к летной деятельности. Составляющими интеллекта являются способность к запоминанию и память, утомляемость, двигательные явления, речевой аппарат. Действия, установки, поведение в служебной деятельности и при выполнении полетных заданий – все это доступно пониманию при условии знания конкретной информации.

С учетом основных определений психологических качеств применительно к летной (штурманской) деятельности, необходимо отметить и такие качества, как мотив и мотивация, которые в свою очередь тесно связаны и влияют на процесс становления и воспитания личности.

Профессиональная мотивация формируется под влиянием факторов окружающей действительности. После поступления в высшее учебное заведение во внутреннем мире курсанта происходят перемены, которые обуславливают радикальные изменения в мотивах, связанных с выбором профессии. Меняются его интересы и потребности, мотивы выбора профессии, получения высшего образования, жизненные планы, вся система ценностных ориентации. В этой связи представляется важным выявление направленности этих изменений.

Мотивы, которые формируются в процессе становления и воспитания, могут иметь внутренний или внешний характер. Такие мотивы, как понимание необходимости деятельности, в том числе профессиональной для дальнейшей жизни, процесс деятельности как возможность общения, являются естественными и полезными, хотя их уже нельзя отнести только к внутренним мотивам. Внешние мотивы имеют внешние проявления и связываются с получением результатов. В процессе обучения снижается роль внутренних мотивов к они становятся наравне с внешними мотивами, что может быть объяснено повышением прагматического отношения к будущей профессиональной занятости.

Правильно сформированный профессионально-познавательный статус курсанта в вузе, будет способствовать развитию его личностных качеств и успешному обучению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Военная педагогика: учеб. пособие / под. ред. А.А. Башлакова. М., 2008.
2. *Журавлев И.В.* Подготовка воинов Аллаха (VI – XIII века): историко-педагогическое исследование. М., 2003.
3. *Ясперс К.* Общая психология / пер. с нем. Л.О. Аконяна. М., 1997.

УДК 377.5:61:614.2

Коплик Алексей Алексеевич

начальник управления кадров
Кубанского государственного университета
тел.: (918) 481-00-07

Koplik Alexey Alexeevich

Personnel Administrator of KubSU
tel.: (918) 481-00-07

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ТИПА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ У БУДУЩИХ СРЕДНИХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПОДГОТОВКИ

HEALTH-SAVING TYPE FORMATION OF FUTURE PARAMEDICAL WORKERS' PROFESSIONAL THINKING IN THE PROCESS OF THEIR TRAINING

Реализация взгляда на здравоохранения как на систему реализации прав человека на здоровую жизнь приводит к потребности формирования у медицинских работников здоровьецентристской стратегии мышления. В работе определяется место здоровьесберегающего типа среди профессиональных типов мышления, определяются педагогические условия, критерии и содержание деятельности по ее формированию в процессе подготовки будущих средних медицинских работников.

Ключевые слова: **профессиональное мышление, здоровьесберегающее мышление, педагогические условия развития мышления, содержание образования будущих медицинских сестер.**

Realization of the regard to the health service as the system of realization of people's rights on a healthy life leads to the need in health-centrist strategy formation of paramedical worker's thinking. The place of health-saving type among professional types of thinking is found in the job, pedagogical conditions, criteria and content of the activity is found in its formation in the process of future paramedical workers' training.

Key words: **professional thinking, health-saving thinking, pedagogical conditions of the development of thinking, future nurses' instructional content.**

Обновление российской системы образования предполагает создание личностно-ориентированной среды воспитания и построения системы обучения на гуманистической основе. Обращение к проблемам формирования и развития гуманистически ориентированной образовательной среды обусловлено, прежде всего, непосредственной связью образования с развитием человека и общества в современной социокультурной ситуации и исполнения важнейшей тенденции современного образования, связанной с гуманизацией.

Вытекающая из принципа гуманизма идея духовно-прогрессирующей личности, способной к обогащающей материальной и нравственно жизнеобеспечивающей целеполагающей деятельности вообще важна для профессиональной коммуникации. Но особенно важно исключение деструктивных явлений в двух полисубъектных сферах человеческой деятельности – педагогической и медицинской. Эти виды деятельности связаны с принятием человека как ценности. И, следовательно, профессиональная деятельность должна содействовать развитию или сохранению другой личности ее актуальных и потенциальных умственных и физических возможностей. В этой связи закон Российской Федерации «Об образовании» объявляет о приоритете общечеловеческих ценностей жизни и здоровья человека, воспитания будущего специалиста в духе уважения к правам человека, главным из которых является право на физически и социально полноценную жизнь [7].

Важным является и то обстоятельство, что концепция развития здравоохранения в России, учитывая новую образовательную парадигму и представления о современной системе охраны здоровья людей, закладывает в основу деятельности системы медицинского образования не только профессиональную подготовку специалиста, но и воспитательный императив: взгляд на здравоохранение как систему реализации справедливости и прав человека на здоровую жизнь [9, 10].

Противоречия между существующей потребностью и отсутствующей технологией ее разрешения может быть устранены у будущих медицинских сестер при изменении направления и содержания их подготовки при направленном формировании у них самоопределения на сбережение собственного здоровья и обеспечение за счет этого более глубокого понимания будущей профессиональной деятельности.

Особенности мышления тесно связаны с поведением индивидуума при осуществлении жизнедеятельности и профессиональной деятельности. Поэтому важнейшим методологическим аспектом его формирования является осознание своего поведения.

Анализ представлений авторов позволил нам сформулировать такие понятия как «медицинское

мышление» (рефлексивная умственная деятельность медицинского работника, обеспечивающая постановку и решение диагностических, лечебных, профилактических и здоровьеохранных задач через анализ развития патологических процессов и процессов становления развития и поддержки здоровья, в соответствии с определенными профессиональными обязанностями), «клиническое мышление» (способность медицинского работника ответить, проанализировать и синтезировать все данные о больном, полученные различными путями для установления диагноза, прогноза и тактики лечения), «здоровьесберегающее мышление» (рефлексивная умственная деятельность медицинского работника, обеспечивающая постановку и решения задач по укреплению и поддержанию собственного здоровья профилактику заболеваний, обеспечение реализации здорового образа жизни, обеспечению безопасной среды собственной профессиональной деятельности), «санногеное мышление» (рефлексивная умственная деятельность, обеспечивающая постановку и решение задач определяющих здоровьесберегающее, безопасное поведение медицинского работника в профессиональной среде, а так же решения задач по укреплению и поддержанию здоровья населения, профилактику заболеваний, консультирование населения по здоровьесбережению, здоровому образу жизни, обеспечение безопасной больничной среды, формирование саногенного мышления пациентов) [1, 2, 3, 4, 5, 8, 11, 12].

Профессиональные типы мышления медицинских работников взаимодействуют между собой по иерархии (рис.1) и определяются при решении групп задач:

направленных на создание смысла профессии, использование мыслительных операций как средства осуществления профессиональной деятельности (клиническое, патогенное и саногенное мышление);

направленных на осознание себя как личности и себя в профессии и самосохранении здоровья (здоровьесберегающее мышление)

Системный кризис, охвативший все сферы бытия, включая профессиональную подготовку специалистов – медиков, заставляет по-новому взглянуть на миссию тех, кто занимается охраной здоровья человека. Важнейшей позицией системы профессионального образования становится формирование определенных профессиональных форм мышления. Именно они определяют отношение к избранной профессии, готовность к профессиональной деятельности и связанная с этим непрерывная самостоятельная деятельность по овладению её содержанием, готовность к принятию системы ценностей, характерных для профессии.

В процессе формирования здоровьесберегающего стиля мышления, у медицинских работников важнейшими позициями являются содействие личностному самоопределению в направлении профессиональной деятельности и направленное формирование у них ценностных ориентаций на здоровьесбережение.

В формировании ценностных ориентации на здоровьесбережение в процессе профессиональной подготовки будущих медицинских работников следует опираться:

на потребности личности к сохранению и накоплению собственного здоровья, как первичной основы для определения ценностных предпочтений;

на потребности медицинского работника и его целевую установку на сохранение, и укрепление здоровья пациентов.

Решение первой проблемы предшествует второй и является основой формирования культуры здоровья и культуры профессионального поведения. Критический анализ документов, регламентирующих содержание учебного процесса подготовки будущих средних медицинских работников, позволяет резюмировать:

отсутствие системного подхода в содержании ГОС по обеспечению здоровьецентристского мышления вообще и в отношении профессионального мышления в частности;

необходимость системного усиления коммуникативного и педагогического составляющего здоровьесберегающей деятельности и здоровьецентристской профессиональной компетентности за счет дисциплин по выбору студентов, устанавливаемых образовательным учреждением, дисциплин национально-регионального компонента, и факультативных дисциплин;

необходимость обеспечения интегрированного предметного обучения, позволяющего формировать компетентность в области охраны собственного здоровья, здоровых людей и здоровьецентристскую стратегию мышления.

В таком случае формирование здоровьецентристской стратегии мышления может быть обеспечено при соблюдении выделенных условий (рис. 2) и оценено за счет разработанных нами критерии здоровьецентристского мышления (рис. 3).

Рис. 1. Принципиальная схема иерархии
и взаимодействия профессиональных типов мышления медицинского работника

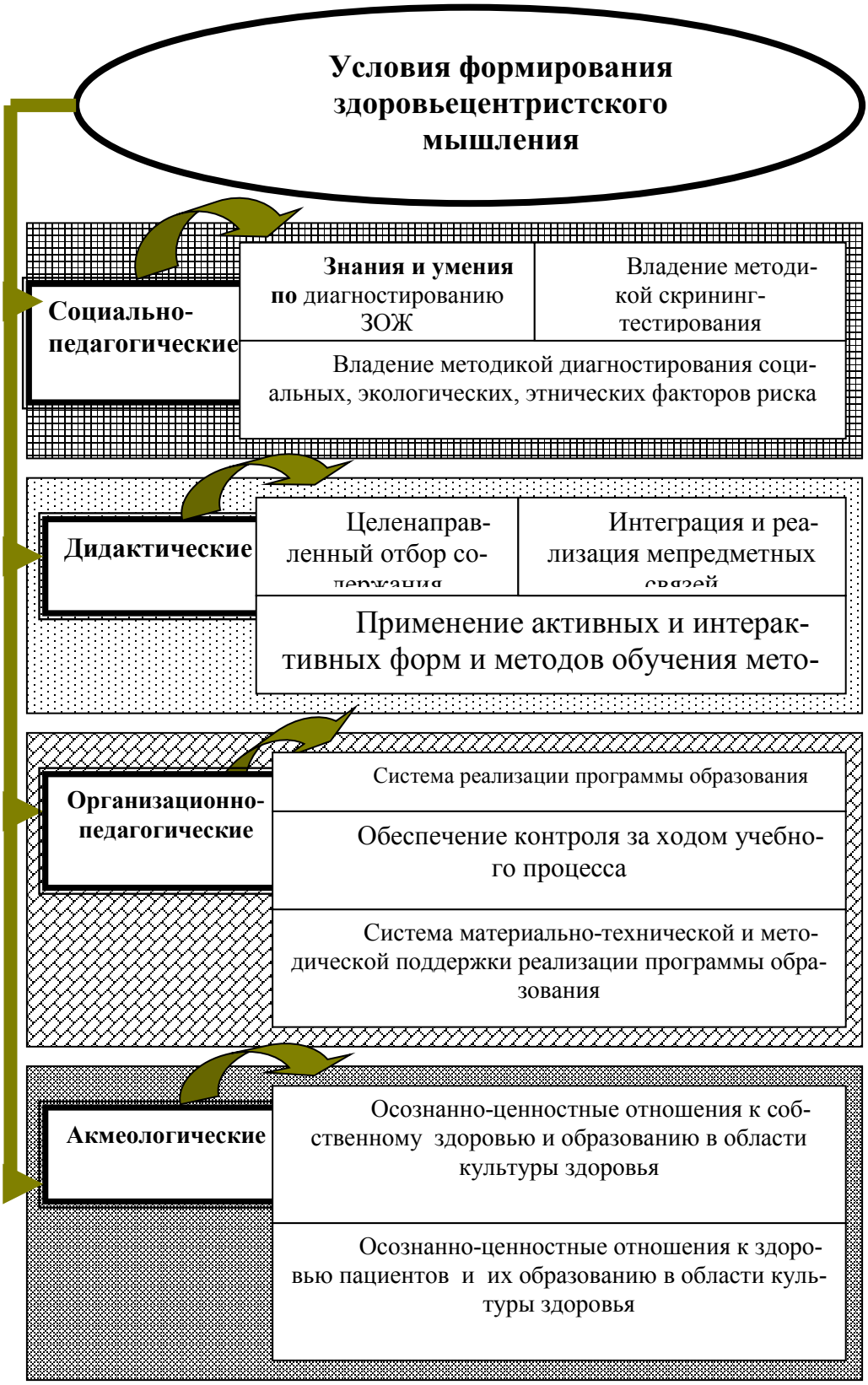

Рис. 2. Условия формирования здоровьецентристского мышления будущих медицинских сестер

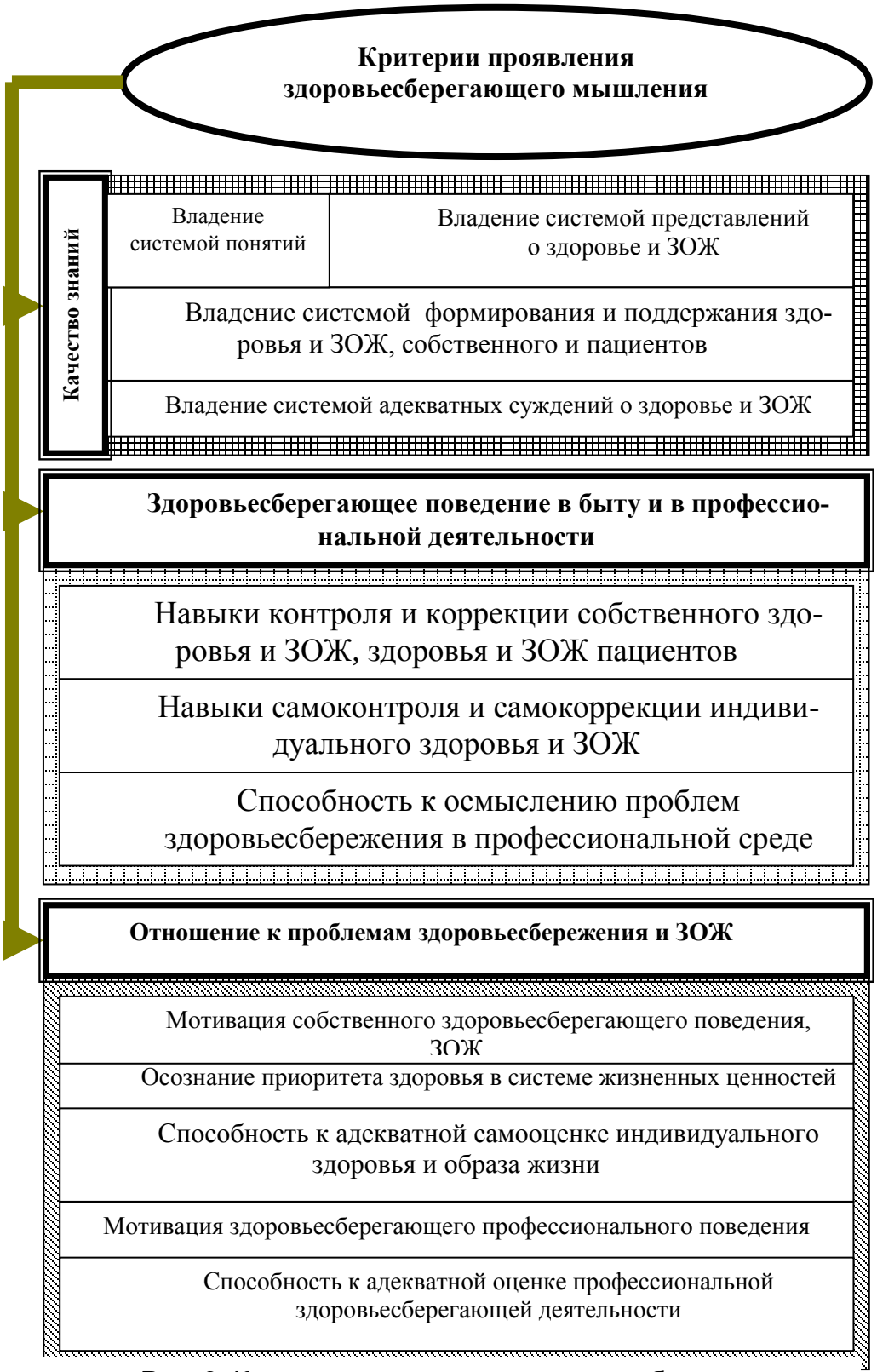

Рис. 3. Критерии проявления здоровьесберегающего мышления у будущих медицинских сестер

Реализация интегрированного подхода к изучению предметов и формирование здоровьесберегающего типа мышления у будущих средних медицинских работников в процессе их подготовки приводит:

– к повышению информированности по конкретным учебным предметам и качества овладения методиками контроля собственного физического состояния и состояния пациентов (анкетирование (P<0,001); тестирование нарушений осанки (P<0,001); антропометрические измерения (P<0,01); заполнение медицинских карт (P<0,01); проведение двигательных тестов (P<0,001); оценка физического состояния (P<0,001);

– к расширению содержания понятия «здоровый образ жизни» и выделения в качестве наиболее важных составляющих здорового образа жизни таких, как ощущение счастья, гармония с собой, гармоничные отношения в семье, что более соответствует современным представлениям о здоровом образе жизни;

– к повышению значимости в личностном самоопределении общего мировоззренческого убеждения в том, что человеку дана возможность контролировать свою жизнь;

– к повышению в структуре ценностей, тех, которые касаются личностного профессионального и общего развития;

– к изменению статуса профессиональных потребностей и увеличению представительства аспектов здоровьесберегающего направления деятельности в первой тройке рейтинга ;

– к равномерному распределению рейтинга профессиональных потребностей между направлениями деятельности;

При направленном формировании здоровьесберегающего мышления у будущих медицинских сестер формируются две взаимосвязанные линии профессионального поведения:

– на самостоятельную деятельность по направлению здоровьесбереженья и пропаганды здоровья.

– на деятельность по направлению осуществления помощи врачу в реализации лечебного процесса.

Полученные результаты доказывают эффективность предлагаемой методики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абаев Ю.К.* Особенности и противоречия клинического мышления врача. // Медицинские новости. 2008. № 16.
2. *Андронов В.П.* Профессиональное мышление врача и возможности его формирования // Психологическая наука и образование. 1999. № 2.
3. *Апанасенко Г.Л., Попова Л.А.* Санология – стратегия здравоохранения будущего // Асклепейон. 1995. № 1-4.
4. *Билибин А.Ф., Царегородцев Г.И.* О клиническом мышлении. М., 1993.
5. *Борискова И.В.* Формирование клинического мышления у студентов медицинского колледжа на основе их учебно-исследовательской деятельности: автореф. дис. … канд. пед. наук. Майкоп, 2006.
6. *Васильева Т.Н.* Формирование саногенного мышления младшего школьника: учеб. пособие. Калининград, 1997.
7. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992. № 3266-1 // Российская газета. 1996. 23 янв.
8. *Казначеев В.П.* Парадоксы клинического мышления // Бюллетень сибирской медицины. 2003. № 1.
9. Концепция развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации // Сборник законодательных актов и нормативных документов. М., 1998. Т. 6.
10. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 г. URL: http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%2012/1-9.pdf (дата обращения 23.10.2012).
11. *Тетенев Ф.Ф., Бодрова Т.Н., Калинина О.В.* Клиническое мышление: формирование и развитие // Клиническая медицина. 2010. № 5.

УДК 796.011: 378

Копейкина Татьяна Евгеньевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физической культуры Института физической культуры, спорта и здоровья Северного (Арктического) Федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)
tanyakop@atnet.ru

Kopeykina Tatyana Yevgenievna

PhD in Pedagogy , Associate Professor of the Department of Theory of Physical Culture of the Institute of Physical Culture, Sport and Health of Northern (Arctic) Federal University named after M.V.Lomonosov
tanyakop@atnet.ru

ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

THE IDEA OF PERSONALITY DEVELOPMENT AS PEDAGOGICAL PHENOMENON

В статье раскрыта центральная образовательная идея совершенствования личности в творческом научном исследовании выдающегося ученого П.Ф. Лесгафта в России во второй половине XIX – нач. XX вв.

In the article the author analyses the central educational idea of personality development in the creative research of the distinguished scientist P.F. Lesgraft in Russia in the second half of the 19th – beginning of the 20th century.

Ключевые слова: **воспитательно-образовательный идеал, гармоническое развитие личности, комплексное исследование, семейное воспитание, образовательная среда.**

Key words: **educational ideal, harmonious development of personality, comprehensive research, family education, education environment.**

В современных условиях социально-демографического кризиса обострились проблемы общечеловеческих, семейных отношений, молодежной среды (алкоголизм, курение, наркомания, правонарушения, кризис доверия молодежи, потеря ориентиров и идеалов и т.п.) и вновь становится актуальным поиск цели воспитания и образования личности. В истории отечественного образования решением данных проблем занимался выдающийся ученый П.Ф. Лесгафт. Его научные исследования посвящены комплексному изучению индивидуальных особенностей человека и его развития в условиях семейной и общественной жизни с позиций медико-биологических, психологических, педагогических исследований. Центральным замыслом ученого являлась идея совершенствования личности, реализованная им в отечественном образовании с позиции цели, процесса и результата образования.

Идея совершенствования личности во второй половине XIX в. формировалась как способ выхода общества из духовно-нравственного кризиса, как способ решения проблем физического здоровья населения (в частности высокой смертности среди детей и подростков), как поиск путей реформирования системы образования, общественных отношений, формирования нового человека сочетающего в себе физические, духовные, нравственные качества. По мнению ученого, одной из причин отсталости России являлось отсутствие доступного образования, грамотности среди детей и женщин.

Таблица

Гармоническое развитие личности по П.Ф. Лесгафту

Эстетическое	**Физическое**	**Нравственное**
«красота», «пластичность», «изящество», «легкость»	«физические качества», «телосложение», «двигательные умения», «руководство действиями»	«уважение к личности другого», «истина», «правда», «дисциплинированность», «самосовершенствование», «трудолюбие», «волевые качества»
Умственное	**Психологическое**	**Духовное**
«мышление» «рассуждение» «наблюдательность» «кругозор» «идеалы» «опытность»	«темперамент» «характер» «тип», «мотивы» «способности» «интересы» «индивидуальность»	«любовь к отечеству» «благородство» «любовь» «самосознание» «терпимость» «традиции»

Педагогическую сущность идеи совершенствования личности ученый понимал как эволюционный процесс позитивных изменений индивидуальных свойств человека, осуществляемых через деятельность, познание окружающего мира, других людей, самого себя. Сущность понятия раскрыто П.Ф. Лесгафтом через комплексное исследование человека (медицинское, психологическое, педагогическое) в семейной и общественной среде. Исследуя данную проблему, ученый осуществил глубокий анализ семейных взаимоотношений и выявил его закономерности. Он создал антропологический этюд, основанный на наблюдениях за отношениями в семейной среде и влиянии их на формирование типов детей (лицемерный, заласканный, честолюбивый, злостный, угнетенный, добродушный, нормальный). Он оригинально раскрыл многообразие семейных приемов, показал влияние матери на процесс воспитания ребенка. С позиции врача-педагога он заострил внимание на гигиенических вопросах взаимоотношений, умственной и физической активности женщины, психологической атмосферы в семье. С педагогических позиций создал образовательно-воспитательный идеал, заключающийся в гармоническом развитии ребенка (эстетическое, духовное, психологическое, нравственное, физическое, умственное) (см. табл.).

Таким образом, идея совершенствования личности в педагогическом наследии П.Ф. Лесгафта была реализована через становление и развитие физического образования в сочетании с умственным и духовно-нравственным развитием человека, формированием семейных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Лесгафт П.Ф.* Собрание педагогических сочинений: в 5 т. М., 1951-1954. Т. 1-5.

УДК 37.015.0

Ланских Елена Александровна

научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности Военной академии связи им. С.М. Буденного (Санкт-Петербург) тел.: (911) 797-28-23

Lanskikh Elena Aleksandrovna

Researcher of the Research Laboratory of Legal Protection and Use of Intellectual Activity Results, Military Academy of Communication named after S.M. Budyonny (Saint Petersburg) tel.: (911) 797-28-23

ОБОБЩЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ НАЧАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ

GENERALIZATION OF PEDAGOGICAL EXPERIENCE OF DEVELOPMENT OF BASIC MILITARY TRAINING THEORY AND PRACTICE

В статье обобщен педагогический опыт развития теории и практики начальной военной подготовки. Показано, что проблема развития системы начальной военной подготовки, наряду с военно-образовательными учреждениями интернатного типа, успешно решалась социальными институтами, открытыми обществу.

In the paper the pedagogical experience of the development of basic military training theory and practice is generalized. It is shown that the problem of the basic military training system development along with military educational institutions of residential type was successfully solved by the social institutions opened for society.

Ключевые слова: **обобщение, начальная военная подготовка, педагогический опыт.**

Key words: **generalization, basic military training, pedagogical experience.**

На протяжении всей истории человечества подготовке молодежи к воинской деятельности уделялось постоянное внимание в любом государстве.

В современном мире все ведущие государства также придают начальной военной подготовке огромное значение. Испытываемые многими странами проблемы с комплектованием вооруженных сил обусловливают необходимость поиска новых путей для привлечения подрастающего поколения на военную службу.

Сегодня в связи с ростом негативного отношения социума к армии, падения престижа военной службы обращение к педагогическому опыту развития теории и практики начальной военной подготовки (НВП) является одним из эффективных путей совершенствования системы подготовки молодежи к воинской деятельности. Необходимость совершенствования методов и форм НВП обусловила актуальность решения данной проблемы. Историко-педагогические аспекты подготовки молодежи к воинской деятельности исследованы в работах П.И. Алпатова, И.А. Уварова, Л.Н. Ховриной и др., однако в своих исследованиях авторы ограничиваются анализом деятельности военно-образовательных учреждений закрытого типа и не раскрывают роль других социальных институтов в решении данной проблемы.

Анализ нормативно-правовых документов, определяющих политику государства в сфере военного образования и военно-патриотического воспитания, показал, что сегодня одним из приоритетных направлений реформирования системы подготовки молодежи к военной службе выступает «формирование позитивного отношения общества к военной службе и положительной мотивации у молодых людей относительно прохождения военной службы по контракту и по призыву» [1].

Исследование современной социально-экономической, культурной и политической ситуации, типичных проблем профессионального и личностного становления молодежи [2, с. 207] показало, что сегодня военно-образовательные учреждения закрытого типа (суворовские и нахимовские училища, кадетские корпуса, кадетские школы-интернаты) не могут в полной мере решить проблему подготовки молодежи к военной службе на государственном уровне. Жесткий отбор обучающихся в данных образовательных учреждениях препятствует добровольному включению в процесс НВП значительной части молодых людей допризывного возраста. Проблема усугубляется существующим в современном обществе негативным отношением к широкому привлечению молодых людей в военизированные образовательные учреждения, вызванным опасениями по поводу раннего отрыва ученика от семьи, его изолированности от внешнего мира и строгого казарменного быта [3].

Обращение к педагогическому опыту становления и развития системы НВП дает основание утверждать, что данные проблемы имели место и в предыдущие исторические эпохи. Так, в одном из отчетов по Александровскому кадетскому корпусу указывалось, что «… заведение, освобождая родителей от забот о воспитании детей, лишает их родительской ласки и влияния семьи, способ-

ствуя выработке сухих и грубых натур» [4].

В ходе анализа научно-теоретических источников, касающихся проблем подготовки подрастающего поколения к воинской деятельности в нашей стране и за рубежом, были определены основные этапы развития системы НВП: исторические предпосылки, зарождение, становление, развитие, совершенствование, трансформация и возрождение [5]. Каждый последующий этап отличался от предыдущего целью и методами подготовки, совокупностью социальных институтов, реализующих задачи, и достигаемыми при этом духовно-нравственными и профессиональными качествами будущих защитников Отечества. Основные характеристики развития системы НВП представлены в таблице.

Таблица

Исторические этапы развития системы подготовки молодежи к военной службе

№ периода	Наименование этапа	Основные характеристики
1	**Исторические предпосылки** (2,4 млн. до н.э. – 800 лет до н.э.)	зарождение моральных норм; коллективная традиция воинского воспитания; субъект воспитания – родовая община; появление домов молодежи
2	**Зарождение** (800 лет до н. э. – 480 г. н.э.)	возникновение специальных военно-учебных заведений; подготовка к военной службе с детства; раннее всестороннее развитие личности; семья, религия, государство как основы воинского воспитания
3	**Становление** (480–1500 гг.)	формирование религиозно-нравственных основ воинского воспитания; сословность воспитания; приоритетная роль воинских ценностей; появление элитных школ-интернатов с военной направленностью
4	**Развитие** (1500–1700 гг.)	формирование системы военного образования; появление первых кадетских образовательных учреждений
5	**Совершенствование** (1700–1917 гг.)	отделение общеобразовательного курса от военно-специального; разностороннее общее образование – фундамент профессиональной ориентации; духовно-нравственное воспитание – основа образовательного процесса
6	**Трансформация** (1917–1992 гг.)	эмиграция действующих военных учреждений из России; учреждение в СССР нахимовских, суворовских военных училищ, спецшкол и классов с военной направленностью; идейно-политическая направленность начального военного образования
7	**Возрождение** (1992 г. – по настоящее время)	приоритетная роль военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи; возрождение кадетских корпусов, школ-интернатов и кадетских классов в СОШ

В результате исследования было выявлено, что проблема развития системы НВП, наряду с военно-образовательными учреждениями интернатного типа, решалась социальными институтами, открытыми социуму, в образовательном процессе которых активное участие принимали семья и общественность. Так, на этапе «исторических предпосылок» в качестве указанной выше образовательной единицы выступали дома молодежи; на этапе «зарождения» – мусические школы; на этапе «становления» – рыцарское воспитание на Западе, воспитание сипахов-тимариотов и саму-

раев на Востоке, подготовка дружинников на Руси; на этапе «развития» – классы для приходящих учеников в навигацкой, артиллерийской и инженерной школах; военные гимназии, прогимназии и классы в кадетских корпусах для приходящих – на этапе «совершенствования»; кадетские корпуса с экстернатом, сеть специализированных классов средних общеобразовательных школ с военной направленностью – на этапе «трансформации», кадетских классов в средних общеобразовательных школах в нашей стране и за рубежом – на этапе «возрождения».

Прогрессивные идеи развития и совершенствования системы НВП (гармоничное сочетание общеобразовательной и начальной военной подготовки как основы успешного профессионального обучения; приоритет нравственно-патриотического воспитания, составной частью которого является дисциплина; системность, индивидуально-дифференцированный подход в обучении; привитие подрастающему поколению самостоятельности и чувства коллективизма) прослеживаются на всех исторических этапах развития системы подготовки молодежи к воинской деятельности. Указанные идеи, отраженные в трудах Платона, Лукиана, Ксенофонта и др. (этап «зарождения»), Альберта Великого, Р. Бэкона, Авиценны и др. (этап «становления»), Я. Коменского, М. Монтеня, И. Меркуриалиса и др. (этап «развития»), К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова, П.Ф. Лесгафта, Шарнхорста, Гнейзенау, Клаузевица и др. (этап «совершенствования»), А.В. Луначарского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского и др. (этап «трансформации»), В.Ю. Микрюкова, В.И. Бачевского, Ю.А. Танюхина, У. Тейлора, Л. Бенга и др. (этап «возрождения») оказали существенное влияние на становление, развитие и совершенствование системы НВП.

На основании обобщения педагогического опыта развития теории и практики НВП был сделан вывод, что совершенствование методов и форм подготовки подрастающего поколения к воинской деятельности предполагает учет особенностей социально-культурного, экономического и политического развития общества на конкретном историческом этапе и одновременно сохранение исторической преемственности в развитии.

Научно-педагогические концепции подготовки молодежи к воинской деятельности рассмотренных исторических этапов успешно реализовывались в образовательных учреждениях военной направленности открытого типа (образовательные учреждения, предусматривающие проживание обучающихся в семье) и могут иметь прогрессивное значение в реформировании современной системы начальной военной подготовки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Концепция федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года // Российская газета. Федеральный выпуск. 2010. 12 февр.
2. *Запесоцкий А.С.* Образование: философия, культурология, политика. М., 2002.
3. *Lunan Beng.* United Kingdom Cadet Forces: Militarizing our Youth or Delivering Strategic Effect? Joint services command and staff college defense research paper, sep 06 – jul 07. URL: www.da.mod.uk/colleges publications/drp Lunan.pdf. (дата обращения 10.09.2010).
4. *Городовиков С.О., Кушников В.Л., Невзоров Б.М.* Тульский Александровский кадетский корпус // Всероссийское детско-юношеское общественное движение «Школа безопасности» / под ред. И.Е. Арясова. Тула, 2008. Кн. 1.
5. *Ланских Е.А.* Пропедевтика военной службы в кадетских классах средних общеобразовательных школ: по опыту работы Военной академии связи: монография. СПб., 2012.

УДК 316.354:351/354

Ларченко Ирина Николаевна

кандидат педагогических наук, директор нефтегазового колледжа имени Ю.Г. Эрвье при Тюменском государственном нефтегазовом университете
тел.: (3452) 20-52-16

Larchenko Irina Nikolaevna

PhD in Pedagogy, Director of the Oil and Gas College named after Y.G. Erve under Tyumen State Oil and Gas University
tel.: (3452) 20-52-16

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается оригинальный подход к развитию кадрового потенциала в системе начального и среднего профессионального образования. Состояние данного вопроса учитывалось автором статьи при разработке оптимальных условий реализации потенциала педагогических работников в учебном подразделении университетского комплекса.

Ключевые слова: **состояние кадрового потенциала, организационно-управленческие условия, организационно-педагогические условия, социально-психологические условия, социально-управленческие технологии реализации кадрового потенциала.**

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STAFF CAPACITY DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF PRIMARY AND SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION

The original approach to the development of staff capacity in the system of primary and secondary professional education is presented in the article. The state of this issue is taken into consideration by the author within the development of optimal conditions for realizing teaching staff capacity in educational subdivision of university complex.

Key words: **state of staff capacity, organization and management conditions, organizational and pedagogical conditions, socio-psychological conditions, social and managerial techniques in realizing staff capacity.**

Важным фактором, неблагоприятно влияющим на качество профессионального образования, распространение современных образовательных технологий и методов преподавания, является состояние кадрового потенциала на всех его уровнях [1, с. 13]. Содержание понятия «состояние кадрового потенциала» можно рассматривать как обобщенную собирательную характеристику квалификационных возможностей педагогических работников (соответствующая профессиональная подготовка, квалификация по профилю педагогической деятельности, опыт и стаж работы в данной сфере); их возрастной ресурс; сформированный запас профессиональных компетенций (владение современными технологиями обучения, ведения научного исследования, профессиональная мобильность) и т.п.

Состояние кадрового потенциала, по мнению В.В. Гаврилюк, напрямую связано с развитием такого социального института как наука. Автор отмечает, что уровень достижений каждого научного работника можно рассматривать через ряд взаимообусловленных шкал: научные степени и звания, уровень квалификации, научные должности, административные посты, собственные научные достижения, известность, престиж в науке и т.п. [2, с. 141]. Что конечно может характеризовать состояние кадрового потенциала в научной сфере.

Такая широкая трактовка смыслового понятия «состояние кадрового потенциала» предполагает его рассмотрение как источника возможностей, средств, запаса, которые могут быть использованы в образовательной системе для решения задачи или достижения определенной цели.

Внимание к состоянию кадрового потенциала в профессиональном образовании обосновано тем, что «главным ресурсом общественного развития с девяностых годов прошлого столетия признается человеческий потенциал…» [2, с. 142]. Эта мысль нашла отражение в стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. [14, с. 8], государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 гг. [1, с. 13-17].

Характеризуя современное состояние кадрового потенциала, выделим некоторые ключевые проблемы [1, 3, 4].

1. Возрастная структура педагогических работников в профессиональном образовании попрежнему остается далекой от оптимальной. Наблюдается увеличение численности преподавателей в возрасте до 30 лет и снижение данного показателя для возрастных категорий от 40-49 и 50-59 лет.

2. В системе профессионального образования недостаточно развиты механизмы повышения квалификации управленческих и преподавательских кадров, что влияет на освоение и использование в образовательном процессе преподавателями и мастерами производственного обучения современных технологий обучения. Это делает их неконкурентоспособными на профессиональном

рынке труда. «Непродуктивность традиционных курсов повышения квалификации объясняется высокой статичностью педагогического корпуса в силу возраста и зачастую нежеланием работодателей организовывать стажировки…», а также сохранившимся высоким уровнем сопротивления педагогов инновационным процессам.

3. Продолжает сохраняться гендерный дисбаланс в системе профессионального образования. Доля педагогов-мужчин – чуть больше 12%.

4. В профессиональном образовании практически отсутствует система «педагогической интернатуры». Молодые преподаватели недостаточно получают поддержку более опытных педагогов в течение первого года самостоятельной работы.

5. Только треть преподавателей вузов ведут научные исследования, меньше 10% их них интегрированы в международное академическое сообщество.

Состояние кадрового потенциала в отдельно взятом регионе (например, в Тюменской области) отражает общее положение дел по этому вопросу в системе профессионального образования в целом. К перечисленным выше проблемам можно добавить тенденции снижения численности населения региона, занятого в сфере образования с 8,2% (2009 г.) до 8% (2011 г.), что связано с сокращением числа преподавателей образовательных учреждение начального профессионального образования на 12,1%, а также уменьшением количества профессорско-преподавательского состава вузов области. По сравнению с предыдущим учебным годом, численность профессорско-преподавательского состава уменьшилась практически на 6,1% и составила по области 5,5 тыс. чел. Одновременно с этим происходит увеличение количества преподавателей образовательных учреждений среднего профессионального образования (без учета совместителей). По сравнению с 2010 г. этот показатель увеличился на 1,3% и составил 2,7 тыс. чел. Этот факт можно объяснить увеличением общего количества образовательных учреждений среднего профессионального образования на 4,3%, которые, как правило, создавались на базе профессиональных училищ и лицеев. Вследствие этого процесса численность преподавателей и мастеров производственного обучения в образовательных учреждениях начального профессионального образования сократилась до 305 чел. К примеру, этот показатель в 2005 г. составил 1 029 чел. Качественный и количественный состав преподавателей высших учебных заведений по Тюменской области отражает общие тенденции его состояния по стране [5].

Рассмотрим состояние кадрового потенциала в системе начального и среднего профессионального образования. Такое внимание обосновано тем, что в рамках проведения институциональных и структурных реформ, обеспечивших нормативное закрепление требований к качественному составу педагогических работников в начальном и среднем профессиональном образовании, изучению состояния этого вопроса уделяется недостаточное внимание. Специфическая особенность состояния кадрового потенциала в системе начального и среднего профессионального образования выражается в неоднородности его качественного состава. Как правило, более 80% преподавателей этих уровней профессионального образования имеют высшее техническое образование и квалификацию «инженер» или «технолог». В среднем только 96,5% преподавателей и 66,5% мастеров производственного обучения имеют высшее профессиональное образование по профилю преподаваемой дисциплины или предмета. Больше половины кадрового состава образовательных учреждений не имеют специальной подготовки по педагогики, психологии, методике преподавания дисциплин. Наиболее остро в начальном и среднем профессиональном образовании стоит проблема старения педагогических кадров и мастеров производственного обучения, привлечения молодых специалистов к педагогической деятельности. Практически только 70% преподавателей имеют опыт работы в организациях соответствующей профессиональной сферы. Стажировка мастеров производственного обучения на профильных предприятиях стала активно использоваться только в последние годы [1, 4].

В связи с этим очевидна необходимость поиска и внедрения возможных подходов к улучшению состояния кадрового потенциала в системе начального и среднего профессионального образования.

В качестве вектора движения можно руководствоваться концептуальными подходами к профессиональному становлению молодых преподавателей в вузах, предлагаемые В.В. Гаврилюк. Автор считает, что для разработки целостной концепции, посвященной развитию профессионального потенциала молодых преподавателей, потребуется решение задач, связанных с выявлением их профессионального потенциала и разработка системы его измерения и реализации; оценка сложившейся практики повышения профессиональной квалификации; выявления совокупности мотивационных аспектов и ориентации на научно-педагогическую деятельность; разработка и внедрение механизма создания оптимальных условий для реализации потенциала молодых преподавателей и т.п. [2, с. 142].

Учитывая предложения автора можно обсудить один из вариантов решения задачи по разработке механизма создания оптимальных условий реализации кадрового потенциала в образовательных

учреждениях начального или среднего профессионального образования, используя опыт работы нефтегазового колледжа имени Ю.Г. Эрвье Тюменского государственного нефтегазового университета в этом направлении.

Состояния кадрового потенциала данного учебного подразделения отражает общее положение дел по этому вопросу, характерное для всей системы начального и среднего профессионального образования. Учитывая эти обстоятельства, в нефтегазовом колледже с 2010 г. поэтапно создаются организационно-управленческие, организационно-педагогические и социально-психологические условия. Более подробно механизм создания условий и использования социально-управленческих технологий были рассмотрены автором статьи совместно с М.Ю. Акимовым в серии публикаций, посвященных проблеме социального управления профессиональным развитием педагогических работников в условиях университетского комплекса [6, 7, 8, 9].

Уточним, что к организационно-управленческим условиям относятся не условия, в которых преподаватели и мастера производственного обучения посредством реализации функций управления (планирование, организация, руководство, контроль) обеспечивают достижение планируемого результата деятельности. В совокупности организационно-управленческие условия образуют полный цикл управления. Опираясь на исследования С.А. Гильманова в этой области [10], к организационно-педагогическим условиям следует отнести те условия, которые направлены на формирование инновационной направленности в деятельности педагогических работников, создание ситуаций востребованности педагогических достижений, проведение мероприятий, позволяющих раскрыться педагогической индивидуальности преподавателей и т.п. Так, С.А. Гильманов к важнейшим педагогическим условиям относит: стимулирование рефлексии педагогической индивидуальности и собственной индивидуальности, создание ситуаций, в которых востребованы не только профессиональные умения, но и качества творческой индивидуальности преподавателя, создание общего фона для педагогического творчества. Ряд исследователей выделяют в качестве педагогических условий поддержание в педагогическом коллективе необходимой для творчества атмосферы и обеспечение позитивного творческого выхода, моральное стимулирование [11, с. 89]. Индивидуальный подход, информированность, самоорганизацию, самоуправление [12, с. 184].

Не менее важны для реализации потенциала преподавателей и мастеров производственного обучения социально-психологические условия. Формированию таких условий в образовательных учреждениях посвящено достаточное количество психологической и педагогической литературы. Наиболее полно рассматривают эти условия М.М. Поташник, В.С. Лазарев. М.М. Поташник определяет значение этих условий и выделяет в качестве таковых: поддержку и развитие полезных инициатив педагога, предвидение и предотвращение конфликтов, внимание к педагогу [13, с. 24]. О формировании эффективного социально-психологического климата пишет и В.С. Лазарев. По его мнению, для этого необходим постоянный кропотливый анализ и оценка отношений в коллективе и их дальнейшее совершенствование, закрепление тех из них, которые способствуют продуктивной работе [14, с. 20].

Вследствие этого к социально-психологическим условиям следует отнести условия, направленные на создание мотивационной среды в учебном подразделении университетского комплекса. Показывая важность мотивационной среды, следует отметить высказывания Л.А. Фрезоргер по этому поводу. По ее мнению мотивация труда представляется одним из значимых элементов управления персоналом в университете «…человеческий потенциал личности преподавателя можно рассматривать состоящим из двух составляющих: трудового потенциала и творческого потенциала…» [15, с. 20]. По ее мнению трудовой потенциал «характеризуется возможностью человека осуществлять труд по заданной технологии, схеме, когда исполнитель работы не вносит в нее никаких элементов новизны, творчества» [15, с. 20]. В отличие от него, творческий потенциал «характеризует возможности индивида осуществлять деятельность, направленную на создание новых духовных ценностей, улучшение известных методов и технологий» [15, с. 21]. Л.А. Фрезоргер пишет, что именно творческая часть человеческого потенциала служит основным фактором повышения конкурентоспособности любой организации, а вуза в первую очередь.

Содержание социально-психологических условий предполагает развитие системы материального и морального стимулирования инновационной деятельности с учетом процессов диверсификации, стимулирование желаемого организационного поведения, создание определенной системы стимулирования педагогических достижений, общественное признание достижений, создание ситуаций успеха и т.п.

Осознание потребности изменения состояния кадрового потенциала позволило руководству нефтегазового колледжа решить следующие задачи:

- разработки способов определения избирательной потребности педагогических работников в

применении педагогических новшеств с учетом личностных предпочтений, индивидуального опыта работы в профессиональной сфере и стажа работы в учебном подразделении;

- разработки инновационной модели методической работы и подборки социально-управленческих технологий в ее организации;

- внедрения в практику работы новых форм и методов, технологий взаимодействия с педагогическими работниками, а так же способов совместной деятельности;

- разработки содержания, нормативно-правовой базы организационно-методического сопровождения процесса реализации кадрового потенциала;

- разработки системы показателей, отображающих качественные и количественные изменения кадрового потенциала;

- обеспечения системного организационно-методического сопровождения процесса реализации потенциала педагогических работников;

- формирования способов управленческих воздействий в целях регулирования процесса реализации потенциала педагогических работников.

Закономерность создания условий в колледже (организационно-управленческие, организационно-педагогические и социально-психологические) и последовательность применения социально-управленческих технологий позволили учебному подразделению улучшить кадровый потенциал, привлечь молодых преподавателей, повысить квалификацию педагогических работников, изменить показатели его учебно-методической деятельности, а также повысить рейтинг и престиж учебного подразделения вуза на региональном рынке труда.

Теперь в основе педагогической деятельности коллектива нефтегазового колледжа имени Ю.Г. Эрвье лежат следующие убеждения, разделяемые всеми членами коллектива:

- понимание необходимости востребования новых знаний;

- реализация принципов системности, последовательности и преемственности в осуществлении преобразований в педагогической деятельности;

- осознание необходимости осуществления самоанализа педагогической деятельности, педагогических достижений и предпочтений;

- принятие того, что инновационная деятельность в педагогической практике имеет свои особенности, в основе которой индивидуальные предпочтения преподавателя и мастера производственного обучения;

- формирование внутренней потребности к инновационному поиску.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственная программа РФ. Развитие образования на 2013-2020 гг.: Распоряжение от 22.11.2012 № 2148. URL: http://минобрнауки.рф/документы/2882 (дата обращения 18.12.2012).
2. *Гаврилюк В.В.* Профессиональное становление молодых преподавателей профессиональных вузов // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: науч. сб. Вып.2. Алматы- Каунас-Тюмень, 2012.
3. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227. URL: http://правительство.рф/gov/results/17449/ (дата обращения 10.01.2012).
4. *Махова Ю.В.* Образовательные стандарты нового поколения как фактор повышения квалификации преподавателей // Среднее профессиональное образование. 2011. № 2.
5. Статистический ежегодник (1990-2011): статистический сб. 20514.1: В 4 ч. Тюменьстат. Тюмень, 2012. Ч. I.
6. *Акимов М.Ю., Ларченко И.Н.* Развитие готовности педагогических работников к инновационной направленности в подготовке специалистов и рабочих кадров // От инноваций к качеству образования: сб. матер. Всерос. науч.-метод. конф. Тюмень, 2011.
7. *Акимов М.Ю., Ларченко И.Н.* Новые подходы к организации методической работы с педагогическими работниками как фактор обеспечения качества профессионального образования в университетском комплексе // Проблемы и перспективы современного образования / под ред. В.В. Майер. Тюмень, 2012.
8. *Ларченко И.Н.* Социальное управление профессиональным развитием педагогических работников в условиях университетского комплекса // Вестник инновационного евразийского университета. 2011. № 4 (44).
9. *Ларченко И.Н.* Современные методы управления профессиональным развитием педагогических работников в условиях университетского комплекса // Инновации в профессионально-педагогическом образовании: тез. докл. 18-й науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012.
10. *Гильманов С.А.* Творческая индивидуальность учителя: учеб. пособие. Тюмень, 1995.
11. Проблемы научной организации труда в школе / под ред. И.П. Раченко. М., 1987.
12. *Рындак В.Г.* Формирование творческого потенциала учителя: теория и диагностика: учеб. пособие к спецкурсу. М., 1994.
13. *Поташник М.М.* Как развивать педагогическое творчество. М., 1987.
14. Руководство педагогическим коллективом: модели и методы / под ред. В.С. Лазарева. М., 1995.
15. *Фрезоргер Л.А.* Университет и регион: направление устойчивого развития: учеб. пособие. Тюмень, 2003.

УДК 37. 034 : [37:39]

Неясова Ирина Александровна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева
тел.: (8342) 25-90-91

Neyasova Irina Aleksandrovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Mordovian State Teachers' Training Institute named after M.E. Yevsevyev
tel.: (8342) 25-90-91

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ШКОЛЬНИКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

FORMATION OF MORAL VALUES OF SCHOOLCHILDREN IN THE MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

В статье излагаются теоретические аспекты процесса формирования нравственных ценностей у школьников. Описаны, наиболее значимые педагогические и личностные условия, определяющие результативность формирования нравственных ценностей у подрастающего поколения в поликультурной образовательной среде.

In the article the theoretical aspects of the formation process of moral values of schoolchildren are stated. The most significant pedagogical and personal conditions defining the efficiency of moral values formation of the younger generation in the multicultural educational environment are described.

Ключевые слова: **нравственные ценности, поликультурная образовательная среда, школьник.**

Key words: **moral values, multicultural educational environment, schoolchild.**

Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств проекта № 2.5.10 Создание Научно-исследовательской лаборатории «Духовно-нравственное воспитание школьников в современном образовательном пространстве» Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» на 2012-2016 гг. «Педагогические кадры для инновационной России»

На современном этапе развития общества, характеризующемся развитием национального самосознания, усложнением условий жизни, особую значимость приобретает процесс создания у подрастающего поколения базовой иерархии ценностей, которые являются сущностной характеристикой мировоззренческой и нравственной сфер сознания.

В настоящее время категория «ценность» является предметом разностороннего изучения в философии, этике, социологии, психологии, педагогике и других отраслях научного знания. Исследуя векторы определения сущности понятия «ценность» на современном этапе развития науки мы обнаруживаем следующие подходы:

«значимые для человека объекты (материальные или идеальные). Так что в широком смысле слова ценностями называют обобщенные устойчивые представления о чем-то как предпочитаемом, как о блага, то есть о том, что отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам человека (или группы людей, общества)» [1, с. 228];

«вещественно-предметные свойства объектов, психологические характеристики человека, явления культуры, имеющие положительное или отрицательное значение для человека, группы людей или общества» [2, с. 47].

В систему нравственных ценностей входят: приоритетные ценности индивидуального характера (здоровье, свобода, независимость), ценности, необходимые для сохранения общества (семья, любовь к родине и патриотизм, мир на земле и т.д.), ценности, направленные на взаимоотношения с людьми (дружба, верность, честность), ценности из группы самостоятельности – смысл жизни, выбор собственных целей, ответственность, ценности мастерства – самоуважение, умелость, достижение успеха, ценности интеллектуальной автономности – независимость, творчество, ценности гармонии – мудрость, гармония, мир прекрасного, единство с природой, защита окружающей среды. Данные ценности дают человеку возможность свободно развиваться как личности, реализовать потребности в самоактуализации, формировать уверенность в своих силах, способностях, знаниях, независимости от других.

Анализ научной литературы и образовательной практики с учетом многогранного характера проблем формирования нравственных ценностей показал, что большая эффективность обеспечивается при постановке и решении комплексной проблемы в парадигме поликультурного образова-

ния.

В настоящее время в этой области научных знаний уже накоплен достаточно большой массив как научно-аналитических работ, так и прикладных разработок, в которых отражен ряд самостоятельных точек зрения на сущность и способы решения этой многосторонней и сложной проблемы.

Проблема поликультурности рассматривается на интегрированной основе в контексте философии, педагогики, психологии, культурологии, социологии, юриспруденции и др. Категория «поликультурность» получила широкое распространение в научной литературе как мультиэтническое образование (Дж. Юэнкс и др.), мультикультурное образование (Я. Пэй, Р. Лисиер и др.), поликультурное образование (В.П. Борисенков, Ю.С. Давыдов и др.); поликультуризм в образовании (Г.М. Коджаспирова и др.), многокультурное образование (Г.Д. Дмитриев и др.), поликультурное воспитание (Е.В. Бондаревская, А.А. Реан и др.).

В данном аспекте необходимо отметить важность организации поликультурной образовательной среды в общеобразовательном учреждении, в которой формируется «Человек культуры», обладающий толерантностью.

В целом под поликультурной образовательной средой следует понимать часть образовательной среды какого-либо учебного учреждения, представляющую собой совокупность условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному поликультурному взаимодействию, стремящейся к пониманию других культур, умеющей жить в мире и согласии с представителями разных национальностей.

Поликультурная образовательная среда представляет собой упрощенную модель всего поликультурного социума. Именно здесь школьник, встречаясь, общаясь, взаимодействуя с представителями других этносов, получает информацию о характеристиках, нормах, правилах этносов, учится межкультурному взаимодействию, проявляет толерантность, то есть происходит его подготовка к жизни в поликультурном социуме. Передавая через поликультурную образовательную среду ценностные ориентации, школа готовит личность к построению взаимоотношений с обществом, к гармоничному вхождению в поликультурное пространство России.

Вследствие этого поликультурная образовательная среда должна, с одной стороны, содействовать тому, чтобы учащийся осознал свои корни и тем самым мог определить свое место в мире, а с другой – прививать ему понимание и уважение к другим культурам тем самым формируя у подрастающего поколения нравственные ценности.

Формирование нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде позволяет понять самобытность и своеобразие культур различных народов. «В связи с этим, для эффективной организации процесса духовно-нравственного воспитания школьников необходима разработка и внедрение в практику работы общеобразовательных школ технологий и методик, адаптированных к условиям конкретного региона и учитывающих его этнокультурные особенности народов его населяющих» [3, с. 51-52].

Изучая народные традиции, праздники, обычаи, уклад жизни ребенок приобщается к культуре своего народа, происходит идентификация себя с родными истоками, вековыми корнями многих предшествующих поколений. Любая культура в том или ином виде содержит определенный набор ценностей, которые принято называть общечеловеческими: милосердие, доброта, терпимость, сострадание, любовь к жизни, к ближнему и т. п.

Основными направлениями организации процесса формирования нравственных ценностей у школьников в условиях поликультурной образовательной среды являются:

изучение школьниками культур других народов и формирования на этой основе стремления к сотрудничеству, к межэтническому и поликультурному диалогу, проявлению толерантности;

включение учащихся в активную поликультурную деятельность на всех возрастных этапах обучения;

организация проектной деятельности с поликультурной тематикой, благодаря чему через активную научно-исследовательскую деятельность происходит включение учащихся в межкультурное общение;

включение учащихся в краеведческую работу, направленную на постижение культур народов, проживающих в родном крае;

актуализация нравственных ценностей в воспитательной и учебной работе с целью их интериоризации и создание собственной модели взаимоотношения с этносами, обществом, людьми;

взаимодействие и сотрудничество представителей различных этносов, этнических культур в ходе образовательного процесса.

Обращаясь к рассмотрению условий, необходимых для организации эффективного процесса формирования нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде следует отметить, что лишь их совокупность может обеспечить достижение данной цели. В систему условий, на наш взгляд, следует включить условия педагогические и личностные. Педагогические условия условия, которые сознательно создаются в образовательном процессе и обеспечивают наиболее эффективное формирование и протекание нужного процесса, так как создают ту среду и те взаимоотношения, в которых необходимые явления, процессы возникают, существуют и развиваются.

Относительно процесса формирования нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде, основными педагогическими условиями являются: 1) разработка содержательного аспекта организации процесса формирования нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде; 2) использование комплекса активных методов, обеспечивающих эффективность формирования нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде; 3) мониторинг и учет уровня освоения нравственных ценностей.

Разработка содержательного аспекта организации процесса формирования нравственных ценностей у школьников должна быть осуществлена на уровне организации каждого отдельного урока или внеурочного занятия. Содержательная сторона процесса формирования нравственных ценностей в условиях поликультурной образовательной среды должна охватывать все сферы жизнедеятельности и способствовать формированию системы знаний о ценностях, отношений к ним и проявления ценностных ориентаций в поступках, которые впоследствии станут основой мировоззрения и мироотношения личности.

Использование комплекса активных методов и соответствующих им форм и методических приемов, обеспечивающих эффективность формирования нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде. В отличие от традиционных форм, методов и методических приемов при обучении и воспитании детей, в которых преобладает осмысление факта и его запоминание, активные методы направлены на переживание учащимися информации. На интенсивном эмоциональном фоне у школьников начинает действовать непроизвольное запоминание, проявляется стремление к выражению эмоций, применению известных способов деятельности на практике, то есть жить в созданной ситуации. Комплекс активных методов и соответствующих им форм и методических приемов позволяет актуализировать знания и опыт личности. Положительный эмоциональный фон, который создается благодаря комплексу активных методов, поддерживает интерес детей, позволяет снимать авторитарное принуждение при формировании нравственных ценностей. Правильно использованные методические приемы создают условия для познания детьми самих себя, для установления у них адекватной самооценки и развития потребности в самовоспитании.

Мониторинг освоения нравственных ценностей школьниками предполагается на каждом из этапов организации процесса формирования нравственных ценностей в условиях поликультурной образовательной среды – от изучения исходных условий, в которых будет организован процесс до анализа результатов. Создание системы диагностических методик позволит выявить различный уровень освоенности нравственных ценностей. Такой мониторинг необходим для контроля за эффективностью средств, форм, методов, предлагаемых для реализации содержательного аспекта процесса формирования нравственных ценностей.

Не меньшую значимость для процесса формирования нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде имеют личностные условия, которые предполагают определенный тип взаимоотношений между субъектами процесса формирования нравственных ценностей.

В систему личностных условий, следует включить учет личностных особенностей учащихся, педагога, родителей. Это мотивируется зависимостью результативности личностно–ориентированного педагогического процесса от личностного фактора: с одной стороны, – от уровня профессиональной компетентности, владения системой педагогических умений, наличия личностных качеств, способствующих осуществлению педагогической деятельности, с другой – от уровня восприятия или отторжения воспитательных воздействий, стремления к восприятию информации и следованию нравственным нормам.

В практике существует три основные группы трудностей при организации процесса формирования нравственных ценностей у школьников:

связанные с характером передачи информации школьниками, обмена ею с учащимися (неясность речевых выражений, малодоступность поликультурной информации, игнорирования роли учащихся как активных субъектов в диалоге «учитель-ученик»);

коммуникативного характера (авторитарность, бестактность, неуверенность в общении с

детьми, назидательность; неумение организовать поликультурное общение школьников);

организационного характера (неумение организовать процесс формирования нравственных ценностей в ходе учебной и внеучебной деятельности, неумение стимулировать поликультурное взаимодействие и сотрудничество школьников, неумение стимулировать положительное, гуманное отношение учащихся к различным этносам и их культурам, нерегулярное проведение занятий поликультурной направленности).

Среди всего многообразия условий успешного взаимодействия учителя со школьниками при формировании нравственных ценностей в поликультурном образовательном пространстве можно выделить следующее:

знание возрастных особенностей учащихся;

знание этнокультурных интересов и потребностей школьника, его идеалов;

умение видеть в ученике личность, обладающую определенным уровнем этнической идентичности, действующую в соответствии с усвоенными в ходе приобщения к культуре своего народа нормами и моделями поведения

постоянное стремление педагога к самосовершенствованию, к постижению позитивного опыта, накопленного разными народами России.

Успешное решение задач по формированию нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде возможно, если педагог качественно овладеет следующими профессионально–коммуникативными умениями:

а) социально–психологический блок умений – умения располагать учащихся к поликультурному общению, производить благоприятное впечатление, рефлексировать, адекватно воспринимать и понимать своеобразие этнической культуры личности каждого школьника и группы, ее статусную структуру, прогнозировать развитие поликультурных отношений, использовать психологические средства, вербальные, невербальные, механизмы коммуникативного воздействия;

б) нравственно–этический блок умений – строить общение на гуманной, демократической основе, руководствоваться принципами и правилами профессиональной этики и этикета, утверждать этническую идентичность каждого ученика, организовывать полиэтническое и поликультурное сотрудничество с коллективом, группой школьников и с каждым конкретным учеником;

в) эстетический блок умений – гармонизировать внутренние и внешние личностные проявления, быть артистичным, эстетически выразительным, приобщать учащихся к полиэтническому и поликультурному общения, активизировать их эмоциональный тонус и оптимистическое мироощущение поликультурного сотрудничества, переживание радости общения, чувства прекрасного;

г) технологический блок умений – использовать педагогические средства, методы, приемы, многообразие форм поликультурного взаимодействия, выбирать оптимальный стиль руководства, общения, соблюдать педагогический такт.

Таким образом, процесс формирования нравственных ценностей в поликультурной образовательной среде необходимо выстраивать как единую систему, которая включает весь спектр педагогических влияний, обращенных к преобразованию внутреннего мира школьника. В этом контексте процесс формирования нравственных ценностей становится творческим, свободным, обращенным к личности ребенка. Систематически организованная работа способствует проявлению у школьников интереса к себе, своему внутреннему миру, миру других людей, представителей различных этносов, живущих рядом с ними в поликультурном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гусейнов А.А.* Этика. М., 2005.
2. *Широких О.Б.* Ценностные ориентации профессионально-личной подготовки учителя в России: дис. … д-ра педагог. наук. М., 2004.
3. *Серикова Л.А.* Организация духовно-нравственного воспитания школьников в поликультурном образовательном пространстве региона // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 4.

УДК 316.3

Овчинников Олег Михайлович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры организации оперативной работы Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний
тел.: (910) 776-32-87

ПРОФИЛАКТИКА ПОДРОСТКОВОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Рассмотрены отдельные аспекты психолого-педагогической превенции дезадаптивного поведения подрастающего поколения. Выделяются позиции некоторых авторов, исследовавших данную проблему, предлагается авторское видение по данной проблематике.

Ключевые слова: **дезадаптивное поведение, интравертивность, подростковая дезадаптивность, ценностные ориентиры, социально-педагогическое и психологическое обеспечение.**

Ovchinnikov Oleg Mikhailovich

PhD in Pedagogy, Senior Lecturer of the Department of Operational Activities Organization of the Vladimir Law Institute of the Federal Service for Execution of Punishments
tel.: (910) 776-32-87

TEENAGE MALADAPTATION PREVENTION AS PSYCHO-EDUCATIONAL PROBLEM

Some aspects of psychological and educational prevention of maladaptive behavior of the younger generation have been considered. The positions of some authors who have studied the issue have been emphasized; the author's vision of this issue has been presented.

Key words: **maladaptive behavior, introvertiveness, teenage maladaptation, value guidelines, socio-pedagogical and psychological support.**

Изменения дезадаптивного поведения всегда коррелируют с реальным знанием личности подростков и предполагают учет тех позитивных качеств, на которые необходимо опираться в процессе воспитательного воздействия. Но не менее важно знать и учитывать те негативные черты личности, которые привели подростка к правонарушению. Несовершеннолетний с дезадаптированным поведением не пойдет на межличностный контакт с педагогом, если не учесть психологический барьер, обусловленный негативным отношением данной личности с окружающими. Очень важно понять и принять такого подростка с его позитивными интересами, помочь ему реализоваться в реальном социуме, показать перспективы его дальнейшего развития. При выражении педагогом недовольства поведением такого подростка, он ни в коем случае не должен переходить на уровень личностных оскорблений, унижений, как бы ни была велика его отрицательная реакция.

Воспитание несовершеннолетних дезадаптантов через любовь к искусству, спорту, литературе также должно быть очень осторожным, ибо иногда в этих отраслях индивиды могут найти сюжеты, идущие вразрез общественной морали. Большую роль при выборе этой формы воспитания играет анализ используемых произведений с учетом уровня развития подростка.

Педагоги учебных заведений должны четко представлять себе, что личность подростка-правонарушителя – это сложный объект перевоспитания. С одной стороны, подросток с дезадаптивным поведением, при грамотной пенитенциарной стратегии поддается позитивному влиянию, поскольку черты его характера еще не утеряли пластичность и, следовательно, их можно изменить. Однако эти же качества создают и сложные проблемы – личность дезадаптанта достаточно легко подвергается не только позитивному, но и негативному влиянию, особенно со стороны авторитетных людей. Поэтому часто можно наблюдать как из-за ситуативных обстоятельств бывают сорваны успешно начавшиеся процессы перевоспитания. Серьезного внимания требует управление процессом таких познавательных качеств, как интересы, характер (психологическая структура личности), воля. Иерархизированная, упорядоченная совокупность устойчивых индивидуально-психологических особенностей личности, формирующихся в процессе жизнедеятельности и проявляющаяся в способах типичного реагирования личности в деятельности, поведении и общении представляет собой характер [1, с. 211-212].

Признавая устойчивость личностных особенностей черт характера, мы не принимаем это как неизменность. В течение онтогенеза определенные его черты претерпевают существенные изменения. В то же время надо понимать, что черты характера не могут изменяться также быстро и легко как, например, настроение. Это сложный и длительный процесс, меняющийся под воздействием нового жизненного опыта или в результате целенаправленного воспитания и самовоспитания личности.

Главная задача педагога в работе с дезадаптированным подростком – устранение отрицательного отношения к окружающим, нивелирование стремления к деструктивным явлениям соци-

ума, преодоление абулии, цинизма, интравертированности и т.д. Кроме опоры на сформировавшиеся положительные черты личности несовершеннолетнего правонарушителя, необходимо изменить его правосознание и правовую культуру, инициирующие стремление к самоисправлению, самодетерминации, самореализации как ответственного, зрелого индивида. Типичными ошибками педагога является вербальное мрачное прогнозирование, отнимающее шансы у подростка на исправление: «ты неисправимый», «твой дом тюрьма» и т.д.

Важной опорой в воспитательно-превентивной деятельности является формирование футуристических витальных тенденций несовершеннолетнего, связанных с выбором и освоением будущей профессии. Социально запущенные дезадаптированные подростки, практически не посещая школу, не видят своего будущего, не представляют, как и где они могут наверстать упущенные знания и живут сиюминутными удовольствиями, используя их как компенсаторный механизм. Не жалея оказавшихся в такой ситуации подростков, преподаватель должен четко донести до них мысль, что чудес не бывает и только огромный кропотливый труд может помочь им овладеть жизненными и учебными компетенциями, которые помогут в выборе желательной и интересной профессии. В процессе реабилитации подростков-правонарушителей необходимо учитывать один из основополагающих постулатов отечественной педагогики и психологии – деятельность – основа воспитания. Смысл его в том, что невозможно перевоспитать индивида только морализаторством нравоучений без включения в конструктивную коллективную деятельность. Следовательно, при работе с подростком-дезадаптантом чрезвычайно важно помочь ему восстановить статус среди сверстников и преодолеть отчуждение от учебного учреждения.

С точки зрения Ч.А. Шакеевой «одной из важных сфер, где формируются определенные взгляды, жизненные позиции, ценностные ориентации человека является круг общения и взаимодействия личности» [2, с. 64]. Исследователи В.П. Кузовлев, А.В. Музальков также указывают на значимость детского коллектива как «среды, в которой концентрируются возможности наиболее эффективного воспитания, образования, коллективистских качеств личности, дисциплинированности учащихся в учебной, общественно-полезной и других видах деятельности» [3, с. 103]. Подросток-дезадаптант тем быстрее адаптируется к коллективу, чем более он для него референтно значим. Его деятельность в коллективе должна проходить в атмосфере психологического комфорта и гармонии и помогать реализовывать потребность в самоутверждении. Одна из важнейших причин подростковой дезадаптации – неумение несовершеннолетнего распоряжаться своим свободным временем, отсюда понятно, что в профилактике правонарушений подростков отводится учреждениям дополнительного образования, развивающим их просоциальные интересы и обучающим правилам рационального использования досуга.

Аксиоматично мнение В.Ю. Бабайцевой в том, что «в основу работы с трудными подростками и их семьями должно быть положено уважение к родителям, их детям, опора на положительные качества подростка, четкость и забота о судьбе каждого ребенка…» [4, с. 41].

Один из известных исследователей трудного подростка А.И. Кочетов полагает, что педагогические воздействия на его личность выполняют следующие функции:

1. Восстановительную. Предполагающую восстановление тех положительных качеств, которые преобладали у подростка до появления трудновоспитуемости, обращение к памяти подростка о его добрых делах.

2. Компенсирующую. Заключающуюся в формировании у подростка стремления компенсировать тот или иной недостаток усилением деятельности в той области, которую любит, в которой может добиться быстрых успехов. Если подросток плохо учится, он может преуспеть в спорте, труде и т.д.

3. Стимулирующую. Направленную на активизацию положительной общественно полезной деятельности ученика, которая осуществляется посредством осуждения или одобрения, т.е. небезразличного эмоционального отношения к личности подростка, его поступкам.

4. Исправительную. Связанную с исправлением отрицательных качеств подростка и предполагающую применение разнообразных методов поощрения, внушения, убеждения, примера, т.е. коррекцией поведения [5, с. 102-103].

Можно считать успешным педагогическое воздействие на личность, если в подростке удалось пробудить потребность в самоизменении. Этот процесс начинается с самокритики, развития нравственного начала и ответственности за свое поведение. Для нас представляет интерес точка зрения Е.П. Белозерцева, который убежден, что «ценностные ориентиры или идеалы человека можно, с известной долей условности, выстроить в три своеобразных ряда. В первый входят идеалы, связанные с личной жизнью – семья, дом, счастье, благополучие, карьера. Второй составля-

ют идеалы общественные – нация, государство, определенный социальный строй. И, наконец, идеалы, которые принято называть высшими. Человеческое сознание связывает их происхождение с Божественной силой, что конкретизируется в ряде понятий нравственного характера, которые символизируют собой духовное совершенство каждого индивида, народа, человеческого общества в целом. Образно эти понятия можно назвать Добро, Красота, Любовь, установка на которые пронизывает собой всю многовековую историю отечественного любомудрия» [6, с. 198].

На наш взгляд, исследуемая нами проблема может быть успешно решена, если к усилиям превентивной педагогики, социальной работы, социально-педагогического и психологического обеспечения добавится и нормативно-правовое обеспечение, включающее наличие действенных правовых норм и механизмов. Это позволит реализовать на практике охрану и защиту личности, семьи, детства, здоровья, прав ребенка и создать более совершенную судебно-пенитенциарную систему для несовершеннолетних правонарушителей, способствующих формированию правовой и политической культуры в процессе социализации.

Проанализированные нами тенденции усиления эффективности превенции дезадаптивного поведения несовершеннолетних, предполагают решение следующих задач:

- развить социальный иммунитет, привить интерес к просоциальному поведению;
- обучить приемам адекватной активности саморегуляции, автономности, ответственности;
- обрести позитивный социальный статус, найти свое место в группе;
- инициировать способность к креативным действиям, использовать их как необходимую жизненную стратегию;
- опираясь на положительный опыт, исключить паттерны дезадаптивного поведения, укрепить конструктивное мировоззрение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Реан А.А.* Психология подростка. М., 2008.
2. *Шакеева Ч.А.* Ценностные ориентации и самочувствие молодежи в новых общественно-экономических условиях. М., 1998.
3. *Кузовлев В.П., Музальков А.В.* Психолого-педагогическая характеристика активности учащихся: монография. Елец, 2002.
4. *Бабайцева В.Ю.* Личностно-ориентированный тренинг в процессе подготовки студентов к воспитательной работе с трудными детьми: дис. … канд. пед. наук. М., 1997.
5. *Кочетов А.И.* Перевоспитание подростка. М., 1972.
6. *Белозерцев Е.П.* Образ и смысл русской школы: очерки прикладной философии образования. Волгоград, 2000.

УДК 37.015.0

Самохин Василий Федорович

доктор педагогических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Военной академии связи им. С.М. Буденного (Санкт-Петербург)
тел.: (921) 347-74-75

Samokhin Vasily Fedorovich

Doctor of Pedagogy, Professor, Academic Secretary of the Academic Council, Military Academy of Communication named after S.M. Budyonny (Saint Petersburg)
tel.: (921) 347-74-75

Ланских Елена Александровна

научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности Военной академии связи им. С.М. Буденного (Санкт-Петербург)
тел.: (911) 797-28-23

Lanskikh Elena Alexandrovna

Researcher of the Research Laboratory of Legal Protection and Use of Intellectual Activity Results, Military Academy of Communication named after S.M. Budyonny (Saint Petersburg)
tel.: (911) 797-28-23

ПРОПЕДЕВТИКА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В КАДЕТСКИХ КЛАССАХ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ: СУЩНОСТЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

MILITARY SERVICE PROPAEDEUTICS IN CADET CLASSES OF SECONDARY GENERAL EDUCATION SCHOOLS: ESSENCE AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF REALIZATION

В работе рассмотрены сущностные характеристики пропедевтики военной службы в кадетских классах средних общеобразовательных школ. Определена совокупность взаимосвязанных педагогических условий эффективной реализации данного процесса с учетом его полифункциональности в единстве государственных, общественных и личностных интересов.

Ключевые слова: **пропедевтика военной службы, кадетские классы, сущностные характеристики, полифункциональность, педагогические условия.**

In the paper the intrinsic characteristics of military service propaedeutics in cadet classes of secondary general education schools are considered. The set of interconnected pedagogical conditions for effective realization of this process taking into account its polyfunctionality in unity of the state, public and personal interests is defined.

Key words: **propaedeutics of military service, cadet classes, intrinsic characteristics, polyfunctionality, pedagogical conditions.**

Одной из главных проблем, в решении которой принимают участие все государственные институты, является обеспечение обороноспособности государства. В числе ключевых задач на пути достижения этой цели выступает подготовка молодежи к военной службе.

Анализ сложившейся системы подготовки подрастающего поколения к воинской деятельности показал, что в условиях социально-экономических преобразований и реформирования Вооруженных Сил в России наряду с традиционными формами подготовки молодежи все большее распространение получает пропедевтика военной службы в кадетских классах средних общеобразовательных школ (КК СОШ).

Изучение пропедевтики военной службы в КК СОШ в нашей стране (И.В. Андрюшин, В.А. Осипов, М.У. Умаргаджиев и др.) и за рубежом (У. Тейлор, Л. Бенг и др.) позволило выделить следующие сущностные характеристики данного процесса, который в создавшейся современной социально-экономической, культурной и политической ситуации может:

выступить в качестве связующего звена между военной организацией государства и гражданским обществом, делая процесс пропедевтики военной службы, открытым для его субъектов и социума в целом и тем самым разрешая противоречия между этими социальными институтами;

обеспечить добровольное включение в процесс начальной военной подготовки значительной части молодежи допризывного возраста в виду отсутствия жесткого отбора обучающихся;

создать благоприятные условия для морально-психологической подготовки молодежи к службе в разнополых воинских коллективах.

Выделенные сущностные признаки позволяют рассматривать процесс пропедевтики военной службы в тесной взаимосвязи с понятиями «принятие» (снятие протеста и отталкивающих оценок [1]) и «включение» (становиться участником, начинать действовать [2]). Чтобы стать субъектом деятельности, в том числе в сфере военного дела, молодой человек должен предварительно социализироваться, т.е. сформироваться в данной социальной культуре, воспринять её требования и нормы, вжиться в данную социальную среду.

Не менее важно и то, чтобы в процессе пропедевтики военной службы обучающиеся не просто формально овладели ценностями воинской деятельности, заключёнными в требованиях государства и современного общества, а в осознании этих требований, формировании на их основе личностной ценности военной службы, собственной убеждённости в необходимости служения своему Отечеству, что, в свою очередь, обеспечит социальную активность, деятельную позицию каждого участника данного процесса по отношению к будущему своего народа и своей страны.

С этой точки зрения, как ценность пропедевтика военной службы представляет собой интегративную систему государственной, общественной и личностной ценностей, в основе формирования которой лежит нравственно-патриотическое воспитание, развитие у обучающихся интереса и позитивного отношения к армии, овладение ключевыми образовательными компетенциями, обуславливающими их готовность к профессиональному самоопределению и самомотивацию к военной службе.

Единство государственных, общественных и личностных интересов дает основание для выделения следующих функций данного процесса:

государственной – воспитание молодежи, готовой к выполнению гражданского и воинского долга, обладающей развитым чувством патриотизма и национальной гордости за свой народ и Отечество;

социальной – становление человека частью общества, усвоение им знаний, норм и ценностей общества, формирование мобильной личности, способной к социальной адаптации и самостоятельному выбору жизненного пути, стремящейся к созданию и воспроизводству позитивных социальных отношений;

личностной – развитие личности школьников на основе традиций отечественной и мировой культуры в соответствии с их личными интересами и индивидуальными способностями;

педагогической – ознакомление с основами воинской деятельности, формирование у обучающихся универсальных качеств, позволяющих осуществлять сознательный, самостоятельный профессиональный выбор, быть ответственными за свой выбор;

психологической – создание условий для самомотивации личности к военной службе, формирование личностных ценностей военной службы как основного условия готовности к служению своему Отечеству;

цивилизационной – процесс становления, развития и совершенствования методов и форм начальной подготовки подрастающего поколения к воинской деятельности, учитывающий особенности социально-культурного, экономического и политического развития общества на конкретном историческом этапе и одновременно сохраняющий историческую преемственность в своем развитии;

культурологической – трансляция и усвоение обучающимися основ воинской культуры как составной части духовно-нравственной культуры, определяющей целостное развитие личности;

гуманитарной – создание условий для реализации права личности на профессию, в том числе в военной сфере, устранение гендерных стереотипов и достижение равноправия лиц разного пола в различных областях профессиональной деятельности;

экономической – минимизация финансовых затрат на подготовку к военной службе широкого круга молодежи [3].

С учетом полифункциональности пропедевтику военной службы следует рассматривать как целостную социокультурную систему, открытую для её субъектов и социума в целом, эффективность которой определяется созданием определенных педагогических условий, обеспечивающих успешную реализацию данного процесса.

К числу данных условий можно отнести обращенность пропедевтики военной службы к кадету как к субъекту, предполагающую:

– свободное вхождение обучающегося в процесс пропедевтики военной службы (прием учащихся в кадетский класс осуществляется в заявительном порядке в соответствии с их личными интересами и желаниями; на всех этапах обучения возможен дополнительный набор на вакантные места; при переходе в кадетский класс ученику из общеобразовательного класса предоставляются часы консультаций с учителями-предметниками по профильным предметам);

– поэтапность продвижения кадета внутри образовательной системы – разделение образовательного процесса на три взаимообусловленных цикла: «наблюдение и адаптация» (5-8 классы), «предпрофильный» (9 классы) и «профильный» (10-11 классы);

– право самостоятельного выбора кадетом своей дальнейшей образовательной траектории (при желании обучающийся имеет возможность перейти в обычный класс общеобразовательной школы, продолжить обучение по профилю в кадетском корпусе и др.);

– включенность кадета в целеполагание, структурирование и контроль процесса пропедевтики военной службы;

полифункциональную направленность процесса пропедевтики военной службы, характеризующуюся:

– приоритетом нравственно-патриотического воспитания, реализуемым через содержание преподаваемых предметов, способы взаимодействия преподавателя и кадета, стиль их взаимоотношений, включение в учебные и внеклассные занятия элементов уставных воинских требований;

– постоянным согласованием теории и практики, предусматривающим возможность коррекции образовательного процесса на основе обратной связи;

– комбинированием и вариативностью форм и технологий обучения с учетом индивидуальных и возрастных особенностей кадетов в соответствии с поставленными целями и достигнутыми результатами на предыдущих образовательных этапах (циклах);

– осуществлением мер активизации процесса пропедевтики военной службы, включающих в себя:

эмпирический подбор совокупности оптимальных соотношений: свободного времени кадета и времени управляющих воздействий; уровней знаний кадета и сложности поставленной перед ним задачи, вариативность которых определяется видением образовательного процесса преподавателями, индивидуальными возможностями обучающихся конкретного класса на всех циклах обучения;

учет соотношения профильных и общеобразовательных дисциплин в соответствии с рекомендациями Федерального базисного учебного плана (ФБУП) на основе модели сетевой организации пропедевтики военной службы;

– первичной, текущей и годовой диагностикой уровней готовности кадета к военной службе на всех ступенях обучения с внесением полученных данных в его личное дело;

обеспечение взаимопомощи, самодисциплины, взаимокоординации, сотрудничества и сотворчества в процессе групповой, парной и самостоятельной образовательной деятельности, предусматривающее:

– формирование внутри классного коллектива открытых, мобильных разноуровневых групп в ходе использования и гармоничного сочетания образовательных технологий: обучения в сотрудничестве, уровневой дифференциации и модульного обучения с учетом индивидуальных особенностей кадетов, способствующих их творческому саморазвитию, становлению познавательных, коммуникативных, ценностно-ориентационных, нравственных качеств, умения работать в команде;

– переход от репродуктивного характера пропедевтики военной службы к проблемно-поисковому;

– открытость учебного успеха для каждого кадета вне зависимости от уровня его индивидуальных возможностей и статуса в группе, классном коллективе (регулярная справедливая оценка результатов деятельности каждого обучающегося на всех этапах обучения с обязательным акцентированием на моменты его индивидуальных достижений);

открытость кадетского класса средней общеобразовательной школы как социального института, характеризуемую:

– участием в образовательном процессе кадетских классов действующих военных специалистов из воинских частей и преподавателей военных вузов;

– организацией взаимодействия с муниципальными органами управления, семьей, общественными организациями;

– партнерством с другими образовательными учреждениями с кадетским компонентом;

– постоянным совершенствованием квалификации педагогического коллектива;

– участием кадетов во внеклассной и внешкольной деятельности.

Учет рассмотренных взаимосвязанных педагогических условий способствует эффективной реализации возможностей пропедевтики военной службы в образовательном пространстве КК СОШ и обеспечивает как качество самого процесса, так и качество достигаемых результатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Общая психология. Словарь. URL: http://slovari.yandex.ru/ (дата обращения 12.06.2011).
2. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. М., 2006.
3. *Ланских Е.А.* Пропедевтика военной службы в кадетских классах средних общеобразовательных школ: по опыту работы Военной академии связи: монография. СПб., 2012.

УДК 378. 046.4

Сейдниязова Наталия Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Мордовского республиканского института образования
тел.: (8342) 35-34-45

Серикова Лариса Александровна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева
тел.: (8342) 35-34-45

ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В НАЧАЛЬНОМ ЗВЕНЕ ОБУЧЕНИЯ

В статье представлен анализ педагогического потенциала внеурочной работы в духовно-нравственном развитии и воспитании детей, в частности, формировании личностных универсальных учебных действий. Авторами разработан образовательный модуль в рамках повышения квалификации учителей начальных классов, где в процессе обучения педагоги учатся разрабатывать авторские программы с целью эффективного достижения планируемых личностных результатов.

Ключевые слова: **федеральный государственный образовательный стандарт, внеурочная деятельность, духовно-нравственное развитие, духовно-нравственное воспитание, личностные результаты, авторская программа.**

Seydniyazova Nataliya Vladimirovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Preschool and Elementary Education of the Mordovia Republican Institute of Education
tel.: (8342) 35-34-45

Serikova Larisa Aleksandrovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Mordovian State Teachers' Training Institute named after M.E. Yevsevyev
tel.: (8342) 35-34-45

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES AS A MEANS OF PERSONAL RESULTS ACHIEVEMENT AT INITIAL STAGE OF EDUCATION

The article presents the analysis of the pedagogical potential of extracurricular work in the spiritual and moral development and education of children, in particular, the formation of personality universal educational activities. The author has developed an educational module in the framework of training of primary school teachers, in the process of training the teachers are learning to develop author's programs in order to achieve the planned personal results effectively.

Key words: **federal state educational standard, extracurricular activity, spiritual and moral development spiritual and moral education, personal results, author's program.**

Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств проекта № 2.5.10 Создание Научно-исследовательской лаборатории «Духовно-нравственное воспитание школьников в современном образовательном пространстве» Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева» на 2012-2016 гг. «Педагогические кадры для инновационной России»

На современном этапе большое внимание уделяется проблеме модернизации России. Одним из важных факторов, определяющих темпы и характер развития общества, являются духовно-нравственное воспитание и развитие личности гражданина России, так как эффективность данного процесса непосредственным образом зависит от гражданской позиции человека, его мотивационно-потребительской сферы, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей. Воспитание человека, укрепление его интереса к жизни, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития России.

Социальный заказ государства поэтому (воспитание человека, формирование новых жизненных установок личности) нашел отражение не только в программе духовно-нравственного развития и воспитания, но и во многих других разделах основной образовательной программы общеобразовательного учреждения. В частности, в программе развития универсальных учебных действий обучающихся в контексте достижения личностных результатов.

Личностную группу результатов образуют личностные универсальные учебные действия (УУД), где духовно-нравственное развитие и воспитание нашло свое отражение в таких личностных УУД как: внутренняя позиция школьника на уровне положительного отношения к школе, ориентации на содержательные моменты школьной действительности и принятия образца «хорошего ученика»; способность к самооценке на основе критерия успешности учебной деятельности; основы гражданской идентичности личности в форме осознания «Я» как гражданина России, чувства

сопричастности и гордости за свою Родину, народ и историю, осознание ответственности человека за общее благополучие, осознание своей этнической принадлежности; ориентация в нравственном содержании и смысле поступков как собственных, так и окружающих людей; развитие этических чувств – стыда, вины, совести как регуляторов морального поведения; знание основных моральных норм и ориентация на их выполнение, дифференциация моральных и конвенциональных норм, развитие морального сознания как переходного от доконвенционального к конвенциональному уровню; установка на здоровый образ жизни и др. [1, с. 14-15].

Следует отметить, что задача достижения личностных результатов не может быть решена усилиями одной только урочной системы. Большим педагогическим потенциалом в данном направлении обладает внеурочная работа. О ценностном, содержательном единстве урочной и внеурочной деятельности, о необходимости реализации воспитательного потенциала современных учебных программ как в рамках классно-урочной системы, так и во внеурочное время отмечалось неоднократно (например, письмо Минобразования России от 2 апреля 2002 г. № 13-51-28/13 «О повышении воспитательного потенциала образовательного процесса в общеобразовательном учреждении»). В настоящее время эта идея получила нормативное закрепление в федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (ФГОС НОО): организация образовательной деятельности обучающихся на уроке и создание соответствующего пространства реализации полученных знаний, умений и навыков в практической социально и личностно значимой деятельности во внеурочное время должно обеспечить достижение личностных, метапредметных результатов [2].

Под внеурочной деятельностью в рамках реализации ФГОС НОО следует понимать образовательную деятельность, осуществляемую в формах, отличных от классно-урочной, и направленную на достижение результатов освоения основной образовательной программы. Но в первую очередь – это достижение личностных и метапредметных результатов [3, с. 7].

Поэтому важное место в организации внеурочной деятельности детей занимает создание условий для духовного становления личности, подготовки ребенка к предстоящему жизненному самоопределению, формирование у него активной гражданской позиции, готовности учащегося к самостоятельному нравственному выбору, становление у него системы ценностей и способности реализовать их в практической деятельности, потребность в самосовершенствовании, самореализации в социально и личностно значимой деятельности, формирование у младшего школьника определенного отношения к окружающему миру и к самому себе, и др.

Эффективному формированию личностных универсальных учебных действий во внеурочное время способствует тесная взаимосвязь между образовательными результатами детей и формами организации их деятельности. Данная зависимость, как показывает анализ педагогической практики, помогает учителю:

1) подбирать такие формы внеурочной деятельности, которые гарантируют достижение не только воспитательного результата определенного уровня, но и воспитательного эффекта;

2) выстраивать логику перехода от результатов одного уровня к другому;

3) проводить диагностику образовательных результатов детей;

4) проводить самодиагностику реализуемой программы во внеурочное время;

5) разрабатывать авторские программы внеурочной работы, перестраивать примерные программы в модифицированные.

Кроме этого, социальная значимость программ внеурочной деятельности в достижении личностных результатов обеспечивается следующим комплексом целей развития личности младшего школьника:

• познавательным развитием;

• социальной адаптацией, включающей опыт межличностного взаимодействия, различные инициативы через программы детских общественных объединений;

• раскрытием творческого потенциала, через различные по содержанию и уровню освоения программ для детей с разными возможностями;

• развитием общей культуры, в том числе культуры досуговой деятельности, через разнообразные по познавательной направленности, проблематике программ, дающие выбор форм и средств организации свободного времени.

Организация внеурочной деятельности детей должна строиться с учетом актуальных проблем и трудностей для конкретного образовательного учреждения, детской группы и определенного временного отрезка. Следовательно, для достижения более эффективных результатов целесообразно использовать программы адаптированные к конкретным проблемам и условиям функцио-

нирования общеобразовательного учреждения. Таким образом, необходимо активнее внедрять в образовательный процесс модифицированные и авторские программы.

Эффективному достижению личностных результатов способствует и возможность реализации разнообразных видов программ внеурочной работы. Их классификация, основные характеристики представлены в таблице.

Таблица

Классификация педагогических программ во внеурочное время

Характеристика программа	Варианты характеристики
1. По полу	Смешанные, для мальчиков, для девочек
2. По продолжительности реализации	Одногодичные, двухгодичные и др.
3. По формам реализации	Групповые, индивидуальные
4. По видам деятельности	Художественная, техническая, эколого-биологическая, туристско-краеведческая, культурологическая и др.
5. По воспитательным результатам	Комплексные образовательные программы, предполагающие последовательный переход от 1-ого уровня к результатам третьего уровня в различных видах внеурочной деятельности
6. По тематической направленности	Направленные на получение воспитательных результатов в определенном проблемном поле и использующие при этом возможности различных видов внеурочной деятельности (например, образовательная программа патриотического воспитания)
7. По достижению результатов определенного уровня	Образовательная программа, обеспечивающая 1-ый уровень результатов; Образовательная программа, обеспечивающая 1-ый и 2-ой уровни результатов; Образовательная программа, обеспечивающая 2-ой и 3-ий уровни результатов

Данная позиция обусловлена также и следующими причинами.

1. В данной программе полностью учитываются индивидуальные способности, интересы, возможности детей, пожелания родителей, материальные и технические условия общеобразовательного учреждения и др.

2. В отличие от общеобразовательных программ во внеурочной работе программы более динамичны по своим содержательным характеристикам. Программы, к которым утрачивается интерес детей и родителей, как и программы, требующие специалистов, значительных затрат, уходят из общеобразовательного плана, на их место приходят новые программы, более востребованные.

3. Реализация авторских программ дает возможность учителю прогнозировать результаты духовно-нравственного развития и воспитания личности, проектировать воспитательные ситуации, выстраивать их в последовательности, ведущей к желаемым личностным результатам, разрабатывать содержание воспитательного процесса, ориентируясь на приоритетные воспитательные ценности, отбирать педагогические технологии в соответствии с поставленными задачами.

На современном этапе одной из основных задач при подготовке учителя начальных классов к организации внеурочной деятельности является их ориентация на разработку авторской программы.

Учитывая важность готовности учителя начальных классов разрабатывать авторские программы внеурочной работы, в рамках курсов повышения квалификации в ГБОУ ДПО (ПК) С «Мордовский республиканский институт образования» особое внимание уделяется формированию и совершенствованию умений для этого у педагогов. Данный процесс проходит в несколько этапов.

На первом этапе происходит знакомство учителей с особенностями организации внеурочной работы в условиях введения ФГОС НОО, понятием «авторская программа», её структурными компонентами, методическими рекомендациями по педагогическому проектированию и др. При этом учителя отвечают на ряд проблемных вопросов и анализируют проблемные ситуации, обсуждают актуальные проблемы, выполняют самостоятельную работу, применяя знания, полученные на лекциях, практических занятиях, при самообразовании, при проработке рекомендованной литературы, а также собственный практический и жизненный опыт.

Далее учителя осваивают опыт проектирования программ внеурочной работы в «пилотных» школах. Цель работы на стажерской площадке: изучить опыт организации внеурочной работы.

При этом в плане исследуемой готовности перед учителями стоят следующие задачи:

• определить алгоритм действий анализа программ внеурочной работы;

• выявить особенности содержания программ внеурочной работы для детей младшего школьного возраста;

• выявить рациональные формы организации программы.

Продуктивной формой достижения поставленных цели и задач является тренинг, который осуществляется следующим образом.

Участники тренинга делятся на несколько групп (по 4-5 чел.), каждая из которых получает программу внеурочной работы с кратким её содержанием. Учителя определяют последовательность действий по анализу содержания программы и анализируют программу, опираясь на следующую памятку для учителя:

• насколько полно в программе представлена степень ее новизны и актуальности, насколько программа перспективна для использования во внеурочной деятельности;

• насколько разработанная программа соответствует нормативно-правовым требованиям к внеурочной деятельности, в том числе утвержденным СанПиН;

• насколько содержание программы способствует достижению личностных и метапредметных результатов, а также воспитательных эффектов;

• насколько полно представлены разделы программы;

• насколько выбранные формы внеурочной деятельности гарантируют достижение планируемых результатов и эффектов определенного уровня;

• насколько рационально выстроена логика перехода от воспитательных результатов одного уровня к результатам другого;

• в какой мере учтены индивидуальные и возрастные особенности детей, представлены методы, стимулирующие развитие продуктивной личности;

• содержится ли в программе диагностико-аналитическая составляющая по определению результативности и эффективности внеурочной деятельности.

После чего, педагоги предлагают свои рациональные формы реализации содержания программы и защищают работы.

На последнем этапе учителям предлагается разработать проект авторской программы.

При выполнении данного вида деятельности у учителей формируются и совершенствуются необходимые умения для разработки авторской программы, например: формулировать гипотезу и проверять её в дальнейшем, сравнивать между собой различные данные, выделять существенное и отбрасывать второстепенное, производить анализ, обобщать элементы, группировать и систематизировать данные наблюдений, учитывать нововведения и педагогический опыт, вести альтернативный поиск методов, средств, приемов организации образовательного процесса, широко варьировать способами деятельности, гибко изменять способы действий относительно новым условиям, задачам, требованиям, изменять содержание учебного материала в соответствии с возможностями и творческими способностями детей.

Такая комплексная подготовка в обобщенном виде показывает не просто деятельностное состояние учителя, но и связанную с ним сформированность личностных качеств, проявляемых в этой деятельности.

Таким образом, педагогический потенциал внеурочной работы способствует духовно-нравственному развитию и воспитанию детей, а также достижению личностных результатов. Планирование воспитательной работы во внеурочное время сегодня требует от учителя осмысленного системного подхода, целостного видения данного педагогического процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Планируемые результаты начального общего образования / под ред. Г.С. Ковалевой, О.Б. Логиновой. М., 2010.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2010.
3. *Григорьев Д.В*. Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор: пособие для учителя. М., 2010.

УДК 378. 046.4

Смирнов Алексей Владимирович

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и делового перевода Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
тел.: (911) 849-75-05

Smirnov Alexey Vladimirovich

PhD in Philology, Head of the Department of Foreign Languages and Business Translation of Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
tel.: (911) 849-75-05

АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ACMEOLOGICAL STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF UNINTERRUPTED LINGUISTIC EDUCATION OF ADULTS IN THE RESEARCH UNIVERSITY

Данная статья посвящена акмеологической стратегии развития лингвообразовательной системы кафедры, повышению его качества, формированию языковой личности.

The article is devoted to the acmeological strategy for the development of linguo-educational system of the department, its quality improvement, the linguistic personality formation.

Ключевые слова: **акмеологическая стратегия, непрерывное лингвистическое образование, лингвообразовательная система, образование взрослых.**

Key words: **acmeological strategy, uninterrupted linguistic education, linguo-educational system, adult education.**

Современное образование, высшее и непрерывное, развивается в новой культурно-исторической обстановке, в новой социальной ситуации развития человека, общества и цивилизации начала XXI в., имеющей ряд особенностей:

- информатизация жизни общества привела к избытку информации, когда образование перестало быть основным источником знаний о мире;
- ориентация на материальные ценности усилила прагматическую направленность мышления и сознания молодежи, оценку информации с позиций критерия ее полезности для жизни;
- техническая оснащенность быта способствовала повышению технической грамотности молодого поколения на бытовом уровне и созданию нового содержания массовой культуры общества;
- информатизация, технизация, прагматизм стали общими тенденциями развития человеческого сообщества, его глобализации и интеграции в единое культурно-образовательное пространство с новой генерацией молодежи;
- одновременно стал развиваться системный кризис мироустройства на основе неолиберального идеала человека и общества, что привело, с одной стороны, к утрате социальных ценностей и смыслов жизни у молодежи, а с другой стороны, к росту потребности в пассионарных слоях общества, имеющих высокую мотивацию инновационного поведения, стремление к самосовершенствованию, к использованию своих возможностей, своего творческого потенциала личности в инновационном развитии общества [3].

Противоречивые тенденции современного культурно-исторического и социально-экономического развития человеческого общества обостряют социально-педагогическую значимость акмеологических целей и ценностей в развитии человека и образования: творчество, духовность, профессионализм, здоровье, зрелость и т.п. Ценностно-смысловая ориентация образования на акмеологические ценности направлена на развитие внутренних ресурсов личности, ее фундаментальных основ, универсальных для успешной жизнедеятельности в любых социальных условиях.

Принцип акмеологической ориентации особенно актуален для непрерывного образования взрослых, которые осознают себя самостоятельной и самоуправляемой личностью, обладающей запасом витагенного, профессионального и социального опыта и стремлением с помощью образования решить жизненно важные проблемы и достичь конкретных целей [2, с. 78]. Взрослые являются самостоятельными субъектами образовательной деятельности с высокой мотивацией достижений, что предполагает создание в образовательном процессе акмеологических условий, способствующих саморазвитию обучающихся. Создание таких условий возможно путем проектирования и реализации акмеологической стратегии развития непрерывного лингвистического образования взрослых.

Понятие «стратегия» (греч. strategia) трактуется в различных источниках неоднозначно. В

военном деле стратегия понимается как искусство ведения войны, искусство полководца, в контексте с определениями: победоносная стратегия, стратегия упреждающего удара, стратегия освободительного движения (Большой словарь иностранных слов, толковый словарь иностранных слов). В этих же источниках приводится переносный смысл термина «стратегия» как искусство руководить действиями какого-либо коллектива для достижения общих, главных целей в борьбе с противником, искусство руководства общественной и политической борьбой. В данных определениях ключевыми признаками стратегии являются: искусство, руководство, цель, борьба.

Стратегию можно понимать и как общий, не детализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели; способ действий, связанный с эффективным использованием наличных ресурсов для достижеия основной цели; некий замысел, общий план действий; в широком смысле слова стратегия – это комплекс интеллектуальных усилий и решений, которые позволяют оптимизировать переход из настоящего в желаемое будущее; это выбор оптимальной дороги, которая состоит из решений и действий, помогающих экономить время, силы и ресурсы; искусство находить наилучшее из возможного; стратегию может создать только стратег, способный к стратегическому мышлению.

Ключевые слова в данных определениях: план, длительный период времени, достижение цели, эффективное использование ресурсов, оптимизация перехода от настоящего к будущему, интеллектуальные усилия, решения и действия. Очевидна связь этих признаков стратегии с управлением, с теорией и практикой менеджмента, в котором рассматриваются такие вопросы, как стратегическое планирование и проектирование, стратегическое управление, стратегия организации в связи с решением, прежде всего, экономических задач.

Таким образом, стратегию можно определить как обобщенный способ решения управленческих задач, теоретических и практических, ориентированных на долгосрочную перспективу. В менеджменте организации различаются корпоративная (базовая) стратегия, стратегия подразделений и функциональная стратегия, представляющая программу развития какой-то функциональной сферы организации. Формирование стратегии организации осуществляется по определенному сценарию, который представляет собой логическую последовательность действий, начиная с определения стратегических целей и включая все функции менеджмента (планирование, организация, регулирование, контроль).

С позиций повышения качества управления образованием существенную роль могут сыграть новые стратегии управления и развития образовательных систем в структуре вуза. К таким стратегиям относится акмеологическая стратегия развития непрерывного лингвистического образования взрослых в структуре исследовательского университета, ориентированная на принципы фундаментализации, акмеологической ориентации, системности и саморазвития обучающихся. Основу акмеологической стратегии развития составляет акмеология, которую отличает фундаментальность, интегративный характер и гуманистическая направленность [1, с. 48].

Развитие непрерывного лингвистического образования взрослых исследуется в рамках кафедрально-педагогической системы, создаваемой на базе структурного подразделения исследовательского университета – кафедры иностранных языков и делового перевода, работающей в системе дополнительного профессионального образования. Следовательно, должны решаться задачи разработки стратегии подразделения и функциональной стратегии, представляющих генеральную программу развития непрерывного лингвистического образования взрослых как определенной функциональной сферы деятельности университета.

Само понятие «стратегия» А.А. Деркач относит к акмеологическим понятиям, характеризующим изменяющуюся систему [1, с. 56], ее инновационное развитие на основе акмеологического подхода. Акмеологический подход автор определяет как систему принципов, приемов и методов, позволяющих решать акмеологические проблемы и задачи [1, с. 36]. В данной логике стратегию, которая формируется и осуществляется на практике, на основе акмеологического подхода, можно назвать акмеологической стратегией.

Акмеологические стратегии развития понимаются как стратегии использования акмеологических ресурсов в повышении продуктивности профессионального становления и развития кадров управления с опорой на психолого-акмеологический потенциал личности. Отмечено, что главное психологическое качество руководителя – это умение перспективно мыслить. В формировании индивидуальных стратегий управления особую роль играют особенности организационной среды и собственные личностно-профессиональные и индивидуально-психологические особенности руководителя. Это касается и руководителя структурного подразделения университета – кафедры.

Акмеологическая стратегия управления понимается как система перспективных акмеологи-

ческих задач развития личности и средство стратегического управления инновационным развитием системы образования. Понятия «управление» и «развитие» взаимосвязаны. Развитие выступает как цель и объект управления, как результат взаимодействия управления и саморазвития. Развитие – это процесс поэтапных качественных изменений и результаты каждого этапа развития вносят коррективы, тактические и операционные, в первоначальную программу стратегического управления образовательной системой. Развитие, его уровень, результаты, качество являются в определенной степени следствием управления, которое, в свою очередь, также является производной величиной от уровня развития образовательной системы, определяющего выбор целей и средств их достижения. В этом смысле проектирование акмеологической стратегии развития непрерывного лингвистического образования взрослых в университете предполагает разработку средств системного управления качеством образования в лингвообразовательной системе. Объектами системного управления становятся все компоненты лингвообразовательной системы (качество цели, качество образовательного процесса, качество результата, качество управления системой, качество самой системы в целом).

Особенность акмеологической стратегии развития состоит в том, что такие объекты управления, как преподаватели и взрослые обучающиеся, являются активными субъектами саморазвития, обладающими мощными внутренними ресурсами самоорганизации и самоуправления. Поэтому акмеологическая стратегия не может быть ориентирована на линейный, нормативный процесс развития, как личности, так и всей лингвообразовательной системы. Она создает лишь ориентировочную основу, определяет общий вектор развития, его тенденции, а процесс развития носит нелинейный, стохастический, поливероятностный характер, присущий синергетическим системам, обладающим высокой степенью свободы ее элементов.

Акмеологическая стратегия развития непрерывного лингвистического образования взрослых в университете представляет собой совокупность средств управления этой взаимосвязью процессов прогрессивного развития лингвообразовательной системы кафедры и языковой личности обучающихся. Проектирование программ развития непрерывного лингвистического образования взрослых с позиций акмеологического подхода и акмеологической стратегии развития можно определить как акмеологическое проектирование.

Общим продуктом акмеологического проектирования является стратегический проект развития непрерывного лингвистического образования взрослых в инновационной кафедральной лингвообразовательной системе.

Таким образом, можно сделать вывод о многофункциональном определении акмеологической стратегии: 1) как системообразующего фактора проектирования инновационного развития непрерывного лингвистического образования взрослых в университете; 2) как целостной, иерархической научно-практической системы перспективных акмеологических целей и задач развития непрерывного лингвистического образования взрослых, системы, включающей следующие компоненты: методологический, теоретико-концептуальный, управленческо-организационный процессуально-педагогический, личностно-деятельностный; 3) как средства стратегического ценностно-мотивационного управления инновационным развитием кафедральной лингвообразовательной системы, ориентированной на акмеологические цели и ценности, на внутренние ресурсы саморазвития обучающихся, на синхронное развитие содержания и технологий проектного обучения и этапов лингвистического и акмеологического развития языковой личности; 4) как исходного интегративного организационно-управленческого условия реализации концепции развития непрерывного лингвистического образования взрослых на основе принципа фундаментализации; 5) как управленческо-педагогической программы деятельности, обеспечивающей создание совокупности акмеолого-педагогических условий развития непрерывного лингвистического образования взрослых в кафедральной лингвообразовательной системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Деркач А.А.* Акмеологические стратегии развития: монография. М., 2006.
2. *Максимова В.Н.* Акмеологический подход в педагогике: монография. СПб, 2007.
3. *Максимова В.Н.* Акмеологический подход к инновационному развитию образовательного учреждения // Вестник Ленинградского областного института развития образования. СПб., 2008. № 2.

УДК 796.0

Стафеева Анастасия Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина
тел.: (915) 941-11-81

Stafeeva Anastasiya Vladimirovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Physical Education Theory of Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
tel.: (915) 941-11-81

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИОННО-КИТАЙСКИХ СИСТЕМ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ФИЗКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ ЗАБАЙКАЛЬЦЕВ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE USE OF TRADITIONAL CHINESE SYSTEMS OF PSYCHOPHYSICAL TRAINING IN SPORTS EDUCATION OF PEOPLE OF TRANSBAIKALIA AS A MEANS OF ADAPTATION TO LIFE ACTIVITY IN EXTREME ENVIRONMENTS

Изучено состояние здоровья молодежи и основные причины его ухудшения на современном этапе в России и Забайкальском крае. Проведен анализ теоретического и практического опыта в области физкультурного образования учащейся молодежи. Рассмотрены особенности традиционно-китайских оздоровительных систем психофизической подготовки их влияние на совершенствование физического статуса человека в экстремальных условиях региона Забайкалья, поддержание его на оптимальной уровне в течение всей жизни.

Ключевые слова: **физическое здоровье, физкультурное образование, физическое совершенствование, восточные оздоровительные системы, психофизическая подготовка, адаптация.**

The state of youth health and the main causes of its deterioration at the current stage in Russia and Trans-Baikal region have been studied. The analysis of theoretical and practical experience in the field of physical education of students has been carried out. The peculiarities of the traditional Chinese health systems of psychophysical training, their impact on the improvement of the physical status of a person in the extreme environment of the region of Transbaikalia, physical status support at an optimum level during the whole life have been considered.

Key words: **health, physical education, physical improvement, Eastern health system, psychophysical training, adaptation.**

Организм человека как система и единое целое живет и взаимодействует со средой, со стороны которой на него влияют различные социальные и экологические факторы. В результате этого взаимодействия устанавливается динамическое равновесие в организме – баланс между комплексом внешних и внутренних факторов. Этот баланс и определяет уровень и состояние здоровья организма [1, с. 2].

В последнее время усилилось неблагоприятное воздействие различных внешних причин, вызывающих тревогу за здоровье молодого поколения Забайкальского края, который исторически испытывает давление негативных факторов. Это, прежде всего экстремальные природно-климатические условия, слабая освоенность и отдаленность региона от промышленно развитых районов страны, труднодоступность большей части территории, бездорожье, нестабильность и отток населения.

Наблюдавшаяся в 1970-1980-х гг. миграция населения Европейской части страны в Забайкальский край в экстремальные климатические условия, усложняющие процессы адаптации новоселов, сменилась обратным процессом оттока пришлого населения. В настоящее время отмечается внутренняя миграция. Природно-климатические условия Забайкальского края имеют большое разнообразие: от северной тундры, вызывающий холодовой стресс с явлениями симпатико-адреналового напряжения, до горной тайги и злаково-разнотравных степей. Кроме того, край находится в зоне вечной мерзлоты. В северных районах Забайкалья, отличающихся рядом природно-географических и экологических факторов, таких как суровый континентальный климат, микроэлементный дисбаланс, добывающие отрасли промышленности, отмечается большое количество заболеваний дыхательной системы, с наследственной отягощенностью на фоне разбалансировки иммунных процессов [2, с. 3]. Особое внимание заслуживают ОРВИ, характеризующиеся воспалительными изменениями гортани и нижележащих отделов дыхательного тракта, требующие проведения экстренной терапии.

Сохранение и укрепление здоровья всех слоев населения является одной из главных стратегических задач нашей страны. Она регламентируется такими правовыми документами, как Закон РФ «Об образовании», «О санитарно-эпидемическом благополучии населения», а также Указом Президента РФ «О неотложных мерах по обеспечения здоровья населения Российской Федерации». В национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» были определены ос-

новные направления развития общего образования, одним из которых является «Сохранение и укрепление здоровья школьников». В данной инициативе ставится задача сохранения, укрепления физического, психического здоровья детей и молодежи. Кроме того, должен быть осуществлен переход от обязательных для всех мероприятий к индивидуальным программам развития здоровья подрастающего поколения [3].

В последние десятилетия неизмеримо выросла значимость физической культуры в жизни подрастающего поколения. Это связано с тем, что резко сократилась доля двигательной активности школьников и студенческой молодежи за счет информатизации и компьютеризации не только образовательного процесса, но и досуга, усилилось воздействие на организм неблагоприятных факторов – загрязнения окружающей среды, нерационального питания, различных стрессов, что отрицательно влияет на здоровье. Поэтому уже давно стоит вопрос о профилактике различных заболеваний, в том числе и при помощи физических упражнений. Тренировки активизируют физиологические процессы и способствуют обеспечению восстановления нарушенных функций у человека. Поэтому физические упражнения являются средством неспецифической профилактики ряда функциональных расстройств и заболеваний. Физические упражнения воздействуют на все группы мышц, суставы, связки, которые делаются крепкими, увеличивается объем мышц, их эластичность, сила и скорость сокращения. Усиленная мышечная деятельность вынуждает работать с дополнительной нагрузкой сердце, легкие и другие органы и системы нашего организма, тем самым повышая функциональные возможности человека, его сопротивляемость неблагоприятным воздействиям внешней среды. Существует тесная связь дыхания с мышечной деятельностью. Таким образом, под влиянием физических упражнений совершенствуется строение и деятельность всех органов и систем человека, повышается работоспособность, укрепляется здоровье.

Значительную роль в приобщении к систематическим занятиям физической культурой и спортом играют образовательные учреждения. Активная работа ученых и управленцев по совершенствованию физического воспитания школьников, студенческой молодежи развернувшаяся в последние годы, способствовала проявлению новых концепций и программ физического воспитания, прогрессивная направленность которых не вызывает сомнений. Принципиальным их достижением является отказ от унитарных подходов к физическому воспитанию, создание возможности выбора педагогическими коллективами собственных путей в реализации подходов, рекомендованных той или иной программой по физическому воспитанию.

Однако, реализация этих подходов, сдерживается тем, что до сих пор не найдено форм организации физического воспитания, адекватных новым требованиям к его общесоциальной и личностной эффективности. Современное традиционное дошкольное, школьное и вузовское образование в области физического воспитания характеризуется недостаточной изученностью многогранного процесса роста и развития детей школьного возраста. Практически не учитываются современные достижения физиологии развития организма, в том числе конституциональные, генетически предопределенные факторы, являющиеся факторами риска, которые следует учитывать в конкретных социальных, климатических, географических и экологических условиях [4, с. 3]

Анализ теоретического и практического опыта в области физического совершенствования школьников, позволил выявить ряд концептуальных подходов к физкультурному образованию учащихся, апробированных за период последнего десятилетия, таких как, базово-вариативный, образовательный, тренировочный, оздоровительный, спортивно-видовой, и др. (В.К. Бальсевич и др.1988; В.И. Лях, Г.Б. Мейксон, Л.Б. Кофман, 1996; Е.Н. Литвинов и др. 1996; Л.И. Пензулаева, 2000; А.Л. Матвеев, 1997; В.И. Лях, Л.Е. Любомирский, Г.Б. Мейксон, 2000 и др.).

Нельзя не согласиться с тем, что такое разнообразие подходов вносит значительные позитивные изменения в учебно-методическое обеспечение физкультурного образования учащейся молодежи, но в тоже время, не в полной мере решает актуальные проблемы физического воспитания, в частности определение эффективности применяемых методик воспитания физических качеств. По мнению В.П. Лукъяненко [5], необходимо констатировать тот факт, что на протяжении многих десятилетий в основе попыток решения проблемы школьной физической культуры лежала неверная ориентация в практике, состоящая в том, что исправить состояние дел в физическом воспитании молодежи можно простым увеличением двигательной активности на учебных занятиях по физической культуре. Она ориентировала на внедрение экстенсивных технологий, где во главу угла ставились вопросы увеличения общего объема и интенсивности нагрузок, повышения моторной плотности занятий. При этом явно недостаточно внимания уделялось повышению целенаправленности воздействий.

Учебные программы по физическому воспитанию, в основном, ориентированные на централь-

ную полосу России, на различных ступенях образования, предлагают освоение основ знаний, формирование основных двигательных действий и развитие физических качеств, средствами подвижных и спортивных игр, гимнастики, плавания, лыжной подготовки и др. В образовательных учреждениях Забайкальского края в связи с социально-экономическими условиями, отсутствием бассейнов, а также малым количеством учебных дней, температурный режим которых, позволяет заниматься физической культурой на улице, реализуется лишь 30% предлагаемых программами средств физической культуры. А, используемые средства не способствуют повышению функциональных возможностей организма, адаптации к условиям среды и не формируют у учащейся молодежи способности к физическому саморазвитию и способности к мыслеобразному сопровождению физической нагрузки.

Явное противоречие между общественно-государственной потребностью в формировании здорового поколения и современными условиями труда и жизни указывает на необходимость переориентации системы образования на сохранение и укрепление здоровья, установки на здоровый образ жизни молодежи. Однако в образовательной среде, как у педагогов, так и учащихся особенно выражены тенденции ухудшения здоровья, психического и социального неблагополучия. Социальная природа человека предполагает, что он стремится к включению в социум для развития, самовыражения и обеспечения защиты своих жизненных ценностей. Для этого, прежде всего, целесообразна направленность социального воспитания и обучения на сохранение здоровья, формирование у школьников системы ценностей культуры здоровья, особенностей ведения здорового образа жизни в целях активной и продолжительной жизнедеятельности.

Названные противоречия служат основой в принципиально новом подходе в модернизации физкультурного образования в Забайкальском крае, основанном на применении средств восточных оздоровительных систем (традиционно – китайских) в сочетании с традиционной двигательной активностью, направленной на совершенствование физического статуса молодежи и поддержание его на оптимальной уровне в течение всей жизни, развитие интеллекта, вскрытие резервных возможностей тела и психики.

Проблема изучения китайских оздоровительных систем имеет несомненную актуальность, так как она связана с вопросами сохранения здоровья, как отдельного человека, так и населения Земли в целом. В XX и первой половине XXI в. возросла степень антропогенного воздействия человека на природу, что негативно повлияло на экологическую ситуацию и на состояние здоровья людей.

Обращение к теме изучения традиционных восточных оздоровительных методик обусловлено еще и тем, что они имеют многовековую историю. В России не одно десятилетие развивается такое направление, как Восточная медицина (такой центр имеется в Чите), создаются отделения восточной медицины в лечебных центрах, где практикуются различные китайские системы оздоровления.

Основными особенностями традиционно-китайских оздоровительных систем являются многонаправленность и многоступенчатость: восточные оздоровительные системы используются для самосовершенствования и саморазвития не только физических, но и духовно-психологических качеств человека, для профилактики и лечения организма. Данные оздоровительные системы позволяют совершенствовать физические возможности и резервы многих систем организма.

Изучению восточных оздоровительных систем сегодня посвящено определенное количество научных трудов отечественных авторов, работающих над проблемами философского, психологического, педагогического характера, рассматривающих вопросы физической культуры, валеологии, медицины, разрабатывающих методики лечебно-восстановительной и оздоровительно-профилактической деятельности. К числу таких авторов следует отнести Н.В. Абаева, В.А. Бутримова, В.Н. Востокова, Б.Р. Голощапова, А.А. Долина, А.А. Маслова, В.М. Смолевского и Б.К. Ивлиева. В работах перечисленных исследователей оздоровительные системы Востока рассматриваются целостно и функционально. Некоторые из них являются не только теоретиками, но и практиками: так, к примеру, доктор исторических наук, профессор РУДН А.А. Маслов является не только крупнейшим востоковедом современности, но и мастером боевого искусства ушу; В.А. Бутримов – врач-рефлексотерапевт, практикующий в своем центре систему цигун.

История изучения восточных оздоровительных систем в российской науке начинается в советский и бурно развивается в постсоветский период. В дореволюционной России интерес к изучению Востока был обусловлен интересом к культуре Китая, Индии и Тибета и религиозным воззрениям людей, населяющих эти страны. Исследование оздоровительных систем в отечественной науке сводится к нескольким аспектам: медицинскому; религиозно-философскому; научно-историческому; физкультурно-оздоровительному. Как правило, эти подходы к исследованию данной проблемы не существуют автономно друг от друга, а имеют общие «точки соприкосновения»: так, исследование спортивных методик ушу связано с изучением философского понятия Ци, его генезиса в истории Китая.

Цигун (дословно – манипулирование «ци») – это вид физической культуры, сочетающий функции лечения и оздоровления, а также включающий особые способы тренировки психики и сознания, связанные с положениями восточной философии. В течение тысячелетий методы цигун служили для укрепления здоровья, защиты от болезней, продления жизни, развития интеллекта.

Существуют три группы определений, объясняющих значение термина: восточная, западная и отечественная. Одно из первых упоминаний «ци» встречается в «Трактате Желтого императора о внутреннем», написанном не позже XIV в. до н.э.: « Для предотвращения заболевания…. Следует пребывать в безмятежности полного покоя. Тогда истинное ци будет послушно двигаться в соответствии с ритмом восьми сочленений, а семя и дух пребудут во внутренних сферах, где им и положено быть». Судя по тексту трактата, под «ци» подразумевается некая субстанция, обеспечивающая жизнедеятельность внутренних органов [6, с. 22].

Китайский врач Ци Линь писал: «С позиции китайской медицины, ци представляет собой одну из форм элементарной материи поддерживающей жизнедеятельность человеческого организма; рождение, рост, зрелость, старость и смерть – это рождение, нарастание, и, в конечном итоге, упадок ци».

Монгольский иглорефлексотерапевт Гаваа Лувсан дал следующее определение «ци»: «Представление о движущей силе вселенной присуще древневосточной философии. В древнекитайской культуре это «ци» – жизненная энергия; в древнеиндийской философии это «прана» – первородное животворное дыхание, основополагающая животворная энергия».

Французский исследователь М. Рубин (Rubin) так представляет ци (прану): «В любом функционирующем организме происходят обменные процессы и вырабатывается энергия, химические и электрические проявления которой нам известны. Древневосточные медики предположили, что часть этой энергии направляется от каждого органа к коже, где циркулирует по строго определенным путям. Меридиан имеет наружный и внутренний путь, соединяющий кожу с внутренним органом, от которого исходит внутренняя энергия». Учитывая принципиальные различия между мышлением древних и современных ученых, между терминологией древнекитайской натурфилософии и современно естествознания, следуя указанным принципам, термин «ци», с одной стороны, связан с психосоматической системой человека или моделью психического отражения человека с другой стороны – это эмпирически замеченное явление полевых взаимодействий, регистрируемое органами чувств, выходящих за рамки слуха, зрения, обоняния, осязания и вкуса.

Моделирование экстремальных условий деятельности для отработки в этих условиях приемов и методов аутогенной тренировки и психической саморегуляции является одним из наиболее перспективных направлений в современных подходах традиционно-китайских оздоровительных систем.

Подобные системы позволяют существенно повысить эффективность адаптации человека к воздействию стрессовых факторов, прежде всего за счет того, что процесс его обучения приемам психофизиологической саморегуляции максимально приближается в этих системах к условиям экстремальной деятельности [7, с. 5].

Имитация факторов неблагоприятной или агрессивной среды, моделируемых в этих системах, способствует формированию у обучаемого более устойчивого и гибкого механизма реагирования на стрессовые ситуации по сравнению с тем, который вырабатывается посредством психорегулирующей тренировки в обычных условиях. Подобные системы позволяют тренирующемуся применять освоенные навыки психологической и соматической регуляции, непосредственно в темпе экстремальной деятельности, вырабатывая в себе, развивая и тренируя способность мгновенно и спонтанно реагировать на изменение внешней среды, мобилизовать и активизировать потенциальные, резервные возможности своего организма в мгновенно возникающих и быстро меняющихся экстремальных ситуациях. Моделирование таких ситуаций способствует также развитию у тренирующегося способностей к творческому мышлению, к выработке нетривиального и адекватного решения внезапно возникающей ситуационной задачи, к разработке и осуществлению наиболее оптимальной программы действий в условиях острого дефицита времени и на основе недостаточной, неопределенной или противоречивой информации.

Таким образом, тренинговые системы, моделирующие экстремальные условия деятельности, могут и должны сыграть важную роль в интенсификации процессов психофизической подготовки человека и в повышении их эффективности, в активизации человеческого фактора и в формировании всесторонне и гармонично развитой личности, максимально полно реализующей свои творческие потенции.

Разработка и внедрение таких систем в настоящее время приобретают особую актуальность в связи с необходимостью дальнейшей интенсификации научно-технического и социального развития нашей страны, обусловливающей неуклонное повышение роли человека в управлении

сложными системами технического, социального и иных типов, предъявляющей все возрастающие требования к его профессиональным и психологическим качествам, к надежности и гибкости его систем жизнеобеспечения, их устойчивости к воздействию стрессовых факторов [8, с. 3].

В условиях непрерывного усиления роли человеческого фактора в интенсификации научно-технического, социального и культурного развития нашей страны особое значение приобретает выработка таких личностных качеств, как психологическая устойчивость, находчивость, нетривиальность реагирования на возникновение нестандартных ситуаций и т.д. Огромные масштабы перестройки и социального обновления, захватывающие все сферы жизнедеятельности нашего общества, обуславливают крупный социальный заказ на создание систем поддержки инсайтной, творческой деятельности в самых разных сферах – изобретательской деятельности, публицистике, художественном творчестве, искусстве управления сложными системами, спортивном единоборстве и др.

В связи с этим, существенный интерес приобретают изучение и внедрение традиционных китайских методов психофизической подготовки в физкультурное образование населения. Механизмы переноса навыков психофизиологической саморегуляции на сложнокоординированную моторную активность непосредственно в условиях экстремальной деятельности были разработаны значительно лучше, чем в системе Шульца, или, скажем, в индийской йоге, на основании которой и создавалась система аутогенной тренировки.

Многое из этого огромного культурно-исторического наследия сохраняет свое практическое значение и в современных условиях для разработки автоматизированных тренинговых систем, моделирующих экстремальные факторы с помощью новейших технических средств. Благоприятной предпосылкой для этого служит то, что в традиционных китайских системах психофизической подготовки, широко применялся сам принцип имитации экстремальных условий для отработки в этих условиях навыков психорегулирующей тренировки, причем довольно часто применялись различные тренажерные устройства (например, приспособления типа «макивара»), иногда сводившиеся в целые тренажерные комплексы (например, в знаменитом «коридоре смерти» Шаолиньского монастыря). Соответственно методы непосредственного воздействия на психосоматическое состояние человека были уже в значительной степени адаптированы к моделируемым условиям тренировочного процесса и включали в себя специальные приемы переноса навыков психорегулирующей тренировки на условия активно-динамической деятельности человека в гуще обыденной мирской жизни, что облегчает разработку современных методик, отвечающим указанным требованиям.

В свете указанных задач особый интерес представляют такие своеобразные традиционно китайские системы психофизической подготовки к экстремальным условиям деятельности, как искусства боевого и спортивного единоборства, входящие в так называемый комплекс у-шу (досл.: «боевое искусство», «военно-прикладные искусства»). Они базировались на активно-динамических методах психофизической подготовки и уделяли большое внимание воссозданию в процессе тренировок условий и ситуаций, максимально приближенных к реальным условиям боевого поединка. Для моделирования таких ситуаций и условий наряду с обычными средствами применялись специально разработанные в этих целях приспособления и устройства, которые могут служить прообразом современных тренажерных устройств. Применявшиеся в этих условиях методики психофизиологической саморегуляции также были специально приспособлены для того, чтобы тренирующийся мог сохранять и поддерживать оптимальное психосоматическое состояние и функциональное равновесие всех систем жизнеобеспечения своего организма как в обычных, так и в экстремальных ситуациях.

Ценность опыта у-шу заключается и в том, что в процессе отработки навыков психической саморегуляции в такого рода частных ситуациях выявлялись некоторые общие закономерности поведения человека в сложных условиях жизнедеятельности и были разработаны приемы и методы общей подготовки к самым разнообразным видам практической деятельности. Наиболее важным результатом тренировок в процессе овладения тем или иным видом у-шу считалось не достижение высшего совершенства в самой технике ведения боевого поединка, как таковой, а достижение совершенства в искусстве управления самим собой, своим эмоционально-психофизиологическим и биоэнергетическим состоянием, всеми возможностями своего организма. Поэтому конкретные виды боевого искусства рассматривались не как самоцель, а лишь как средство или, точнее, как одно из средств, позволяющее овладеть этим искусством, и уровень мастерства в овладении им определялся не приемами боевого единоборства, как таковыми, а гармоничным сочетанием этих приемов с лежащими в их основе методами саморегуляции. Мастерами у-шу применялись эффективные методы совмещения освоенных учениками ранее или осваиваемых, непосредственно в процессе овладения боевыми приемами навыков психофизиологической саморегуляции с моторной активностью тренирующегося, с его двигатель-

ными навыками, т.е. с сугубо физическими (гимнастическими) упражнениями или приемами боевого единоборства. В результате в каждой школе искусства боевого единоборства в процессе длительного развития и совершенствования сложился свой детально разработанный и действенный механизм переноса лежащей в ее основе системы психорегулирующей тренировки на условия сложно координированной деятельности.

В результате анализа научной и методической литературы ученых и управленцев по совершенствованию физического воспитания школьников и студенческой молодежи в различных региональных условиях нам удалось сделать следующие выводы:

– современное традиционное дошкольное, школьное и вузовское образование в области физического воспитания характеризуется недостаточной изученностью многогранного процесса роста и развития молодежи. Практически не учитываются современные достижения физиологии развития организма, в том числе предопределенные факторы, являющиеся факторами риска, которые следует учитывать в конкретных социальных, климатических, географических и экологических условиях региона;

– существует необходимость в принципиально новом подходе в модернизации физкультурного образования в Забайкальском крае, основанном на применении традиционно-китайских оздоровительных систем в сочетании с традиционной двигательной активностью, направленного на сохранение физического и психического здоровья молодежи в экстремальных условиях региона;

– изучение и внедрение традиционных китайских методов психофизической подготовки в физкультурное образование забайкальцев, в основе которых лежат механизмы переноса навыков психофизиологической саморегуляции на сложно координированную моторную активность, непосредственно в условиях экстремальной деятельности (аутогенная тренировка), будет способствовать совершенствованию физического статуса человека в экстремальных условиях региона, поддержание его на оптимальной уровне в течение всей жизни, развития интеллекта, вскрытие резервных возможностей тела и психики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Агоол Е.М.* Модернизация школьного физкультурного образования в республике Тыва на основе учета особенностей физического и моторного развития коренного населения и национально-региональных традиций двигательной активности: автореф. дис. …д-ра. педагог. наук. Малаховка, 2009.
2. *Бишарова Г.И.* Формирование измененной реактивности детского организма в условиях Севера Забайкалья // Роль патологии щитовидной железы в формировании нарушений интеллектуального, соматического и репродуктивного здоровья населения Забайкалья: труды конференции «Актуальные вопросы охраны здоровья детей и подростков Забайкалья». Чита, 2003.
3. *Медведев Д.А.* Национальная инициатива «Наша новая школа». URL: http://mon.gov.ru/dok/akt/6591/ (дата обращения: 07.12.2012).
4. *Глущенко И.А.* Система профильной подготовки старшеклассников к деятельности в области физической культуры: автореферат дис. …канд. педагог. наук. Майкоп, 2007.
5. *Лукьяненко В.П.* Современное состояние и концепция реформирования системы общего образования в области физической культуры: монография. М., 2005.
6. Восточная гимнастика / сост. Г.П. Сидоровкин. Саратов, 2007.
7. *Абаев Н.В., Вечерский М.И., Лепехов С.Ю.* Принципы построения автоматизированной системы тренажа и поддержки деятельности человека в условиях ускорения НТП // Тез. Всесоюз. науч. конф. 15-16 дек. 1987 г. Новосибирск, 1987.
8. *Абаев Н.В., Вечерский М.И.* Принципы моделирования парадоксального диалога в тренинговой системе с элементами искусственного интеллекта // XX науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и матер. М., 1988.

УДК 37. 034

Серикова Лариса Александровна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева
тел.: (8342) 35-34-45

Serikova Larisa Aleksandrovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Mordovian State Teachers' Training Institute named after M.E. Yevsevyev
tel.: (8342) 35-34-45

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье исследована эволюция научных представлений о сущности категорий «духовность», «нравственность». Названные категории рассмотрены как базовые для современного научно-педагогического понимания проблемы духовно-нравственного воспитания личности.

Ключевые слова: **духовность, нравственность, личность, духовно-нравственное воспитание.**

SCIENTIFIC AND HISTORICAL PRECONDITIONS OF STUDYING THE PROBLEM OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF PERSONALITY

In the article the evolution of scientific ideas about the essence of the categories of «spirituality», «morality» is investigated. The mentioned categories are considered as the basic ones for modern scientific and pedagogical understanding of the problem concerning the spiritual and moral education of a personality.

Key words: **spirituality, morality, personality, spiritual and moral education.**

Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств проекта № 2.5.10 Создание Научно-исследовательской лаборатории «Духовно-нравственное воспитание школьников в современном образовательном пространстве» Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева» на 2012-2016 гг. «Педагогические кадры для инновационной России»

Современный этап развития общества, наряду с прогрессом в промышленной и информационной сферах, характеризуется наличием признаков обостряющегося кризиса в нравственном и духовном развитии как социума, в целом, так и каждого из его членов, в отдельности. Осознание данной проблемы происходит на всех уровнях: от политического до личностного и приводит к необходимости активного поиска действенных вариантов ее решения.

В современной педагогической науке и образовательной практике приоритетным и перспективным все чаще признается духовно-нравственное воспитание подрастающих поколений. Признано, что именно реализация целей духовно-нравственного воспитания в будущем позволит плодотворно решать проблемы развития российского общества, включая преодоление духовного кризиса, обеспечение консолидации общества, сохранение единого социокультурного пространства страны, ослабление межнациональной напряженности и решение социальных конфликтов.

При наличии позитивного отношения к духовно-нравственному воспитанию детей со стороны государственных структур (утверждаются законодательные акты, положения, концепции, регламентирующие процесс духовно-нравственного воспитания, поддерживаются проекты и программы, отражающие его цели), потребителей образовательных услуг (родители ратуют за введение курсов духовно-нравственного содержания, дети испытывают интерес и потребность в такого рода информации), педагогов-практиков (признается значение духовно-нравственного воспитания как приоритетного направления воспитательной деятельности), научной общественности (появляется большое число исследований, касающихся различных аспектов духовно-нравственного воспитания детей и молодежи) по-прежнему сохраняется необходимость исследования духовно-нравственного воспитания как целостного феномена, его инвариантных сущностных характеристик и значения в современной социокультурной ситуации.

Обращаясь к изучению сущности духовно-нравственного воспитания, нам представляется необходимым провести анализ категориального аппарата исследования, основными составляющими которого являются «духовность», «нравственность», «духовное воспитание», «нравственное воспитание», «духовно-нравственное воспитание», «духовно-нравственные ценности», «духовно-нравственная сфера личности», «духовный опыт», «духовно-нравственный опыт», «культура», «духовная культура» и др.

Категория «духовность» была и является предметом изучения для исследователей, представляющих различные отрасли знания. При этом анализ общественно-исторических предпосылок становления современного научного понимания данной категории свидетельствует о том, что ее эволюция происходила сложно и напрямую ее содержательные характеристики в разные эпохи зависели от особенностей конкретного исторического этапа, преобладающих мировоззренческих позиций ученых.

Теологическое толкование духовности как меры религиозности связано с периодом, берущим начало в античной философии и заканчивающимся в XVI - XVII вв. В античной философии обозначаются различные подходы к толкованию сущности духовного в человеке (Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур и др.), при этом акцент делается на ее индивидуально-этической стороне. Идея сверхрационального постижения смысла духовности, берет начало в мыслях Плотина и характерна для средневековой философии − учений христианских философов (Августин Аврелий, Фома Аквинский). Именно религиозно-нравственное понимание духовности значительно позднее получил свое развитие в русской религиозной философии.

Философия Эпохи Возрождения характеризуется интересом к познанию внутреннего мира человека, а, следовательно, к духовности. Характерными чертами и основами духовности считаются целеустремленность, воля, величие духа, самостоятельность, самосознание личности (И. Гердер, Т. Кампанелла, Т. Мор, Э. Роттердамский). В эпоху Просвещения чаще всего дух понимался как комбинация ощущений, духовность также понимается рационально, соотносится с идеями совершенствования в духе гражданственности и высоконравственности (Р. Декарт, Б. Спиноза, В. Лейбниц, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель).

Интересен процесс эволюции данной категории в трудах отечественных мыслителей и исследователей, где отражен наиболее глубокий анализ сущности изучаемой категории. Религиозно-этическое понимание духовности находим в трудах предтечей русской философской мысли − Нила Сорского, Феофана Затворника, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина.

Одновременно с развитием просвещения, с конца XVII в. в России укоренялось светское мировоззрение. Оно активно развивалось на протяжении ряда веков и заметно отрывало общество от традиционного религиозно-церковного миросозерцания. Именно в этот период зарождалась и начинала оформляться совокупность философско-религиозных идей о человеке, смысле жизни, целях и путях воспитания, образования и духовного возвышения личности. Так, любомудры и славянофилы опирались на национально-православные идеи, которые предполагали, что духовно-нравственное восхождение начинается с семьи и церкви. Старшие славянофилы – И.В. Киреевский и К.С. Аксаков гуманистический идеал видели в слиянии в единое целое всех духовных сил человека: его нравственной сферы, конкретно-чувственного опыта, абстрактно-рационального мышления и способности к постижению божественных истин.

Со второй половины XIX в. и особенно к началу XX столетия в русской социально-философской мысли резко обозначились полярные подходы к представлениям о человеке: с одной стороны – распространение идей материалистического подхода, с другой, движение «нового религиозного сознания» (в советской литературе оно называлось «богостроительством» или «богоискательством»). Это движение, по словам Н.А. Бердяева (1871-1918 гг.) стремилось вписать историческое традиционное христианство в контекст современной культуры.

В середине, последней трети XIX в. и начале XX в. религиозная мысль России была представлена В.С. Соловьевым и его окружением – братьями Трубецкими, В.В. Розановым, С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, П.А. Флоренским и другими. Этими мыслителями высоко ценилась опора на народность, на особенности национального характера, ими была предпринята попытка выявить воспитательный потенциал православия.

Н.А. Бердяев утверждает необходимость свободы добра и свободы духа, разрабатывает тезис о том, что «завоевание духовности есть главная задача человеческой жизни», ибо духовность – это «богочеловеческое состояние», достижение которого служит «освобождению от власти мировой и социальной среды» [1, с. 52].

По мнению В.В. Зеньковского, свобода в религиозной жизни предполагает движение к свободе духовной, при этом религиозная свобода предполагает определенную стадию развития религиозного сознания и определенный уровень духовной зрелости. По мысли Н.О. Лосского, искание абсолютного добра царства Божьего и смысла жизни приобретает вид стремления к социальной справедливости.

С начала XX в. в России категория «духовность» оказалась вне признанных научных исследований в связи со сменой идеологии и мировоззренческих ориентиров, поскольку в обыденном сознании она неразрывно была связана с религией, верой, православием. При этом известнейшие мыслители XX в. внесли значительный вклад в изучение проблемы духовности М.М. Бахтин, П.С.

Гуревич, И.А. Ильин, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, Л.Н. Столович, А.К. Уледов. Ренессанс понятия произошел в 1980-1990-х гг., когда, по нашему мнению, начался современный этап эволюции изучаемой категории.

Таким образом, обнаружено, что в развитии зарубежной и отечественной научной мысли имеются общественно-исторические предпосылки определения сущности духовности как предмета научных изысканий. При этом не удалось определить единую историческую линию эволюции исследуемой категории, что предопределило современное научное понимание и уровень изученности сущностных характеристик духовности.

Опыт изучения философских, педагогических, психологических источников дает основание утверждать, что в настоящее время в науке нет единства подходов к трактовке ее сущности и содержательных характеристик. Современные исследователи, признавая этот факт, связывают его со сложностью и многоплановостью самого явления духовности (Н.П. Шитякова), множественностью научных концепций и соотнесенностью с индивидуальным человеческим, надындивидуальным и трансцендентным бытием (И.А. Соловцова), различным содержательным наполнением понятия «дух» в религиозных и секулярных воззрениях (Т.Г. Русакова) и др.

Анализ современных взглядов на духовность позволил нам констатировать наличие значительного интереса к исследованию духовности как феномена со стороны философов, педагогов, психологов, социологов, теологов. На современном этапе развития науки имеется большое количество исследований, посвященных изучению различных аспектов духовности, ее взаимосвязи с ключевыми научными категориями и процессами. Для выявления рабочего определения категории «духовность», которое будет отвечать целям исследования духовно-нравственного воспитания личности, обратимся к изучению тенденций научного решения проблемы определения характеристик категории «духовность» на современном этапе развития общества и науки. В процессе проведения исследования нами была составлена обширная терминологическая матрица, отражающая современные подходы к определению сущности. В данной статье мы имеем возможность изложить итоги терминологического анализа категории «духовность». В процессе терминологического анализа нами были выявлены некоторые тенденции, представляющимися нам важными как для процесса эволюции научного понимания духовности так и для современного развития теории духовно-нравственного воспитания.

1. Общественно-исторические предпосылки исследования категории «духовность»:

– в истории науки категория «духовность» во все эпохи вызывала у исследователей значительный интерес;

– первоначально вопросы определения сущности духовности попадали в проблемное поле философии, однако, постепенно в различных областях знания стали проводиться исследования отдельных аспектов и характеристик данной категории;

– эволюция категории «духовность» происходит не линейно, а представляет собой преемственность научных традиций и не детерминирована хронологией их формирования;

– на современном этапе развития науки уделяется серьёзное внимание проблемам духовности, однако в основу исследований положены различные подходы, на основании которых представляется возможным произвести условную классификацию исследований.

2. Проблемы определения сущности категории «духовность» в современной науке:

– в процессе анализа нами отмечено, что исследования имеют различный уровень теоретической рефлексии;

– подходы к определению сущности категории «духовность» чрезвычайно разнообразны и часто зависят от узких целей конкретного исследования, что затрудняет полноценное рациональное понимание данного феномена, сущностных характеристик исследуемой категории;

– большинство используемых в педагогических исследования определений производны от толкований данных в исследованиях философских и психологических;

– категория духовности по своей сути сложна и многоаспектна, с чем и связано разнообразие ее толкований;

– условность классификации исследований особенно очевидна при разбиении их на светские и религиозные: на современном этапе эти группы исследований демонстрируют тенденцию к активному сближению, так в религиозно-этическом направлении исследований имеются векторы решения проблемы, основными средствами для развития которых часть исследователей считает этику, а другая группа − религию (поэтому данное направление исследований фигурирует в терминологической матрице как соотносимое со светским и религиозно-мистическим подходами одновременно).

3. Определение сущности категории «духовность» как основания педагогических исследований:

– признание субъектной позиции человека в становлении собственной духовности как в светской, так и в религиозной традиции;

– научное понимание духовности сопряжено с обращенностью человека к

1) общечеловеческим ценностям и духовной культуре как ориентирам самореализации;

2) высшим ценностным инстанциям конструирования личности;

3) выбору духовности как определенного способа существования индивида;

4) ориентации на принцип саморазвития и самореализации человека; обращения духовность как мера религиозности;

5) определенному психическому состоянию человека в ситуации творчества и экстремальных ситуациях;

6) ориентации на решение смысложизненных проблем;

7) сознательной устремленности к совершенству в процессе культурного развития, в накоплении и реализации духовного опыта;

8) наличию особого качества общественного сознания, представленного как личностным, так и социокультурным аспектами;

9) идее богоподобия, приобщенности к Богу и вере, уверенности в наличии сверхъестественных сил человека.

– категория духовности является базовой для определения сущности таких категорий как «духовное бытие», «духовная жизнь», «духовная культура», «духовный опыт», «духовные ценности», «духовная сфера личности», «духовное воспитание», «духовно-нравственное воспитание» и многих других.

Исходя из терминологического анализа и опираясь на результаты научных исследований духовность мы будем понимать как интегральную характеристику личности, стержнем которой является действенное стремление к построению и гармонизации, на базе высших духовных ценностей, отношений с самим собой и окружающим миром во всех его проявлениях, связанную с обогащением духовного опыта личности. При этом под действенным стремлением к гармонизации отношений с собой и окружающим миром нами понимается желание, готовность и способность к саморазвитию, самосовершенствованию в процессе взаимодействия с материальной и духовной культурой социума, поиска и оценки себя в обществе и мире в целом.

Следует указать что предпосылки для развития духовности как интегральной характеристики личности являются врожденным свойством человека. Исходя из положения В.С. Мухиной о том, что «…применительно к личности ребенка следует говорить лишь о формировании предпосылок, которые на каждой ступени психического развития создают личностные образования, имеющие непреходящее значение, определяющее дальнейшее развитие» [2, с. 52], представляется возможным говорить о духовности как интегральной характеристике (качестве) личности только в том случае, если на определенных этапах возрастного развития происходит становление, воспитание, развитие компонентов духовности как личностного образования.

Для решения задач исследования нам необходимо определиться в понимании таких категорий как «духовно-нравственная сфера личности», «духовно-нравственная культура личности», «духовно-нравственный потенциал», «духовно-нравственный опыт» в связи с чем, обратимся к выявлению характера взаимосвязей между категориями «духовность» и «нравственность», определению оттенков смысла, вкладываемого в характеристику «духовно-нравственное», в отличие от «духовное».

Во многих современных работах проводится сопоставительный анализ категорий «нравственность» и «духовность». Т.И. Петракова отмечает: «Духовность определяется как устремленность личности к избранным целям, ценностная характеристика сознания. Нравственность представляет собой совокупность общих принципов поведения людей по отношению друг к другу и обществу. В сочетании они составляют основу личности, где духовность – вектор ее движения (самовоспитания, самообразования, саморазвития), она является основой нравственности» [3].

«Духовность, на наш взгляд, – качественная характеристика сознания и самосознания личности, отражающая целостность и гармонию ее внутреннего мира, способность выходить за пределы себя и гармонизировать свои отношения с окружающим миром. Она определяется не столько образованностью, широтой и глубиной культурных запросов и интересов, сколько предполагает постоянный и непрекращающийся труд души, осмысление мира и себя в этом мире, стремление к совершенствованию себя, преобразованию пространства собственного внутреннего мира, расширению своего сознания…

…Нравственность рассматривается как индивидуальная форма существования морали об-

щества, как внутренний закон человека, побуждающий его соотносить свои действия и поступки с общественными нормами…» [4, с. 5-6].

«Наша позиция основывается на понимании духовности как показателя существования определенной иерархии ценностей, целей, смыслов, как способности к самоопределению, самореализации, самообразованию и саморазвитию, способности личности на основе этой иерархии создавать свой внутренний мир, благодаря которому реализуется гуманистическая сущность личности, ее свободный нравственный выбор в постоянно меняющихся жизненных ситуациях…

…Нравственность же относится к сфере реального и отражает суть его поступков в реальном опыте жизни семьи, народа, государства. Это сфера нравственной свободы личности, когда общественные и общечеловеческие требования совпадают с внутренними мотивами, побуждающими творить добро» [5, с. 72].

В современной науке также предпринимаются попытки выявления характера взаимосвязей между двумя исследуемыми категориями.

«С категорией духовность соотносится потребность познания − мира, себя, смысла и назначения своей жизни. …Духовность тесно связана с моралью и нравственностью. …Нравственность есть продукт духовного развития личности. Навязывание нравственных ценностей есть насилие над свободой личности, и потому безнравственно» [6, с. 220].

«…Нравственность распространяется на повседневную жизнь, а духовность – на жизнь в ее высшем качестве – бытии человека» [7, с. 10].

Таким образом, современные исследователи считают духовность и нравственность категориями одного смыслового поля и видят различный характер их взаимосвязи, основанный на признании:

– духовности характеристикой ценностно-целевой сферы сознания, нравственности − регулятором социальных отношений;

– духовности − характеристикой сознания, гармонизирующей внутренний мир человека, нравственности − внутренним законом человека, индивидуальной формой морали;

– духовности как показателя ценностной структуры личности, нравственности как совпадения внутренних мотивов с общечеловеческими и социальными ценностями;

– нравственности как продукта духовного развития;

– соотнесенности нравственности и духовности с различными уровнями осознания жизни и мироотношения.

По мнению А. Лихачева, «в наше время, когда говорят о смысловых, идейных исканиях отдельного человека или целого культурного течения, но при этом желают подчеркнуть их автономность от религиозной сферы, термины "духовный" и "нравственный" зачастую соединяют, образуя новое слово: духовно-нравственный. ... Речь в подобных случаях идет все о том же поиске Истины и Смысла, который осуществляется и в религии, но при этом с опорой на интуитивный поиск самого человека, его совести, а не на то или иное религиозное учение или Откровение» [8, с. 6].

Однако, далеко не все современные исследователи согласны с данной точной зрения, так Н.Н. Никитина, говоря о сущности духовно-нравственного воспитания, отмечает, что причины возникновения сочетания «духовно-нравственный» более глубокие. На наш взгляд характеристика «духовно-нравственный» основана в современном понимании на том этапе развития науки, когда произошла активизация научных исканий, связанная с уходом советской идеологии. В связи с этими обстоятельствами в науке начались исследования тех феноменов, которые не подвергались изучению на протяжении семи десятилетий советской власти, поскольку понятия «духовность», «духовный», «духовенство» и др. соотносились в научном и обыденном сознании исключительно со смысловым полем религиозных учений и были под идеологическим запретом [9]. В 1980-1990-е гг. у исследователей появилась возможность говорить о духовной сфере личности, однако ее понимание на этом этапе развития науки далеко не всегда связывалось с религиозным аспектом. Таким образом, в истории современной отечественной науки вновь нашло подтверждение исторически выработанное светское понимание духовности. С другой стороны, в советский период сложились научно-исторические предпосылки, указывающие на наличие феномена, тесно связанного с нравственностью, но характеризующего иной, нежели нравственность, уровень сознания, иначе проявляющийся в поведении личности. Несмотря на идеологические запреты, в советской науке имели место такие понятия как «духовные ценности», содержание которых обосновывалось исключительно со светских позиций. Начиная с 1980-1990-х гг., появилось большое число научных исследований, определяющих сущность философских понятий, психических структур, педагогических процессов, взаимосвязанных с формированием духовности личности и объясняющих механизмы становления духовных ценностей личности. Во многих исследованиях подобного рода под-

черкивалась связь с нравственным аспектом развития личности и общества, тем самым обосновывалась характеристика «духовно-нравственный». Более того, в этот период развития науки были найдены и обоснованы смысловые оттенки, позволившие объяснить необходимость введения характеристики «духовно-нравственный» при наличии характеристик «духовный», «нравственный», «религиозно-нравственный». В период религиозного ренессанса, когда активизировались не только традиционные религии, но и культы, секты, новые религии совершенно логичным стало возникновение характеристик «религиозно-нравственный», «религиозно-безнравственный», что в свою очередь привело к разведению понятий «религиозность» и «духовность». Ни одна из названных характеристик не могла точно определить сущность исследуемых явлений, которые при введении характеристики «духовно-нравственный» стали именоваться «духовно-нравственная сфера личности», «духовно-нравственный потенциал», «духовно-нравственный опыт» и др.

В результате проведенного исследования, исходя из понимания духовности и нравственности характеристика «духовно-нравственный» трактуется как характеристика сферы пересечения духовных и нравственных проявлений личности, в которой не просто происходит взаимное дополнение духовного и нравственного, но и очевидна трансформация, в результате которой определяются пути и средства отражения духовных устремлений личности в реальных условиях жизни, взаимодействия с собой и миром. По нашему мнению, именно тенденции, выявленные в результате терминологического анализа, позволят глубже осознать сущность духовно-нравственного воспитания и наметить оптимальные пути его исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991.
2. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М., 2002.
3. *Петракова Т.И.* Святоотеческое наследие и проблемы духовно- нравственного воспитания учащихся в современной школе // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. М., 1999.
4. *Никитина Н.Н.* Духовно-нравственное воспитание: сущность и проблемы // Педагогика культуры: Научно-просветительский педагогический журнал. Интернет-версия. 2010. URL: http://pedagogika-cultura.narod.ru/private (дата обращения 19. 08. 2012).
5. *Шитякова Н.П.* Теоретико-методологические основы и практика духовно-нравственного воспитания школьников в условиях модернизации образования: монография. Челябинск, 2004.
6. *Павлов В.И.* Проектирование духовно-нравственного развития будущих учителей // Образование и саморазвитие. 2009. № 6.
7. *Соловцова И.А.* Законы духовной жизни человека как основа духовного воспитания // Проблемы духовного воспитания: гуманитарно-целостный подход: материалы круглого стола / под ред. Н.М. Борытко. Волгоград, 2006.
8. *Лихачев А.* Духовно-нравственная жизнь в категориях психологии // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 3.
9. *Сорокина А.Г.* Формирование духовно-нравственной сферы личности школьника в условиях взаимодействия общеобразовательной и воскресной школ // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 4.

УДК 378:577.4(07):33(07): 371.9

Шабалина Анастасия Александровна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Челябинского государственного педагогического университета
тел.: (351) 239-37-33

Shabalina Anastasia Aleksandrovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Chelyabinsk Sate Pedagogical University
tel.: (351) 239-37-33

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ДЕФЕКТОЛОГОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

FUTURE SPEECH PATHOLOGISTS' READINESS FORMATION TO IMPLEMENT ECOLOGICAL AND ECONOMICAL EDUCATION

Исследована эколого-экономическая грамотность младших школьников как промежуточный результат этого вида образования в данный возрастной период. Представлен опыт подготовки будущих дефектологов к осуществлению данного вида образования на факультете коррекционной педагогики ЧГПУ.

Ecological and economic skills of primary school students as an intermediate result of this type of education at the given age have been researched. The experience of training future speech pathologists to implement this type of education at the faculty of Correctional Pedagogy of Chelyabinsk State Pedagogical University is submitted.

Ключевые слова: **эколого-экономическое образование, готовность будущих педагогов, подготовка дефектологов.**

Key words: **ecological and economical education, readiness of future teachers, training of speech pathologists.**

В течение уже нескольких десятилетий одной из главных мировых проблем продолжает оставаться проблема глобального экологического кризиса, создающего угрозу для выживания всего человечества, в связи с чем, очевидна актуальность эколого-экономического образования. Для преодоления этого кризиса сил ограниченного числа специалистов (экологов, политиков, правозащитников и т.п.) недостаточно – необходимо целое поколение людей с особым мировоззрением, обладающих экологической ответственностью. Это формирует потребность общества в подготовке поколения экологически и экономически грамотных людей; обладание экологической ответственностью становится современной государственной нормой образованности. Один из главных способов удовлетворения социальной потребности в экологической ответственности граждан – осуществление эколого-экономического образования всех возрастных и социальных слоев населения.

Эколого-экономическое образование обеспечивает формирование типа мышления и мировоззрения, основанного на понимании неразрывной взаимосвязи человека и природы, взаимозависимости хозяйственно-экономической деятельности человека и ее последствий для природы и условий проживания самого человека. Цель его – формирование нового типа мышления, глобального мировоззрения, осознанного поведения человека в окружающей его среде [1]. Поскольку изменить мировоззрение взрослого человека практически невозможно, то формирование нового, эколого-экономического мышления необходимо начинать на возможно более ранних этапах развития детей – у будущих активных членов общества.

Для формирования основ научного мировоззрения сензитивным периодом считается младший школьный возраст, но и в дошкольном возрасте у детей уже закладываются первоначальные представления о характере взаимоотношений человека с природой, осознается место человека в природе. Однако в государственном образовательном стандарте предмет «Экология» отсутствует не только на данных ступенях образования, но и в старших классах. Поэтому в большинстве образовательных учреждений работа по эколого-экономическому образованию и воспитанию если и ведется, то в рамках национально-регионального или школьного компонентов, и не всегда систематически.

В отсутствие отдельного предмета работу по эколого-экономическому образованию можно включать в преподавание всех предметов начальной школы и занятий ДОУ, наибольшими возможностями для этого обладают следующие: ознакомление с окружающим миром, развитие речи, трудовое обучение, изобразительное искусство. Возможно ведение факультативных курсов. Также большое значение (не только воспитательное, но и познавательное, развивающее) имеют воспитательные мероприятия, построенные на экологическом и экономическом материале вне учебных занятий. Естественно, что такая работа будет иметь большую эффективность при учете возрастных и индивидуальных особенностей детей, правильном выборе форм и методов работы, а также собственной подготовленности и заинтересованности педагогов.

Поэтому автор считает целесообразным и необходимым формирование готовности студентов – будущих дефектологов к осуществлению эколого-экономического образования детей.

В содержание эколого-экономического образования входят знания, составляющие общую область двух видов образования: взаимодействие человека (общества) и природы, условия их взаимосвязи и взаимоотношений. Такое совместное изучение материала способствует целостному восприятию мира, пониманию и осознанию роли и места человека в системе мироздания и характера его деятельности в социоприродной среде.

Основная задача эколого-экономического образования – формирование эколого-экономической грамотности как промежуточного результата этого вида образования, которого можно достичь в отдельный возрастной период, поскольку цель его (как и любого другого вида образования) достигается в течение всей жизни индивида. Так, например, эколого-экономическая грамотность младших школьников – это интегративная характеристика личности, представляющая собой результат интегрированного эколого-экономического образования младших школьников (как начального этапа в целостном интегрированном эколого-экономическом образовании личности), отражающая содержание эколого-экономического образования младших школьников, и включающая в себя эколого-экономические знания, эколого-экономические умения, эмоционально-ценностные отношения, эколого-экономическое содержание деятельности младших школьников [2, с. 9-10]. Эколого-экономическая грамотность отдельных возрастных периодов имеет отличия от данного вида грамотности других возрастных категорий или личности в целом по каждому из четырех ее компонентов.

Согласно традиционной точке зрения в понимании грамотности, знания являются ее основополагающим компонентом, поэтому к эколого-экономическим знаниям относятся: знание основных экологических и экономических понятий; знание идеи единства и взаимодействия человека и природы; знание региональных особенностей (природных, экологических, экономических – в нашем случае – на примере Челябинской области); знание правил и норм грамотного поведения в природе (в т.ч. в экстремальных ситуациях); знания о сохранении и улучшении здоровья человека. Отличием эколого-экономической грамотности младших школьников в компоненте знаний от грамотности личности в целом или других возрастных категорий является их количество и объем.

Если понимать умения как способность человека выполнять какую-либо деятельность в новых для него условиях, приобретенную на основе ранее полученных знаний и навыков, то правомернее говорить об умениях эколого-экономического характера (или содержания), к ним мы относим: умение правильно оценивать состояние среды, свои и чужие поступки в ней; умение решать задачи эколого-экономического содержания; умения грамотного поведения в природе (в т.ч. в экстремальных ситуациях); умения по охране природы (воздуха, воды, почвы, растений, животных); умение улучшать условия жизни с целью сохранения своего здоровья. В компоненте умений младших школьников особенность заключается в содержании этих умений. Так, в умении улучшать условия жизни для сохранения своего здоровья предусматривается умение младших школьников очистить воду для питья в домашних условиях, тогда как требования по умению очистки промышленных стоков им не предъявляются.

Компонент эмоционально-ценностных отношений значим потому, что является элементом подструктуры направленности личности, включающим интерес к проблемам и знаниям эколого-экономического характера; эмоциональную отзывчивость по отношению к природе и поступкам в ней; отношение к объектам живой природы; убеждение в ценности природы: эстетической, познавательной и т.п.; убеждение в ценности здоровья. Так, например, знание ядовитых растений, умение делать гимнастику не будут применяться в деятельности детей без их убеждения в ценности своего здоровья.

Эколого-экономическое содержание деятельности, являясь компонентом эколого-экономической грамотности, подчеркивает практическую направленность грамотности, таким образом, она завершается, реализовывается в деятельности, к которой относятся: потребность в природоохранительной деятельности и ее мотивация; соблюдение правил и норм грамотного поведения в природе (в т.ч. в экстремальных ситуациях); участие в деятельности по охране природы (воздуха, воды, почвы, растений, животных); деятельность по охране своего здоровья.

Для того чтобы грамотно и эффективно формировать перечисленные компоненты эколого-экономической грамотности у детей, будущие педагоги-дефектологи должны быть к этому подготовлены. Что входит в готовность будущих дефектологов к осуществлению эколого-экономического образования детей. Во-первых, это педагогическая готовность (владение психолого-педагогическими знаниями и умениями, необходимыми для осуществления педагогической деятельности). Во-вторых, готов-

ность дефектологическая (знания, умения и желание работать с особыми детьми). В-третьих, высокий уровень эколого-экономической грамотности самих педагогов. В-четвертых, убеждение в необходимости и социальной значимости эколого-экономического образования.

Первый компонент раскрывается предметами общепедагогического блока, второй – специального (дефектологического) блока. Для реализации третьего и последнего компонентов: формирования знаний, умений, отношений, деятельности эколого-экономического характера и убежденности в их необходимости должна проводиться специальная работа, причем не столько преподавателями естественнонаучных дисциплин, сколько социально-гуманитарных. Данная работа осуществляется на факультете коррекционной педагогики ЧГПУ в рамках предметов «Основы экологии» или «Педагогическая экология» (регионально-вузовский компонент разных учебных планов) и на отдельных спецкурсах, например «Сохранение и укрепление здоровья детей в семье» и др.

Таким образом, формируя готовность будущих дефектологов к осуществлению эколого-экономического образования детей, мы выполняем социальный заказ по подготовке поколения людей, обладающих экологической ответственностью, тем самым вносим вклад в предотвращение глобальной экологической катастрофы, в сохранение и укрепление здоровья населения России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Рябинина Н.П.* Эколого-экономическое образование учителя: проблемы и перспективы: монография. Челябинск, 1997.
2. *Шабалина А.А.* Формирование эколого-экономической грамотности младших школьников: автореф. дис…. канд. педагог. наук. Челябинск, 2002.

УДК 37.017:378:373.2

Щербина Анна Ивановна

старший преподаватель кафедры дошкольной педагогики и психологии факультета педагогики, психологии и коммуникативистики Кубанского государственного университета тел.: (861) 232-89-33

Scherbina Anna Ivanovna

Senior Lecturer of the Department of Preschool Pedagogy and Psychology of the Faculty of Psychology, Psychology and Communication Science of Kuban State University tel.: (861) 232-89-33

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

THE FORMATION MODEL OF SPIRITUAL AND MORAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS IN PRESCHOOL INSTITUTIONS IN CONDITIONS OF THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

В статье рассматривается процесс моделирования духовно-нравственной культуры будущих педагогов дошкольных учреждений.

The article considers the modeling process of spiritual and moral culture of future teachers in preschool institutions.

Ключевые слова: **образование, модель, формирование, духовно-нравственная культура, духовно-нравственное воспитание.**

Key words: **education, model, formation, spiritual and moral culture, spiritual and moral education.**

Моделирование широко используется в современной науке, поскольку является оптимальным для исследования сложных многомерных объектов, процессов, явлений. Оно представляет собой метод познавательной и управленческой деятельности, позволяющей с помощью объекта-заменителя системы адекватно и целостно отразить её сущность, важнейшие качества и компоненты [1, с. 67]. С помощью моделирования возможно отвлечение от таких свойств системы, которые выступают как несущественные в данном конкретном отношении.

Прибегая к моделированию, исследователь имеет возможность перейти от аналитического изучения отдельных свойств, форм и процессов к синтетическому познанию целостных систем в контролируемых условиях [2, с. 55]. Г.Г. Матюшин определяет модель как «копию реального объекта, которая воспроизводит определяющие черты, характеристики и свойства, характеризуется выявлением и закреплением сущностных отношений в наглядно воспринимаемых вещественных или знаковых элементов» [3, с. 33]. Предложенная модель предполагает снять противоречия между осознанием значимости духовно-нравственного потенциала вузовской профессиональной подготовки будущих студентов и недостатком технологий, приводящих к ее активизации.

Как одно из ключевых требований работодателей к профессиональной подготовке педагога ДОУ является сформированное у них умение сочетать в процессе профессиональной деятельности признания самоценности дошкольного детства и понимания его как первого этапа становления личности, что требует пересмотра задач профессиональной подготовки будущего воспитателя ДОУ и педагогической работы с детьми.

При построении модели сложных объектов сочетаются признаки нескольких видов и носят, таким образом, комбинированный характер. В своем построении комбинированной модели духовно-нравственной культуры будущего педагога мы исходили из следующих методологических предпосылок: духовно-нравственная культура представляет собой часть профессиональной культуры педагога, и поэтому ее исследование должно опираться на требования, предъявляемые сегодня к профессии – «воспитатель дошкольного учреждения», раскрывающие общую структуру и механизм ее функционирования. Духовно-нравственная культура – это системное образование, включающее в себя ряд компонентов, имеющее собственную структуру (взаимосвязь между компонентами), избирательно взаимодействующее с окружающей средой и обладающее интегративным свойством целого, не сводимого к свойствам отдельных частей; особенности формирования духовно-нравственная культуры обусловлены индивидуально-творческими, психофизиологическими, возрастными характеристиками, сложившимся социально-профессиональным опытом личности. На основе анализа и систематизации полученных материалов мы определили основные модули (блоки) модели: ценностно-мировоззренческий, содержательно-технологический, креативно-творческий, критериально-оценочный. Результатом внедрения модуля будет овладение комплексом принципов, методов, самоорганизационных форм и технологических приемов формирования

духовно-нравственной культуры будущих педагогов дошкольных учреждений.

Раскроем структуру и содержание каждого из модулей, входящих в состав модели.

1. Ценностно-мировоззренческий, нацеленный на формирование духовно-нравственной культуры будущих педагогов как совокупность духовно-нравственных ценностей, созданных человечеством на протяжении веков. Перед человеком, занимающимся педагогическим трудом, постоянно возникают задачи, требующие осмысления, оценки психолого-педагогических явлений, поступков окружающих людей, поиска решений в конкретных ситуациях. Немаловажную роль при этом играют духовно-нравственная активность, избирательность личности, как в оценке, так и в создании тех или иных ценностей. В процессе педагогической деятельности педагоги овладевают идеями и концепциями, приобретают знания и умения, и, в зависимости от степени их приложения в реальной жизни, они оценивают их как более или менее значимые. Имеющие в настоящий момент большую значимость для общества, отдельной педагогической системы или конкретного человека, положительно оцениваемые категории, явления, действия, состояния, факты и выступают в качестве педагогических ценностей. Известно, что ценности не остаются неизменными во времени и пространстве, они переосмысливаются в соответствии с условиями социокультурной жизни.

На этом основании ценности могут рассматриваться в качестве своеобразных жизненных профессиональных ориентиров воспитателей дошкольных учреждений, с которыми они соотносят свою деятельность. Воспитатель становится мастером своего дела, профессионалом по мере того, как он осваивает и развивает педагогическую деятельность, овладевает педагогическим капиталом, признает те или иные педагогические ценности.

2. Содержательно-технологический компонент духовно-нравственной культуры будущих педагогов позволяет раскрыть пути осуществления духовно-нравственной и практической деятельности, способы удовлетворения потребности в педагогическом общении, в получении новой информации, в передаче накопленного опыта, т.е. всего того, что составляет суть духовно-нравственной культуры. Содержательно-технологическая характеристика духовно-нравственной культуры будущих педагогов раскрывается через описание совокупности приемов и способов педагогического воздействия в учебной и внеучебной деятельности (М.М. Левина, Н.Е. Щуркова). Содержание педагогической технологии составляют: педагогическая техника, технология педагогического общения, технология организации и проведения учебных и внеучебных занятий, технология организации и руководства самостоятельной, индивидуальной работой студентов, технология организации их коллективной и индивидуальной познавательной деятельности, а также технология педагогического требования и др. Можно существенно продолжить перечисление ряда педагогических технологий, так как сама педагогическая деятельность по своей природе технологична.

Основываясь на классификации В.И. Загвязинского, основанной на «критерии взаимодействия субъектов образовательного процесса», выделяем следующие формы формирования духовно-нравственной культуры будущих педагогов ДОУ в процессе их профессионального обучения и воспитания: индивидуальную (организация самостоятельной работы студентов и её контроль, индивидуальные консультации в процессе выполнения студентом практических, лабораторных, курсовых работ, дипломных проектов, зачёты, экзамены и т.д.); индивидуально-групповую (ролевые игры, коллоквиумы, научная работа студентов при кафедре, учебно-производственная практика в дошкольных учреждениях и пр.); коллективную (лекции, семинарские занятия, экскурсии, участие в конференциях, диспуты, круглые столы и др.).

Содержательно-технологический блок модели принимает во внимание ряд теоретических соображений: технологии формирования духовно-нравственной культуры будущего педагога включают методики различных элементов анализа конкретных ситуаций, близких жизненному опыту студентов; технология должна вооружить будущего педагога индивидуально-педагогически настолько, чтобы он мог усвоить возрастные проблемы детей дошкольного возраста, особенности, способы диагностики и коррекции их развития в условиях ДОУ. Технология должна способствовать росту духовно-нравственного самосознания студента (самопознание, самоотношение, саморегуляция); технология формирования духовно-нравственной культуры должна строиться так, чтобы каждое новое духовно-нравственное понятие или положение не перестраивало структуры прошлого опыта студента, а использовало бы уже наработанный опыт и ориентировало на ситуации будущего профессионального использования знаний; технология должна способствовать пониманию педагогами потребностей и проблем ребенка (эмпатия). Исходя из этого, мы полагаем, что в технологии должны быть выделены несколько этапов, каждый из которых направлен на формирование духовно-нравственной культуры. Последовательное прохождение всех этапов отражает одну из основных закономерностей использования технологий.

3. Креативно-творческий блок процесса формирования духовно-нравственной культуры предполагает проявление педагогического творчества, усвоение духовно-нравственных ценностей и способов духовно-нравственной деятельности; технология их воплощения в учебно-воспитательном процессе вуза становятся фактором формирования личности студента лишь в условиях творческой, духовно-нравственной деятельности. Для студента, готового овладеть духовно-нравственной культурой, стать мастером педагогического труда, необходимо осознать духовно-нравственную деятельность как творчество. Известно, что «человеческая деятельность условно разделяется на алгоритмическую и творческую» [4, с. 22]. Это также характерно и для духовно-нравственной деятельности в тех случаях, когда алгоритмический способ деятельности не дает искомого результата, начинается творческий процесс.

Творческое решение педагогических задач в каждом конкретном случае определяется тем, как педагог учитывает специфичность духовно-нравственной культуры, ее противоречивость, особенности ее субъекта и объекта. Показателем духовно-нравственной культуры студента является умение прогнозировать духовно-нравственное развитие личности студента. Проявление творческого компонента духовно-нравственной культуры зависит и от готовности самого студента к творческой деятельности, так как их творческое отношение к различным видам деятельности, безусловно, стимулирует творческую активность самого педагога вуза. Сказанное позволяет сделать вывод о педагогическом творчестве как имманентной характеристике духовно-нравственной культуры, направленной на формирование творческой индивидуальности и студента и педагога. Духовно-нравственная деятельность создает определенные условия для творческой самореализации личности студента [5, с. 67].

4. Критериально-оценочный блок включает в себя критерии, показатели и уровни сформированности духовно-нравственной культуры студента.

Выделение уровней связано с проблемой выбора критериев сформированности того или иного личностного образования. Уровневый подход составляет основу исследования любого процесса развития, так как суть последнего заключается в переходе от одного уровня к другому, более сложному и качественно отличному от предыдущего. Уровень определяется как «дискретное, относительно устойчивое, качественно своеобразное состояние материальной системы» [6, с. 65]. На основе компонентов духовно-нравственной культуры будущего педагога нами выделены три уровня духовно-нравственной культуры: базовый, адаптивный и профессиональный. Базовый (низкий) – главной особенностью набора знаний, умений и навыков данного уровня будет возможность применения их практически без изменений в различных видах деятельности, т.е. они носят обобщенный характер; недостаточный педагогический кругозор, владеет элементарным кругом духовно-нравственных понятий, не умеет осознавать связи разных духовно-нравственных категорий; оценка духовно-нравственных явлений поверхностна, недоказательна, иногда ошибочна, не проявляется положительное отношение к духовно-нравственной культуре, стремление к целенаправленному формированию проявляется слабо. Адаптивный (средний) уровень – характерно то, что знания, умения и навыки будут характеризоваться специфичностью, большей сложностью, но вместе с тем ограниченностью области применения. Они будут привязаны к духовно-нравственной деятельности, а при обучении в вузе к дисциплинам, которые формируют ее основы. Многие показатели этого уровня включают в себя как элемент показатели общего (базового) уровня. Именно это дает нам основание считать адаптивный уровень духовно-нравственной культуры более высоким по сравнению с базовым. Студент, обладающий данным уровнем, демонстрирует достаточный кругозор, владеет духовно-нравственными понятиями в пределах учебной программы, осознает значимость духовно-нравственного воспитания, делает попытки оценивания духовно-нравственных явлений, но они носят односторонний характер; чаще копирует духовно-нравственные образцы других, самостоятельные проявления отсутствуют. Профессиональный (высокий): широкий педагогический кругозор, глубокое усвоение духовно-нравственных понятий, осознание духовно-нравственного воспитания, умение творчески проявлять себя в педагогической, духовно-нравственной деятельности; знания, умения и навыки также носят межпредметный характер, они отличаются от базовых степенью сложности, и обусловлены творческим мышлением, гибкостью, возможностью осуществлять анализ и синтез, комбинировать ранее освоенные знания, умения и навыки, принимать решения в нестандартных ситуациях, вести альтернативный поиск средств и способов решения духовно-нравственных, практических задач.

Формирование духовно-нравственной культуры в части её коммуникативно-поведенческого компонента выступает как воспитание позитивного отношения к «другому» и самому себе и умение выстраивать эффективные взаимодействия с окружающей социальной средой.

Духовно-нравственная культура как интегральное качество личности и, как всякое качество, согласно точке зрения В.И. Загвязинского, поддаётся в известной степени целенаправленному формированию. Понятие «формирование» наряду с понятием «духовно-нравственная культура будущего педагога дошкольного учреждения» составляет основу понятийного аппарата, применяемого в нашем исследовании.

Таким образом, разработанная модель формирования духовно-нравственной культуры педагога дошкольного учреждения в вузе предстает в виде целостной, достаточно динамичной педагогической системы (обоснованы цель, этапы, содержательно-технологическое обеспечение процесса, результат, критерии оценки эффективности процесса) и является открытой для постоянного обновления. Модель базируется на представлении о развитии будущего педагога ДОУ как индивидуальности в первую очередь, а затем как специалиста, профессионала с глубоким пониманием социокультурной ситуации в современном обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ивин А.А.* Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8.
2. *Артамонова Е.И.* Философско-педагогические основы развития духовной культуры учителя. М., 2011.
3. *Матюшин Г.Г.* Нравственные отношения. М., 2000.
4. *Скок Г.Б.* Как проанализировать собственную педагогическую деятельность: учеб. пособ. для преподавателей вуза. М., 2010.
5. *Асмолов А.Г.* Психолого-педагогическая поддержка школьного учителя. М., 2010.
6. *Мельникова Л.В.* Толерантность как сберегающий подход в современной культуре: автореф. дис. …канд. филос. наук. Тюмень, 2009.

Политические науки

УДК 324 (477)

Католик Ярослав Богданович

магистр политологии, аспирант кафедры политологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова
тел.: (063) 148-12-82

Katolyk Yaroslav Bogdanovich

Master of Political Science, Postgraduate Student of the Department of Political Science of Odessa National University named after I.I. Mechnikov
tel.: (063) 148-12-82

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА УКРАИНЫ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ

В статье анализируется эффективность механизмов обеспечения легитимности избирательного процесса и его результатов в избирательной системе Украины. Автор рассматривает позитивные и негативные тенденции развития избирательной системы и предлагает ряд рекомендаций для улучшения ее функционирования.

Ключевые слова: **избирательная система, выборы, легитимность избирательных процедур, изменение избирательного законодательства, коллизия правовых норм, легитимность результатов избирательного процесса.**

ELECTORAL SYSTEM OF UKRAINE: ENSURING THE LEGITIMACY OF THE ELECTORAL PROCESS AND ITS RESULTS

The article analyzes the effectiveness of the mechanisms of ensuring the legitimacy of electoral process and its results in the electoral system of Ukraine. The author considers the positive and negative tendencies of the development in the electoral system and offers several recommendations to improve its functioning.

Key words: **electoral system, elections, legitimacy of electoral procedures, change of electoral legislation, collision of principles of law, legitimacy of the results of the election process.**

Наверное, одной из главных характеристик избирательного процесса (а особенно его результатов) в демократических странах является легитимность, то есть восприятие и доверие к нему. Традиционно понятие легитимности понимается как доверие населения. Однако по мнению автора, в сегодняшнем глобализированном мире легитимность избирательных процессов и их результатов состоит из нескольких сегментов: их признания гражданами (или большинством граждан), другими субъектами избирательного процесса, которые принимали участие в избирательной гонке (своеобразное признание соперниками, конечно, насколько оно возможно в сфере политики), а также признания международным сообществом (иностранными наблюдателями).

Так, участники предвыборной гонки должны быть уверены в справедливости установленных «правил игры» (равенстве возможностей донести свою позицию и наличия действенных механизмов защиты своих прав и адекватного наказания нарушителей этих прав), а также честности проведенной борьбы за голоса избирателей. Избиратели же должны быть уверены в наличии и обеспечении их права избирать и быть избранными, а также в честном установлении результатов их голосования. Международные наблюдатели должны убедиться, что государство обеспечило выполнение принятых на себя обязательств по проведению выборов в соответствии с мировыми стандартами. Результатом обеспечения этих условий должно быть убеждение избирателей, что их предпочтения имели решающее влияние на определение победителя, который и будет представлять их интересы, субъекты избирательного процесса должны быть уверены, что победитель честно получил большинство голосов избирателей, а международные наблюдатели – что на всех этапах избирательный процесс был организован на высоком уровне. Конечно, это несколько идеальная модель, однако, по мнению автора, она достаточно четко демонстрирует, на что должны направляться усилия по обеспечению легитимности избирательного процесса и какими должны быть результаты этого обеспечения.

Именно анализу эффективности механизмов обеспечения легитимности избирательных процедур и их результатов в избирательной системе Украины, а также возможным направлениям модернизации этих механизмов и посвящена данная статья.

По мнению автора, легитимность в избирательном процессе может обеспечиваться многими путями – устойчивостью избирательного законодательства, использованием справедливых и прозрачных избирательных процедур, обеспечением эффективной системы наблюдения за ходом избирательного процесса и защиты прав субъектов избирательного процесса, регламентацией порядка использования средств массовой информации, обеспечением возможности эффективного наблюдения за избирательным процессом иностранных наблюдателей и др.

По мнению автора, в избирательной системе Украины недостаточно эффективно обеспечивается легитимность избирательного процесса и его результатов.

Это проявляется в быстрой смене избирательного законодательства, при которой принципиально меняются избирательные процедуры (за все годы независимости выборы в один и тот же орган ни разу не проходили по той же системе, что и в прошлый раз). Необходимо отметить, что изменение избирательного законодательства осуществляется накануне избирательной кампании, хотя согласно международным стандартам проведения выборов, избирательное законодательство не должно меняться минимум год до выборов [1]. Примечательно, что при реформировании избирательного законодательства не проводятся консультации с общественностью, а практика привлечения независимых экспертов является, скорее, исключением из правила, нежели самим правилом. Это вряд ли способствует легитимности инициированных изменений и результатам избирательного процесса.

Не способствует легитимности избирательного процесса также недостаточное обеспечение возможностей для избирателей реализовать активные и пассивные избирательные права. Проблемами реализации активного избирательного права являются: низкое качество списков избирателей, зависимость права голоса от вида выборов (на местных выборах не имеют права голоса военнослужащие срочной службы, граждане Украины, которые проживают за границей или находятся в местах лишения свободы, хотя на парламентских и президентских выборах они могут голосовать), а также тотальное недоверие к участникам избирательной гонки из-за их оторванности от большинства избирателей вследствие особенностей реализации пассивного избирательного права. Проблемой является и то, что постановления ЦИК сужают определенные законами о выборах нормы (на президентских выборах 2010 г. – о внесении изменений в уточненный список избирателей в день голосования, а на парламентских выборах 2012 г. – в возможность изменить адрес голосования лишь в пределах округа [2], что, в свою очередь, избиратели воспринимают как проявление правового нигилизма. С реализацией пассивного избирательного права избирателей также существуют серьезные проблемы. Например, для баллотирования на пост Президента Украины необходимо внести денежный залог в размере 2,5 млн гривен, для баллотирования в Верховную Раду – 13 тыс. 224 гривны (для мажоритарщиков) или 2 млн 204 тыс. гривен (для партий), а для баллотирования в органы местного самоуправления (за исключением сельских и поселковых советов) необходимо быть выдвинутым партийной организацией. Вместе с тем, ограничение пассивного избирательного права гражданина необходимостью внесения большого денежного залога, фактически, ограничивает политические права граждан на основании имущественного ценза, а необходимость баллотироваться от партии имеет признаки нарушений норм Конституции Украины и Кодекса Венецианской комиссии [3]. Подобные нормы неоднократно вызывали критику как украинских, так и зарубежных экспертов, однако ни к каким особым сдвигам это не привело [4]. В результате возможность занять высокую выборную должность простым гражданином, практически, нивелируется, а среди избирателей растет уровень абсентеизма. Конечно, это ставит под угрозу легитимность результатов выборов.

Однозначно не способствует легитимности избирательного процесса и несовершенство правового поля Украины, в результате которого целый ряд нормативно-правых актов, фактически, не действует. Особенно опасно это проявляется во время избирательного процесса, когда избирательные комиссии начинают использовать различные нормативно-правовые акты для регулирования избирательных процессов. В этой ситуации вызывает беспокойство деятельность Центральной избирательной комиссии, которая должна обеспечивать выполнение требований избирательного законодательства, однако систематически принимает постановления, которые в некоторых моментах противоречат закону о выборах (хотя закон имеет высшую силу, нежели постановление).

Сквозной идеей, пронизывающей всю избирательную систему Украины, является норма о предоставлении преференций при формировании избирательных комиссий партиям, которые или сами создали фракцию в парламенте, или в составе избирательного блока (единственное исключение – выборы Президента Украины, когда избирательные комиссии формируются кандидатами). Несмотря на то, что определенная логика в таком подходе есть (партии, имеющие фракцию в парламенте, имеют больше возможностей для качественного и профессионального представительства в избирательных комиссиях), однако эта норма, по своей сути, прямо противоречит принципам избирательного процесса, поскольку не только не обеспечивает равенство всех субъектов избирательного процесса, но и предоставляет определенные преференции некоторым из них. Это не свидетельствует о справедливости процедуры формирования избирательных комиссий и не способствует легитимности избирательного процесса.

Важной проблемой является и недостаточная обеспеченность открытости и прозрачности избирательного процесса. Так, официальные наблюдатели от общественных организаций были приравнены в статусе к официальным наблюдателям кандидатов и партий только Законом «О вы-

борах народных депутатов Украины», на остальных же выборах их права значительно меньше, что не способствует надлежащему уровню наблюдения за избирательным процессом.

Другой проблемой является то, что представителям СМИ избирательным законодательством не предоставлено право на получение протоколов избирательных комиссий. Более того, в законе о местных выборах представителей СМИ нет в перечне тех, кто имеет право присутствовать при повторном подсчете голосов. Избирательное законодательство не позволяет им присутствовать при транспортировке протоколов о подсчете голосов и другой избирательной документации. Этого же права лишены официальные наблюдатели от всеукраинских общественных и международных организаций. Это приводит к значительным проблемам, что позволяет некоторым субъектам избирательного процесса ставить под сомнение легитимность избирательного процесса и их результаты.

Особо следует обратить внимание на нарушение прав представителей СМИ, поскольку они, фактически, являются наблюдателями общества, а потому нарушение их прав воспринимается общественностью как попытка избавиться от нежелательных свидетелей для проведения фальсификаций. Конечно, соответствующие журналистские материалы часто получаются довольно эмоциональными и не всегда объективными, что, в свою очередь, не способствует доверию граждан к результатам выборов. В такой ситуации, по мнению автора, важно предпринять максимум усилий по недопущению нарушений профессиональных прав представителей СМИ. В то же время отсутствие подобной деятельности приводит к значительным проблемам, которые проявляются на каждых выборах. Обращает на себя внимание ситуация, которая сложилась на местных выборах 2010 г., когда значительное количество избирательных комиссий устанавливали для журналистов незаконные ограничения – например, необходимость нахождения на определенном расстоянии от избирательных урн и столов избирательной комиссии, на которых происходило установление результатов волеизъявления избирателей [5]. Соответственно, вследствие этого ограничения их возможность наблюдать за честностью подсчета голосов избирателей и правомерностью отнесения того или иного бюллетеня к соответствующему пакету была значительно нивелирована. Конечно, соответствующие материалы СМИ не повышали легитимность избирательного процесса и его результатов в глазах общественности.

Аналогична проблема и с правом комиссии удалять лиц, которые «препятствуют работе комиссии», вследствие чего подобные решения принимались избирательными комиссиями и в очень сомнительных ситуациях, что, опять же, не способствует легитимности результатов выборов и создает дополнительную напряженность между субъектами избирательного процесса [6].

Еще одним серьезным нарушением закона, которое особенно часто наблюдалось на выборах в местные органы власти 2010 г., был отказ участковых избирательных комиссий предоставить копии протокола о подсчете голосов избирателей официальным наблюдателям, доверенным лицам и представителям партийных организаций, которые являются субъектами избирательного процесса. Это является прямым нарушением требований Закона о выборах и нивелированием одного из основных механизмов противодействия возможным фальсификациям. Естественно, такие действия вызвали серьезные скандалы, о которых участники избирательной гонки максимально широко информировали граждан, что также не способствовало повышению доверия к результатам выборов.

Вместе с тем, интересно, что тенденции изменения избирательного законодательства свидетельствуют об уменьшении возможностей для фальсификаций на уровне закона. Так, в законе о парламентских выборах установлено, что избирательный бюллетень должен содержать номер одномандатного округа и номер избирательного участка. Кроме того, установлено равенство статуса официальных наблюдателей от кандидатов и партий с официальными наблюдателями общественных организаций (в том числе и в судебном обжаловании зафиксированных нарушений избирательного законодательства). Это положительно влияет на легитимность избирательного процесса.

В то же время с возможностью субъектов избирательного процесса обжаловать в судебном порядке решения, действия или бездействие, касающиеся избирательного процесса и добиться эффективной защиты нарушенных прав очень большие проблемы. Наряду с общими проблемами судебной системы Украины довольно часто избирательные комиссии умышленно пользуются этими недостатками. Так, например, на местных выборах 2010 г. избирательные комиссии часто нарушали сроки предоставления протоколов об установлении итогов голосования субъектам избирательного процесса, что затрудняло возможность судебного обжалования результатов выборов вследствие установленного законом о местных выборах двухдневного срока для этого. А на парламентских выборах 2012 г. из-за установленного порядка внесения изменений в уточненный список избирателей (не менее чем за два дня до дня голосования), избиратели не могли включаться в день выборов в уточненные списки избирателей, чтобы проголосовать даже через суд.

Конечно, это вызвало возмущение избирателей и вызывало сомнения в справедливости и легитимности всей избирательной системы. Ведь, фактически, составление списков избирателей является обязанностью государства и государство несет ответственность за обеспечение реализации избирателем своего конституционного права, а потому несовершенство проведенной работы государственных органов по составлению уточненных списков избирателей не должно влечь за собой уменьшение гарантированных государством прав избирателей.

Еще одной существенной проблемой легитимности избирательной системы Украины является отсутствие действенного механизма отзыва избранного лица. Если для отзыва избирателями избранных лиц местного самоуправления прописан механизм (хотя он недейственный и не выполняет свое предназначение), то для отзыва избирателями Президента или народного депутата его не существует. Это, фактически, лишает избирателя возможности нивелировать негативные последствия работы его избранника и не оставляет другого выхода, как просто ждать следующих выборов.

Таким образом, обеспечение легитимности избирательного процесса и его результатов является одним из наиболее важных параметров избирательной системы, которое требует значительных усилий государства.

По мнению автора, легитимность избирательных процессов и их результатов можно рассматривать как многоуровневый процесс: признание избирателями, другими субъектами избирательного процесса и международным сообществом.

Для каждой категории есть свои критерии, по которым происходит суждение о легитимности или нелегитимности избирательного процесса. Вместе с тем, интегральной характеристикой для всех них является убеждение в справедливости и честности «установленных правил игры». Это требует детального анализа установленных процедур и политической воли для действительного обеспечения этих потребностей, поскольку если гражданское общество выражает требование организации избирательного процесса на таком высоком уровне, то его игнорирование может приводить к тяжелым последствиям вследствие кризиса легитимности избранных политических акторов.

Среди факторов, влияющих на легитимность избирательного процесса можно выделить такие как: постоянство избирательного законодательства, справедливость и прозрачность избирательных процедур, действенность системы наблюдения за ходом избирательного процесса и защиты прав субъектов избирательного процесса, возможность отзыва избранных лиц, обеспечение возможности эффективного наблюдения за избирательным процессом иностранным наблюдателям и др.

Особо следует обратить внимание на недостаточном уровне открытости и прозрачности избирательного процесса. Это подрывает легитимность результатов выборов и позволяет многим политическим акторам, которые принимали участие в избирательной гонке, говорить о фальсификации результатов волеизъявления граждан. Результатом всех этих проблем является разочарование граждан в том, что их голос может на что-то повлиять, а это, в свою очередь, приводит к высокому уровню абсентеизма и значительных показателей голосования за «не поддерживаю ни одного ...». Высокий уровень абсентеизма в стране с недостаточно устойчивыми демократическими традициями и низким уровнем гражданского общества, в свою очередь, свидетельствует о невысоком уровне легитимности правящих кругов и заставляет их искать и внедрять механизмы, которые позволили бы им «сохранить лицо» (использование на выборах привлекательных «соперников», которые в действительности являются техническими кандидатами, удаление из избирательного бюллетеня графы «Не поддерживаю ни одного ...» и др.).

По мнению автора, для повышения эффективности механизмов обеспечения легитимности избирательного процесса и его результатов следует отказаться от практики изменения избирательного законодательства незадолго до выборов, а также провести обсуждения с общественностью для выработки приемлемых для всех правил игры и непротиворечивого законодательства.

Автор также считает необходимым больше внимания уделять созданию и активному использованию системы обучения членов избирательных комиссий, поскольку, во многом, по их деятельности будет оцениваться ход избирательного процесса (в этой системе особое внимание следует уделить работе избирательных комиссий с представителями СМИ и международными наблюдателями для предупреждения нарушений их прав). Необходимо провести судебную реформу, которая позволила бы субъектам избирательного законодательства эффективно защищать свои права, а судьям – беспристрастно решать эти споры. Стоит ввести и действенные механизмы отзыва избирателями избранных ими лиц, если они не оправдали доверия избирателей, а субъектам избирательного процесса следует наладить диалог с избирателями для выработки политики, в которой они нуждаются, для уменьшения уровня абсентеизма, который негативно отражается на легитимности избранных политических акторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Свод рекомендуемых норм при проведении выборов // Сайт Европейской комиссии за демократию через право. 2002. URL: http://www.venice.coe.int/docs/2002/CDL-AD%282002%29023rev-rus.asp (дата обращения 23.12.2012).
2. Про забезпечення тимчасової зміни місця голосування виборця без зміни його виборчої адреси: Постановление Центральной избирательной комиссии от 13.09.12 № 893 // Сайт Верховной Рады Украины. URL: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/v0893359-12 (дата обращения 23.12.2012).
3. Конституція України от 28.06.1996 № 254к/96-ВР // Сайт Верховной Рады Украины. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80 (дата обращения 23.12.2012).
4. Еще одни наблюдатели беспокоятся за украинские выборы // Украинская правда: интернет-издание. 12.10.10. URL: http://www.pravda.com.ua/news/2010/10/12/5470936/ (дата обращения 19.11.2012).
5. В 52-м округе на участке в одесской школе № 84 наблюдателей загнали в «гетто» // Избирком: интернет-издание. 31.10.10. URL: http://izbirkom.od.ua/content/view/3039/1/ (дата обращения 23.12.2012).
6. СМИ и выборы: в Одесской области систематически нарушались права журналистов // Избирком: интернет-издание. 23.11.10. URL: http://izbirkom.od.ua/content/view/3173/39/ (дата обращения 23.12.2012).
7. Про вибори депутатів Верховної Ради Автономної Республіки Крим, місцевих рад та сільських, селищних, міських голів: закон Украины от 10.07.10. № 2487-XVII (с изм. и доп.) // Сайт Верховной Рады Украины. URL: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2487-17 (дата обращения 23.12.2012).
8. Про вибори народних депутатів України: закон Украины от 17.11.11. № 4061-VI (с изм. и доп.) // Сайт Верховной Рады Украины. URL: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/4061-17 (дата обращения 23.12.2012).
9. Про вибори Президента України: закон Украины от 05.03.1999. № 474-XIV (с изм. и доп.) // Сайт Верховной Рады Украины. URL: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=474-14 (дата обращения 23.12.2012).
10. Declaration on CRITERIA for Free and Fair Elections // Site of the Inter-Parliamentary Union. 1994. URL: http://www.ipu.org/cnl-e/154-free.htm (дата обращения 23.12.2012).
11. *Католик Я.Б.* Виборча система України в контексті трансформації політичної системи: проблеми та напрямки реформування // Вісник Одеського національного університету. Науки: соціологія і політичні науки. 2011. Т. 16, вып. 10.
12. *Католик Я.Б.* Реформування законодавства про місцеві вибори в розрізі забезпечення дотримання демократичних стандартів виборів // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. Науки: економіка, політологія, історія. 2011. № 9 (134).

УДК 323.2

Лубский Роман Анатольевич

кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России
milena.555@mail.ru

Lubsky Roman Anatolievich

PhD in Philosophy, Associate Professor, Doctoral Candidate of the Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

ЭТАТИЗМ КАК ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

ETATISM AS A PRINCIPLE OF INTERACTION OF THE PERSON AND THE STATE IN RUSSIA

Методологические проблемы научного исследования этатизма обусловлены многообразием рефлексивных форм его интерпретации.

Methodological problems of scientific research on etatism are caused by the variety of reflective forms of its interpretation.

Ключевые слова: **этатизм, государство, научная теория, государственная политика, государственный социализм, неоконсерватизм.**

Key words: **etatism, state, scientific theory, state policy, state socialism, neoconservatism.**

В основе этатизма как принципа и функциональной структуры взаимодействия человека и государства в России находится семья, в которой воспроизводятся установки иерархической зависимости, иждивенчества, потребности в защите, сыновнего уважения к старшим. Патриархальная установка сыновнего уважения к старшим в рамках российской повседневности трансформируется в абсентеизм, способствует отчуждению человека от государства и выражается в осторожном зондировании пределов официальных намерений, в сдержанности чувств как основы личной дисциплины, в убеждении о бесконечной пластичности человека, его способности к любым превращениям [1].

Постепенно установка сыновнего уважения к старшим конвертируется в особую формулу взаимодействия человека с государством: «принимай указания, но не высказывай своего мнения», что позволяет человеку искать безопасность и возможность проявить себя, опираясь более на опыт старших и авторитет тех, с кем он связан родством или требованиями лояльности, чем на попытку определить свою судьбу, вступая в отношения с равными себе [2].

Экстраполяция этих принципов в сферу государственного управления допускает рассмотрение государственной власти в ракурсе семейно-родственных отношений: государство – одна семья, а государь – «отец народа». Подобный стиль взаимодействия между государством и человеком способствует утверждению индивидуальной установки о долге перед государством, интересы которого являются наиболее приоритетными. В конце XIX в. семейно-родственная концепция государственного управления «государство – одна семья», основу которой составляют принципы сопротивления внешней экспансии, уничтожения предателей, а также достижения свободы, независимости и процветания путем общенациональной революции была дополнена двумя важными положениями, позволяющими реализовать данную теорию в рамках исследования специфики этатизма в России [3].

Речь идет о принципах организации государства-нации и о том, что основой ведения государственных дел являются обогащение и усиление государства [4].

Одним из принципов этатизма в России, препятствующим общественному диалогу представителей государственного аппарата с человеком, является дуальный характер их взаимоотношений, который обусловливается, с одной стороны, концентрацией государственной власти в едином центре, наличием системы социальной иерархии, порождающей зависимость, образованием номенклатурной элиты, разрешением социальных конфликтов в пользу государства, а, с другой стороны, формированием оппозиции со стороны населения по отношению к государству и его отчуждением от участия в управлении делами в государстве. Этатизм как базовый принцип взаимодействия государства и человека в России обусловливает специфику данных взаимоотношений в социальном контексте обратных связей, что позволяет некоторым специалистам выделить три основных вектора взаимоотношений государства и индивида: патерналистский или этатистский, индивидуалистский или либеральный и партиципаторный [5].

Патерналистско-этатистский тип взаимоотношений государства и человека, характерный для современной России, предусматривает неразрывное единство общества и государства на основе соответствующих представлений о человеке как о незначительном элементе в механизме

государственного управления и, как следствие, отрицание высшей социальной ценности прав и свобод человека и гражданина в контексте разнообразных форм тотального государственного контроля. Подобный тип взаимоотношений, по мнению некоторых исследователей, «является реальным основанием соединения разнородных национальных традиций и культур. Вследствие этого в России государство выступало не примиряющим, а усмиряющим началом, а подданные – безмолвствующим большинством или бунтарями» [6].

Этатизм как принцип взаимодействия государства и человека в России ориентирует последнего на безусловное подчинение государству или на его ниспровержение, но, ни в коем случае, не на диалог с ним, а с позиции государства – на принятие решений без учета мнения человека, что обусловлено многовековой традицией принятия значимых решений по одной и той же авторитарной технологии: единолично или коллегиально, пренебрегая правовыми предписаниями и не расшифровывая принятые решения или делая это исключительно формально [7].

Индивидуалистско-либеральный тип взаимоотношений человека с государством, характерный для большинства западноевропейских стран, исходит из признания человека в качестве источника любой государственной власти и устанавливает приоритет человеческой личности по отношению к государству. Данный тип взаимоотношений минимизирует государственные функции и ограничивает неуправляемое распространение гражданской воли.

Партиципаторный тип социальных взаимоотношений человека с государством, основанный на абсолютизации государственной функции обеспечения широкого спектра социальных благ в рамках социального учета индивидуальных способностей и возможностей каждого из его представителей, предполагает отсутствие дискретности взаимоотношений человека и государства в ракурсе понимания последнего как института, обеспечивающего наиболее качественные формы существования на основе соблюдения принципов солидарной ответственности, субсидиарности и толерантности [8].

Некоторые отечественные исследователи обращают внимание на специфику этатистских отношений между русским человеком и государством, которые характеризуются политическим отчуждением от политики, политической инертностью, отсутствием механизма правовой реализации взаимоотношений между государством и человеком, правовым нигилизмом, а также сочетания комплексов «верноподданного» и «революционера» [9]. Другие специалисты к числу основных принципов взаимоотношений человека с государством в России относят «этатированность», «политическое нестяжательство» как отсутствие политических интересов и стремления к власти, отказ от власти и «делегирование» ее главному политическому лидеру в связи с тем, что она оказывается не правом, а тяжелым бременем [10].

Взаимоотношения человека и государства в современной России постепенно приобретают условно-консенсусный характер. Это означает, что выполнение человеком обязательств по отношению к государству должно осуществляться лишь при определенных условиях и в рамках минимальной заботы о повседневных потребностях людей, что позволяет рассматривать принципы взаимоотношений государства и человека в России как этатистские, порождающие элементы безразличия к политической власти в контексте неправовых элементов ее легитимации [11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шкурко Н.С.* Социокультурные истоки российского этатизма: дис. … канд. филос. наук. Якутск, 2000.
2. *Кюзаджан Л.С., Сорокина Т.Н.* Влияние традиций на маоизм в оценке зарубежного китаеведения // Китай: традиции и современность. М., 1988.
3. *Белоусов С.Р.* Китайская версия «государственного социализма» // 20 – 40-е гг. XX век. М., 1989.
4. Китайская философия. М., 1994; *Кульпин Э.С.* По поводу концепций китайской цивилизации М. Вебера и К.А. Витфогеля // Восток и мировое обществознание. М., 1991.
5. См.: *Рябев В.В.* К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. Т. 8.
6. *Лубский А.В.* Государственная власть в России // Российская историческая политология. Курс лекций: учеб. пособие / отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д, 1998.
7. См.: *Лубский А.В.* Государственность как матрица российской цивилизации // Гуманитарный ежегодник. 2005. № 4.
8. См.: *Рябев В.В.* К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. Т. 8.
9. См.: *Гудименко Д.В.* Политическая культура России: преемственность эпох // Политические исследования. 1994. № 2.
10. См.: *Марков А.П.* Отечественная культура как предмет культурологии. СПб., 1996.
11. См.: *Тихонова Н.Е.* Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6.

УДК 32.519.2

Пироженко Виталий Борисович

соискатель кафедры социологии, политологии и права ИППК Южного федерального университета infoippk@sfedu.ru

Pirozhenko Vitaly Borisovich

Postgraduate Student of the Department of Sociology, Political Science and Law of the Institute for Retraining and Development of Vocational Competence of Southern Federal University infoippk@sfedu.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ФУНКЦИЙ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

METHODOLOGICAL FOUNDATION FOR THE RESEARCH OF SOCIAL AND LEGAL FUNCTIONS OF E-GOVERNMENT

В статье рассматривается методологический инструментарий исследования проблемы социально-правовых функций электронного правительства в жизнедеятельности общества и человека как средства информационного развития общества на основе концепций электронного правительства.

The article considers the methodological tools for the research of the problems of social and legal functions of e-Government in the life of society and the individual as a means of informational development of the society on the basis of the concepts of e-Government.

Ключевые слова: **электронное правительство, общество, человек, социальная система, системный анализ, парадигма глобализации, концепция виртуальной реальности, концепция конструирования целенаправленных процессов, теории модернизма и постмодернизма.**

Key words: **e-Government, society, person, social system, system analysis, paradigm of globalization, concept of virtual reality, concept of purposeful design processes, theories of modernism and postmodernism.**

Социально-философский анализ проблемы значимости социально-правовых функций электронного правительства в жизнедеятельности общества и человека информационной эпохи предполагает те или иные методологические основания. С нашей точки зрения, первым таким методологическим основанием выступает системный анализ. Необходимо иметь в виду, что информационные системы и технологии начали широко внедряться в последние десятилетия прошлого века, что обусловлено рядом следующих факторов, а именно: во-первых, рост потребностей различного рода компаний, начиная небольшими и кончая транснациональными, в решении проблемы эффективной работы компьютерных сетей и соответственно управления информационными потоками; во-вторых, появление киберкорпораций в условиях глобализации, сетевой революции и функционирования Всемирной паутины WWW, что потребовало расширения возможностей информационных систем и значительно расширило их применение; в-третьих, на смену линейному мышлению начинает приходить многоуровневое системное мышление, позволяющее охватить более глубоко закономерности и связи окружающего мира. Широкое использование информационных систем и технологий привело к важным социальным последствиям в жизнедеятельности общества и образе жизни человека.

Позитивными последствиями применения информационных систем и технологий является ряд преимуществ, а именно: во-первых, компании, фирмы, коммерческие организации и государственные органы приобретают распределенный характер, т.е. они способны функционировать на большом расстоянии, что позволяет им тратить больше времени на работу с клиентами и гражданами, имея новую информацию, что снижает затраты на содержание офисов и рабочих помещений; во-вторых, сотрудники компаний и государственные служащие, находящиеся в разных местах, используя компьютерные сети с высокой пропускной скоростью и автоматизированные системы проектирования, могут заниматься конструированием различного рода социальных процессов и целеустремленных систем того или иного назначения; в-третьих, информационные системы позволяют заменить ручной труд автоматизированными операциями, что значительно облегчает управление электронными процессами и повышает качество обслуживания организаций и индивидов; в-четвертых, информационно-коммуникационные технологии, особенно в их цифровом варианте, обладают гибкостью и способны быстро реагировать на изменения социокультурной ситуации и действия других организаций; в-пятых, информационные технологии и системы таким образом трансформируют управленческие процессы, что они открывают новые возможности в сфере планирования, организации, руководства и контроля. Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что основной платформой использования информационно-коммуникационных технологий выступает Интернет. Он является «становым хребтом» (М. Кастельс) электронного управления бизнесом и государством, что позволяет говорить об электронном бизнесе (е-бизнесе) и электронном

правительстве (е-правительстве). Понятно, что системный анализ является методологическим основанием исследования электронного правительства и его социально-правовых функций.

Второе методологическое основание исследования социально-правовых функций электронного правительства – это концепция конструирования (проектирования) целенаправленных процессов и целеустремленных систем. Научные исследования показывают, что эта методология и методы внешнего проектирования целенаправленных процессов и целенаправленных систем дают возможность обобщить содержательные исследования, в центре внимания которых находятся проблемы количественного изучения качества целеустремленных технических систем и эффективности процессов их целевого функционирования. Сила этой методологии состоит в том, что она позволяет с единой позиции комплексно исследовать эффективность ЦНПФС (целенаправленный процесс функционирования систем) на основе внешнего проектирования.

Методология внешнего проектирования целенаправленных процессов и целеустремленных систем является адекватной проблеме эффективности функционирования социальных, экономических, технических, информационных, военных и иных систем. Теория эффективности целенаправленных процессов как раз-таки подходит в качестве методологического основания для выяснения сути и специфичности функционирования электронного правительства в условиях информационной эпохи.

Действительно, электронное правительство есть система информационно-коммуникационных технологий, его основная задача состоит в проектировании целенаправленных социокультурных, социополитических и социоэкономических процессов в обществе информационной эпохи. Согласно дефиниции, проект представляет собою план (замысел), проектирование – это разработка проекта, из чего следует, что в основе любой целенаправленной деятельности лежит проектирование. Поскольку любая целенаправленная деятельность невозможна для своего осуществления без расхода различных видов ресурсов, в том числе и временного ресурса – самого важного ресурса, то расходы ресурсов в процессе этой деятельности должны быть рациональными по отношению к цели деятельности, а совершаемые при этом усилия должны быть эффективными. Ведь в системном анализе существенную роль играет внутреннее время системы, более точно иерархическая темпоральная ось. Такого рода внутреннее время приобретает еще большую значимость в ходе применения компьютерных моделей функционирования электронного правительства, имитирующих сверхсложный характер социальных систем различного назначения.

Третьим методологическим основанием социально-философского исследования социально-правовых функций электронного правительства является концепция виртуальной реальности. Основной платформой функционирования ИКТ, в том числе применяемых в электронном правительстве, служит Интернет, который сам представляет собою единство действительной и виртуальной реальности. Понятие виртуальной реальности широко вошло практически во все сферы жизнедеятельности социума и человека, оно является результатом произошедшего в XX столетии «компьютерно-телекоммуникационного взрыва». Виртуальная реальность есть кибернетическое пространство, которое дает возможность моделировать самые различные процессы динамичного развития общества и поведения человека, начиная с мультимедийных игр, развивающих стратегическое мышления индивида и заканчивая изощренными операциями в мире финансов. «Исследования в области компьютерного представления в кибернетическом пространстве, – пишет Д.А. Шапиро, – процессов мультисенсорного интерфейса индивидуального пользователя с субъектами и явлениями этого пространства, принятия решений и реализация поведения ведутся с начала текущего десятилетия» [1]. Системы виртуальной реальности дают невиданные ранее возможности модельного исследования объектов различной природы – от процессов, протекающих в галактиках, до глубин психики человека.

Системы виртуальной реальности представляют собою одну из самых перспективных технологий XXI столетия, которая позволяет использовать возможности виртуальных компьютерных технологий. Концепция виртуальной реальности описывает коммуникацию при трансформации потенциальных страт общества, что открывает спектр не только позитивных возможностей, но и рисков, влекущих за собой негативные последствия для социума и индивида. Именно этот двойственный характер социальных последствий применения на практике концепции виртуальной реальности необходимо принимать во внимание при функционировании электронного правительства, основанного на ИКТ, в основе которых лежит Интернет.

Четвертым методологическим основанием социально-философского исследования социально-правовых функций электронного правительства выступает теория общества как самовоспроизводящихся систем коммуникаций Н. Лумана. В отличие от других социологических теорий это теория общества оперирует такими взаимно соотносящимися понятиями, как «смысл, время, событие, элемент, отношение, комплексность, контингентность, действие, коммуникация, система, окружающий мир, мир,

ожидание, структура, процесс, самореференция, закрытость, самоорганизация, аутопойезис, наблюдение, самонаблюдение, описание, самоописание, единство, рефлексия, различие, информация, взаимопроникновение, интеракция, общество, противоречие, конфликт» [2]. Данный набор понятий является по сравнению с понятийным аппаратом других теорий общества более адекватным для описания социальных процессов информационной эпохи с её информационно-коммуникационными технологиями, в том числе и специфики функционирования электронного правительства.

В плане нашего социально-философского исследования существенным является различие между собственно социальными и психическими системами, когда психические системы конституированы на основе единой, самореферентной связи сознания, а социальные системы выстроены на фундаменте единой, самореферентной связи коммуникаций [3]. Здесь речь идет о различении психической системы, которой является человек вместе со своим сознанием, и социальной системы, лишенные сознания, причем эти два типа систем возникли в ходе коэволюции и они не способны существовать без взаимодействия друг с другом. Ведь «системы одного вида есть необходимый окружающий мир систем другого вида», т.е. благодаря их коэволюции они обладают смыслом, выступающим «необходимой, неопровержимой формой их комплексности и самореферентности» [4]. Здесь Н. Луман под понятием комплексности понимает такое взаимосвязанное множество элементов, которое в силу единства системы не могут присоединять к себе любые другие элементы и вместе с тем могут входить в единство на более высоких уровнях генезиса систем. Электронное правительство имеет вполне определенный смысл, который состоит во взаимодействии социальных систем, образующих в своей совокупности общество, и психических систем (человеческих индивидов, личностей). Электронное правительство в таком случае представляет собою информационную систему, объединяющую социальные системы и психические системы в систему более высокой комплексности, что позволяет ей функционировать более рационально и эффективно благодаря расширению диапазона возможностей со всеми его рисками.

Пятое методологическое основание социально-философского исследования социально-правовых функций электронного правительства представляет собою парадигму глобализации. Прежде всего следует иметь в виду многообразие точек зрения на понятие глобализации в современной социально-гуманитарной литературе. Одни исследователи (М. Кастельс и др.) считают, что в фокусе глобализации находится информационная экономика (глобальная экономика). Основная мысль здесь состоит в том, что экономическая глобализация невозможна без использования информационно-коммуникационных технологий, в первую очередь без Всемирной паутины WWW. Другие исследователи (П.Л. Бергер, Э. Бернстейн, Дж. Йетс и др.) придерживаются позиции, согласно которой глобализация характеризует процессы культуры [5]. Понятно, что культурная глобализация неразрывно связана с экономической и социальной глобализацией, образующих вместе ткань общей глобализации. Существенным является то, что глобализация происходит в транснациональном пространстве, которое сопряжено с мировым кибернетическим пространством Интернета, что должно принимать во внимание электронное правительство, выстраивая свою стратегию государственного управления социумом и поведением человека.

Значимость парадигмы глобализации для функционирования электронного правительства той или иной страны состоит в том, что государства имеют различную чувствительность к воздействию глобализации. Обычно выделяется четыре разных типа этого воздействия: «воздействие в сфере принятия решений, институциональное, распределительное (дистрибутивное) и структурное воздействие» [6]. Эти воздействия имеют степень, которая зависит от эффективности принимаемых политических решений правительством, расстановки глобальных сил и обстоятельств, возможностей государств. Следует также принимать во внимание значительный потенциал воздействия технологий «high-hume» на сознание современного человека [7]. Поэтому функционирование электронного правительства в условиях глобализации неэффективно без создания и трансляции смыслов средствами масс-медиа, что способствует развитию государственного управления, социальной философии, культуры корпораций и формированию диалога власти и общества [8]. Понятно, почему правительство ряда развитых стран содействуют использованию населением Интернета.

Шестое методологическое основание социально-философского исследования социально-правовых функций электронного правительства – философские теории модернизма и постмодернизма. Дело в том, что эти философские теории имеют непосредственное отношение к функционированию национального европейского государства, в том числе и электронного правительства. История Запада показывает, что генезис национальных государств обусловлен переходом от традиционных способов производства и потребления к капиталистическому (индустриальному) способу производства, что предполагает коллективное использование технологий, чтобы минимизировать затраты и

максимизировать доходы. Природа этого способа производства такова, что он непрерывно совершенствуется путем развития производственных процессов. Это означает нестабильность экономики индустриальной эпохи, но чтобы нормально функционировать, ей нужна стабильная среда и стимулирующие долгосрочные инвестиции [9]. Все это могло функционировать только на убеждении в наличии определенных объективных фундаментальных законов, лежащих в основе развития мира.

Вполне естественно, что такому функционированию управляющей системы государства соответствовала теория философии модернизма, созданная в XVIII столетии – эпохе просвещения. Ключевыми идеями теории философии модернизма являются следующие её положения: во-первых, человек в своей деятельности преодолевает хаос на основе концепции единого мира с его набором общих принципов; во-вторых, «новые» открытия представляет собою своеобразное отрицание прошлого и отнесение его к наследию истории (история рассматривается как линейный процесс). Понятно, почему в теории философии модернизма был создан единый аппарат универсальных, фундаментальных категорий и законов, описывающих объективный мир, что дает возможность человеку как субъекту деятельности подчинить хаос порядку (космосу), используя концепцию мира как часового механизма. Естественно, что современное централизованное бюрократическое государство возникло благодаря машинной индустрии.

Однако эпоха индустриальной цивилизации теперь сменилась информационной цивилизацией с доминированием новейших технологий, особенно информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей. Такому социуму в определенной степени соответствует теория философии постмодернизма, противоположная по своим принципам теории философии модернизма. Мир в постмодернистской философии с её пестротой подходов фрагментирован, не имеет единства, хаотичен, его невозможно описать как нечто упорядоченное. Постмодернистская философия исходит из плюрализма своих проблемных полей, из разнообразия моделей социальности и субъектности, многообразия концептуальных интерпретаций событий и т.д.

В плане нашего исследования существенным является такой термин (не понятие) постмодернистской философии, как симулякр – «копия несуществующих вещей», так как «фундаментальным свойством в этом контексте выступает его принципиальная несоотносимость с какой бы то ни было реальностью» [10]. С этим положением коррелирует использование современных информационно-коммуникационных технологий, которые благодаря своей виртуальности генерируют симулякры (копии несуществующих вещей, не произошедших событий). Теперь становится понятным, почему постмодернистская философия способна выступать методологическим основанием социально-философского исследования функционирования электронного правительства. Однако необходимо иметь в виду тот момент, что постмодернистская философия, акцентируя внимание на хаосе, отнюдь не отказывается от порядка (космоса) и формы модернизма [11]. Поэтому функционирование электронного правительства вписано в структуру сетевого, электронно-цифрового общества и одновременно оно соотносится с иерархическим строением общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шапиро Д.И.* Человек и виртуальный мир. Когнитивные, креативные и прикладные проблемы. М., 2000.
2. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
3. Там же.
4. Там же.
5. См. *Бергер П.Л.* Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.. 2004.
6. Там же.
7. См. *Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А.* Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000.
8. См. *Дугин Е.Я.* Создание смыслов в электронную эру: Методология и техника новых знаний и образов в массовой коммуникации и PR. М., 2005.
9. *Камминнгс С.* Реконструкция стратегии. Харьков, 2010.
10. См. Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск, 2007.
11. См. *Камминнгс С.* Указ. соч.

УДК 316.346.32-053.6

Сорокин Олег Владимирович

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социологии молодёжи Института социально-политических исследований РАН
тел.: (926) 224-95-81

Sorokin Oleg Vladimirovich

PhD in Sociology, Researcher of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
tel.: (926) 224-95-81

РЕГУЛЯЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

REGULATION OF POLITICAL CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

В данной статье рассмотрены проблемы формирования и регуляции политического сознания молодёжи в современном российском обществе. Проанализирована роль политических партий и молодёжных организаций в данном процессе, выявлены формы взаимодействия молодёжных организаций с политическими партиями. Обосновано доминирование стихийных саморегуляционных процессов в формировании политического сознания молодёжи. На основе проведенного исследования автором выявлена степень влияния политических организаций на процессы саморегуляции сознания молодёжи. Отмечается, что в данном процессе заметную роль оказывают прокремлёвские и национально-патриотические движения, и менее заметное – либеральные.

Ключевые слова: **молодёжь, молодёжное сознание, политическое сознание, формирование сознания, саморегуляция сознания, молодёжные политические движения, политические партии.**

This article describes the problems of formation and regulation of political consciousness of young people in contemporary Russian society. The role of the political parties and youth organizations involved in the process have been analyzed, the forms of cooperation of youth organizations with political parties have been defined. The dominance of natural self-regulation processes in the formation of political consciousness of young people has been substantiated. Based on the research carried out by the author the degree of influence of political organizations on the processes of self-regulation of youth consciousness has been revealed. It is noted that pro-Kremlin national patriotic movements as well as less noticeable liberal movements play an important role in this process.

Key words: **youth, youth consciousness, political consciousness, formation of consciousness, self-regulation of consciousness, youth political movements, political parties.**

Политические партии играют важную роль в процессе формирования политического сознания различных групп общества. По отношению к молодёжи они являются институтами политической социализации, регулирующими этот процесс посредством ценностно-ориентационных и ценностно-нормативных механизмов. Их деятельность направлена не только на продуцирование политических ценностей, традиций, идеалов посредством широкого общественного дискурса, но и на их воспроизводство путем закрепления в сознании своих сторонников.

Молодёжь является важным ресурсом политических партий. Разделяя идеи, пропагандируемые партиями, молодые люди интериоризируют основные культурно-политические ценности и нормы, соотнося их с собственными потребностями и интересами. Если политические идеалы, которые отстаивают та или иная партия, отражают актуальные интересы молодёжных групп в политической сфере, возникает необходимая основа для взаимодействия как двухстороннего процесса. С одной стороны, происходит расширение социальной базы сторонников партии путем привлечения молодёжи. То есть реализуется процесс институционализации деятельности партий в молодёжной среде. С другой – он отражается в их политическом сознании в форме институционально закрепленных ценностно-ориентационных и ценностно-нормативных комплексов.

Участие в деятельности молодёжных политических организаций предполагает формирование идеологического уровня политического сознания у молодого человека. Разделяя политическую программу молодёжной организации, включаясь в конкретные политические действия, связанные с реализацией программных положений, он идентифицирует себя с той частью молодёжи, чьи интересы представляет организация. Идейная сторона идентификаций закрепляется в его политическом сознании в форме идеологических ценностей, политических ориентаций и интересов. Под влиянием идейной направленности организаций у молодых людей, включенных в их деятельность, формируется система ожиданий, связанных с реализацией их политических интересов. Оправданные или неоправданные ожидания лежат в основе представлений о политическом порядке, справедливом государственном устройстве, общественной эффективности политических структур и т.д. Сложившиеся представления, разделяемые большинством, становятся целями конкретной деятельности, которая приобретает организованный характер. Поэтому, молодёжные организации

выступают формами саморегуляции молодёжи в политическом пространстве. Выражая осознанные интересы различных групп молодёжи, они способствуют их самореализации в политической сфере. Таким образом, деятельность молодёжных политических организаций напрямую связана с социокультурными механизмами формирования и регуляции политического сознания молодёжи.

Попадая в сферу влияния политических партий, либо включаясь в активную партийную жизнь, молодые люди выступают объектами и субъектами политической социализации, результатом которой становится формирование политического сознания определенной направленности. В ходе первичной социализации происходит усвоение определённой системы политических ценностей и норм, т.е. формирование ценностно-ориентационного комплекса политического сознания. Вторичная социализация связана с закреплением усвоенных ценностей и норм в сознании, с превращением их в саморегуляционные механизмы. На этой стадии происходит формирование ценностно-нормативного комплекса, политического сознания, определяющего саморегулирование политических отношений на основе не столько внешнего воздействия, сколько самостоятельного выбора. Поэтому институциональная регуляция политического сознания осуществляется как путем непосредственного воздействия на сознание молодёжи, так и опосредованно через формирование дискурсивного пространства определённой идейной направленности.

Так, наметился курс на создание «молодёжных крыльев» партии власти, организованы и действуют прокремлёвские молодёжные движения. В последнее время активизировались протестные и оппозиционные движения, рекрутирующие молодёжь. Однако, несмотря на заметную активизацию деятельности политических институтов в отношении молодёжи говорить об эффективности этих механизмов формирования политического сознания молодёжи было бы преждевременным. Во-первых, сохраняется недоверие со стороны молодёжи к деятельности самих политических партий, во-вторых, из-за сугубо инструментального подхода к политической социализации включенных в этот процесс молодых людей, в-третьих, в силу ограниченного охвата молодёжи.

Исследование, проведенное Отделом социологии молодёжи ИСПИ РАН в рамках проекта «Молодёжь новой России: чем живет и к чему стремиться» [1], позволило выявить степень взаимодействия молодёжных движений с политическими партиями в современной России (табл.).

Таблица

Взаимодействие молодёжных движений
с политическими партиями и государственными структурами [2]

Направленность движений	Формы взаимодействия в %			
	Независимы от политических партий	С родственными партиями, не входя в их структуры	Являются молодёжным крылом партий	Тесно взаимодействуют с гос. структурами
Национально-патриотические	40,0	30,0	27,5	0
Оппозиционные	50,0	33,1	13,2	3,3
Националистические	72,6	27,4	1,7	0
Протестные	71,2	27,1	1,7	0
Прокремлевские	25,4	19,0	30,0	24,0

Как видно из таблицы, большинство движений позиционируют себя как независимые от политических партий и государственных структур, действующие самостоятельно. Каждое третье молодёжное движение национально-патриотической и радикальной направленности допускают сотрудничество лишь с родственными партиями, но без вхождения в их структуры. Исключение составляют прокремлёвские и часть национально-патриотических движений. Около 30% из них входят в структуры партий, являясь их молодёжными крыльями. С государственными структурами сотрудничают в основном прокремлёвские движения (24%) и незначительная часть оппозиционных, правозащитных и экологических движений [3]. То есть четко прослеживается тенденция к самостоятельности большинства молодёжных движений, стремления ограничить свои контакты не только с государственными структурами и политическими партиями, но и с молодёжными организациями другой направленности. В этом проявляется не только стремление молодёжных организаций к независимости, но и, в значительной мере, недоверие политическим партиям. По данным того же исследования, по степени доверия молодёжи различным государственным и общественным структурам, политические партии занимают одно из последних мест. Высказывается мнение об «искусственности» подобных организаций, когда идеологию и содержание их деятельности

определяют политтехнологи, а сами партии не отражают интересы молодёжи [4, 5].

Вместе с тем, процесс имитации многопартийности оказывает влияние на формирование политического сознания молодёжи, способствуя его дифференциации. А попытки объединения молодёжи на основе поддержки официального политического курса и голосование молодёжи за «Единую Россию» не свидетельствует об осознании молодыми людьми провозглашенного курса как соответствующего ее интересам. Сложившееся положение лишь усиливает противоречия в формировании политического сознания молодёжи.

Таким образом, трансформационные процессы в современной России в полной мере отразились на формировании политического сознания молодёжи. Во-первых, наметилась тенденция повышения уровня определенности в его идейной направленности. Несмотря на сохраняющийся плюрализм политических ориентаций в молодёжной среде, прослеживается вектор объединения молодёжи на основе идеи возрождения России, а также на национально-патриотических идеях. При этом сохраняется риск всплеска националистических проявлений в её среде.

Во-вторых, появляются признаки возрождения институциональных механизмов политической социализации молодёжи в лице прокремлевских молодёжных объединений. Однако деятельность этих структур будет эффективной при последовательной и заинтересованной работе по решению конкретных проблем молодёжи. Пока лишь очевиден конъюнктурный и инструментально-технократический подход к созданию таких организаций для использования молодёжи в политических целях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. В статье использованы данные следующих исследований: Всероссийского социологического исследования молодёжных движений, проведенного Отделом социологии молодёжи совместно с Институтом социологии РАН в 2007-2009 гг. среди молодёжи в возрасте 15-29 лет. Объем выборки – 556 участников 49-ти молодёжных движений в 19 регионах РФ. Рук. М.К. Горшков, Ю.А. Зубок; Всероссийского социологического исследования «Отношение к объектам социальной реальности», проведенного Отделом социологии молодёжи в 2011 г. в 13 субъектах РФ. Опрос репрезентирует всё население в возрасте от 18 до 60 лет. Объем выборки 1 301 чел. Выборка молодёжи составила 323 чел.
2. Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008.
3. *Зубок Ю.А.* Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодёжи. М., 2007.
4. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодёжный экстремизм: сущность и особенности // Социс. 2008. № 5.
5. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.

УДК 327

Старкин Сергей Валерьевич

доктор политических наук, доцент, директор научно-исследовательского института глобальных социально-политических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
тел.: (920) 073-17-99

Starkin Sergei Valerievich

Doctor of Politics, Associate Professor, Director of the Research Institute of Global Socio-Political Processes of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
tel.: (920) 073-17-99

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕГИПТА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

THE MAIN TENDENCIES IN EGYPTIAN FOREIGN POLICY: REGIONAL DIMENSION

В статье рассмотрены основные направления внешней политики Египта на современном этапе. Дается краткий анализ основных тенденций развития ситуации на Ближнем Востоке и на основе выявленных закономерностей осуществляется прогноз возможных действий Египта как одного из ключевых региональных акторов.

The article describes the main directions of the foreign policy of Egypt at the present stage. The brief analysis of the major tendencies in the Middle East has been presented and the prediction of the possible actions of Egypt as one of the key regional actors is carried out on the basis of the revealed regularities.

Ключевые слова: **внешняя политика Египта, Израиль, США, движение Хамас, ядерное оружие, Суэцкий канал.**

Key words: **foreign policy of Egypt, Israel, USA, Hamas, nuclear weapons, Suez Canal.**

События 2011-2012 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке привели к дисбалансу политической ситуации в регионе, в связи с чем наметились новые контуры дальнейшей эволюции происходящих процессов, позволяющие осуществлять среднесрочное и долгосрочное прогнозирование. Целью настоящей статьи является рассмотрение основных трендов, связанных с трансформацией внешней политики Египта, осуществляемой на фоне смены политического руководства.

Такие факторы, как активное участие Египта в различных международных процессах, выгодное геополитическое положение, наличие колоссальных людских и природных ресурсов и достаточно мощной армии, делают его важным актором международных отношений. Происходящие в АРЕ процессы способны существенным образом повлиять как на ситуацию в арабском мире, так и в соседних субрегионах, поэтому в устойчивости египетской политической системы заинтересованы многочисленные зарубежные страны, рассматривающие Египет в качестве «несущей конструкции» в системе безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В связи с этим, главной задачей современной египетской внешней политики является утверждение страны в качестве ключевой региональной державы на Ближнем Востоке.

Как справедливо отмечает российский исследователь И. Мохова, после прихода к власти президент Мухаммед Мурси пытается изменить внешнюю политику Египта. Его главной задачей является отход от прежнего, слишком прозападного курса Мубарака, за счет расширения внешнеполитических партнеров. Помимо этого Мурси стремится вернуть Египту голос на региональной и международной арене и действовать более самостоятельно [1].

Традиционно, в региональной политике Египта выделяются пять ключевых направлений: во-первых, вопросы, связанные с распространением оружия массового уничтожения; во-вторых, ситуация вокруг Синайского полуострова; в-третьих, проблема Суэцкого канала и проливов Тирана; в-четвертых, деятельность радикального движения Хамас в секторе Газа и, в-пятых, весь комплекс проблем, касающийся взаимоотношений Египта и Израиля. Смена Египетского руководства и приход к власти правительства во главе с «Братьями мусульманами», как можно предположить, приведет к изменению некоторых акцентов внешней политики Египта.

Анализ имеющихся оригинальных источников и исследование конкретных событий (так называемый метод case-studies), основанные на применении основополагающих законов диалектики в комплексе с историческим и системным подходами позволяет решить поставленные в данной работе задачи. В отношении сюжетов, связанных с проблемой наличия ядерного оружия в регионе, следует высказать следующие соображения. По официальным декларациям Тель-Авива, Израиль разработал ядерное оружие в качестве крайней меры самообороны. Египет неоднократно призывал мировое сообщество принудить Израиль к разоружению или хотя бы к осуществлению надлежащего надзора за его арсеналом [2, с. 150].

В данном контексте ситуация может развиваться по нескольким направлениям [3]. В настоящий

момент сомнительно, что Иран согласится на закрытие своих исследований под давлением со стороны ООН и стран Запада, в особенности США, даже если речь будет идти о применении военной силы или ужесточения режима санкций. Однако если в будущем данная проблема будет решена, Египет сможет использовать создавшуюся ситуацию для того, чтобы вновь поднять этот вопрос и попытаться убедить Израиль отказаться от права иметь ядерное оружие.

Египет приостановил создание своей ядерной программы в 1970-х гг. В январе 2007 г. Хосни Мубарак заявил о возможности страны создать ядерное оружие в ответ на развитие данной сферы в Иране [4, с. 471]. Новое правительство Египта, скорее всего, будет следовать аналогичной политике и приостановит ее, только если Иран прекратит разработку ядерных технологий либо эксплицитно переведет свою ядерную инфраструктуру в мирное русло. При этом следует отметить, что ядерные разработки станут тяжелым бременем для бюджета Египта и могут разрушить экономику, находящуюся в кризисе, что в итоге подорвет доверие к правительству.

Дальнейшее сотрудничество между Египтом и другими арабскими странами, особенно богатыми странами Персидского залива, может привести к созданию «арабской бомбы». Гипотетически арабские государства смогут самостоятельно подойти к созданию ОМП или приобрести его, например, у Пакистана, что спровоцирует виток ядерной гонки на Ближнем Востоке и создаст дополнительную напряженность в отношениях Израиля и Египта, чего США постараются избежать всеми способами.

В контексте другого сценария США могут атаковать Иран или предложить Египту и другим арабским странам защиту в том случае, если Иран освоит технологии разработки ядерного оружия [5]. Однако Египет вместе с другими арабскими странами не готов безоглядно довериться опеке США. Возможно, Египет согласился бы на подобное решение США в обмен на уступку Израиля и принятие им условий инспекционного надзора за ядерной инфраструктурой либо на полный отказ от ядерного оружия. С другой стороны, Египет может заявить, что ядерное оружие Израиля увеличивает шансы на развертывание ядерного конфликта на Ближнем Востоке, который мог бы угрожать и США.

Что же касается ситуации вокруг Синайского полуострова, следует вспомнить, что во время войны в Ираке Сирия помогала повстанцам, позволяя им беспрепятственно пересекать свою границу с Ираком. Египет, поскольку он контролировал Синайский полуостров, мог блокировать поставки оружия и проникновение повстанцев в сектор Газа. Идя вразрез политике Сирии в отношении Ирака, Египет попытался остановить или уменьшить масштабы контрабанды в секторе Газа, но эти попытки были недостаточно решительными.

Египет по результатам заключения мирного договора с Израилем в начале 1980-х гг. вернул себе весь Синайский полуостров, однако на страну были наложены ограничения в плане размещения военной инфраструктуры на полуострове. С тех пор Египет постоянно стремился к снятию этих ограничений, против чего, разумеется, выступал Израиль и о чем было прекрасно осведомлено американское руководство. В связи с этим, задачей организации «Межнациональные силы и наблюдатели», большинство членов которой – американцы, является контроль за соблюдением в Синае условий мирного договора.

В 2011 г. Израиль позволил Египту послать более тысячи солдат и полицейских вместе с военной техникой в Синай для борьбы с террористическими и повстанческими организациями. В данных условиях Египет может заявить, что Синайский полуостров снова должен стать военной базой, как и в 1960-х гг. для защиты Египта и других арабских стран, например, Саудовской Аравии от возможных атак со стороны Ирана.

Подобное развитие ситуации, в свою очередь, сблизит Иран с остальным арабским миром – в том числе, с Египтом и северной частью Саудовской Аравии. Египту в этом случае придется модернизировать свою военную инфраструктуру на Синайском полуострове, в результате чего он превратится в плацдарм, пригодный для развертывания наступления на Израиль. Это будет зафиксировано всеми заинтересованными акторами, включая Иран, который будет приветствовать любое развитие событий, в перспективе способное углубить Египетско-Израильские противоречия.

С точки зрения Израиля, любая попытка Египта изменить нынешний статус-кво на Синайском полуострове будет знаменовать начало серьезного кризиса. США в данном контексте полагают, что предотвратить ухудшения отношений между Израилем и Египтом предпочтительнее, чем позволить Египту превратить полуостров в военную базу.

В июле 2009 г. израильская подводная лодка вместе с новейшим ракетным катером «Саар-5», с разрешения руководства Египта, пересекли Суэцкий канал и вышли из Средиземного в Красное море. Однако эта демонстрация военной мощи, явно адресованная Ирану, носила скорее символический характер, поскольку без достаточной поддержки с земли и воздуха военно-морские силы, в особенности ракетные катера, уязвимы в водах Ирана. Для многих экспертов очевидно, что любая атака Израи-

ля на Иран будет зависеть от активных действий израильских ВВС. Новое правительство Египта намерено запретить впредь израильским военным кораблям заходить в воды Суэцкого канала под предлогом перекрытия каналов поставки вооружений из Ирана в сектор Газа в Судане или Красном море.

Официальная политика Египта запрещает судам, работающим на ядерном топливе, пересекать Суэцкий канал, однако это до последнего времени не относилось к ВМС США. В 1996 году авианосец из Персидского залива был передислоцирован в Тайваньский пролив, а заменивший его прибыл со Средиземного моря [6]. В 2003 г. общественное мнение в Египте негодовало по поводу того, что власти страны содействуют США и позволяют их флоту беспрепятственно передвигаться по Суэцкому каналу [7, с. 567].

Имеются все основания прогнозировать ухудшение отношений США и Египта. Правительство Египта в современных условиях будет пытаться блокировать использование Суэцкого канала американскими ВМС для маневров во время конфликтов на Ближнем Востоке. Не последнюю роль в этом играет активный антиамериканизм в самом Египте. С другой стороны, как указывает американский исследователь Д. Шенкер, следует опасаться того, что США могут принять не только политические, но и военные меры для свободного передвижения своих сил в Суэцком канале, являющимся военно-стратегическим международным маршрутом [8]. В любом случае США перестали рассматривать Египет в качестве надежного регионального союзника, подобно тому как это случилось с Турцией перед войной в Ираке в 2003 г.

Проливы Тирана являются для Израиля стратегическими пунктами, открывающими доступ в Красное море, Восточную Африку и на юг Азии. В 1955 и 1967 гг. Египет закрывал проливы Тирана, что стало одной из причин последовавших военных конфликтов. В случае кризиса в отношениях Израиля и Египта или Израиля и ООП Египет может вновь прибегнуть к блокированию проливов.

Однако, объявив, что закрытие проливов – это шаг только против израильских военных судов, Египет будет стремиться не к открытому конфликту, а к внешнеполитическому лавированию между Израилем, США, общественным мнением внутри страны и за рубежом.

Египетско-Израильское мирное соглашение позволило начать переговоры между Израилем и другими арабскими государствами и стимулировало подписание мирного договора между Израилем и Иорданией в 1994 г. Египет также стал посредником в переговорах между Израилем и ООП. Кроме того, между Египтом и Израилем существует сотрудничество в экономике, в частности, в энергетической сфере. Однако, несмотря на эти положительные флуктуации, напряжение в отношениях между странами остается. Нет никаких оснований сомневаться, что новое египетское правительство продолжит поддерживать палестинцев в их стремлении к созданию независимого государства на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Египет, заручившись поддержкой со стороны США, будет подталкивать руководителей Палестинской автономии и Израиля к продолжению мирных переговоров. Для более адекватного понимания ситуации представляется необходимым рассмотреть непростые взаимоотношения в стратегических треугольниках Египет-ФАТХ-Хамас и Египет-Хамас-Израиль.

До 2007 г. в Египте тренировались солдаты ФАТХ для противодействия бойцам Хамас. После захвата вооруженными формированиями Хамас сектора Газа летом 2007 г., Египет потерял большую часть своего влияния в этой области. Усиление Хамас, в свою очередь, укрепило влияние Ирана в секторе Газа, хотя Хамас и не считает себя сателлитом Ирана в данном регионе. У Хамас и Ирана много общего – исламистская идеология и общий враг – Израиль, однако адептами Хамаса являются сунниты и арабы, в то время как в Иране больше шиитов и персов. Кроме того, Иран не одобряет позицию, которую Хамас занимал по отношению к Сирии во время недавних протестов против режима Б. Асада. Хамас стремится к тому, чтобы его считали законной палестинской партией, а не палестинским вариантом Хезболлы.

У Хамас, в отличие от ФАТХ, нет поддержки со стороны арабских государств, поэтому ему не приходится быть чересчур щепетильным в выборе союзников. В связи с этим, руководству Хамас необходимы связи с Египтом, хотя бы в сфере экономики, поскольку активность движения ограничена в пределах сектора Газа. В апреле 2011 г. Египет добился подписания мирного соглашения между ФАТХ и Хамас. Это соглашение может послужить неким символом, как и мирное соглашение между Египтом и Израилем. Тем не менее, данный шаг также свидетельствует о намерении Хамас принять Египет в качестве официального посредника.

Следует предположить, что в будущем отношения между Египтом и Ираном могут улучшиться, однако соперничество между ними не исчезнет, и не только потому, что в Египте проживают в основном сунниты и арабы, а в Иране – персы и шииты, а потому что обе страны, благодаря многочисленному населению, обширным территориям и историческому наследию бывших империй, считают себя ключевыми региональными акторами. Обе страны активно ищут зоны стратегического влияния и, с

точки зрения Египта, сектор Газа принадлежит ему.

Можно предположить несколько иную вариативность развития событий. В частности, Египет, заручившись поддержкой стратегических союзников – США и Израиля может попытаться ликвидировать или хотя бы редуцировать связи между Ираном и Хамас. Для США и Израиля это был бы оптимальный выход, хотя они предпочли бы, чтобы контроль над сектором Газа установил ФАТХ. США могут надеяться, что со временем руководство ФАТХ можно будет убедить присоединиться к ООП и отказаться от своих террористических методов. Израиль в принципе согласен на переговоры с Хамас, прецедент которых уже был в 2008 г., когда Египет выступил посредником между Израилем и Хамас.

Со времен заключения мирного соглашения с Израилем в 1979 г. Египет постоянно развивал свои стратегические отношения с США, что привело к модернизации сил национальной обороны – по данным 2011 г. Египетская армия насчитывала более 450 000 солдат, около 3 000 танков и 500 боевых самолетов [9].

В конце 1950-х гг. главной проблемой для израильской армии была египетская армия [10, с. 185-191]. С конца 1970-х г. Израиль вкладывал большие средства в оборону, так как он должен был быть готов к ведению боевых действий на нескольких фронтах, но в основном со стороны Сирии. Египту же, наоборот, не приходилось сталкиваться с чем-то подобным. Ливия на западе и Судан на юге не представляли и не представляют серьезную опасность для Египта. Таким образом, главной и единственной задачей для Вооруженных сил Египта была подготовка к очередному противостоянию с Израилем.

В войне 1973 г. Египет продемонстрировал неплохие военных возможности. Его войска активно пошли в наступление, преодолели серьезное препятствие – Суэцкий канал – и смогли противостоять израильским контратакам [11, с. 146]. Однако причиной неудачи для Египта стала неспособность его армии маневрировать в открытой пустыне. С тех пор Египет оптимизировал многие показатели боеспособности своей армии, однако неясно насколько она отточила навыки маневрирования. В случае если Египет решит дислоцировать свои войска на всем Синайском полуострове, это станет важным фактором, который в дальнейшем может определить судьбу полуострова.

В настоящий момент правительство Египта поддерживает мирный договор с Израилем. Египет осознает, что в случае войны с Израилем он не сможет надеяться на поставки боеприпасов и оружия от США, как ранее рассчитывал на поставки из Советского союза. Однако намерения и приоритеты правительства Египта могут довольно быстро измениться и, несмотря на все сказанное выше, Египет может оказаться втянутым в вооруженный конфликт, как и в 1967 г.

Таким образом, новое правительство Египта стремится укрепить свое влияние на Ближнем Востоке, обратившись к Хамас. Однако если потоки вооружений из Синайского полуострова в сектор Газа не будут остановлены, увеличатся шансы на конфликт между Израилем и Хамас, в который окажется втянут Египет.

Следует также предположить, что Израиль и Египет с помощью США будут продолжать наращивать военную мощь, что приведет к дальнейшей эскалации гонки вооружений в регионе. Египет попытается сконцентрировать силы на Синайском полуострове, чему, безусловно, будет противостоять Израиль. Аналогичной будет и позиция США для того, чтобы избежать конфликта между двумя своими союзниками на Ближнем Востоке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Мохова И.* Новый режим в Египте: возможна ли смена внешней политики // Независимая газета. 2012. 1 октября. URL: http://www.ng.ru/courier/2012-10-01/9_egypt.html (дата обращения 03.10.2012).
2. *Yaniv A.* Politics and Strategy in Israel. Tel-Aviv, 1994.
3. *Berman I.* Tightening the Economic Noose – Curbing Iran's Nuclear Ambitions // Middle East Quarterly. Summer 2011. URL: http://www.ilanberman.com/10092/tightening-the-economic-noose (дата обращения 05.10.2012).
4. См.*: Kaye D., Wehrey F.* A Nuclear Iran: The Reactions of Neighbors // Survival. Summer 2007; *Pilat J.* The End of the NPT Regime? // International Affairs, 2007. № 83. Vol. 3.
5. *Miller Brian A.* The Kinetics of Confrontation // The Journal of International Security Affairs. Spring 2010. URL: http://www.securityaffairs.org/issues/2010/18/miller.php (дата обращения 20.10.2012).
6. *Said Aly A.* An Ambivalent Alliance – the Future of U.S – Egyptian Relations // Analysis Paper. January 2006. № 9.
7. *Cordesman Anthony H.* The Iraq War: Strategy, Tactics and Military Lessons. London, 2003.
8. *Schenker D.* Egypt's Enduring Challenges // Policy Focus. April 2011.
9. URL: http://www.inss.org.il/upload/(FILE)1280140768.pdf (дата обращения 03.10.2012).
10. *Eilam E.* Egypt: new government, old challenges // Defense & Security Analysis. 2012. № 28. Vol. 2.
11. *Pollack Kenneth M.* Arabs at War. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004.

Социология и психология

УДК 316.356.2

Богданова Ольга Александровна

соискатель Российского университета дружбы народов
тел.: (903) 971-40-00

Bogdanova Olga Aleksandrovna

Postgraduate Student of Peoples' Friendship University of Russia
tel.: (903) 971-40-00

РОЛЬ ДЕФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА УЧИТЕЛЯ В ДИНАМИКЕ СИНДРОМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению возникновения и развития среди учителей синдрома профессионального выгорания в связи с деформацией социального статуса учительского труда и внутренних ценностей педагогической профессии. Деформация социального статуса характеризуется расхождением между высокой ценностью и престижностью учительского труда, и расхождением социальной ценности и психологической ценности учительского труда.

Ключевые слова: **синдром профессионального выгорания у учителей, система отношений «Учитель-Ученик-Родитель», деформация социального статуса, внешний и внутренний факторы, ценность и престижность учительского труда, социальная и психологическая ценность учительского труда.**

THE ROLE OF DEFORMATION OF SOCIAL STATUS OF TEACHERS IN THE DYNAMICS OF PROFESSIONAL BURNOUT SYNDROME

The article considers the origin and development of professional burnout syndrome among teachers due to deformation of the social status of teacher's work and the internal values of teaching profession. The deformation of social status is characterized by the discrepancy between the high value and prestige of teacher's work and the divergence of social values and psychological value of teacher's work.

Key words: **syndrome of professional burnout of teachers, system of relations "Teacher-Student-Parent", deformation of social status, external and internal factors, value and prestige of teacher's work, social and psychological value of teacher's work.**

В современной России происходят глобальные перемены в общественно-экономической сфере, что сопровождается изменением и во многом обесцениванием прежнего образа жизни, одновременным существованием и столкновением различных ценностей, а также глубокой деформацией социального статуса целого ряда профессий. Современные психологические исследования, касающиеся работников социальных профессий (врачи, психологи, педагоги, руководители, работники сферы обслуживания, юристы, военные и др.), показывают их подверженность профессиональным деформациям [5].

Одним из частых негативных проявлений у представителей названных профессий является синдром профессионального выгорания (СПВ). Он возникает под влиянием множества внешних и внутренних факторов в ситуациях интенсивного профессионального общения и проявляется как «приглушение» эмоций, исчезновение остроты чувств и переживаний, увеличение числа конфликтов с партнёрами по общению, равнодушие и отгороженность от переживаний другого человека, потеря ощущения ценности жизни, утрата веры в собственные силы и др. [1].

Профессиональная деятельность педагога обусловлена постоянно изменяющимися и возрастающими требованиями со стороны общества к личности преподавателя. Работа педагога – один из наиболее напряжённых в психологическом отношении видов социально-профессиональной деятельности, вследствие чего её относят к разряду профессий, которые в большой степени подвержены появлению синдрома профессионального выгорания [3].

Несмотря на достаточно большое число психологических исследований, синдром профессионального выгорания остается недостаточно изученным. Предметом исследований чаще всего выступают отдельные составляющие СПВ (характер, темперамент, индивидуально – психологические, гендерные особенности учителя), либо влияние педагогического коллектива, стиля школьного управления, особенностей групп учащихся и др. но не всей системы внешних и внутренних факторов, влияющих на формирование и развитие синдрома профессионального выгорания учителя.

Применительно к предмету исследования также можно выделить следующие факторы; в качестве внешних выступают два рода взаимосвязанных факторов – престижность учительского труда в обществе и его социальная ценность. Их одновременная представленность в сознании субъектов образовательного процесса (учителей, учеников, их родителей, общества в целом) порождает отмеченное в целом ряде социологических исследований [4] фундаментальное противоречие между высокой социальной значимостью, ценностью труда учителя (производство личностного и профессионального потенциала страны и мира) и его низкой престижностью в обществе.

Преломляясь через внутренний аспект, т.е. систему личностных смыслов, представлений, отношений, установок, индивидуально-психологических особенностей, социального и профессионально-педагогического опыта конкретного учителя, это противоречие и порождает тот психологический феномен, который получил название синдрома профессионального выгорания. Нужно при этом учитывать, что подобный синдром получает отражение не только в сознании, поведении и деятельности учителя, но и захватывает всех субъектов образовательного процесса: педагогов-коллег, учеников, их родителей, руководство школы, государства и само общество.

Восприятие человеком объективной реальности (внешних факторов) и ее преобразование в субъективную происходит через призму внутренних факторов как совокупности внутренних условий, к числу которых относятся следующие: 1) личностные особенности учителя: психологические характеристики и профессионально важные качества педагога; 2) когнитивная составляющая – представления учителя о месте, роли и функциях учителя в образовательном пространстве школы; 3) мотивационно-ценностная составляющая внутреннего контекста – свое отношение к учительской профессии, представления о ценности и миссии в обществе педагогического труда; исполнительская (поведенческая) составляющая – представления учителя об индивидуальном стиле своей педагогической деятельности, о стиле поведения и продуктивном взаимодействии в системе «Учитель – Ученик – Родитель».

Таким образом, внешние факторы задают ту или иную ценность учительского труда и статус учителя в обществе; отражаясь в сознании педагога через внутренние факторы, они обусловливают собственное отношение к профессионально-педагогической деятельности. С рассмотренных позиций мы провели эмпирическое исследование, направленное на выявление влияния деформации социального статуса учителя в обществе на появление и развитие его профессионального выгорания.

Гипотезой исследования выступили следующие предположения: 1) синдром профессионального выгорания обусловлен низким уровнем осознанности учителем деформации социального статуса педагогической профессии; 2) при этом внешний фактор «отчуждается» от внутреннего и начинает восприниматься как внешние довлеющие обстоятельства.

С точки зрения изучения профессионального выгорания внешний психологический фактор будет рассматриваться как воздействие общества на систему взаимодействия «Учитель – Ученик – Родитель» (например, деформация социального статуса, социокультурный фактор, фактор реформирования), а внутренний, смыслообразующий: осознанность, удовлетворенность профессией. При этом система отношений «Учитель – Ученик – Родитель» может являться единой психологической базой для рассмотрения синдрома профессионального выгорания. Изучение данного синдрома как следствия деформации социального статуса деятельности учителя в системе взаимодействия «Учитель – Ученик – Родитель», в дальнейшем дает возможность разработать методы воздействия на каждый элемент системы, с целью предупреждения развития профессионального выгорания.

Представляется конструктивным изучение динамики процесса профессионального выгорания с опорой на трехкомпонентную модель К. Маслач и С. Джексон: при рассмотрении динамики выгорания необходим учет как минимум трех факторов: эмоционального истощения, деперсонализации, редукции персональных достижений. Взаимосвязь и взаимовлияние факторов выгорания определяют динамику процесса его развития. На эту модель в изучении эмоционального выгорания опирается В.В. Бойко [2], однако он не изучал социальный статус профессии учителя. Учет внешнего фактора (то есть социального статуса) позволит исследовать синдром профессионального выгорания более полно.

Личность учителя оказывает существенное воздействие на формирование самооценки школьника, процессы его самоидентификации, самопознания, становления отношений со сверстниками и взрослыми, выбор профессии и выработку жизненных смыслов и планов, т.е. на все важнейшие процессы жизнедеятельности, определяющие его личную и профессиональную судьбу. Все это позволяет характеризовать учительство как профессиональную группу, имеющую очень серьезное влияние с весьма длительной протяженностью его воздействия на развивающуюся личность.

По мнению социологов, социально-демографическая характеристика учительства, выяснение престижа профессии, анализ качества профессионального образования и материального положения педагогов позволяют сделать вывод о том, насколько успешно современный педагогический корпус готов к реализации важнейших социальных и психолого-педагогических функций [4].

Многие авторы указывают на то, что изменение престижа профессии приводят к развитию синдрома профессионального выгорания, который может приводить к серьезным профессиональным деформациям [3]. Они особенно опасны по отношению к учителю, поскольку он имеет прямое отношение к развивающейся психике ребенка; эмоциональные срывы учителя могут иметь пролонгированные деструктивные последствия. Недостаток моральных стимулов вместе с задержкой зарплаты и компенсации на приобретение литературы негативно влияет не только на развитие социального престижа

профессии, но и становление индивидуального профессионального статуса педагога как учителя-мастера. Отсутствие осознанности учителя к престижу, значимости педагогической профессии нарушает адекватное взаимодействие системы «Учитель – Ученик – Родитель», что приводит к развитию синдрома профессионального выгорания.

В качестве основного фактора развития СПВ в эмпирическом исследовании была определена: деформация социального статуса учителя, которая характеризуется расхождением между высокой ценностью (значимостью) и престижностью учительского труда. Также, данная деформация социального статуса характеризуется расхождением социальной ценности и психологической ценности учительского труда. Данные несоответствия свидетельствуют о сниженной осознанности ценности и престижности учительского труда в обществе, так как высокая ценность подразумевает высокую престижность, а социальная ценность учительского труда приближена к психологической ценности учительского труда, при осмысленном и целостном восприятии учителя собственной трудовой деятельности.

Итак, предположим, что внешние факторы влияют на развитие профессионального выгорания. Разрыв между ценностью (значимостью) и престижностью учительского труда может способствовать деформации социального статуса учителя. При этом ценность (значимость) оценивается выше, чем престижность учительского труда, как учителями, так и представителями общества.

Для того, чтобы определить расхождение внешнего и внутреннего факторов способствующих развитию СПВ, устанавливалось наличие взаимосвязи социально–психологической ценности (значимости) труда у учителей. Результаты дают основания для предположения о различии выраженности социальной и психологической ценности (значимости) и престижности труда учителя в представлении самого учителя. Где, психологическая ценность (значимость) 21% и престижность 21% оценивается ниже, чем социальная ценность (значимость) 29% и престижность 29% учительского труда. Это может говорить о расхождении внешнего и внутреннего факторов, то есть деформации социального статуса учителя, которая является фактором профессионального выгорания.

В ходе исследования была проведена проверка предположения о том, что внешние факторы отчуждаются от внутренних факторов, и, исчезая, начинают восприниматься как внешне довлеющие обстоятельства, что и обуславливает развитие синдрома профессионального выгорания. Устанавливалось наличие взаимосвязи показателей синдрома профессионального выгорания (на разных фазах формирования синдрома) с помощью методики В.В. Бойко, ценности (значимости) и престижности учительского труда [2].

Изменения в обществе, приведшие к смене образовательных парадигм, делают актуальными исследования в области поиска дополнительных ресурсов, обеспечивающих учителям психологическое благополучие и успешную адаптацию к интенсификации их деятельности [1]. Более широкое понимание процесса СПВ у учителя позволяет включить систему взаимодействия «Учитель – Ученик – Родитель» и влияние общества на данную систему, которое проявляется в деформации социального статуса учителя, в контекст его изучения. Выявленные факторы развития СПВ могут быть использованы в качестве оснований для дальнейшей разработки прогнозирования, профилактических методов и коррекционных мероприятий. Внешний и внутренний факторы, в изучении СПВ могут способствовать разработке комплекса предупредительных мероприятий, ориентированных на диагностику и на снижение вероятности развития предпосылок и проявлений данного синдрома.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абдуллаева М.М.* Личностные ресурсы саморегуляции учителей средних школ как фактор адаптации к стрессовым условиям образовательной среды. М., 2012.
2. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.
3. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2008.
4. *Орлов А.А.* Современный учитель: социальный престиж и профессиональный статус. М., 2007.
5. *Реан А.А, Баранов А.А.* Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. 1997. № 1.
6. *Хридина Н.А.* Статусно-ролевые особенности молодых учителей в реформируемом обществе (региональный аспект): автореф. дис. … канд. социол. наук. Хабаровск, 2009.
7. *Юдчиц Ю.А.* К проблеме профессиональной деформации // Журнал практического психолога. 1998. № 7.

УДК 316.624

Бороноев Павел Георгиевич

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Бурятского государственного университета тел.: (902) 562-47-95

Boronoev Pavel Georgievich

PhD in Sociology, Associate Professor, Leading Researcher of Buryat State University tel.: (902) 562-47-95

ПРОЯВЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

MANIFESTATIONS OF ALCOHOL DEVIATION AMONG STUDENTS

Данная статья посвящена проявлениям алкогольной девиации в студенческой среде на основе мониторинга алкогольной ситуации, проблеме пивного алкоголизма, вопросам ограничения и контроля продажи алкогольных напитков.

This paper is devoted to manifestations of alcohol deviation among students based on the monitoring alcohol situation, beer alcoholism problem, the issues of limitation and control of alcohol sale.

Ключевые слова: **пьянство, алкоголизм, пивной алкоголизм, девиации, девиантное поведение, студенческая среда.**

Key words: **drinking, alcoholism, beer alcoholism, deviances, deviant behavior, student environment.**

Проблема пьянства и алкоголизма существует в обществе с древнейших времен. В российском общественном сознании она предопределена культурной традицией – «культура опьянения» в России традиционно алкогольная [1]. Количество лиц, зависящих от алкоголя, превышает количество лиц, зависимых, допустим, от наркотиков многократно.

В современной российской литературе трудно найти четкую информацию о количестве потребления чистого спирта на душу населения. Так, главный показатель потребление алкоголя в расчёте на душу населения только за 1989 – 2008 гг. увеличился в 1,4 раза и достиг 15 л абсолютного алкоголя [2, с. 74-84]. По официальным данным Роспотребнадзора (экспертные оценки еще выше), душевое потребление поднялось до 18 л чистого алкоголя в год [3, с. 35-37]. Современное состояние государственной статистики и научных исследований различных аспектов проблем алкогольного потребления не позволяет создать объективную картину алкоголизации населения, в том числе среди студенческой молодежи, а также различных его социальных и этнических групп, распространенности пьянства на различных территориях страны. В этой связи очень важно и актуально для России в настоящее время исследование состояние алкоголизации населения по отдельным социальным группам, включая студенческую молодежь.

Само по себе употребление алкоголя не является проблемой, наоборот, умеренное употребление – это норма. По результатам многочисленных исследований в России изредка и умеренно потребляют алкогольные напитки 70-80% населения, лишь 3-5 – абсолютные трезвенники, 3-5 – страдают алкоголизмом, 10-12% – злоупотребляют алкоголем [4, с. 298]. Поэтому проблемой являются именно пьянство и алкоголизм.

Характерное для социума в целом злоупотребление алкоголем наиболее опасно, когда речь идет о студенческой молодежи. Научный интерес к проблемам студенческой молодежи обусловлен тем, что студенчество представляет особую группу, рассматриваемую как интеллектуальный ресурс общества, его кадровый потенциал; в определенном смысле – это преемники и представители национальной культуры. Студенты более благополучны по сравнению с другими группами молодежи с точки зрения нравственного сознания и поведения. Например, употребление алкоголя в студенческой среде заметно ниже, чем в других группах молодежи, слабее выражены крайние группы потребителей спиртных напитков (злоупотребляющие и трезвенники). Относительное благополучие объясняется тем, что в состав студентов, как правило, не входят молодые люди из групп повышенного риска («трудные дети», члены асоциальных молодежных группировок), формирующихся в школьном возрасте и не стремящихся к продолжению образования. Развитие крайних форм алкоголизации среди юношей и девушек, благополучных в детстве, происходит в студенческом возрасте не столь стремительно, а проявляется, главным образом, в частоте и количестве употребления спиртных напитков.

В отличие от советского периода, в настоящее время ситуация социального контроля более сложная, поскольку употребление спиртосодержаших напитков стало носить всеобщий характер. Сегодня зачастую отсутствует система внутривузовского контроля, не работают медицинские вытрезвители, в результате чего нет достоверной информации о проявлениях пьянства и алкоголиз-

ма в студенческой среде. Кроме этого, следует учитывать, что мощным сдерживающим фактором в советское время для студенчества было опасение отчисления из вуза за административные правонарушения, распитие спиртных напитков в общественных местах и нарушение общественного порядка, совершенное в нетрезвом состоянии.

В данной статье мы предприняли попытку анализа культуры употребления алкогольных напитков современными студентами в условиях слабого внешнего контроля. Для этого мы провели сравнительный анализ результатов двух социологических опросов, проведенных нами в 2004 и 2012 гг. [5].

В целом выявлено изменение отношения студенческой молодежи Республики Бурятия к употреблению спиртных напитков. Алкоголь сегодня не в моде. Отрицательное отношение к употреблению алкоголя высказали 37,3% респондентов, что на 10% больше, чем в 2004 г. Равнодушны и безразличны 16,7% опрошенных (в 2004 г. – 9,4%), могут употребить «в зависимости от ситуации» 41,1 (в 2004 г. – 59,2); вариант ответа «употребляю редко» отметили 43,8 (в 2004 г. – 43,7); «почти не употребляю» – 28,6 (в 2004 г. – 27,8) «не употребляю» – 14 (в 2004 г. – 8,2%); положительно отнеслись лишь 4% опрошенных студента (в 2004 г. – 3,9%).

Частота употребления спиртных напитков следующая: «раз в месяц» – 25% (30,4% – в 2004г.); «раз в неделю» – 11,6 (17 – в 2004 г.); «не более двух раз в неделю» – 2,1 (4,2 – в 2004 г.); «не более трех раз в неделю» – 1,4 (3,6 – в 2004 г.); «ежедневно» – 0,9% (1,2% – в 2004 г.).

Умеренно употребляющие спиртные напитки студенты по данным 2004 г. составляли 70%, в том числе мужчины – 63,8%, женщины – 79,5%; в 2012 г. – 71,5, из них мужчины – 69,4, женщины – 72,3%. В 2004 г. довольно высоким, по сравнению с 2012 г., был процент часто употребляющих спиртное – 25,9%, что объясняется, на наш взгляд, распространением моды на употребление пива в те годы; в 2012 г. же г. этот показатель равнялся 15,1%, т.е. наметилась тенденция к снижению употребления спиртных напитков в категории часто употребляющих. Что касается категории склонных к злоупотреблению спиртными напитками, то в двух опросах их количество примерно одинаковое: в 2004 г. – 15,8% опрошенных, из них – 22,3 мужчин, 14 женщин; в 2012 г. – 15,1, из них мужчин – 19,7, женщин – 12,6%. Систематически же употребляли спиртное 1,1% в 2004 г., из них мужчины – 2,9, женщины – 0,2; и 0,9 в 2012 г., из них 1,1 – мужчины, 0,4% – женщины.

Таблица

Потребление алкогольных напитков студентами
в г. Улан-Удэ, по данным опроса 2004, 2012 г., %

Среднее количество употреблений спиртного	Возраст опрошенных студентов				
	15-16 лет	17-18 лет	19-20 лет	21-22 года	23 года и старше
ежедневно 2004	не отмечается	1,4	0,8	1,6	не отмечается
ежедневно 2012	не отмечается	1,5	0,6	0,5	2,9
не более трех раз в неделю 2004	не отмечается	5,2	4	2	не отмечается
не более трех раз в неделю 2012	не отмечается	не отмечается	1,3	2,4	не отмечается
не более двух раз в неделю 2004	6,2	4,5	5,1	2,4	3,8
не более двух раз в неделю 2012	не отмечается	0,7	2,5	2,4	2,9
1 раз в неделю 2004	12,5	16	16,4	19,1	15,4
1 раз в неделю 2012	не отмечается	7,4	12,7	13	8,6
1 раз в месяц 2004	25	24,7	33,7	33,9	23
1 раз в месяц 2012	40	16,3	23,2	31,3	37,1

Из данных, приведенных в таблице, видно, что в возрастных группах 15-16 лет и старше 23 лет более умеренное, чем в других возрастных группах, употребление алкоголя. В частности, нет ежедневного и частого (более трех раз в неделю) употребления спиртных напитков. Тогда как в возрастных группах от 17 до 22 лет отмечается наибольшее потребление алкогольных напитков. По-видимому, именно в этом возрасте формируются установки на потребление спиртных напитков, так

называемая культура употребления, которая повлияет на дальнейшее отношение к спиртному. Нами эта возрастная категория условно названа «критической».

Повторим, что по данным социологического исследования студенты, не употребляющие спиртные напитки, в динамике по годам составляют 8,2% в 2004 г. и 14% в 2012 г. Это, как правило, учащиеся 1-2 курсов, не имеющие опыта употребления спиртных напитков, а также студенты, сознательно ведущие здоровый образ жизни, занятые физкультурой и спортом. В этом смысле мы обратили внимание, что занятость молодежи является фактором противодействия проявлениям алкогольной девиации в студенческой среде.

В связи с затронутой темой хотелось бы сказать о том, что в последние годы в России отмечается значительное увеличение потребление пива – до 80 л. на человека в год [6]. Большое потребление пива в настоящее время характерно для всех групп, вследствие доступности, распространенности, дешевизны и рекламы: пиво можно купить везде и в любое время суток, а также и употреблять где угодно. Этому способствовала агрессивная реклама, пропаганда «пивного отдыха», которая шла на всех уровнях средств массовой информации, формируя своеобразную моду на пиво. В настоящий момент многие специалисты рассматривают пивной алкоголизм среди молодёжи в качестве одной из самых важных проблем современного российского общества: от алкогольной зависимости (пивной) страдает всё больше и больше молодых людей и их семей. Молодёжный алкоголизм явление не менее страшное, чем наркомания. Несмотря на это, государство не проводит последовательную антиалкогольную политику. Как следствие, в выигрыше остаются только компании, которые занимаются изготовлением пива, потому что именно оно пользуется наибольшей популярностью среди современной молодёжи. Поэтому, пиво становится неотъемлемой частью жизни студенчества и становится жизненно важным атрибутом жизни. Немаловажное значение имеет убежденность значительной части населения в безопасности, и даже полезности пива, лояльное отношение к нему в обществе. В.П. Нужный, В.В. Рожанец отмечают, что потребление пива является характерным элементом студенческого образа жизни: «Этот напиток постепенно превращается в своего рода символ студенческого статуса. Пиво в студенческой среде является не просто напитком, а ритуалом общения. Студенты, покупая пиво, реализуют свою потребность и в напитке, и в общении» [7].

В исследовании 2004 г. 19,4% от общего числа опрошенных в качестве причины употребления спиртных напитков назвали снятие стресса, в 2012 г. этот показатель незначительно вырос и составил 21,4%. К употреблению спиртных напитков, по признанию респондентов обращаются в том числе: вследствие трудных условий жизни 0,9% (в 2004 г.), 1,6 (в 2012 г.); проблем в учебе 0,4 (в 2004 г.) 1,9 (в 2012 г.); проблем в семье 0,4 (в 2004 г), 1,6% (в 2012 г.). Кроме этого, одной из причин употребления спиртных напитков является выполнение традиций и обрядов 8,5% (в 2004 г.), 11,6% (в 2012 г.). Здесь важно отметить произошедшие изменения в сфере обрядовой практики: если в советский период истории при отправлении определенных религиозных буддийских и шаманских обрядов и ритуалов происходило чисто символическое «подношение» духам, богам и пр., то в настоящее время люди и сами «приобщаются к подношению», употребляя спиртное.

Но наиболее распространенными причинами употребления спиртных напитков для студентов являются такие варианты как: для поднятия настроения – 28,3% (в 2004 г.), 28,2 (в 2012 г.) и за компанию – 36,2 (в 2004 г.), 31% (в 2012 г.). Это самые высокие показатели. Объяснением данного положения является адаптация в студенческой среде, процессы социализации и приобщения к студенческой жизни, традициям и моде. Согласно докладу, представленному в этом году Американской социологической ассоциации, студенты высших учебных заведений, которые не стесняются время от времени злоупотреблять алкоголем, испытывают меньше проблем в социальной адаптации [8].

На вопрос «Угрожает ли им алкогольная зависимость?» ответы респондентов распределились следующим образом: в 2004 г. «да» – 12,9%; «нет» – 75,8, из них мужчины – 29,7, женщины – 70,3; «затруднились с ответом» – 11,8, из них мужчины – 33,9, женщины – 66. В 2012 г. «да» – 17,4, из них мужчины – 47,5, женщины – 52,5; «нет» – 73,2, из них мужчины – 32,7, женщины – 67,3. Затруднились с ответом – 9,4, из них мужчины – 42,4%, женщины – 57,6%.

Достаточно высокий процент положительных ответов на последний вопрос, по нашему мнению, обусловлен личным опытом студентов: либо они опасаются зависимости от алкоголя на основе своего собственного опыта, либо их знакомые и родственники имели опыт избыточного употребления спиртных напитков. Женщины больше мужчин уверены, что им не угрожает такая опасность.

О том, влияет ли широкий доступ дешевых спиртных напитков на проблему алкоголизации молодежи респонденты ответили в 2004 г. следующим образом: «да» – 68,2%, «нет, не влияет» – 16,7, затруднились ответить – 15,1%. При сопоставлении данных, полученных в 2012 г., расхождения оказались незначительными: ответили «да» – 70,5%, «нет, не влияет» – 15,7, затруднились ответить –

13,8%. Таким образом, большинство опрошенных считает, что доступность, распространенность, дешевизна алкоголя являются явными причинами злоупотреблений им.

На вопрос «Имеет ли смысл введение ограничений и контроля за употреблением алкогольных напитков среди студентов и молодежи» ответили: «да» в 2004 г. – 57,7% респондентов, в 2012 г. – 62,3, «Нет» в 2004 г. – 30,5, 2012 г. – 26,7, затруднились ответить в 2004 г. – 11,8, в 2012 г. – 11%.

О том, какие ограничения необходимо ввести для того, чтобы уменьшить количество потребления алкоголя среди студенческой молодежи были получены следующие ответы респондентов: за введение возрастного ценза при продаже алкоголя высказались в 2004 г. – 48,3%, в 2012 г. – 40,4 респондентов; за ужесточение штрафных санкций – 25,2 (в 2004 г.), 39,8 (в 2012 г.), за воспитательные меры через коллектив – 15,8 (в 2004 г.), 21 (в 2012 г.), за принудительное лечение алкоголизма – 4,4 (в 2004 г.), 10,4% (в 2012 г.).

Таким образом, на основе проведенного исследования нами предпринята попытка представить классификацию студентов в зависимости от частоты употребления ими спиртных напитков:

1. Первая группа – не употребляющие спиртные напитки. Таковых было по опросу 2004 г. – 8,2 %, 2012 г. – 14%.

2. Вторую группу мы определили как «умеренно употребляющие спиртное». Их подавляющее большинство: в 2004 г. – 70% от числа опрошенных, в 2012 г. – 71,5%.

3. Третью группу составили студенты, «склонные к злоупотреблению спиртным». В 2004 г. они составили 15,8%, в 2012 г. – 11,1%.

4. Четвертая группа – это «злоупотребляющие алкоголем» (в 2004 г. – 7,3%, 2012 г. – 3,5%).

5. Пятая группа – это «зависимые от алкоголя». В 2004 г. 1,1% респондентов не могли обойтись ни одного дня без алкоголя, в 2012 г. об этом заявили 0,9% респондентов.

На основании проведенных исследований и полученных данных констатируем следующее:

Во-первых, наметилась общая тенденция снижения употребления спиртных напитков. В частности, отмечается снижение употребления спиртных напитков студентами, склонных к злоупотреблению с 15,8% в 2004 г. до 11,1% в 2012 г.

Во-вторых, нами выявлена проблема пивного алкоголизма среди молодежи и студентов, связанная с доступностью и распространенностью данного вида спиртного напитка. В связи с этим встает вопрос о необходимости введения ограничений продажи и употребления в общественных местах спиртных напитков, включая пиво.

В-третьих, отмечаем проблему женского пьянства и алкоголизма. Доказательством тому служат два факта: частота употребления пива девушками почти одинаково с мужчинами, а осознание опасности возникновения алкогольной зависимости у них ниже, чем у студентов-парней.

Из всего сказанного вытекает вывод о необходимости продуманной и последовательной антиалкогольной политики государства, разъяснительной, воспитательной работы среди молодежи и студентов по поводу опасности возникновения алкогольной зависимости. Требуется активная пропаганда здорового образа жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гурвич И.Н., Цветкова Л.А., Щур Н.В.* Наркопотребление в студенческой среде: поведенческие особенности. 2004. URL: http://www. Narcom.ru/ideas/social/109htm/ (дата обращения 10.05.2012).
2. *Заиграев Г.Г.* Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8.
3. Российская Федерация. 2009. № 4.
4. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб., 2004.
5. Материалы социологических опросов, проведенных в 2004 (выборка 1003 респондента) и 2012 гг. (701 опрошенных) в Республике Бурятия в следующих вузах: Бурятский государственный университет (БГУ), Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (ВСГУТУ), Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (ВСГАКИ), Бурятская государственная сельскохозяйственная академия (БГСХА), Бурятский филиал Гуманитарного института (БФ ГИ), Новосибирский государственный университет экономики и управления, филиал в г. Улан-Удэ (НГУЭУ). Выборочная совокупность соответствует генеральной совокупности по возрастным показателям, соотношению мужского и женского состава, этническому распределению и другим параметрам.
6. *Шатихин А.И.* Пивной алкоголизм: надуманная проблема или новая реальность URL: http://www.rmj.ru/articles_8289.htm (дата обращения 02.06.2012).
7. Там же.
8. URL: http://www.gizmonews.ru/2012/08/22/student-drinking/ (дата обращения 04.06.2012).

УДК 316.4.066

Жапуев Заур Аскербиевич

кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии, политологии и права
ИППК Южного федерального университета
infoippk@sfedu.ru

Zhapuev Zaur Askerbievich

PhD in Sociology, Doctoral Candidate of the Department of Sociology, Political Science and Law of the Institute for Retraining and Development of Vocational Competence of Southern Federal University
infoippk@sfedu.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье предлагается концептуальные рамки социологического исследования достаточно слабо разработанной теории социального иммунитета, предпосылки которой сформировались в системе социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: **социальный иммунитет, иммунная система общества, врожденный иммунитет общества, приобретенный иммунитет общества, институциональная система.**

SOCIAL IMMUNITY OF THE RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATION: THEORETICAL PRECONDITIONS OF CONCEPTUALIZATION AND SOCIOLOGICAL FRAMEWORK OF THE STUDY

In this paper we propose a conceptual framework for the social research of social theory of immunity which is rather poorly developed in sociology, and the premise of which were formed in the system of social sciences and humanities.

Key words: **social immunity, the immune system of society, natural immunity society acquired immunity society, institutional system.**

Анализ накопленного научного потенциала в исследовании социального иммунитета показывает, что в социологии определенно сложились предпосылки концептуализации данного феномена в рамках классической традиции исследования общественных процессов и закономерностей общественного развития, которые пока, в рамках современной социологической мысли, не привели к формированию единого методологического пространства его изучения, но способствовали формированию обширного научного дискурса в данном направлении.

Кроме того, важно учитывать те разработки, которые имеются в пространстве других отраслей социально-гуманитарного знания, во многом послуживших основой для социологических исследований в области социального иммунитета. И с этой точки зрения важно показать специфику изучения социального иммунитета в социально-гуманитарном знании и уровень научной концептуализации данной категории, ее артикуляризации учеными в том или ином аспекте в различное время становления социально-гуманитарного знания.

Свое изначальное осмысление социальный иммунитет, как и многие понятия и категории, получает в философском знании, хотя артикуляция данного понятия принадлежит А. Зиновьеву, который в работе «Кризис коммунизма» говорит о механизме социального иммунитета, отталкиваясь от понимания общества как социального организма [1]. Собственно, на теоретической основе органицизма и формируется концепция социального иммунитета.

Именно в недрах философского знания впервые появляется идея «болезни» и «смерти» общества по аналогии с живым организмом. В частности, в работе Т. Гоббса «Левиафан» говорится о социальной патологии и приводится достаточно новаторский для того времени перечень болезней, которые ослабляют государство и ведут к его распаду [2].

Считается, что первым использовал метафору биологического организма в понимании социальной реальности О. Конт, в интерпретации которого социальный организм обладает социально-биологической двойственностью. Однако концептуального завершения эта идея в его работах не получила, поэтому есть смысл обратиться к учению Г. Спенсера, по праву считающегося основоположником данного направления в социологической науке.

Суть органической теории Спенсера сводится к пониманию общества как социального организма по аналогии с биологическим организмом, изучение закономерностей развития которого поможет понять закономерности общественного развития. На данном основании Г. Спенсер провел глубочайшую работу в области сравнения социального и биологического организмов и выявил черты сходства и различия в их функционировании [3].

Идеи этого классика социологии часто подвергаются критике за излишний биологизм, однако,

невозможно отрицать огромный вклад, который был внесен этим ученым в развитие социологии в рамках органицистского направления. Тем более что учение Г. Спенсера об обществе как социальном организме стало основой для развития такого важного направления в социологии как функционализм, поскольку Спенсер понимал общество как квазиорганизм, в котором его подсистемы выполняют необходимые функции по сохранению общественного целого [4].

Конечно, функционализм представляет собой принципиально иное направление в социологии, однако, идея о функциональной природе общества как некоего целого, части которого находятся в непосредственной зависимости друг от друга, созвучна органической картине общества, разработанной социологами-органистами.

Широкое социальное видение развития общества в контексте теории социологического органицизма принадлежит отечественному ученому П. Лилиенфельду, труды которого относят к немецкому течению органицизма на том основании, что он, находясь на государственной службе в России, публиковал свои труды на немецком языке. П. Лилиенфельд был глубоко убежден, что социология настолько связана с биологией, насколько человеческое общество – с органическим существом. Подобно органическому существу, человеческое общество умирает в ситуации, когда оно распадается на части и в результате этого утрачивает способность к самостоятельному существованию [5].

Большое значение для формирования концепции социального иммунитета имеет идея П. Лилиенфельда, как никогда актуальная для современной России, о проникновении чужеродных элементов в общественный организм, которое рассматривается им как источник социальных болезней. По мнению этого ученого, болезненные сбои происходят потому, что проникающие чужеродные элементы в общественный организм противоречат направлениям и целям социальной жизни, а сопротивление их болезнетворному влиянию не всегда возможно и даже целесообразно в конкретных исторических условиях.

Значимость социологического наследия П. Лилиенфельда для концептуализации теории социального иммунитета в современной социологической науке проявляется также в выявленной им взаимосвязи природы и общества, которая проявляется во влиянии, оказываемом на функционирование последнего природной стихией (землетрясения, наводнения, вулканы, эпидемии и другие атмосферные явления и изменения). Однако мысль о тесной взаимосвязи природы и общества наибольшую актуализацию получила в учении о ноосфере, которое также можно рассматривать методологической составляющей концепции социального иммунитета.

Учение о Ноосфере неразрывно связано с именем нашего соотечественника В.И. Вернадского и возникло оно для изучения процессов, связанных с разумной деятельностью человека на планете.

Появление ноосферы как общепланетарной оболочки, по мнению В.И. Вернадского, является закономерным явлением ввиду роста геохимической энергии. Мари Пьер Тейяр де Шарден – другой видный представитель данного учения, появление ноосферы связывал с духовной эволюцией Вселенной, в результате которой и формируется «человек разумный», а в перспективе эти процессы приведут к духовному преображению Вселенной, к соединению человека с Творцом Вселенной [6].

Ключевой идеей учения о Ноосфере выступает особая роль человека в эволюции Вселенной как существа, обладающего разумом и волей, но деятельность его должна сочетаться с законами природы, которая, как и носитель разума – человек, является частью Вселенной. В рамки подобных концептуальных позиций укладывается также концепция энергоэволюционизма М. Веллера, исходной установкой которой выступает идея о том, что устройство общества и его эволюция определяются законами мироздания [7].

Традиция органистической теории прослеживается также в немецкой классической социологии. Так, как целостный культурный организм людей рассматривал общество пионер европейской социальной науки Лоренц фон Штейн. При этом, данный организм характеризуется тем, что в нем все его части влияют друг на друга и дополняют друг друга: только во взаимодействии экономики, государства и общества возникает культурный человеческий организм [8].

Теория социокультурной травмы, разработанная П. Штомпкой и удачно вписавшаяся в ряд наиболее эффективных социологических парадигм для исследования обществ трансформационного типа, также в своей основе отталкивается от идей органицизма, поскольку в ней П. Штомпка проводит аналогию между социальной реакцией на внезапные изменения в обществе и реакцией организма на болезненное воздействие извне, которое приводит к нарушению привычных ритмов функционирования организма [9].

Таким образом, в социально-гуманитарной системе научного знания и в частности в философско-социологической отрасли парадигма органицизма в той или иной концептуальной форме получила достаточно глубокое развитие. Ее концептуализация выступает обоснованием концептуализации тео-

рии социального иммунитета общества в социологической науке, которая в отдельных своих проявлениях получила развитие в трудах таких отечественных исследователей, как А.А. Зиновьев, Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн [10]. В частности, данными учеными затрагивается проблема механизма социального иммунитета, который, согласно воззрениям А.А. Зиновьева, позволяет защитить общество от внешних влияний и их разрушительных последствий. Представители экономического направления в социологии – Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн полагают, что механизм социального иммунитета обеспечивает выявление интересов общества вне зависимости от текущей позиции государства.

Однако этими учеными не была проведена работа в области операционализации самого понятия «социальный иммунитет», что говорит о концептуальной незавершенности теории социального иммунитета в социологической науке.

Поскольку социальный иммунитет по своей природе призван защищать общество от рисков и угроз, разрушающих целостность общественного организма, особенно в период трансформации общества, проблема институциональной трансформации российского социума и рискогенных проявлений данного процесса выступает значимой стороной изучения социального иммунитета современной России. В развитие этого направления серьезный вклад внесли такие российские ученые, как: Ю.Г. Волков, М.К. Горшков, Т.И. Заславская, С.Г. Кирдина, В.В. Локосов, Т.А. Рассадина, О.И. Шкаратан [11].

Исследователями были выявлены различные типы рисков, угрожающих российскому обществу в условиях институциональной трансформации. Из них наиболее опасным признается тенденция роста и закрепления как институциональной нормы раскола между россиянами и окончательная дезинтеграция российского общества, при всем том, что наметился определенный запрос на консолидацию. В роли консолидирующей идеи, как показало проведенное коллективом ученых Института социологии РАН всероссийское социологическое исследование «О чем мечтают россияне», выступает мечта о справедливом обществе [12].

Таким образом, проведенный анализ имеющихся разработок в области исследования социального иммунитета показал, что социологическая наука нуждается в более серьезном подходе к исследованию столь важной категории как социальный иммунитет, которая выступает важным инструментарием познания современной российской реальности в условиях кризисного характера ее развития.

В современной социологии не представлен в четком методологически обоснованном виде понятийный аппарат концепции социального иммунитета общества, отсутствует адекватная методология его исследования, анализ функциональной природы и критериальной основы измерения социального иммунитета общества. Все имеющиеся разработки в данном направлении можно рассматривать лишь как отдельные аспекты исследования социального иммунитета вне создания концептуальных оснований изучения феномена социального иммунитета. Более того, данный концепт – «социальный иммунитет» не имеет прецедента использования в качестве социологического инструментария познания современной трансформирующейся российской реальности.

Вместе с тем, потребность в создании социологической концепции исследования социального иммунитета российского общества определяется «болезненным» характером современной российской реальности, в которой фиксируется рост социальной анемии и воспроизводство деструктивных явлений в ходе общественной динамики. Это обуславливает необходимость концептуальной разработки в рамках социологического знания проблемы социального иммунитета российского общества в условиях институциональной трансформации.

Анализ сложившихся подходов к исследованию социального иммунитета в рамках классической и современной социологической науки выявил наличие двух основных направлений в исследовании социального иммунитета, сущность которых выражается в виде сформулированных нами следующих определений.

Так, в рамках первого направления социальный иммунитет рассматривается как способность общества противостоять социальным рискам и угрозам, прежде всего, внешнего характера, связанным с проникновением в общественный организм чужеродных элементов (ценностей, норм, культурных образцов), разрушающих его целостность, интегрированность и адаптационный потенциал. В рамках второго направления социальный иммунитет рассматривается как социальный механизм, на основании чего в авторской интерпретации он предстает как защитный механизм, позволяющий обществу регулировать уровень рисков и угроз за счет невосприимчивости чужеродных по отношению к нему элементов разрушительного характера и сохранять за счет этого стабильность и высокую адаптивность внутренней среды.

И в первом и во втором случае выявляется важная функция социального иммунитета – защита общества от внешних факторов, разрушающих его внутреннюю среду. Другими словами, социальный иммунитет по своей функциональной природе призван обеспечить безопасное существование обще-

ства, и в этом заключается его функциональное предназначение.

В силу того, что исследование проводится в рамках институционального анализа проблем, связанных с теми или иными аспектами формирования и функционирования социального иммунитета российского общества, автором взята за основу методология институционализма, которая может использоваться для анализа различных социальных явлений, происходящих в социуме и обусловленных его институциональной структурой и системой.

С учетом же того, что российское общество относится к обществам трансформационного типа, наибольшим потенциалом обладает неоинституциональный подход для изучения институциональных трансформаций. Эта перспективность выражается, прежде всего, в том, что в рамках данной парадигмы институциональных исследований показана зависимость институциональной системы и ее развития от исторической траектории конкретного общества, истории его институционального развития.

В рамках методологии неоинституционализма социальные институты рассматриваются как динамические структуры, в пространстве которых постоянно взаимодействуют институциональные ценности традиционного и современного характера, что в итоге приводит к появлению новых типов институциональных отношений за счет снижения эффективности прежних, уже не соответствующих изменившейся социальной реальности. Таков механизм институциональной эволюции, но ее ход и эффективность обусловлены институциональным прошлым социума, его институциональной матрицей, которая кардинально не меняется, даже в эпоху глобальных и масштабных преобразований. Это обуславливает необходимость учета культурного кода общества, составляющего основу институциональной матрицы.

Эффект преобразований, реформ зависит от того, насколько адекватны культурному коду общества оказались нововведения, их ценностные и ментальные основания, поскольку они должны соответствовать ценностям сложившейся соционормативной системы, символизирующей собой определенный социальный порядок, его ментальные структуры.

При разработке понятийного аппарата исследования социального иммунитета мы ориентировались на то, что корни его уходят в недра органистического направления в исследовании общества. Соответственно, формирование категориального аппарата исследования социального иммунитета тесно связано с биологической отраслью знания, и, по аналогии с биологическим организмом, нами в социологический оборот вводится ряд понятий, с помощью которых в данной статье исследуется социальный иммунитет общества.

К таким понятиям относятся: иммунная система общества, социальное закаливание, врожденный иммунитет общества, приобретенный иммунитет общества, социальные прививки.

Социальный иммунитет – это способность общества противостоять социальным рискам и угрозам, прежде всего, внешнего характера, связанным с проникновением в общественный организм чужеродных элементов (ценностей, норм, культурных образцов), разрушающих его целостность, интегрированность и адаптационный потенциал.

Врожденный иммунитет – это институционально обусловленная устойчивость социума к воздействиям внешней и внутренней среды и порождаемых ею рисков и угроз.

Социальные прививки – меры превентивного характера, позволяющие обществу предотвратить развитие социальных болезней с помощью их актуализации, демонстрации отрицательных сторон и социальных последствий, т.е. знакомства с ними, чему в современных условиях способствует динамичное развитие информационно-коммуникативных технологий, превращающих мир в единую, открытую систему коммуникации.

Приобретенный иммунитет общества – это результат институционального взаимодействия иммунной системы социума с внешней средой, ее чужеродными элементами и влияниями, в ходе которого формируется механизм противодействия рискам и угрозам.

Иммунная система – защитный механизм общества, позволяющий обществу регулировать уровень рисков и угроз за счет невосприимчивости чужеродных по отношению к нему элементов разрушительного характера и сохранять за счет этого стабильность и высокую адаптивность внутренней среды.

Данные понятия не являются плодом сугубо авторской научной фантазии. Их можно встретить в публикациях различных исследователей различных научных отраслей научного знания. Автором приведен данный понятийный аппарат с целью социологического исследования социального иммунитета в рамках разработки социологической концепции исследования социального иммунитета российского общества в условиях институциональной трансформации.

Социальный иммунитет как социологическая категория предполагает наличие индикаторов, с помощью которых можно было бы измерить уровень социального иммунитета общества и поставить

диагноз общественному организму.

В рамках авторской концепции выделяются следующие индикаторы социального иммунитета:

- социокультурная целостность общества, отражающая уровень ценностной и межпоколенческой консолидации;

- уровень социального здоровья общества, по которому можно определить духовно-нравственное и физическое состояние социума, от которого зависит состояние общественного организма;

- характер социальной структуры общества, уровень социальной поляризации и эффективность системы социальной мобильности в нем;

- уровень межэтнической напряженности и конфликтности как важнейший показатель иммунной системы полиэтничного социума;

- характер демографического развития общества (тип воспроизводства, показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости, миграции);

- уровень социального доверия как показатель, генерирующий процессы консолидации/деконсолидации в социуме;

- уровень патриотизма как индикатор исторической преемственности и социальной памяти общества, без которых общество как социокультурная общность невозможна и обречена на неминуемую гибель.

Большинство из выделенных критериев отражают состояние духовного и ценностного мира общества, что продиктовано убежденностью в том, что индикаторы духовно-нравственного развития общества выступают фундаментом общества как социокультурного целого, когда, несмотря на всю палитру представленных в обществе этносов, культур, жизненных стилей и стратегий поведения, все представители социума разделяют некие общественные ценности, цели и нормы, принимают их значимость и правильность, сообразуют с ними свои индивидуальные жизненные планы и цели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Зиновьев А.А.* Кризис коммунизма. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=966zinovev_aleksandr_krizis_kommunizma (дата обращения 23.12.2012).
2. *Волков Ю.К.* Идея «болезней» и «смерти» общества и государства в истории философско-социологической мысли // Философия и общество. 2005. № 1.
3. См.: *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские. Минск, 1999.
4. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
5. *Волков Ю.К.* Указ. соч.
6. *Режабек Б.Г.* Учение В.И. Вернадского о Ноосфере и поиск пути выхода из глобальных кризисов // Век глобализации. 2008. № 1.
7. См.: *Веллер М.* Социология энергоэволюционизма. М., 2010.
8. Немецкая социология / под ред. Р.П. Шпаковой. СПб., 2003.
9. См.: *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2.
10. *Зиновьев А.А.* Указ. соч.; *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическое неравенство: текущая практика и современная теория. Стенограмма семинара. М., 2006. URL: http://www.gorby.ru/img.php?img=file&art_id=24951 (дата обращения 23.12.2012).
11. *Волков Ю.Г.* Социальная имитация в контексте социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011; *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М., 2011; *Горшков М.К.* Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1; Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2010; *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004; *Кирдина С.Г.* Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2; *Локосов В.В.* Трансформация российского общества (социологические аспекты). М., 2002; *Рассадина Т.А.* Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9; *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
12. *Горшков М.К.* «Русская мечта» в зеркале социологии // Гуманитарий Юга России. 2012. № 2.

УДК 316.4.066

Кривопусков Виктор Владимирович

кандидат философских наук,
заведующий сектором ЮРФИС РАН
rossotr.am@gmail.com

Krivopuskov Victor Vladimirovich

PhD in Philosophy, Head of the Sector of the South Russian Affiliated Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
rossotr.am@gmail.com

МЕЖГРУППОВОЕ ДОВЕРИЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СПОСОБЫ РЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

INTERGROUP TRUST IN THE RUSSIAN SOCIETY: WAYS OF REINSTITUTIONALIZATION

Межгрупповое доверие выступает связующим звеном между межличностным и институциональным доверием, скрепляющим круги доверия, пересекающиеся в пространстве личностных и безличных взаимодействий. Данная статья посвящена социологическому исследованию реинституционализации межгруппового доверия в современной России.

Intergroup trust acts as a link between interpersonal and institutional trust that binds circles of trust crossing in the space of personal and impersonal interactions. This article focuses on the sociological study of the reinstitutionalization of inter-group trust in modern Russia.

Ключевые слова: **межгрупповое доверие, межличностное доверие, институциональное доверие, социальные институты.**

Key words: **intergroup trust, interpersonal trust, institutional trust, social institutions.**

Особенности современного этапа развития российского общества настоятельно требуют утверждения атмосферы доверия между россиянами, ослабления этнической, религиозной, политической нетерпимости и подозрительности, препятствующих упрочению интеграционных тенденций и консолидации России. Однако, для укрепления основ прогрессивного развития общества необходимо также усиление нетерпимости в отношении терроризма, экстремизма, преступности и им подобных негативных явлений, и в результате взаимодействия этих противоположных тенденций формируются болезненные узлы недоверия, в основе которых нередко лежат определенные стереотипы, предубеждения в отношении тех или иных групп населения[1, с. 225].

Среди факторов, влияющих на формирование этих узлов недоверия между различными социальными группами в российском обществе, особую значимость сегодня приобретает высокий уровень социальной несправедливости в обществе, который подрывает основы доверия не только между согражданами, но различными группами: этническими, поколенческими, профессиональными, религиозными, демографическими и т.д.

В отношении этнических групп социальная несправедливость видится в отсутствии эффективного регулирования прав различных этнических групп, в том числе малочисленных этнических народов; в отношении поколенческих групп источником противоречий и конфликтов выступает различный, часто несправедливый статус поколений в обществе, определяемый возрастной спецификой группы (здесь социально несправедливым в глазах молодого поколения, например, выглядит низкая возможность социально-профессиональной мобильности, часто тормозящаяся по причине молодого возраста претендента на то или иное высокое положение в обществе); в отношении профессиональных – неравнозначная оплата труда работников различных сфер профессиональной деятельности, по роду деятельности претендующих на это равноправие в оплате труда (в настоящий момент эта проблема возникла между группами профессий бюджетной сферы – медиками, военнослужащими, полицейскими, преподавателями); в отношении религиозных групп источник противоречий известен с давних времен и рост конфликтности между различными религиозными группами может быть связан с дискриминационным положением по сравнению с другими той или иной религиозной группой помимо, естественно, противоречий религиозного характера.

Доверие играет исключительно важную роль в укреплении межэтнических отношений, что особенно важно сегодня, когда они испытывают на себе всю тяжесть трудностей в жизни многонационального государства [2, с. 229]. Рост конфликтности в межэтнических контактах обусловлен совокупностью политических, экономических, идеологических и культурных факторов, имеющих место в динамично меняющемся российском обществе.

Этническая принадлежность входит в число детерминант, определяющих степень доверия между индивидами и различными группами. Отсутствие взаимного доверия между представителями различных этнических групп, мешая строить нормальные взаимоотношения между людьми,

выступает препятствием на пути дальнейшего реформирования российского общества, развития межкультурных коммуникаций и интеграционных процессов.

Последнее представляется особенно актуальным для российского полиэтничного государства с точки зрения преодоления межэтнической напряженности и конфликтности вследствие распада СССР и такой надэтничной общностью как советский народ. И с этой точки зрения актуализируется важность анализа масштабов и форм проявления доверия (недоверия) во взаимоотношениях между людьми разных этнических групп.

В них на уровне межличностного общения формируются и передаются наиболее устойчивые нормы поведения, социально-психологические особенности народа, воспитывается этническое самосознание. Разрушение мезоструктуры очень осложняет, а порой делает невозможным воспроизводство этнической традиции и поддержание этнической идентификации.

В то же время, норвежский антрополог Ф. Барт обратил внимание на то, что этнические различия сохраняются, несмотря на то, что количество межэтнических контактов увеличивается, а их интенсивность постоянно возрастает. Более того, этнические различия сохраняются даже после того, как человек в течение жизни имеет возможность менять членство в социальной или этнической группе. Барт утверждал, что взаимодействие этносов в социальной системе не ведет к ликвидации этнических различий путем их изменения или аккультурации; культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническому контакту и взаимной зависимости [3]. Однако страх утратить свою этническую идентичность, раствориться в другом этносе, утратив этноконструирующие и поддерживающие символы и атрибуты, вселяет недоверие к представителям иных этических групп.

С этими, а также экономическими факторами связано резко негативное отношение к мигрантам в современной России. Российские ученые, основываясь на социологических исследованиях, указывают, что россияне настроены против того, чтобы рядом с ними селились обычные семьи приезжих из Украины 13,5%; Молдавии – 18%; с Северного Кавказа – (дагестанцы, черкесы, чеченцы, ингуши и др.) – 49%; из Закавказья – (азербайджанцы, армяне, грузины и др.) 47,9%; из Средней Азии (киргизы, узбеки, таджики, туркмены и др.) – 46,9% россиян [4, с. 235]. При этом в отношении украинцев и молдаван у россиян сохраняется довольно устойчивое нейтральное отношение, тогда как в отношении мигрантов других национальностей доминирует недоверие, подозрительность, неприязнь, раздражение и т.п.

Факторами негативного отношения к приезжим другой, отличной от русской национальности может быть вызвано боязнью осложнения социально-экономической ситуации в регионе прибытия мигрантов, роста преступности, возникновения конфликтов на национальной почве в нем. Подобные страхи имеют под собой веские основания, поскольку глубокие социокультурные различия, особенности поведенческих стереотипов и экономических ориентаций реально создают дополнительную напряженность между мигрантами и местным населением.

Т.Н. Юдина ввиду повышения значимости миграционных процессов в общественном развитии (согласно которым количество мигрантов увеличивается гораздо быстрее, чем население земного шара (2,6% ежегодно против 1,9%) предлагает на основе социологического инструментария создать отдельную отрасль социологии – социологию миграций для того, чтобы от простого описания стадий миграционного процесса перейти к углубленному и комплексному познанию их сущности, раскрытию закономерностей, диагностики и прогнозированию и на этой базе – принятию адекватной миграционной политики [5, с. 102].

В полиэтничном российском государстве процесс формирования доверительных отношений идет крайне сложно, противоречиво, чему способствует отсутствие грамотной политики государства в области межэтнических отношений. Основным ресурсом межэтнических столкновений и роста недоверия среди этнических групп выступает молодежь, зараженная этническими фобиями и демонстрирующая высокий уровень экстремизма, в том числе на этнической почве.

Конфликтные ситуации, как отмечает В.Э. Бойков, часто возникают с мигрантами из кавказских регионов России: Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и др. В проведенном им социологическом опросе отрицательное отношение среди местного населения к мигрантам – представителям кавказских народов России высказали 66% опрошенных против 7% опрошенных, которые показали положительно отношение к ним. Примерно такое же соотношение отрицательного и положительного отношения к мигрантам со стороны местных жителей (57,7% и 7,9%) было получено при оценке отношения к представителям народов Средней Азии – Казахстана, Киргизии и др. Самое негативное отношение зафиксировано к представителям народов Вьетнама, Китая (67,6% высказали отрицательное отношение и только 4,9% – положительное) [6, с. 75-79].

Данные цифры дают право сделать вывод об очень низком уровне толерантности и культуры

межнационального общения в современном российском обществе, в котором на протяжении веков сосуществовали и взаимодействовали различные этносы и народы. Разобщенность, межэтническая конфликтогенность ряда регионов и простое неприятие ряда этнических групп несовместима с концепцией развития сильного многонационального государства и консолидации российского общества.

В стране растет национализм, интолерантность, конфликты на межэтнической почве. Носителем этой культуры недоверия на межэтнической почве, как уже было отмечено, выступает молодежь, а источники формирования этих настроений в молодежной среде находятся в общественно-политических организациях и силах, которые идеологически воздействуют на семейно-родственные структуры, на уровне которых затем воспроизводятся интолерантные установки и ценности.

К другим значимым причинам несправедливого отношения к людям и снижения на этой почве межгруппового доверия следует отнести такие характеристики как пол, возраст, место рождения и религиозные убеждения.

Межпоколенческие противоречия как противоречия между различными поколенческими группами выступает еще одним значимым показателем проявления кризиса межгруппового доверия. Надо сказать, что еще начиная от Сократа, проблема отношений «отцов» и «детей» стояла во главе проблем, относящихся к динамике общественного развития и эволюции общественных отношений. Так, у Сократа (470-399 гг. до н.э.) можно найти высказывание: «Нынешняя молодежь привыкла к роскоши, она отличается дурными манерами, презирает авторитеты, не уважает старших. Дети спорят с родителями, жадно глотают еду и изводят учителей» [7, с. 64].

Извечный кризис «отцов» и «детей» в современных российских условиях усугубляется социокультурным кризисом в стране, кризисом системы ценностей, высокой динамикой общественного развития, за которой эффективно поспевает молодое поколение. Для него опыт «отцов» уже не играет той роли, которую он играл еще сравнительно недавно для советских поколений молодежи.

Тип и характер межпоколенческих отношений во многом зависит от степени противостояния ценностных ориентаций и приоритетов различных поколений, поскольку само поколение с позиций социологической науки представляет собой социальную группу, связанную общими ценностями, нормами, установками, на основе которых формируется общий социальный опыт ввиду общего для ее представителей временного и исторического периода жизни. Следовательно, основанием межпоколенческих противоречий и конфликтов является столкновение поколенческих интересов, ценностей, норм, статусов, ролей субъектов конфликта.

Каждое поколение выбирает из возможных альтернатив и реализует в своей жизнедеятельности вполне определенный набор ценностных ориентиров, норм, предопределяя тем самым свой образ жизни, свою судьбу и вектор общественного развития. Однако исторический прогресс с позиции изучения межпоколенческих отношений представляет собой смену поколений, воплощающих в своей динамике преемственность социально-исторического процесса, что и составляет основу стабильного и прогрессивного общественного развития.

В процессе смены жизненных миров – мира детства на мир взрослой жизни многие испытывают сильнейшее разочарование в существующем социальном порядке, в социальной справедливости, которая не позволяет эффективно осуществлять молодежи свою субъектность и буквально толкает ее на путь девиации и экстремизма [8, с. 57]. Неспособность старшего поколения дать возможность молодежи достаточно комфортно интегрироваться в систему социальных отношений через образовательную и трудовую деятельность, и необходимость самостоятельного поиска путей самореализации, не всегда приемлемых с правовой точки зрения, разрушающе воздействует на отношения между поколениями.

Молодежь – это социокультурный продукт, получаемый в ходе социализационного процесса, т.е. это результат социализационной системы общества. Следовательно, принципиально неверно обвинять молодежь в том, что она не соответствует каким-либо ожиданиям, нормам, ценностям. Молодежь соответствует духу времени и обществу, ее воспитавшему. Молодежные проблемы – это отражение проблем общества, а межпоколенческие противоречия – это отражение противоречий общественного развития.

В результате разрушенной межпоколенческой преемственности молодежь выпала из системы общественного контроля и регуляции, что с учетом кризиса социализационных институтов привело к росту негативных явлений в молодежной среде – катастрофически снижается социальное самочувствие и здоровье молодежи, растет уровень смертности среди молодежи, прежде всего, от внешних причин: в числе умерших на 100 тыс. населения этот показатель составляет 199,0 у мужчин 20-24 лет и 42,7 у женщин этого же возраста; продолжают оставаться высокими коэффициенты смертности молодых мужчин от транспортных травм и самоубийств, а также растут показатели

смертности от самоубийств у 15-19 летних мужчин, достигая своего пика у 25-29 летних [9, с. 8].

Будущее страны зависит от молодежи и ее готовности к ответственной взрослой жизни в рамках реализации профессиональных и семейных стратегий, в контексте сложившейся правовой и политической культуры. Культура доверия также играет немаловажную роль в жизни молодых поколений России, но как она может сложиться у молодежи, если она росла в условиях отсутствия культуры доверия на всех уровнях общества?

При анализе структуры ценностных ориентаций разных поколений россиян были выявлены различия, ставшие следствием дисфункциональности социализационной системы и нарушением межпоколенческих отношений, разрушением доверительных отношений между поколениями. По многим параметрам молодежь солидаризируется с более старшими поколениями россиян, но бросается в глаза последний показатель о честно прожитой жизни, который совершенно обесценен в молодежной среде, и более высокой значимости материального фактора для молодежи.

Конечно же, определенную надежду внушает сохранность в молодежной среде базовых духовных ценностей: семьи, любви, дружбы, образования (об этом можно встретить информацию в многочисленных работах отечественных исследователей), но это может легко трансформироваться в пространство разочарований, если молодежь по-прежнему будет сталкиваться с массой трудностей на пути к жизненней самореализации и в итоге тенденции трансформации ценностных ориентаций молодежи, которые пока проявляются в рационализации и индивидуализации ценностей молодежи, могут привести к смене ценностной парадигмы, а это чревато глубинными социокультурными сдвигами в истории российской цивилизации.

Уже сегодня российское общество отмечается кризисом солидарности, и с этим связаны такие явления, как рост равнодушия, нравственного нигилизма, жестокости, агрессии, экстремизма в российском обществе и, особенно, в молодежной среде, потерявшей связь с поколениями, испытывающей чувство дискриминации по поколенческому признаку. Необходимо остановить этот процесс самоуничтожения российского общества, и сделать это можно методом повышения уровня доверия.

Итак, наличие доверия на микро и макроуровне общества укрепляет межгрупповые взаимодействия, которые выступают своего рода ареной практической реализации стратегических проектов, направленных на повышение уровня доверия в обществе, и проявляются в процессе межэтнического, межпоколенческого, межпрофессионального и т.д. взаимодействия, источником конфликтности которых в современной России выступает, как правило, социальная несправедливость, обостряющая и осложняющая отношения между различными социальными группами.

На данном основании, реинституционализация межгруппового доверия в России предполагает снижение уровня социальной несправедливости как основы несправедливого социального порядка, установившегося в результате постсоветских преобразований. Это предполагает необходимость эффективной модернизации российского общества по пути восстановления социальной справедливости, но в рамках провозглашенного демократического пути развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М., 2010.
2. Там же.
3. Теоретическое поле этносоциологии: традиции и новые возможности. URL: http://www.iskhakov.narod.ru/disser.part1.html (дата обращения 23.10.2012).
4. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М., 2010.
5. *Юдина Т.Н.* О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10.
6. *Бойков В.Э.* Социальные аспекты миграции населения // Социологические исследования. 2007. № 12.
7. Цит. по: *Левикова С.И.* Молодежная субкультура. М., 2004.
8. *Кубякин Е.О.* К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // Власть. 2010. № 9.
9. Социальный портрет молодежи Российской Федерации // Аналитический доклад. М., 2011.

УДК 316.473

Кумыков Ауес Мухамедович

доктор философских наук, профессор кафедры философии Кабардино-Балкарского государственного университета
profkbsu@mail.ru

Kumykov Aues Mukhamedovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Kabardino-Balkarian State University
profkbsu@mail.ru

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АМНЕЗИИ В ПРЕДМЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

THE PROBLEM OF SOCIAL AMNESIA IN THE SUBJECT AREA OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTION

В статье рассматриваются постановка и актуальность исследования проблемы социальной амнезии в предметном пространстве социально-философской рефлексии. Показано, что феномен социальной амнезии онтологически вписан в социальную реальность и наиболее отчетливо проявляется в периоды социокультурных кризисов.

The article considers the formulation and topical character of the problem of social amnesia in the subject area of social and philosophical reflection. It is shown that the phenomenon of social amnesia is ontologically inscribed into the social reality and is more evident during the periods of social and cultural crises.

Ключевые слова: **социальная амнезия, память, социальная память, социальное беспамятство, социально-философская рефлексия.**

Key words: **social amnesia, memory, social memory, social unconscious, social and philosophical reflection.**

Российское общество переживает один из самых сложных периодов своей истории, решая задачи преодоления наследия тоталитарно-авторитарного модуса социального бытия посредством трансформации и социальной модернизации. Рефлексивно-критический потенциал «вопрошания» о наследии и опыте прошлого постоянно подпитывает актуальный социально-философский дискурс, а обновление концептосферы носит достаточно своеобразный характер, поскольку протекает в условиях переходного периода, характеризующегося нестабильностью общества.

История как событийная жизнь людей во времени и пространстве тесно связана с переменами, которые происходят в обществе, преобразуя и современное интеллектуальное «поле» социально-философской рефлексии и «производства» идей и оказывающими, в свою очередь, существенное воздействие на формирование субъектами преобразований разнообразных культурных практик. Предмет социально-философской рефлексии – это мир социального. В социогуманитарном знании, предлагающем разнообразные дескрипции общества и культуры, каждая из которых имеет свою методологическую основу и выражает на соответствующем языке реальные явления и отношения, обострилось осознание методологических разрывов, что проявляется в возникновении смежных отраслей знания, вызванным, с одной стороны, плюрализмом когнитивных подходов, с другой – ростом внимания к междисциплинарному научному аппарату.

Специфика социального познания состоит в том, что любой исследователь социальной действительности как объективной данности с необходимостью принадлежит ей и не может существовать вне ее. Согласно конструктивистской методологии, попытку описания общества невозможно осуществить вне общества – как бы ни определяли предмет, само по себе определение уже является одной из операций этого предмета, поскольку описанное осуществляет описание. Как полагает И. Шапиро, любые формы социальных исследований зависят от наших представлений о том, что следует считать объяснением социального явления [1].

Философская концептуализация задает основы и теоретические нормативы частных социальных наук, осуществляет рефлексивную работу по осмыслению их предмета и специфики, вырабатывает методологию и категориальную основу исследований. Все эти моменты включаются в исследовательскую программу для работы с социальными явлениями на уровне фактической, эмпирической данности социального.

Ничто в современном мире не устаревает так быстро как знания, поэтому разрыв, который создается между жизненным опытом индивида и социальной памятью предшествующих поколений, заставляет по-новому переосмысливать прошлое, искать новые стратегии его присвоения и освоения в координатах социальной устроенности. Ускорение преобразований и социальные потрясения в контексте коллективной памяти и исторического опыта, деформации социальной памяти и массовое обращение к «искусственному прошлому» в траекториях взаимодействия минувшего и настоящего делают особенно актуальной проблему отношений человека и общества со своим прошлым [2].

Проблема социальной амнезии в предметном пространстве социально-философской рефлексии обусловлена тем, что размытость, неопределенность и фрагментированность жизни в мире постмодерна вынуждает людей вспоминать прошлое. Г.А. Бакиева полагает, что социальная амнезия появляется там и тогда, где и когда происходит разрыв между прошлым, настоящим и будущим. Социальная амнезия как бы периодически разгружает человека от тяжести прошлого. Человечество накопило достаточно знаний и опыта, чтобы обустроить свою жизнь на разумных началах. В архивах коллективной, исторической, национальной, культурной, научной памяти спрессован колоссальный объем знаний, который при эффективном использовании, в правильной актуализации мог обеспечить место, хотя бы для здравого смысла в нашей жизни, особенно в политике, в человеческих взаимоотношениях, общественном обустройстве в целом. Социальная амнезия проявляется и в описании истории только лишь в монументальном, героическом плане, опуская иные слабые, порой позорные ее страницы. Это в свою очередь ведет к искажению, фальсификации истории. Кроме этого, искажение истории создает иллюзии, которые вводят людей в заблуждение [3].

Социальную амнезию возможно определить как социокультурное явление и как процесс, выражающийся в экспансии социального беспамятства, частичной утрате памяти о значимом прошлом в обществе, в размывании чувства самоценности истории и наличии искаженного опыта прошлого, в стремлении элиты созидать новое без опоры на знание о прошлом. Социальная амнезия ведет к дезорганизации социальной памяти как символической реконструкции прошлого в настоящем и совокупности социокультурных практик, осуществляющих отбор и преобразование социальной информации в значимое знание о прошлом в целях сохранения и трансляции культурного опыта.

С развитием современного информационного общества воздействие социальной памяти, равно как и исторического прошлого в целом, на основные тренды и траектории социального развития все более усиливается, так как современные средства массовой коммуникации способствуют распространению информации самого разнообразного свойства. Хотя память никогда не бывает точной копией прошлого, социальная память, оперируя воспоминаниями о значимых событиях, сюжетах, личностях, становится одним из ключевых элементов, определяющих не только актуальное состояние общества, но и активно формирующих его будущее.

Исследователи обращают внимание на то, что социальная память позволяет не только увидеть динамику процесса трансляции передаваемых социокультурных форм во времени и социальном пространстве, но и целостно представляет их нарастающее многообразие во взаимосвязи и противоречивом взаимодействии, а главное, позволяет проанализировать конструирующую деятельность акторов социальных трансформаций (политика памяти). Социальная память – это «плавильный котел», где взаимодействуют временные пласты социоисторического опыта во всем разнообразии форм от мифов до социальных практик, и где с помощью социогенетических социокодов структурируется будущая модель общества [4].

Социальная память может способствовать ускорению одних социальных процессов и, в то же время, тормозить или блокировать другие. Нередко проявляется и защитная социальная амнезия – устранение из памяти травмирующих событий прошлого. Память, забвение, социальное беспамятство и вытеснение отдельных социально значимых сюжетов, фрагментов и личностей из исторической памяти как явления социальности и культуры предстают в качестве весьма значимой проблемы социально-философского дискурса.

Востребованность темы памяти связана с фундаментальными социальными проблемами, а современная социальная действительность представлена переплетением различных пластов социальной реальности, каждый из которых обладает собственными возможностями и демонстрирует собственную логику существования, во многом проистекающую именно из обстоятельств прошлого. Мир социальных явлений отмечен латентно присущей разнонаправленной динамикой. Классическая философия рассматривала его как процесс движения от прошлого к будущему, создавая всеобъемлющие метафизические системы. Философские проекты современности значительно коррелировали траекторию социального познания. «Неклассическая философская рефлексия современности активно включает в свое исследовательское поле непрекращающиеся переливы от за-бытия к бытию, иногда к ино-бытию и, наконец, к со-бытию, которые фиксируются в социальной памяти человека, определяя смысл и ценность его бытия» [5].

В пространстве производства, распространения и потребления социогуманитарного знания отечественная социальная философия в первую очередь презентует себя как совокупность концепций и идеологических построений объяснения закономерностей переходного состояния общества и его трансформации. В интеллектуальном пространстве производства нового знания и актуализации теоретической «оптики» социогуманитарного знания, в том числе, исторического, социально-философское

осмысление опыта и действий воплощается в теории в качестве смысловых комплексов.

Проблематика социальной памяти и социальной амнезии, возникшая в глубинах реального социокультурного опыта, требует серьезных когнитивных усилий. В социально-философском и общегуманитарном пространстве сформировались исследовательские дискурсы, которые, наполняясь воспоминаниями и актуальными оценками прошлого, настоящего и будущего, порождает необходимость новых концептуальных подходов и стимулирует разработку иных методологических оснований для анализа социальной памяти и социальной амнезии, включая политическое использование памяти властными структурами «общества отката и заноса».

Недаром многие, вслед за французским мыслителем П. Нора говорят, что мы сейчас живем в эпоху памяти, впрочем, памяти специфической, манипулятивной, искусственной, в которую активно вмешиваются государство и средства массовой информации, в силу чего она становится идеальной почвой для исторических и политических манипуляций. Если же историческое знание формирует лишь взаимную ненависть и нетерпимость, то это знание нефункционально.

Феномен социальной амнезии онтологически вписан в социальную реальность и наиболее отчетливо проявляется в периоды социокультурных кризисов, из-за чего конфигурация проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса приобретает циклически-волновую природу, когда периодически утраченное содержание памяти может возвращаться в историю в переработанном виде, откликаясь на запросы эпохи. Поскольку память выступает хранителем прошлого и вместилищем информации о минувшем, то сюжеты, в которых раскрывается память, зачастую связаны с ее утратой или же с ностальгией по прошлому. В итоге социальная память, обладая функциональными и структурно-содержательными особенностями, включает в себя не только процессы вспоминания, но и забывания, а природа и траектории рецепции прошлого в современных социокультурных практиках, составляя суть социальной амнезии, отличаются деформированным характером.

Выявление теоретических оснований и уточнение проблемного поля исследования социальной памяти в социокультурных практиках рецепции прошлого обусловлено тем, что в корпусе категориально-понятийных комплексов, описывающих те или иные проявления социальной реальности, социальная память занимает все более заметное место.

Традиционные подходы к социальной памяти и социальному беспамятству как ее инварианту разрабатывались в рамках неклассической парадигмы социальной философии. Однако изменение предмета исследования неизбежно влечет за собой и возникновение нового теоретико-методологического инструментария, призванного отразить специфические характеристики социальной памяти в современном трансформирующемся обществе. Сами аналитические дискурсы наполняются воспоминаниями и актуальными оценками прошлого, настоящего и будущего. Необходимым становится создание новой концепции социальной памяти, способной как синтезировать разработки предшествующих подходов, так и обобщить опыт, полученный в результате исследования современных социальных и социокультурных процессов.

Согласно Т.М. Тузовой, проблемы специфической природы философской рефлексии (в широком смысле слова: размышления, продумывания, осмысления), философского способа вопрошания о мире и человеке, конституируемых его работой, собственных территории, предмета и метода, а также философского знания и языка исследуются по отношению к дискурсу повседневности и методологии гуманитарных наук. Интрига исследования – феномен странности речи философа, рождающийся в ее встрече с повседневным сознанием и устойчиво воспроизводящийся с момента возникновения философии и доныне. Таким образом, рождаясь из встречи дискурсов, феномен странности воплощает и связывает собой некие принципиальные, радикальные и глубинные особенности их способов самоосуществления, и в этом смысле он, по мнению автора, может быть прочитан как стягивающий в себе всю проблематику специфичности философского дискурса [6].

В философской и социологической литературе подчеркивается, что разрывы в истории обостряют интерес к прошлому, к проблеме связи времен, заставляют изобретать новые образы прошлого, которые позволили бы восстановить распавшуюся связь времен. Современный интерес к прошлому вызвал переосмысление основных проблем, связанных с пониманием истории и памяти. Единое восприятие времени сменилось осознанием того, что не существует как единого времени («школа Анналов»), так и единой культуры восприятия времени (К. Леви-Стросс): в разных культурах и на разном уровне социальности прошлое (или история) воспринимаются по-разному. Концептуальные представления о прошлом связаны с особенностями культуры отдельных обществ, классов субкультур. При этом существуют общества или отдельные социальные общности эмоционально более чувствительные к проблеме времени, где история (прошлое) становится чем-

то вроде внутреннего двигателя развития и прогнозирования на будущее. Вторая особенность – отношение прошлое-настоящее. В интересе к прошлому считают исследователи, центральным является интерес к настоящему как точке, где пересекаются восприятие опыта (прошлого) и представления о будущем – горизонты ожидания. Это своеобразный диктат настоящего времени, которое ставит себе на службу как прошлое, так и будущее. Интерес к прошлому возвращается в новом виде: с его помощью пытаются освятить собственную теперешнюю идентичность: через память, наследие, юбилеи, исторические празднества утверждаются и переосмысляются ключевые координаты осознания себя как общности [7].

Таким образом, феномен социальной амнезии онтологически вписан в социальную реальность и наиболее отчетливо проявляется в периоды социокультурных кризисов. Уточнение теоретических оснований и выявление проблемного поля исследования социальной амнезии в социокультурных практиках рецепции прошлого обусловлены тем, что в корпусе категориально-понятийных комплексов, описывающих те или иные проявления социальной реальности, социальная память занимает все более заметное место. Обращение к проблематике социальной памяти и социального беспамятства в современном российском обществе диктуется соображениями, связанными с особенностями их проявления в социальной реальности и необходимостью концептуальной проработки в современном социальном знании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шапиро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М., 2011.
2. См.: Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.
3. *Бакиева Г.А.* Философский анализ феномена социальной памяти: автореф. дисс. …д-ра филос. наук. СПб., 2001.
4. *Лыкова В.В.* Роль социальной памяти в трансформации России. URL: regconf.hse.ru (дата обращения 23.12.2012).
5. См.: *Лойко О.Т.* Онтология социальной памяти: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2004.
6. См.: *Тузова Т.М.* Специфика философской рефлексии. Минск, 2001.
7. *Рождественская Е., Семенова В.* Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6.

УДК 316.6

Руденко Филипп Григорьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Кубанского социально-экономического института
Rudenko@krasnodar.arbitr.ru

Rudenko Philipp Grigorievich

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kuban Social and Economic Institute
Rudenko@krasnodar.arbitr.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОНФЛИКТОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

В статье исследуется актуальная проблема психологических особенностей межличностных конфликтов на производственных предприятиях, которая имеет существенное теоретическое и практическое значение для общей, социальной и прикладной психологии.

Ключевые слова: **организационное взаимодействие, виды и причины конфликтов, агрессивность, стратегии поведения в конфликтной ситуации, межличностный конфликт.**

RESEARCH INTO PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERPERSONAL RELATIONS AND CONFLICTS IN PRODUCTION COMPLEX ENTERPRISES

The article studies the topical issue of psychological specificities of interpersonal conflicts in manufacturing enterprises; the issue is of both theoretical and practical significance for general, social and applied psychology.

Key words: **organizational interaction, types and reasons for conflicts, aggression, strategies for behavior in a conflict situation, interpersonal conflict.**

Предприятия производственного комплекса являются сложной системой и включают в себя не только индивидов с различными статусами, социальными установками и интересами, но и различные социальные образования, стремящиеся занять более высокое место в структуре организации, изменить существующие нормы деятельности или систему отношений внутри организационной структуры. Кроме того, различные подразделения предприятий могут подвергаться управленческому воздействию в различной степени. Таким образом, имеют место неравенство в распределении ресурсов, а также различия в возможностях высшего руководства реализовать властные функции. Все эти причины, в конечном счете, могут привести организацию и ее подразделения к состоянию напряженности и даже социального конфликта.

В психологической литературе конфликт принято определять как столкновение противоположно направленных интересов, целей, желаний и позиций взаимодействующих субъектов. В.Г. Крысько считает, что конфликт – это такое взаимодействие между людьми, которое характеризуется возникновением и столкновением противоречий в их отношениях. Выделяют внутриличностные конфликты, межличностные конфликты и межгрупповые конфликты. Исходя из темы дипломного исследования, нас больше интересует межличностный конфликт в организации и его психологические особенности [4].

Несомненно, конфликт – явление социальное, порождаемое самой природой общественной жизни. Он непосредственным образом выражает те или иные стороны социального бытия, место и роль человека в нем.

Под межличностным конфликтом понимают открытое столкновение взаимодействующих субъектов на основе возникших противоречий, выступающих в виде противоположных целей, не совместимых в какой-то конкретной ситуации.

Межличностный конфликт проявляется во взаимодействии между двумя и более лицами. В межличностных конфликтах субъекты противостоят друг другу и выясняют свои отношения непосредственно, лицом к лицу. Это один из самых распространенных типов конфликтов. Они могут происходить как между сослуживцами, так и между самыми близкими людьми [3].

В межличностном конфликте каждая сторона стремится отстоять свое мнение, доказать другой ее неправоту, люди прибегают к взаимным обвинениям, нападкам друг на друга, словесным оскорблениям и унижениям. Такое поведение вызывает у субъектов конфликта острые негативные эмоциональные переживания, которые обостряют взаимодействие участников и провоцируют их на экстремальные поступки. В условиях конфликта становится трудно управлять своими эмоциями. Многие его участники после разрешения конфликта еще долго испытывают негативное самочувствие.

Правомерно считать, что межличностный конфликт выступает одним из уходящих в глубины тысячелетий способов взаимодействия человеческих существ. Он получил распространение раньше внутриличностного конфликта, так как отношения между отдельными людьми предшествовали обще-

нию индивида с самим собой, его автокоммуникации. Назначение конфликта было и есть преодоление чрезмерно обострившихся противоречий, нахождение оптимального выхода из возникшего противостояния, поддержание взаимодействия субъектов социальных связей в условиях серьезного расхождения их интересов, оценок, целей. Любое урегулирование конфликта или его предупреждение направлены на сохранение существующей системы межличностного взаимодействия [1].

В качестве отличительных особенностей межличностного конфликта принято выделять следующие характеристики [2].

1. Противоборство людей происходит непосредственно, здесь и сейчас, на основе столкновения их личных мотивов. Соперники сталкиваются лицом к лицу.

2. Проявляется весь спектр известных причин: общих и частных, объективных и субъективных.

3. Межличностные конфликты для субъектов конфликтного взаимодействия являются своеобразным «полигоном» проверки характеров, темпераментов, проявления способностей, интеллекта, воли и других индивидуально-психологических особенностей.

4. Межличностные конфликты отличаются высокой эмоциональностью и охватом практически всех сторон отношений между конфликтующими субъектами

5. Эти конфликты практически всегда затрагивают интересы окружения.

Конфликт по праву считается одной из наиболее распространенных форм организационного взаимодействия, да и всех других взаимоотношений людей. Подсчитано, что на конфликты и их переживания уходит около 15% рабочего времени персонала. Еще больше времени тратят на урегулирование конфликтов и управление ими руководители (в некоторых организациях до половины рабочего времени) [5].

Конфликты занимают одно из центральных мест в управлении персоналом не только в силу значительности связанных с ними временных затрат, но и из-за высокой организационной значимости их инновационных, созидательных, а особенно разрушительных последствий. Для диагностики организационного конфликта и управления им необходимо знать специфику этого типа взаимоотношений.

Организационный конфликт есть любая разновидность конфликта, проявляющегося в организации как относительно самостоятельной целостной системе. Следует заметить, что в отечественной социально-психологической литературе встречается и более узкая трактовка понятия «организационный конфликт». Так, О.Н. Громова рассматривает его как следствие организационного регламентирования деятельности личности: применения должностных инструкций, внедрения формальных структур управления организацией и др. [6].

Организационный конфликт выступает одним из типичных проявлений конфликта вообще, т.е. конфликта как социально-психологического феномена, существующего на разных уровнях общественной жизни: в отношениях между отдельными людьми в первичных группах, например, в семьях, внутри больших и малых организаций, между организациями, в том числе государствами, между межгосударственными объединениями и т.п. Вот почему к пониманию организационного конфликта применима общая теория конфликта и прежде всего теория социальных конфликтов.

Общей чертой всех организационных конфликтов является реальная или мнимая блокада потребностей (или препятствие удовлетворению потребностей) отдельного члена организации или социальной группы.

Конфликт в организации может протекать и распространяться в следующих основных направлениях [9].

1. Горизонтальные конфликты, или конфликты «равный с равным», представляют собой конфликты между коллегами, руководителями одного уровня и характеризуются тем, что участники не могут использовать в противостоянии самый главный ресурс – статус в организации, должностное положение. В этом случае, на первый план выходят связи членов организации, их прошлые заслуги и опыт;

2. Вертикальные конфликты, или конфликты руководителей с подчиненными, изначально протекают в неравных для соперников условиях, так как руководители обладают большими ресурсами и возможностями, чем подчиненные.

Возникновение и развитие конфликтов обусловлено действием четырех групп факторов и причин: объективных, организационно-управленческих, социально-психологических и личностных. Первые две группы факторов носят в основном объективный характер, третья и четвертая – главным образом субъективный.

Понимание объективно-субъективного характера причин конфликтов весьма полезно при определении способов их предупреждения, выработке оптимальных стратегий поведения людей в типичных конфликтах. К числу объективных причин конфликтов можно отнести главным образом

те обстоятельства социального взаимодействия людей, которые привели к столкновению их интересов, мнений, установок и т.п. [7]. Объективные причины приводят к созданию предконфликтной обстановки – объективного компонента предконфликтной ситуации. Например, в цехе освобождается должность его начальника, на которую могут претендовать несколько инженеров, работающих в данном цехе. Поскольку должность одна, а претендентов несколько, интересы последних объективно, т.е. независимо от желания инженеров, сталкиваются. Такое столкновение может привести, а может и не привести к конфликту. Однако если бы на эту должность был один претендент, то столкновения интересов двух или нескольких инженеров, связанного с назначением на данную должность, не было бы. В такой ситуации был бы исключен и конфликт, связанный с назначением на освободившуюся должность, так как не было бы объективной основы для него.

Субъективные причины конфликтов в основном связаны с теми индивидуальными психологическими особенностями оппонентов, которые приводят к тому, что они выбирают именно конфликтный, а не какой-либо другой способ разрешения создавшегося объективного противоречия. Человек не идет на компромиссное решение проблемы, не уступает, не избегает конфликта, не пытается совместно с оппонентом обоюдовыгодно разрешить возникшее противоречие, а выбирает стратегию противодействия. Практически в любой предконфликтной ситуации есть возможность выбора конфликтного или одного из неконфликтных способов ее разрешения. Причины, в силу действия которых человек выбирает конфликт, в контексте сказанного выше носят главным образом субъективный характер.

К типичным социально-психологическим причинам конфликтов относятся: потери и искажения информации в процессе межличностной и межгрупповой коммуникации; разбалансированное ролевое взаимодействие людей; выбор разных способов оценки результатов деятельности; разный подход к оценке одних и тех же сложных событий; внутригрупповой фаворитизм; соревнование и конкуренция; ограниченная способность к децентрации, психологическая несовместимость и др.

Основными личностными причинами конфликтов выступают: субъективная оценка поведения партнера как недопустимого; недостаточная социально-психологическая компетентность, низкая конфликтоустойчивость; плохое развитие эмпатии; неадекватный уровень притязаний; холерический тип темперамента, акцентуации характера и др. [8].

Таким образом, изучив литературу по проблеме психологических особенностей межличностных конфликтов в организациях (А.Я. Анцупов, Н.В. Гришина, В.Г. Зазыкин, А.С. Гусева, В.В. Козлов, А.А. Ершов, А.И. Шипилов, В.Н. Князев, В.Ф. Рубахин, А.В. Филиппов, В.М. Шепель и др.), можно сделать вывод, что этот вопрос является достаточно актуальным на современном этапе развития общества и психологии как науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ворожейкин И.Е., Кабанов А.Я., Захаров Д.К.* Конфликтология. М., 2012.
2. *Карташова Л.В., Никонова Т.В., Соломанидина Т.О.* Организационное поведение. М., 2007.
3. *Кильмашкина Т.Н.* Конфликтология: социальные конфликты. М., 2009.
4. *Крысько В.Г.* Социальная психология: курс лекций. М., 2008.
5. *Леонова А.Б., Чернышова О.Н.* Психология труда и организационная психология: современное состояние и перспективы развития. М., 1995.
6. *Нестик Т.А.* Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. // Психологический журнал. 2009. № 1. Т. 30.
7. *Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю.* Психология труда и человеческого достоинства. М., 2010.
8. Психология / под общ. ред. В.Н. Дружинина. СПб., 2009.
9. *Столяренко Л.Д.* Основы психологии. Ростов н/Д, 2007.

УДК 159.923.2

Швецова Виталина Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета тел.: (951) 764-56-05

Shvetsova Vitalina Anatolyevna

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology of Belgorod State National Research University tel.: (951) 764-56-05

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

CHARACTERISTIC FEATURES OF PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF MODERN STUDENTS

Формирование профессионального самосознания студентов является одной из главных задач высшего профессионального образования. Показателем его высокого уровня развития является наличие целостного образа – Я будущего профессионала в структуре общего самосознания личности. Большинству студентов присущ невысокий уровень развития профессионального самосознания, который проявляется в недостаточно полных и сильно противоречивых представлениях о собственных профессиональных качествах.

***Ключевые слова:* личность студента, профессиональное самосознание, представления о профессиональных качествах, самооценка, уровень притязаний, рефлексия.**

Formation of professional consciousness of students is one of the main tasks of higher professional education. The index of its high level of development is the presence of integral character of "Self" of a future professional in the structure of general consciousness of a personality. The low level of development of professional consciousness is inherent in most students, that is evident from incomplete and strongly contradictory ideas about their professional qualities.

***Key words:* personality of a student, professional consciousness, ideas about professional qualities, self-appraisal, level of claims, reflection.**

Эффективность выполнения специалистом своих трудовых обязанностей во многом зависит от особенностей отношения человека к своей профессии, его осознания самого себя как профессионала, осознания своей роли и места в коллективной деятельности. На настоящее время существует немало теоретических исследований, указывающих на то, что формирование профессионального самосознания является одной из узловых задач профессиональной подготовки специалистов.

Начальная стадия профессионализации личности и формирования профессионального самосознания человека осуществляется на этапе профессионального обучения. Однако в настоящий момент недостаточно раскрыты закономерности становления профессионального самосознания студенческой молодежи. В этой связи является актуальной задача изучения особенностей профессионального самосознания современных студентов.

Согласно утверждению А.К. Марковой, профессиональным самосознанием является комплекс представлений человека о себе как о профессионале, целостный образ себя как профессионала, система отношений к себе как к профессионалу [4]. Опираясь на данное определение можно сформулировать понятие о профессиональном самосознании студентов как совокупности их представлений о себе как о будущем специалисте и системе отношений к себе как к будущему специалисту. По мнению Л.М. Митиной, высокий уровень развития профессионального самосознания студентов определяется тем, что целостный образ – Я будущего профессионала вписывается в общую систему ценностных ориентаций человека, связанных с осознанием целей своей учебно-профессиональной деятельности и средств, необходимых для их конструктивного достижения, высокой эффективностью учебной деятельности и удовлетворенностью ее результатами [5].

Низкий уровень развития профессионального самосознания студентов характеризуется осознанием и самооценкой «лишь отдельных свойств и качеств, которые складываются в недостаточно устойчивый образ, детерминирующий, как правило, неконструктивное поведение» [5, с. 108] и взаимодействие, малоэффективную учебно-профессиональную деятельность и неудовлетворенность ее результатом. Основным механизмом становления профессионального самосознания студентов является рефлексия. Говоря о значимости рефлексии для человека, Л.С. Выготский отмечал, что в основе сознания лежит обобщение собственных психических процессов, приводящее к овладению ими [1]. Рефлексивные процессы также обеспечивают протекание профессиональной деятельности, связывание ее звеньев в единое целое. «Рефлексивное действие выступает условием выполнения предметного действия обобщенным способом..., который характеризуется возможностью достигать успешно одну и ту же цель в разных условиях» [3, с. 41].

Далее представлены результаты экспериментального изучения особенностей профессио-

нального самосознания студентов. Организационной базой исследования являются студенты Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), 3-го курса исторического факультета (всего 40 чел.). Для экспериментального изучения профессионального самосознания студентов были выбраны следующие критерии: совокупность представлений о себе как о будущем профессионале (когнитивный компонент) и уровень самооценки профессиональных качеств, знаний, умений, способностей (эмоционально-оценочный компонент). А также изучался уровень рефлексии.

Для изучения у студентов совокупности представлений о себе как о будущем профессионале мы использовали модификацию методики «20 позиций» М. Куна, Т. Макпартлэнда [7]. В инструкции студентам предлагалось написать в различных словах, словосочетаниях, фразах и предложениях русского языка 20 различных ответов на вопрос «Кто Я как студент?». Обработка и интерпретация результатов проводилась методом контент-анализа. Все ответы можно отнести к одной из двух категорий: объективное или субъективное упоминание. Примерами первой категории являются такие характеристики себя, как «студент», «девушка», «дочь», «инженер», т.е. утверждения, относящиеся к объективно определенным социальным ролям.

Примером субъективных категорий являются такие как «счастливый», «слишком толстый», «интересная». При этом целостный профессиональный компонент в общей структуре самосознания студентов обнаруживается в виде высказывания «Я – будущий специалист» (учитель, переводчик, математик и т.п.). Он свидетельствует о том, что студент уже осознает себя в качестве будущего профессионала, сознательно ориентирует свою активность на профессиональное общение и учебно-профессиональную деятельность, профессиональное обучение для него имеет личностно-значимый характер.

С целью изучения уровня самооценки профессиональных качеств (знаний, умений, способностей, профессионально важных качеств личности и др.) мы применяли модифицированный вариант методики самооценки личности Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейна. С помощью специальной шкалы студентам предлагалось оценить степень выраженности у себя следующих профессиональных качеств: 1 – профессиональные знания, умения, навыки; 2 – профессиональные способности, мышление; 3 – профессионально важные качества личности; 4 – успешность в учебно-профессиональной деятельности; 5 – авторитет у преподавателей и студентов; 6 – самостоятельность; 7 – ответственность; 8 – творческая направленность; 9 – уверенность в себе. С целью изучения рефлексии мы использовали психодиагностическую методику изучения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой [2].

Результаты методики «20 позиций» М. Куна, Т. Макпартлэнда свидетельствуют, что в испытуемой группе выявлено среднее количество профессиональных характеристик – 5, что соответствует 25% от общего числа характеристик (20). Среди них чаще всего встречаются такие положительные характеристики: «учусь профессии», «пишу лекции», «хожу на занятия», «выполняю задания преподавателя», «готовлюсь к семинарам», «готовлюсь к экзаменам», «пишу курсовую работу», «умею анализировать профессиональные темы, напр., исторические события» «стремлюсь хорошо учиться», «стремлюсь к новым знаниям», «хочу получить хорошее профессиональное образование», «доволен выбранной профессией», «люблю свой факультет». Наиболее часто встречаются такие отрицательные характеристики, как: «ленивый», «безынициативный», «не очень активный», «не очень талантливый», «опаздываю на занятия», «не нравятся некоторые предметы», «не всегда готовлюсь к семинарам», «не готов к зачету», «могу пропускать занятия». При этом положительные характеристики явно доминируют (соответственно 20% и 5%).

Кроме того, методика «20 позиций М. Куна» позволила выявить наличие или отсутствие сформированности у студентов профессионального самосознания в виде целостного компонента в общей структуре самосознания личности. Он обнаруживается в виде высказывания «Я – будущий специалист, напр., учитель, историк и т.п.» и характеризует высокий уровень развития профессионального самосознания студентов. Результаты психодиагностики показали, что профессиональное самосознание в виде целостного компонента присуще лишь 18% студентов. Это подтверждает теоретическое положение о том, что на начальном этапе становления профессионального самосознания у студентов преобладают процессы дифференциации (а не интегрирования), которые связаны с периодом «вхождения» в учебно-профессиональную среду и деятельность, первоначальной ориентации в ней, усвоения и накопления профессиональных знаний в рамках изучения отдельных учебно-профессиональных дисциплин.

Таким образом, профессиональное самосознание студентов характеризуется недостаточно полным и развитым представлением студентов о своих профессиональных качествах. Однако при

этом у них доминируют положительные характеристики (при наличии также отрицательных). Отсутствие у большинства студентов (82% испытуемых) профессионального самосознания в виде целостного компонента в общей структуре самосознания личности свидетельствует о его невысоком уровне.

Результаты изучения у студентов уровня самооценки профессиональных качеств (знаний, умений, способностей, профессионально важных качеств личности и др.) с помощью модифицированного варианта методики самооценки личности Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели уровня самооценки (СО) студентами своих профессиональных качеств и их уровня притязаний (УП) в профессиональной деятельности

Эмоционально-оценочные компоненты профессионального самосознания студентов	**Уровень показателей (%)**			
	Очень высокий	Частично завышенный	Адекватный	Частично заниженный
Самооценка	10	50	33	7
Уровень притязаний	38	37	25	0

Результаты показали, что уровень самооценки студентами собственных профессиональных качеств адекватный лишь у 33% испытуемых, частично завышенный – у 50, очень высокий –у 10 и заниженный – у 7% студентов. Это означает, что большинство студентов (60%) в той или иной степени переоценивают свои профессиональные качества, они недостаточно умеют реалистично оценивать процесс и результат учебной деятельности, не замечают и не хотят работать над ошибками, не прислушиваются к критическим замечаниям преподавателя в свой адрес.

33% студентов имеют адекватную самооценку, что указывает на то, что они реалистично оценивают свои профессиональные качества, и результат собственной деятельности, положительно относятся к себе и в то же время прислушиваются к критическим замечаниям и сами замечают ошибки в своей работе. Кроме того, можно отметить, что выше всего студенты оценивают у себя наличие «профессионально важных качеств личности», ответственности и исполнительности, авторитета среди преподавателей и студентов и уверенности в себе. Одновременно, они значительно ниже оценивают, т.е. считают недостаточными свои профессиональные знания и умения, профессиональные способности и мышление, успешность в деятельности, самостоятельность и инициативность, а также творческую направленность личности.

Уровень притязаний у большинства студентов (75%) в той или иной степени завышен. Это означает, что они ставят перед собой нереалистичные профессиональные цели, которые не опираются на уровень достижений в учебно-профессиональной деятельности в настоящий период жизни. Студенты переоценивают свои возможности и будущие перспективы профессиональной деятельности.

Результаты исследования также показали (табл. 2), что у 42% студентов выявлена умеренная степень дифференцированности самооценки, что свидетельствует о развитом, зрелом и сбалансированном представлении студентов о своих профессиональных качествах. У 29% студентов наблюдается сильная степень дифференцированности самооценки, что свидетельствует о несбалансированном, противоречивом представлении студентов о собственных профессиональных качествах.

Таблица 2.

Показатели степени дифференцированности профессиональной самооценки студентов их уровня притязаний (УП) в профессиональной деятельности

Степень дифференцированности	**Уровень показателей (%)**		
	Сильная	Умеренная	Слабая
Самооценки	29	42	19
Уровня притязаний	22	33	45

Такие студенты находятся в процессе «поиска себя», для них актуальна проблема самопознания в профессиональной сфере. У 19% студентов выявлена слабая степень дифференцированности самооценки, что свидетельствует о недостаточно развитом, незрелом, слишком эмоциональном представлении студентов о своих профессиональных качествах.

Характеризуя степень дифференцированности уровня притязаний, следует отметить, что очень многим студентам (45%), почти половине испытуемых присуща слабая степень дифференцированности уровня притязаний. Это означает, что у таких студентов нет достаточно ясных профессиональных целей, построения профессиональных планов, понимания, как их следует достигать, какие средства и усилия следует затратить. Вероятно, это может быть обусловлено признаками незрелости личности.

Результаты изучения рефлексии студентов с помощью «Методики определения индивидуальной меры рефлексивности» представлены в табл. 3. У студентов было выявлено наличие низкого уровня рефлексивности у 48% испытуемых. Это означает, что таким студентам в меньшей степени свойственно задумываться над происходящим, над причинами своих действий и поступков других людей, над их последствиями.

Таблица 3

Показатели рефлексивности у студентов

Виды рефлексии	**Уровни рефлексии (%)**		**Средний «сырой» балл**	**Средний показатель в стенах**
	Средний	**Низкий**		
Общий показатель рефлексии	52	48	112	3,8
Ретроспективная рефлексия	57	43	31	4,4
Рефлексия настоящей деятельности	38	62	27	2,8
Рефлексия будущей деятельности	65	35	32	4,6
Рефлексия общения	60	40	32	4,6

Такие люди не всегда планируют свою деятельность, бывают импульсивны и ограничиваются рассмотрением меньшего количества деталей при принятии решения. У них возможно возникновение трудностей в общении с другими людьми из-за невозможности всегда точно понять другого, предсказать его реакцию. Наличие среднего (достаточного) уровня – у 52% испытуемых. Это означает, что такие студенты в большей степени склонны обращаться к анализу своей деятельности и поступков других людей, выявлять причины и следствия своих действий как в прошлом, так в настоящем и будущем. Им свойственно обдумывать свою деятельность в мельчайших деталях, тщательно ее планировать и прогнозировать все возможные последствия. Вероятно также, что таким людям легче понять другого, поставить себя на его место, предсказать его поведение, понять, что думают о них самих.

Средние показатели свидетельствуют, что у типичного студента недостаточно развито такое личностное свойство как рефлексия, которая служит механизмом развития профессионального и личностного самосознания студентов. Причем, у студентов на удовлетворительном и приблизительно одинаковом уровне развиты способность анализировать события и деятельность в прошлом, способность планировать свою деятельность и способность проникать во внутренний мир других людей. Однако они недостаточно включены в текущую деятельность, мало и недостаточно качественно ее контролируют, т.е. нуждаются во внешнем контроле и в организационной помощи со стороны преподавателя.

Для изучения влияния уровня развития рефлексии на уровень развития профессиональной самооценки студентов мы сопоставили результаты «Методики определения индивидуальной меры рефлексивности» и методики Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн (см. рис. 1). Применение t-критерия Стьюдента для зависимых переменных позволило выявить у студентов наличие значимого различия между уровнем их рефлексии и уровнем профессиональной самооценки ($t=2,21$ при $p=0,01$).

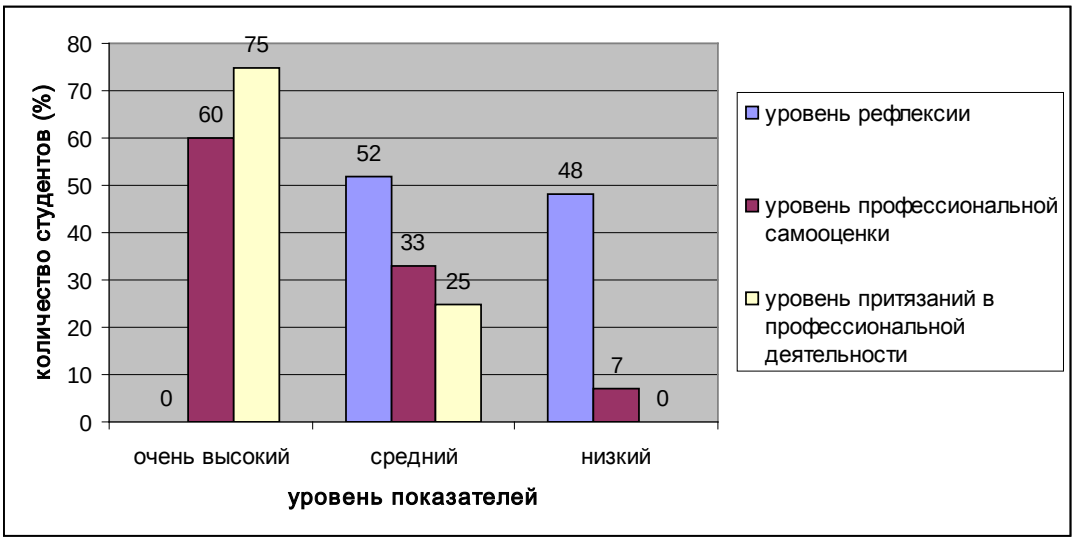

Рис.1. Сравнение уровня рефлексии и профессиональной самооценки студентов

Это означает, что с вероятностью 99,9% можно утверждать, что нет жесткой связи между уровнем развития рефлексии и уровнем профессиональной самооценки студентов. Действительно, можно ожидать, что на фоне завышенной личностной самооценки большинства студентов развитый уровень рефлексии будет способствовать развитию самокритичности и формированию у них адекватной профессиональной самооценки, т.е. понижению ее с очень высокого до адекватного уровня.

Итак, по результатам экспериментального исследования можно сделать следующие выводы:

1. Профессиональное самосознание студентов характеризуется недостаточно полным и развитым представлением студентов о своих профессиональных качествах, так как они составляют всего 25% от общего числа характеристик себя как студента. При этом положительные характеристики явно доминируют. Среди них чаще всего встречаются такие, как: «учусь профессии», «выполняю задания преподавателя», «готовлюсь к семинарам», «стремлюсь хорошо учиться», «стремлюсь к новым знаниям», «хочу получить профессиональное образование», «доволен выбранной профессией», «люблю свой факультет». Среди отрицательных характеристик чаще встречаются такие, как: «ленивый», «безынициативный», «опаздываю на занятия», «не нравятся некоторые предметы», «не всегда готовлюсь к семинарам», «не готов к зачету», «могу пропускать занятия».

2. У большинства студентов отсутствует профессиональное самосознание в виде целостного компонента в общей структуре самосознания личности, что обнаруживается в виде высказывания «Я - будущий специалист, учитель, историк и т.п.» и характеризует невысокий уровень его развития. Вероятно, это частично обусловлено тем, что на начальном этапе становления профессионального самосознания у студентов преобладают процессы дифференциации (а не интегрирования), усвоения и накопления профессиональных знаний в рамках изучения отдельных учебно-профессиональных дисциплин.

3. Большинство студентов в той или иной степени переоценивают свои профессиональные качества, они недостаточно умеют реалистично оценивать результаты учебной деятельности, не замечают ошибок, не прислушиваются к критическим замечаниям преподавателя в свой адрес. При этом выше всего студенты оценивают у себя наличие «профессионально важных качеств личности», «ответственности и исполнительности», «авторитета среди преподавателей и студентов» и «уверенности в себе». Значительно ниже они оценивают, т.е. считают недостаточными свои «профессиональные знания и умения», «профессиональные способности», «успешность в деятельности», «самостоятельность и инициативность». Также у студентов, как правило, в той или иной степени завышен и слабо дифференцирован уровень притязаний, т.е. они не умеют ставить перед собой реалистичные профессиональные цели, у них нет достаточно ясного плана их достижения.

4. Почти каждый третий студент находится в процессе «поиска себя», для него актуальна проблема самопознания в профессиональной деятельности, так как для него характерно сильно противоречивое представление о собственных профессиональных качествах.

5. У типичного студента недостаточно развито такое личностное свойство как рефлексия,

которая служит механизмом развития профессионального и личностного самосознания. Причем на удовлетворительном уровне развиты способность анализировать события и деятельность в прошлом, способность планировать свою деятельность и способность проникать во внутренний мир других людей. Однако он недостаточно включен в текущую деятельность, мало и недостаточно качественно ее контролирует, т.е. нуждается во внешнем контроле, в организационной помощи со стороны преподавателя.

В целях формирования целостного представления студентов о себе как о будущем профессионале в учебном процессе следует уделять внимание интеграции профессиональных знаний, умений, навыков, обсуждению профессионально-важных качеств личности, изучению профессиональных способностей и склонностей студентов. Желательно в ходе образовательного процесса давать студентам возможность ставить и реализовывать реалистические, общественно и личностно значимые цели и задачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. СПб., 2006.
2. *Карпов А.В.* Рефлексивность как психологическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. № 5. Т. 24.
3. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных механизмов управления // Институт психологии РАН. М.; Ярославль, 2000.
4. *Маркова А.К.* Психология профессионализма: учеб. пособие. М., 1996.
5. *Митина Л.М.* Учитель как личность и профессионал: учеб. пособие. М., 1994.
6. *Румянцева Т.В.* Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре: учеб. пособие. СПб., 2006.

Филологические науки

УДК 811.512.37

Боваева Галина Манджиевна

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры германской филологии Калмыцкого государственного университета
тел.: (927) 645-50-75

Bovaeva Galina Mandzhievna

PhD in Philology, Lecturer of the Department of ' German Philology of Kalmyk State University
tel.: (927) 645-50-75

НОМИНАЦИИ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ И ЧАЯ В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

NOMINATIONS OF DAIRY AND TEA PRODUCTS IN THE LINGUO-SEMIOTIC SYSTEM OF THE KALMYK LANGUAGE

Статья посвящена описанию семантики лингвистических знаков, номинирующих важную в гастрономическом отношении подсистему потребления пищевых продуктов в калмыцкой языковой системе. Научная значимость данной публикации в ее новизне: исследован языковой кластер номинаций потребления молочных продуктов и чая в лингвосемиотической системе калмыцкого языка в этнолингвистическом плане.

Ключевые слова: **номинации, лексико-семантическая группа, молочные продукты, чай.**

The article is devoted to the description of the semantics of linguistic signs nominating an significant in gastronomic respect subsystem of food articles consumption of the Kalmyk language system. The scientific importance of this research is in its novelty: the language cluster of nominations of dairy products and tea consumption in the linguo-semiotic system of the Kalmyk in the ethnolinguistic plane has been studied.

Key words: **nomination, lexico-semantic group, dairy products, tea.**

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.1001

Каждый этнос имеет свои пищевые зоны, свой хабитат; и в каждом этносе существуют номинации пищевых продуктов, употребляемые на национальном уровне, и способы их приготовления и потребления. У степняков-калмыков в силу ведения пастбищного хозяйства сложилась своя специфическая глюттоническая система продуктов питания, которая репрезентирована в языковой системе калмыцкого этноса целой парадигмой лексико-семантических групп. По мнению О.С. Ахмановой, семантическая группа – это подразряд слов в пределах данной части речи, объединенных общностью значения [2]. В.Г. Гак также считает, что ЛСГ составляют слова, объединяющиеся по сходству значения [7]. Рассмотрим структуру лексико-семантических групп наименований «молочные продукты» и «чай», ибо «мясо и молоко составляли основу питания монгольских народов» [11, с. 203], чай же является культовым продуктом и первым угощением у представителей рассматриваемого этноса. Лексемы, входящие в данные ЛСГ, объединялись на основе общего денотативного компонента их семантики.

ЛЕ данных групп номинируют процессы добычи, доставки, обработки, приготовления и потребления молочных продуктов и чая и репрезентированы в лингвосемиотической системе калмыцкого языка следующим образом:

1) *номинациями молочных продуктов и чая в зависимости от подвида выращиваемых животных*: *үкрә үсн* – коровье молоко; *темәнә үсн* – верблюжье молоко; *ямана үсн* – козье молоко; *хөөнә үсн* – овечье молоко; *гүүнә үсн* – кобылье молоко; *үкрин/ темәнә үсәр үслсн цә* – чай, заправленный коровьим и верблюжьим молоком;

2) *номинациями вторичных продуктов*, получаемых в результате обработки: *өрм* – сметана, *тосн* – масло; *уург* – молоко, выдоенное после отела коровы и заквашенное путем подогрева до консистенции простокваши; *чиидмг* [9, с. 110] – *бозиг киитн үснд зуурад эс гиҗ киитн уснд чигә холяд кесн ундн чидмек* (напиток из бозо или кумыса, разбавленного холодным молоком или холодной водой); *ээдмг* – бозо, смешанное со свежим молоком; *аадмгин үсн* – сыворотка; *армак (аармг)* – накипь (творожная масса), образовавшаяся на стенках большого котла вследствие кипячения чигяна, заправленная молоком; *эдмег (ээдмг)* **–** бозо, смешанное со свежим молоком; *хог тосн, хусам* – осадки перетопленного масла; *аадмг, шуурмг, хурсн* – разновидности сушеного творога; *адмаг (аадмг)* – отжатая отпрессованная творожная масса, полученная из бозо и высушенная в форме лапши; аадмг хранился в специальных мешочках *(аадмгин түңгрцк)*; *шюрмег (шүүрмг)* – сушеный творог; *тарг* – творожная масса из овечьего молока; *хөөрмг* – творожная

масса, получаемая из свежего молока, залитого в посуду с арьяном и оставленная на закисание; *бозо* – гуща, оставшаяся от чигяна после перегонки; *ээзгә* – брынза из овечьего молока; *тарал (тарг)* – жидкая творожная масса из овечьего молока; *кереңге (көрң)* – специальная закваска для брожения ,используемая с целью получения айрана;

3) *номинациями напитков и национальных блюд*: *гүүнә чигән* – кумыс, которого по праву называют «старшим братом» всех молочных продуктов [12, с. 3]; *үстә цә* – молочный чай ; *кимр* – горячий напиток, состоящий из смеси вскипяченного молока с водой в равной пропорции и употребляемый в лечебных целях; *булмг* – это очень калорийное густое блюдо, которое готовилось на растопленном сливочном масле или осадках топленого масла с добавлением соленой воды и муки при постоянном помешивании; *хәәлмш* – холодное сладкое лакомство, которое готовилось как булмг, но с добавлением сахара и разливалось по формочкам для застывания;

4) *наименованиями продуктов с темпоральным и каузальным значениями* (т.е. в зависимости от времени и случая его приготовления): *өргүни, үдин, асхни цә* – утренний, обеденный, вечерний чай; *зулын, цаһана цә* **–** чай, сваренный по случаю национальных праздников: Нового года и встречи весны; *берин цә* – утренний чай невесты, которая в первый же день после свадьбы варит чай в доме жениха и нарекает близких родственников своими формами обращений; *һарсн өдр йорәлһнә цә* **–** чай, сваренный по случаю дня рождения; *шин герин бүүр йорәлһнә цә(ишкән цә)* **–** чай, приготовленный по случаю новоселья (по поводу установления новой войлочной юрты); *зулын тосн* **–** масло, предназначенное для зажигания лампадок; *хүрмин цаһан идән* – молочная пища, приготовляемая для свадебного обряда;

5) *номинациями инструментов*, используемых в процессе приготовления пищи: *бүлүр* – мутовка для взбалтывания кумыса, *күв – модар кесн чигәнә ик суулһ дотран бүлүртә, деерән бүркәстә* (деревянный сосуд для айрана внутри с мутовкой сверху с крышкой); *архд* – «*чигә хадһлдг арсар кесн ик сав*» – большой кожаный сосуд для приготовления и хранения кумыса [9, с. 126], который подвергался специальной обработке раствором из сыворотки, муки, соли; *амсур* **–** тонкая палочка с верблюжьей шерстью на конце, предназначенная для дегустации водки и измерения количества выгнанной водки; *бәкрсн* **–** большой плоскодонный котел для кипячения; *цорг* **–** перегонная деревянная трубка, по которой проходил пар от кипящего кумыса и капля за каплей падал в маленький котёл; *аадмгин түңһрцг* **–** специальный мешочек для хранения высушенной творожной массы**;** *бортх* **–** кожаная фляга с серебряной отделкой для хранения молочной водки; *цөгц* **–** чарка, чаша; *укр саадг суулһ* **–** ведро для доения коровы; *хәәсн* – чай варили в казане; *шанһ* – половник; *цәәһин шүр* – чайное ситечко; *донжг* – маленькая деревянная кадушка для чая с зауженным кверху горлышком и ручкой, которые отделывались серебром; *модн/агч аах* – деревянная/кленовая чашка; *даальнг* – мешочек для хранения чая;

6) номинациями *качества молочных продуктов и чая* (*өткн, шиңгн үсн* – густое, жидкое молоко; *әмтәхн,һашурдсн амтта тосн* **–** сладкое, горькое масло; *шин саасн үсн* – свежевыдоенное молоко; *иссн өрмн* – прокисшая сметана; *ишклңг чигән* – кислый айран; *шимтә булмг* – калорийное национальное блюдо; *тосн нертә* – маслоподобный; *кель ам долам шимтә* – пальчики оближешь; *амтн уга тосн* – безвкусное масло; *ууҗ болм кимр* – напиток, пригодный для питья; *киитн цә-* холодный чай, *бүлән-* теплый, *халун* **–** горячий, *шин чансн* **–** свежесваренный, *халулсн* – подогретый, *каңкнсн үнртә, зандрсн-* ароматный, крепкий, *шиңгн* –лжидкий, *өткн-* густой, *көк-* зеленый, *агинь орсн-* хорошо отстоявшийся; *затьта* – с нускатным орехом; *жулан* **–** байховый; *үснә өрмәр үслсн* **–**заправленный сливками; *түрген (дарунь) буслсн* **–** быстро вскипевший; *амтнь сәәнәр ясн* **–** с улучшенным вкусом; *агынь орсн* **-**густой, отстоявшийся; *давснь тату* **–** малосольный; *нигт* **–** густой; *зуурм* **–** напиток, похожий на чай; *жомба* **–** джомба – настоящий калмыцкий чай, сваренный с соблюдением всех темпоральных и процессуальных предписаний; *зокаста* **–** целебный; *агта улан зандн цә* **–** крепкий сандалово-красный; *унд хәрүлдг* **–** жаждоутоляющий;

7*) номинациями, вербализирующих способы приготовления гүзәлсн тосн* – масло, засоленное в обработанном овечьем желудке; *һолһата тосн* [1, с. 103] – масло, засоленное в обработанных овечьих, говяжьих кишках; *цаһан тосн, шар тосн* – белое топленое сливочное масло; *цаһан тосар тослсн цә* – чай, заправленный сливочным маслом; *хуурсн цә* – чай с мукой, обжаренной в масле или на говяжьем, бараньем жиру; *шуурмгта цә* **–** чай с выжаркой топленого сала; *өрм тогтах* – отстаивание свежего молока с целью получения сливок; *үс искәлһн, үс буслһн* **–** заквашивание и кипячение [5, с. 241];

8) *номинациями персоналий*, *исполняющих денотативную функцию*: *саальч* – доярка; *тос бүләч* – маслобойщик; *үс цокач* – сепаратощик; *ус, тос хулдач* – продавец молочных продуктов; *өрмсг* – любитель сметаны; *үсрхг* [8, с. 544] – любитель молока; *цәәһин эзн* **–** чаегонщик; *жомбасг*

күн – любитель чая; *цә ааһлч, цә кеһәч* – разливальщик; *ааһ-сав уһагч* – посудомойщик;

9) номинациями процессов приготовления и потребления: үкр саах – доить корову; үс шүүх – процедить молоко; бүльх, хольх **–** взбалтывать; туңһах, тогталһах – дать осесть; искәх – закисать; үслх **–** заправить молоком; үс цокх – просепарировать молоко; буслһх – кипятить; өрм хавлх – снять сливки; тос кех – сбить масло; хәәльх – растопить; өрм хутхкх – сбивать сметану; негдүлх – соединять; идәлх – обрабатывать шкуры животных прокисшим молоком или кумысом; тос гүзәлх – начинять хорошо обработанный овечий желудок топленым маслом для хранения; чигәлх – пить кумыс; сәвәснә – кисломолочный раствор для обработки шкур; савинь белдх **–** подготовить посуду для закваски; нерх – варить; чавчдг цәәг утхар зааглад, дөрвнә, нәәмнә хүвәр керчх **–** разделить ножом большой брикет чая на 4,8 частей; дааль нгас белн хавтхасдуднь үүмлдәчксн цә авх **–** взять из мешочка готовый размельченный чай; буйнч седклән тәвәд , чанх – варить чай вкладывая душу; чавчдг цәәһәс нег атхм тәвх **–** положить щепотку зеленого(брикетного) чая; буслһх – кипятить; шүүх – процеживать; түңһах – дать отстояться; үслх – заправить молоком; тослх – заправить маслом; давслх – посолить; цә үүх **–** перелить чай из кастрюли для кипячения в кастрюлю для питья; бүркәслх – закрыть крышкой; туңһах, агинь орулх – дать отстояться; амтынь ясх, сәәрүлх – улучшить вкус; цәәг зөв эргуләд шанһар самрх – чай помешивать круговыми движениями по ходу солнца, слева направо; зать немх – добавить мускатный орех ; сорад уух – пить всасывая; ундан хәрүлх – утолить жажду; нег киинһәр уух – выпить одним залпом; цәәлцхәх **–** пить чай с кем – либо; бахан хантлан уух – вдоволь напиться чая; җомбалх – чаевничать; нег сеңгсн цә уух – выпить одну порцию чая; подачи напитка; цөглх – разливать в пиалы; түрүн ааһ цәәг ээждән, герин эзнд нерәдх **–** первую чашку чая адресовать бабушке, главе семьи; тоох, гичлүлх – угощать; халун цә көргәһәд зәәлх – остудить горячий чай; модн, шаазнг ааһд цә шанһар кех **–** налить чай половником в деревянную, фарфоровую чашку; хадгтаһар цә бәрүлх **–** подать чай с хадаками (почетным гостям);

10) *фразеологическими единицами*, метафорически передающих ценностное отношение говорящего к происходящему: *тосар илəд, тоһар орагһад* – расположить к себе, задобрить кого-либо; *тослх кергтə* – дать взятку; *һал деер тос асхх* – подливать масло в огонь; *ээдмг хөөрмг болх* – привести в беспорядок; *хар усн деер өрм тогтам келтə* [4, с. 111] – о красноречивом человеке; *амнь тоста болтха* – пусть рот его будет в масле (пожелание достатка вкусной пищи); *ээдмг хольх* – мутить воду; *үснə өрмнь авх* – снять сливки, т.е. успеть что-то сделать, получить раньше других; *үсн цаһан седклтə күн* – человек с чистой как «молоко» белой душой). – *«нарар алтрсн*» – золотистый [6, с. 55]; «*туужин халхд ордг,ик тоомсрта*» – воспетый, прославленный [3, с. 10];

11) *номинациями с обрядовой семиотикой*: *цаһан идəһəр цацл цацх* – совершать окропления молочной пищей; *шар тосар зул өркх* – первые порции топленого масла отводились на лампадки; *цəəһəр дееж бəрх* – сделать подношение богам первой чашкой чая;

Таким образом, языковой кластер номинаций потребления молочных продуктов и чая вербализован в лингвосемиотической системе калмыцкого языка достаточно широкой парадигмой и имеет сложную структуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Алексеева П.А.* О традиционной молочной пище калмыков // Теегин герл. 2007. № 8.
2. *Ахманова О.С. и др.* Основы компонентного анализа. М., 1969.
3. *Бадмин С.* Хальмг цə. Элиста, 1989.
4. *Бардан Э., Пурбян Г., Мунин Б.* Хальмг келнə келц үгмүдин толь. Элиста, 1990.
5. *Баярсайхан Е.* Традиционная пища монголов // Монголоведение в новом тысячелетии: материалы Междунар. науч. конф. Элиста, 2003.
6. *Бембин Т.* Җомба // Келн - мана зөөр. Хальмг улсин эдлдг хот. Элиста, 2005.
7. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1972.
8. *Муниев Б.Д.* Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
9. *Пюрбеев Г.Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996.
10. *Пюрбеев Г.Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996.
11. *Трофимова С.М., Рассадин В.И.* Названия молочных продуктов в калмыцком языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. М., 2012.
12. *Ханинова Р.М.* Чигян – всей пище старший брат // Хальмг Үнн. 2005. август.

УДК 811.512.37

Борлыкова Босха Халгаевна

кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук
тел.: (847) 3-55-75

Borlykova Boskha Khalgaevna

PhD in Philology, Researcher of the Department of Linguistics of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences
tel.: (847) 3-55-75

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ КАЛМЫЦКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

В статье рассматриваются заимствования музыкальных терминов в калмыцком языке. Выявлены заимствования из тибетского, китайского, русского, тюркских и западноевропейских языков.

Ключевые слова: **термин, терминология, калмыцкий язык, музыкальные термины.**

LINGUISTIC BORROWINGS AS A SOURCE OF REPLENISHMENT OF THE KALMYK MUSICAL TERMS

In the article linguistic borrowings of musical terms in the Kalmyk language are considered. The borrowings from Tibetan, Chinese, Russian, Turkic and West European languages are revealed.

Key words: **term, terminology, Kalmyk language, musical terms.**

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» № 2012-1.2.1.-12-000-3004-044

Любой национальный литературный язык имеет исконную и иноязычную лексику, при этом иноязычные слова в любом языке количественно довольно ощутимы, однако данное обстоятельство не следует расценивать как некоторую ущербность заимствующего языка и неспособность его удовлетворить коммуникативные потребности носителей. Напротив, отражая взаимоотношения народа-носителя языка с другими народами, заимствования выступают убедительным свидетельством международных контактов языков в области культуры, искусства, экономики, науки и т.д. Необходимо отметить, что заимствования, расширяя лексический состав языка, не только не подавляют развитие языка, но ведут к развертыванию и совершенствованию собственных ресурсов заимствующего языка, что проявляется, прежде всего, в словообразовании, так как используются новые заимствованные словообразовательные средства и активизируются малопродуктивные средства заимствующего языка. Позитивную оценку заимствований в большинстве случаев находим и при рассмотрении их в аспекте обогащения специальной лексики, в частности формирования калмыцкой музыкальной терминологии.

Проблема заимствования как в лексикологии, в общем, так и в терминоведении в частности всегда была одной из самых сложных. В терминоведении, например, к заимствованиям иногда относят прием терминологизации слов общего употребления, просторечных и жаргонных слов, использование терминов иных профессиональных сфер [1, с. 212].

В данной статье под заимствованиями понимаются слова, воспринятые терминосистемой калмыцкого языка из других языков.

Исследования по выявлению иноязычного влияния на развитие монгольских языков в отечественном монголоведении начались давно. Так, Б.Я. Владимирцов издал ряд основополагающих работ, в которых положил начало изучению тюркских [2, с. 153-184], арабских [3, с. 73-82], иранских [4, с. 331-340] иноязычных элементов в монгольских языках. Работа по выявлению иноязычного влияния на монгольский язык велась и в самой Монголии, результатом чего являются статьи, а также кандидатские диссертации, в которых анализировались, например, тибетские и санскритские элементы в монгольском языке. Результаты указанных исследований подытожены в «Словаре иностранных слов монгольского языка» [5]. Весомый вклад в дело исследования иноязычного влияния на развитие монгольских языков внесли ученые-монголоведы Ц.Д. Номинханов, Т.А. Бертагаев, Э.Ч. Бардаев и др.

Э. Ч. Бардаев в монографии «Современный калмыцкий язык. Лексикология» отмечает, что «в калмыцком языке большинство исконных слов относится по происхождению к периоду языкового единства всех монгольских народов. Исконными также являются слова, унаследованные из алтайских языков – основы современных монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. В то же время в калмыцкой лексике немало и таких слов, которые в исторически разное время были заимствованы из различных языков как родственных, так и неродственных» [6, с. 33].

Заимствования из тибетского языка: *гаңдн~ганлин* (< тиб. *rgya ling* [гьялин]) – металлический дульцевый инструмент, состоящий из трех частей. Термины *гандн* ‘труба из бедренной кости человека (музыкальный инструмент)’ и *ганлин* ‘труба из человеческой берцовой кости, употребляемая при богослужении (музыкальный инструмент)’ в «Большом академическом монгольско-русском словаре» [7, с. 375] отмечаются как заимствования с тибетского языка.

дуң (< тиб. *dung dkar* [дункар]) – труба, изготовленная из морской раковины. В БАМРС слово *дун(г*) представлено как заимствование из тибетского языка со значением ‘труба из раковины’ [8, с. 69].

дамр (< тиб. *damaru* [дамару]) – ручной барабан, по форме напоминающий песочные часы. Ю.И. Шейкин считает, что данный вид ударного инструмента заимствован монголами из Тибета или Индии (damaari~damaaru <тиб. damaru~инд. damaru) [9, с. 476].

харң (< тиб. *khar-rnga*) – плоский гонг, медный таз.

лимб (< тиб. *gling bu)* – продольная флейта.

Заимствования из китайского языка: *биив* (*biba* < кит. *pi-pa*) – четырех- или шестиструнный щипковый инструмент.

шанз (*шанза~чанза* < кит. *san-xian* – «три струны», «лютня, появившаяся в эпоху Цинь») – трехструнная коробчатая лютня с плекторным звукоизвлечением. В труде И.З. Алендера «Музыкальные инструменты Китая» данный инструмент упоминается под названием *саньсянь*. «*Саньсянь* – трехструнный инструмент, о чем говорит его название (*сань* ‘три’, *сянь* ‘струна’). Саньсянь имеет и второе название – *сяньцзы*. Во времена династии Цинь (246-207 гг. до н.э.) простейший саньсянь был распространен в войсках среди пограничных гарнизонов, охранявших северные границы Китая» [10, с. 17].

хучир (< кит. *hu qin – hu* ‘название северных племен; инородный, чужой’, *qin* ‘общее название струнных инструментов’) – двухструнный смычковый инструмент сопранового регистра. Впервые наименование *хуцинь* встречается в книге «Юань ши» («История династии Юань», 1280-1368 гг.); во время правления императора Цяньлуна (1736-1795) *хуцинь*, входивший в состав оркестра «Пекинской оперы», был излюбленным инструментом в дворцовой музыке [10, с. 23].

ёочин (*jočin~joošin* < кит. *yang-qin* < *yang* ‘иностранная’+ *qin* ‘цитра’) – многострунные цимбалы, имеющие хроматическую настройку (в пентатонной акустике). В БАМРС слово *ёочин* приводится как китайское заимствование в монгольском языке со значением «струнный музыкальный инструмент» [8, с. 140].

Заимствования из тюркских языков. Как отмечает В.И. Рассадин, «вопрос о взаимоотношениях монгольских языков с тюркскими и наоборот далеко не нов. Так, еще в начале века Б.Я. Владимирцов в одной из своих работ специально рассмотрел тюркские элементы в монгольских языках и наметил методику изучения этой проблемы, которой в дальнейшем придерживались отечественные востоковеды» [11, с. 13].

В калмыцком языке обнаружилось немало музыкальных терминов явно тюркского происхождения. Ниже подробнее рассмотрим наиболее характерные из них:

лава (< монг. *лавай* < уйг. *лавай*) – морская раковина, труба из раковины, в «Большом академическом монгольско-русском словаре» *лавай* определяется как заимствование из уйгурского языка со значениями: 1) ‘морская раковина, большая индийская морская улитка’; 2) ‘музыкальная труба из раковины’ [8, с. 296].

В словаре «Kalmückisches Wörterbuch» *дулус (дулвш)* ‘барабан с бубенчиками, охотничий барабан’ приводится как заимствование из киргизского *daulbaš* или каракиргизского *dōlma, dōlwai, dobulbaš* [12, с. 102].

Ц-Д. Номинханов в статье «Музыкальные инструменты и их части» дает следующие калмыцкие термины с их параллелями в тюркских языках. Так, аналоги калм. *домбр* ‘двухструнный щипковый музыкальный инструмент’ в каз. *домбыра*, кирг. *домбура*, тув. *домра*, чув. *тумра, тӑмра*; калм. *тевк* ‘кобылка, подставка для струн’ в каз. *тиек*, тув. *тепке*, хак. *тикпе*; калм. *берн* ‘лад’ в каз. *перне*, ног. *перне* [13, с. 56].

Становление калмыцкой музыкальной терминологии связано с освоением музыкальных терминов, созданных на базе западноевропейских языков. Русский язык является непосредственным источником заимствования собственно русской терминологии и языком-посредником, через который в калмыцкий язык проникает большое число интернациональных терминов. Приведем примеры русизмов в калмыкой музыкальной терминологии: *балалайк* (< рус. *балалайка*) – русский народный щипковый инструмент с тремя (раньше двумя) струнами; *баян* (< рус. *баян*) – русская хроматическая гармоника; *гарма, гармуль/hарма, hармуль* (< рус. *гармонь*) **–**

клавишно-пневматический инструмент, предшественник аккордеона и баяна.

Из латинского языка посредством русского в калмыцкий язык вошли музыкальные термины: *альт*, *клавиш***,** *кларнет*.

К заимствованиям из греческого языка, проникшим в калмыцкий язык через русский язык, относятся такие слова, как: *баритон*, *оркестр*, *симфонь*.

Заимствования из немецкого языка: *горн***,** *дуэт, клавиатур*.

Заимствования из французского языка: *ансамбль***,** *артист*, *дирижёр* , *саксофон*, *серенад* ‘серенада’, *сюит*.

Заимствования из итальянского языка: *аарф*, *аккорд*, *аккордеон***,** *арий***,** *бас*, *виолончель*, *концерт***,** *консерваторь, пианин*, *нот*, *опер*, *сонат*.

Как показывают исследования, расширение состава калмыцкой музыкальной терминологии на рубеже XX-XXI вв. весьма часто происходит за счет иноязычных заимствований. Существенный пласт музыкальных терминов, заимствованных калмыцким языком в постсоветский период, представляют собой американизмы английского происхождения, называющие музыкальные жанры: *Хип-хоп* (англ. Hip-hop) – молодежная субкультура, появившаяся в США в конце 1970-х гг. [14, с. 134]. *Ремикс* (англ. Re-mix) – версия музыкального произведения, записанная позже оригинальной версии, как правило, в более современном варианте аранжировки и др.

Усиление информационных потоков, появление глобальной компьютерной системы Интернет, расширение межгосударственных и международных отношений, развитие мировой культуры, информационных технологий, участие в международных фестивалях – все это не могло не привести к вхождению в калмыцкую музыкальную терминологию новых терминов.

Итак, говоря о заимствованиях, следует сказать, что они составляют немалую часть в современной калмыцкой музыкальной терминологии, поскольку терминология является тем слоем калмыцкого языка, который в наибольшей степени проявляет тенденцию к интернационализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Суперанская А.В.* Общая терминология: вопросы теории М., 1989.
2. *Владимирцов Б.Я.* Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. Вост. Отд. ИРАО. СПб., 1911. Т. 20. Вып. 2-3.
3. *Владимирцов Б.Я.* Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. Л., 1925. Т. 1.
4. *Владимирцов Б.Я.* Арабские слова в монгольском // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. Л., 1930. Т.5.
5. *О. Сүхбаатар.* Монгол хэлний харь үгийн толь (Словарь иностранных слов монгольского языка). Улаанбаатар, 1999.
6. *Бардаев Э.Ч.* Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985.
7. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / под ред. А. Лувсандэндэва; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М., 2001. Т. 1.
8. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / под ред. А. Лувсандэндэва; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М., 2002. Т. 2.
9. *Шейкин Ю.И.* Музыкальный словарь // История музыкальной культуры народов Сибири. М., 2001.
10. *Алендер И.З.* Музыкальные инструменты Китая. М., 1958.
11. *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007.
12. *Ramstedt J.G.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
13. *Номинханов Ц-Д.* Калмыцкий язык и его тюркоязычные лексические параллели (на материале лексики тюркских и монгольских языков). Алма-Ата, 1958.
14. Словарь музыкальных терминов. М., 2009.

УДК 811.512.37

Манджиева Валери Николаевна

аспирант кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Калмыцкого государственного университета тел.: (927) 594-11-80

Mandzhieva Valeri Nickolaevna

Postgraduate Student of the Department of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication of Kalmyk State University tel.: (927) 594-11-80

КОМПЛЕКС ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

В калмыцком языке наименее изученной областью остается лексика, особенно терминология. Она требует научного изучения и теоретического осмысления. Статья посвящена описанию животноводческой лексики калмыцкого языка.

Ключевые слова: **калмыцкий язык, животноводческая лексика, скот, общемонгольский характер.**

THE COMPEX OF CATTLE-BREEDING VOCABULARY OF THE KALMYK LANGUAGE

The vocabulary, particularly terminology, is the less studied area in the Kalmyk language. It requires scientific examination and theoretical interpretation. The article is devoted to the description of the cattle-breeding vocabulary of the Kalmyk language.

Key words: **Kalmyk language, cattle-breeding vocabulary, cattle, common Mongolian character.**

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.1001

Изучение лексики калмыцкого языка, охватывающее различные пласты терминов, в настоящее время имеет особую актуальность. Особенно это касается терминов, связанных с важнейшими сторонами жизни калмыцкого народа, такими как бытовой уклад, традиционная хозяйственная деятельность, материальная и духовная культура и т.д. Одним из таких лексико-тематических пластов является пласт животноводческих терминов калмыцкого языка. Интенсивное и многовековое занятие калмыков животноводством способствовало образованию обширной животноводческой лексики.

Животноводческая терминология калмыцкого языка до сих пор остается почти неизученной. В научных публикациях ряда исследователей затронуты лишь отдельные вопросы животноводческой лексики калмыцкого языка или же соответствующий материал привлекался в сравнительно-сопоставительном исследовании по монгольским и тюркским языкам. Отдельные вопросы животноводческой лексики калмыцкого языка нашли свое отражение в работах Ц.Д. Номинханова [1], Э.Ч. Бардаева [2], В.И. Рассадина [3], в отраслевых словарях В.Э. Очир-Горяева [4], Г.Ц. Пюрбеева [5].

В качестве источников были использованы следующие словари: Калмыцко-русский словарь [6], Монгольско-русский словарь [7], Словарь языка ойратов Синьцзяна [8], словарь калмыцкого языка Г.И. Рамстеда [9] и словарь языка ойратов Монголии Ж. Цолоо [10]. При работе привлекалась также этнографическая литература.

В калмыцком языке в значении ‘животное, скот, скотина’ употребляется общемонгольское слово *мал*. Ср. ойр.Синьцз. *мал*, х.-монг. *мал*, ТО *мал.* В калмыцком языке для обозначения крупного и мелкого скота существуют различные термины. Калм. *бод мал* ‘крупный скот (верблюды, лошади, коровы)’ – ойр.Монг. *бод мал*, ойр.Синьцз. *бодо*, х.-монг. *бод*, тод. *бодо*, староп.-монг. *boda*; калм. *бог мал* ‘мелкий скот (овцы, козы)’ – ойр.Монг. *бог (хонь, ямаа) мал*, ойр.Синьцз. *бог мал*, х.-монг. *бог мал*, тод. *боγ*, староп.-монг. *boγ*. Калмыки традиционно разводят пять видов скота (калм. *тавн хошу мал*): лошадей, коров, верблюдов, овец и коз. Исследование лексики, относящейся к этим пяти видам скота, представляют особую ценность. Скот у калмыков считался основой благополучия семьи (*мал-гер* ‘хозяйство (семьи)’). Богатые калмыки имели до 1 000 лошадей, 300-500 голов крупного рогатого скота, 150 верблюдов и до 5 000 баранов. Нищими же считали калмыков, имеющих в своем дворе от трех до пяти дойных коров или вообще ничего [11, с. 84-85].

Важнейшей отраслью скотоводства калмыков было разведение крупного рогатого скота. Оно находило широкое применение в хозяйстве калмыков. От коров получали молоко, мясо, быков использовали в качестве тягловой силы. В обширной лексике калмыцкого языка, относящейся к крупному рогатому скоту, наблюдается градация названий животных по половозрастным признакам. Калмыцкое обозначение коровы *үкр* соответствует ойр.Монг. *үкүр*, ойр.Синьцз. *үкер*, х.-монг. *үхер*, тод. *үкүр*, староп.-монг. *üker*; калм. *бух* ‘бык-производитель’ – ойр.Монг. *бух*, ойр.Синьцз. *буха*, х.-монг. *бух*, тод. *буха*, староп.-монг. *buq-a*; калм. *цар* ‘кастрированный бык, вол’ – ойр.Монг. *цар*, ойр.Синьцз. *цар*, х.-монг. *шар*, тод. *цар*, староп.-монг. *šar*; калм. *муһл* ‘теленок’ – ойр.Синьцз. *муһал*, х.-монг. *тугал*, тод. *муһул*,

староп.-монг. *tuγul*; калм. *бүрү* ‘бычок (в возрасте от одного года до двух лет)’ – ойр.Монг. *бүрүү*, ойр.Синьцз. *бүрүү*, х.-монг. *бяруу(н)*, тод. *бүрүү*, староп.-монг. *biraγu*.

Характерным для всех монгольских языков, в том числе калмыцкого языка, является то, что названия возраста животного нередко обозначает и его пол. Калм. *һунн* ‘трехгодовалый, трехлетний (о самцах крупных животных)’ – ойр.Монг. *гунан,* ойр.Синьцз. *һунан*, х.-монг. *гуна(н)*, тод. *һунан*, староп.-монг. γ*unan*; калм. *һунҗн* ‘корова трех лет’ – ойр.Монг. *гунҗин* ‘трехлетняя (о самке животного)’*,* ойр.Синьцз. *һунҗин* ‘трехгодовалая (о самках домашних животных)’, х.-монг. *гунж(ин)* ‘трехлетняя корова, трехлетняя (о самке животного)’, тод. *һунҗин*, староп.-монг. γ*unajin*; калм. *дөнн* ‘четырехгодовалый, в возрасте четырех лет (о самцах крупных животных)’ – ойр.Монг. *дөнин,* ойр.Синьцз. *дөнен*, тод. *дөнен*, староп.-монг. *dönen*; калм. *дөнҗн* ‘четырехгодовалая, четырехлетняя самка (крупных животных)’ – ойр.Монг. *дөнҗин,* ойр.Синьцз. *дөнҗин*, х.-монг. *дөнж* ‘четырехгодовалый (о корове, верблюде)’, тод. *дөнҗин*, староп.-монг. *dönjin*; калм. *туулң* ‘пятилетний (о самцах животных)’ – ойр.Синьцз. *туулан*, тод. *туулун*; калм. *туулҗн* ‘пятилетняя (о самках животных)’ – ойр.Синьцз. *туулҗин*, тод. *туулҗин*.

Значительная роль в хозяйстве калмыков принадлежала двугорбым верблюдам. Главным образом их использовали как средство передвижения и для перевозки грузов. Верблюды давали мясо, молоко и шерсть. О том, что калмыки издревле занимались верблюдоводством, говорит и четкая система названий верблюдов по половозрастным признакам. Общее название верблюда в калмыцком языке *темән* соответствует ойр.Монг. *төмөөн*, ойр.Синьцз. *темөөн*, х.-монг. *тэмээ(н)*, тод. *темеен*, староп.-монг. *temegen*; калм. *буур* ‘верблюд-производитель’ – ойр.Синьцз. *буура*, х.-монг. *буур*, тод. *буура*, староп.-монг. *buγur-a*; калм. *иңгн* ‘верблюдица (в возрасте старше пяти лет)’ – ойр.Монг. *иңгин*, ойр.Синьцз. *иңген*, х.-монг. *ингэ(н)*, тод. *иңген*, староп.-монг. *ingge*. Калм. *ботхн* ‘годовалый верблюжонок’ имеет следующие соответствия в ойр.Монг. *ботхн*, ойр.Синьцз. *ботһон*, х.-монг. *ботго*, тод. *ботоһун*, староп.-монг. *botuγun*. Калм. *атн* ‘кастрированный (рабочий) верблюд’ с тем же значением имеет в ойр.Монг. *атан*, ойр.Синьцз. *атан*, х.-монг. *ат(ан)*, тод. *атан*, староп.-монг. *atan.* Для обозначения некастрированного верблюда-самца (в возрасте трех-четырех лет) в калмыцком языке используется термин *таальг*, в ойр.Синьцз. *таальг*, х.-монг. *тайлаг*, тод. *таалиг*, староп.-монг. *tayilaγ*. Калм. *торм* ‘двухгодовалый, двухлетний верблюжонок’ - ойр.Синьцз. *тором*, х.-монг. *тором*, тод. *тором*, староп.-монг. *torum*. Названия частей тела верблюда в калмыцком языке также имеет свои соответствия: калм. *бөкн* ‘горб’ - ойр.Монг. *бөкн*, ойр.Синьцз. *бөкен*, х.-монг. *бөх(өн)*, тод. *бөкүн*, староп.-монг. *bökün*; калм. *зогдр* ‘грива (у верблюда)’ - ойр.Монг. *зогдр*, ойр.Синьцз. *зогдор*, х.-монг. *зогдор*, тод. *зогдор*, староп.-монг. *joγdur*; калм. *тавг* ‘лапа’ - ойр.Монг. *таваг*, ойр.Синьцз. *таваг*, х.-монг. *тавхай*, тод. *табаг*, староп.-монг. *tabaγ*. Для обозначения снаряжения верблюда используются следующие термины: калм. *бууль* ‘палочка (продернутая через носовую перегородку верблюда, за которую укрепляются поводья)’ – ойр.Монг. *бууль*, ойр.Синьцз. *бууль*, х.-монг. *буйл*, тод. *буули*, староп.-монг. *buyila*; калм. *бурнтг* ‘повод для верблюда (привязывается к носовому кольцу или палочке)’ – ойр.Синьцз. *бурантаг*, х.-монг. *бурантаг*, тод. *бурантаг*; калм. *хом* ‘верблюжье седло’ - ойр.Синьцз. *хом*, х.-монг. *хом*, тод. *хом*.

Особое место в калмыцком крестьянском хозяйстве принадлежало лошади. Хороший конь у калмыков был сродни драгоценности. Это верный друг и помощник для кочевого скотовода. Лошадь была необходима, прежде всего, для верховой езды, на ней преодолевали огромные расстояния. Образ коня часто встречается в калмыцких народных песнях, сказках, пословицах и поговорках. Термины, связанные с коневодством, – древнейшая лексическая группа в монгольских языках. Лошадь имеет общемонгольское название *morin*. Калм. *мөрн* ‘лошадь, конь’ – ойр.Монг. *мөрн,* ойр.Синьцз. *мөрен*, х.-монг. *морь*, тод. *морин*, староп.-монг. *morin*. Калм. *гүн* ‘кобылица’ – ойр.Монг. *гүүн,* ойр.Синьцз. *гүүн*, х.-монг. *гүү(н)*, тод. *гүүн*, староп.-монг. *gegün*; калм. *унһн* ‘жеребенок (до года)’ – ойр.Монг. *унһн,* ойр.Синьцз. *унһан*, х.-монг. *унага(н)*, тод. *унуһан*, староп.-монг. *unaγan*; камл. *сарва* ‘годовалый жеребенок’ – ойр.Синьцз. с*арваа*, х.-монг. *сарваа*, тод. *сарбай*; камл. *дааһн* ‘двухгодовалый жеребенок’ – ойр.Синьцз. *дааһан*, х.-монг. *даага(н)*, тод. *дааһан*, староп.-монг. *daγaγan*; калм. *үрә* ‘лошадь на третьем году, трехгодовалая лошадь’ – ойр.Монг. *үрээ* ‘двух, трех, четырехгодовалый жеребец, мерин’*,* ойр.Синьцз. *үрээ*, х.-монг. *үрээ*, тод. *үрее*, староп.-монг. *üriye*. Калм. *ажрһ* ‘жеребец’ – ойр.Монг. *ажрга,* ойр.Синьцз. *аҗирһа*, х.-монг. *азрага(н)*, тод. *аҗирһа*, староп.-монг. *ajirγ-a*. Анализ коневодческой лексики будет неполным без рассмотрения терминов, относящихся к упряжи и различных предметов, связанных с использование лошадей в хозяйстве. Так, калм. *хазар* ‘узда, уздечка’ – ойр.Монг. *хазаар,* ойр.Синьцз. *хазаар*, х.-монг. *хазаар*, тод. *хазаар*, староп.-монг. *qajaγar*; калм. *дөрә* ‘стремя’ – ойр.Монг. *дөрөө,* ойр.Синьцз. *дөрөө*, х.-монг. *дөрөө(н)*, тод. *дөрөө*, староп.-монг. *dörügen*; калм. *эмәл* ‘седло’ – ойр.Монг. *эмээл,* ойр.Синьцз. *эмээл*, тод. *эмээл*, староп.-монг. *emegel*; калм. *эрвәлҗн* ‘седло (детское)’ – х.-монг. *эрвээлж*; калм. *яңһрцг* ‘остов седла, вьючное седло’ – ойр.Синьцз. *йаңһарцаг*, х.-монг. *янгиа*,

тод. *йаңһарцаг*.

Калмыки успешно занимались овцеводством. Овцы давали мясо, шерсть, шкуру, молоко. Калм. *хөөн* ‘овца’ – ойр.Монг. *хөөн, хөө*, ойр.Синьцз. *хөөн*, х.-монг. *хонь (хонин)*, тод. *хоин*, староп.-монг. *qonin*; калм. *хуц* ‘баран-производитель’ – ойр.Синьцз. *хуца*, х.-монг. *хуц*, тод. *хуца*, староп.-монг. *quča*; калм. *хурһн* ‘ягненок’ – ойр.Монг. *хургң,* ойр.Синьцз. *хурһан*, х.-монг. *хурга(н)*, тод. *хурһун*, староп.-монг. *quraγan*; калм. *ирг* ‘кастрированный баран, валух’ соответствует ойр.Монг. *ирэг,* ойр.Синьцз. *ирге*, х.-монг. *ирэг*, тод. *ирге*, староп.-монг. *irge*; калм. *төлг* ‘годовалый ягненок’ – х.-монг. *төлөг*, староп.-монг. *tölüge*; калм. *зусг* ‘двухлетний, двухгодовалый (об овцах, козах)’ – ойр.Монг. *зусуг,* ойр.Синьцз. *зусаг*, х.-монг. *зусаг*, тод. *зусуг*, староп.-монг. *jusaγ*.

Коз калмыки держали очень мало, что доказывает довольно скудная номенклатура их названий. Видовым названием козы в калмыцком языке является *яман*, х.-монг. *ямаа(н)*, староп.-монг. *imaγan*. Калм. *тек* ‘козел (некастрированный)’ – ойр.Монг. *теке*, ойр.Синьцз. *теке* , х.-монг. *тэх*, тод. *теке*, староп.-монг. *teke*; калм. *ишк* ‘козленок’ – ойр.Монг. *ишег, ишик,* ойр.Синьцз. *ишге*, х.-монг. *ишиг*, тод. *ишиген*, староп.-монг. *išige, išigen*.

Что касается терминов переработки продукции животноводства, то здесь мы наблюдаем следующую картину: калм. *арсн* ‘шкура, шкурка, кожа, мех’ – ойр.Монг. *арсан*, ойр.Синьцз. *арсан* , х.-монг. *арьс(ан)*, тод. *арсун*, староп.-монг. *arasun*, *arasu*; калм. *ноосн* ‘шерсть’ – ойр.Монг. *ноосан,* ойр.Синьцз. *ноосон*, х.-монг. *ноос(он)*, тод. *ноосун*, староп.-монг. *noosu*; калм. *арһсн* ‘кизяк’ – ойр.Монг. *аргасаң,* ойр.Синьцз. *арһасан*, х.-монг. *аргал*, тод. *арһасун*, староп.-монг. *arγasun*.

В своей работе У.Э. Эрдниев отмечает, что калмыки держали очень мало свиней. В редких случаях у семьи в хозяйстве было 1-2 головы, но не больше [12, с. 35]. Калм. *һаха* ‘свинья’ – ойр.Монг. *гахаа*, ойр.Синьцз. *һахаа*, х.-монг. *гахай*, тод. *һахай*, староп.-монг. *γaqai*. Птицеводство также не играло большой роли в хозяйстве калмыков. Под влиянием соседства с русским населением некоторые калмыки из домашней птицы разводили кур. Калм. *така* ‘курица’ – ойр.Монг. *такаа*, ойр.Синьцз. *такаа*, х.-монг. *тахиа(н)*, тод. *такаа*, староп.-монг. *takiy-a*. Некоторые семьи также держали собак. Калм. *ноха* ‘собака’ – ойр.Монг. *нохаа*, ойр.Синьцз. *нохаа*, х.-монг. *нохой*, тод. *нохой*, староп.-монг. *noqai*.

В калмыцком языке для обозначения мужского пола к основному названию животного добавляют термин *эр* ‘самец (ставится перед названиями животных для обозначения мужского пола)’ – калм. *эр така* ‘петух’; *эр һаха* ‘кабан, боров, хряк’; *эр ноха* ‘кобель’; *эр арат* ‘самец лисицы, лис’; *эр туула* ‘заяц’; *эр чон* ‘волк’.

Таим образом, в результате проведенного анализа терминов животноводства калмыцкого языка приходим к выводу, что данные термины носят общемонгольский характер.

Животноводческая лексика, как терминологический пласт, составляет существенную часть словарного фонда калмыцкого языка. Этот богатейший пласт практически не варьируется по говорам в калмыцком языке. Животноводческая лексика калмыцкого языка отражает глубокие, разносторонние знания и опыт калмыков по животноводству.

Список условных сокращений

калм. – калмыцкий язык; ойр.Монг. – язык ойратов Монголии; ойр.Синьцз. – язык ойратов Синьцзяна КНР
староп.-монг. – старописьменный монгольский язык; тод. – тодо бичиг; х.-монг. – язык халха-монголов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Номинханов Ц.Д.* Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. Алма-Ата, 1959. Т. 1.
2. *Бардаев Э.Ч.* Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1976.
3. *Рассадин В.И.* Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. Улан-Удэ, 2011.
4. *Очир-Гаряев В.Э.* Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь (агрономия). Элиста, 1990.
5. *Пюрбеев Г.Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996.
6. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977.
7. *Лувсандэндэв А.* Монгол-орс толь. М., 1957.
8. *Тодаева Б.Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.
9. *Ramstedt G.J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
10. *Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988.
11. *Смирнов П.* Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста, 1999.
12. *Эрдниев У.У.* Скотоводство у калмыков в XIX – начале XX веков (историко-этнографический очерк) // Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете министров Калмыцкой АССР. Записки. Вып.4. 1964 г.

УДК 811.512.37

Рассадин Валентин Иванович

доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета тел.: (017) 680-95-48

Rassadin Valentin Ivanovich

Doctor of Philology, Professor of Kalmyk State University tel.: (017) 680-95-48

КОНЕВОДЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

HORSE BREEDING TERMINOLOGY IN THE MONGOLIAN LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

Данная статья посвящена описанию коневодческой терминологии в монгольских языках северо-западного ареала – ойратский, калмыцкий, халха-монгольский, бурятский – в сравнительном аспекте.

The present article is devoted to the description of horse breeding terminology in the Mongolian languages of the Northwestern area, i.e. Oirat, Kalmyk, Khalkha-Mongolian, Buryat, in the comparative aspect.

Ключевые слова: **монгольские языки северо-западного ареала, коневодческая терминология, половозрастные названия, общемонгольский характер.**

Key words: **Mongolian languages of the Northwestern area, horse breeding terminology, sex and age names, common Mongolian character.**

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.1001

Монгольские племена в течение многих тысячелетий, населяющие обширные степные пространства Центральной Азии и лесостепные пространства северо-восточной Азии, издавна вели кочевой образ жизни, занимаясь, помимо охоты и рыболовства, номадным кочевым скотоводством. В большом количестве они разводили лошадей, которые обеспечивали им помимо пищи, также свободу перемещения на большие пространства во время перекочёвок и миграций. О древности существования у монгольских племен коневодства свидетельствует обширная терминология, связанная с различными половозрастными названиями, с названиями масти, средств передвижения на лошадях – верховые и вьючные сёдла. Достаточно развита терминология конской сбруи, других средств передвижения и названий предметов, касающихся содержания животных. Монголы практиковали вольный круглогодичный выпас табунов лошадей. Подобного типа коневодство было распространено и у восточных соседей монгольских племён – маньчжуров, солонов, эвенков, обитающих по соседству в северо-восточной Монголии.

Общемонгольским названием лошади является *морин*. Зафиксированы следующие половозрастные термины для лошади в бурятском языке: *азарга* «жеребец», *гүүн* «кобылица», *унаган* «жеребенок до года», *дааган* «жеребенок, лончак», *үрээ* «лошадь трех-четырех лет», *шүдэлэн* (хор.) «трехлетняя кобыла», (тунк., окин.) «трехлетний жеребец», *хизаалан* «четырехлетняя кобылица», *һоёолон* «кобылица пяти лет», (тунк.) «трехлетка» - о домашних животных, (окин.) «лошадь пяти лет», *хуушан һоёолон* (окин.) «лошадь до шести лет», *шэнэ һоёолон* (окин.) «лошадь до пяти лет».

В литературном бурятском языке и в его говорах имеются другие термины, связанные с лошадью: *адуун* «табун, косяк лошадей, лошади, кони», *адаһан* (зап.) I) скотина, домашнее животное, скот», 2) «лошади, кони, табун», *агта* I) «хороший конь, рысак, скакун», 2) «мерин, холощеный жеребец», *хүлэг* «аргамак, рысак», *агта хүлэг* «конъ-бегунец, аргамак, рысак», *архан хүлэг* «рысак, аргамак», *аргамаг* «аргамак», *жороо* «иноходец», *байтаһан* (хор.) «яловая в течение нескольких лет кобылица или корова», (бох.) «откармливаемый на убой скот», *байтаһан* (эхир.-булаг.) «откармливаемая на убой лошадь», *гойр* «кляча», *һоотой* (эхир.) «кляча», *хойлго* I) (уст.) «лошадь, предназначенная для отвоза умершего», 2) (перен.) «кляча».

Видовое название и названия по половозрастным признакам лошади в бурятском языке носят общемонгольский характер, в чем убеждают параллели из других монгольских языков: х.-монг. *морь* (*морин*), калм. *мөрн*, стп.-м., МА *morin* «лошадь»; х.-монг. *унага*, калм. *унһн*, стп.-м., МА *unaγan* «жеребенок до года»; х.-монг., *даага*, калм. *даahн*, стп.-м. *daγaγan*, МА *dāγan* «двухлетний жеребенок»; х.-монг. *үрээ*, стп.-м. *üriye* «двух-, трех-, четырехгодовалый жеребёнок, мерин», калм. *үрэ* «трехлетний жеребенок»; х.-монг. *азарга*, калм. *ажph*, стп.-м., МА *ajirγa* «жеребец»; х.-монг. *гүү*, калм. *гүн*, стп.-м. *gegün*, МА *ge'ün* «кобылица».

Имеет соответствия в других монгольских языках и ряд прочих терминов, относящихся к лошади: х.-монг. *агт*, стп.-м. *aγta* «конь, рысак; мерин; табун; кастрат», калм. *агт* «мерин; верховая

лошадь», МА *axta* «мерин»; х.-монг. *адуу*, стп.-м. *aduγun* «табун, косяк; лошадь, кони», калм. *адун* «табун; лошадь», МА *adūn* «скот», *adasun* «скот, лошадь», *adasun* «скотина»; х.-монг. *аргамаг*, калм. *аһмг*, стп.-м. *arγumaγ* «аргамак»; х.-монг. *байдас*, стп.-м. *bayidasun* «молодая яловая кобылица», калм. *бәәсн* «трехлетняя яловая жирная кобыла»; х.-монг. *жороо*, калм. *жора*, стп.-м. *jiruγa* «иноходец»; х.-монг. *хөлөг*, стп.-м. *kölüg* «лошадь, экипаж высокопоставленного лица», калм. *кәлгн* «средство передвижения, транспорт».

Некоторые термины имеют параллели лишь в халхаском и старописьменном монгольском языках. Ср., например, х.-монг. *шүдлэн* «двухгодовалый (о скоте)», стп.-м. *šidüleng* «трехгодовалый жеребенок»; х.-монг. *хязаалан* «четырехгодовалый (о скоте)», стп.-м. *kijaγalang* «лошадь четырех лет», МА *kidālan* «двухлетний жеребенок»; х.-монг. *соёолон* «пятилетний»(о скоте); стп.-м. *soyuγalang* «лошадь или бык пяти лет; овца трех лет»; х.-монг. *хойлго* «обычай погребения вместе с умершим его вещей и скота», стп.-м. *qoyilγa* «жертвенная лошадь, которая хоронится вместе умершим». В калмыцких словарях эти термины не встретились.

Следует отметить, что в других монгольских языках бытует в то же время ряд терминов, не находящих аналогий в бурятском языке. Ср., например, х.-монг. *сарваа*, калм. *сарва*, стп.-м. *sarbaγa* «двухлетний жеребенок», калм. *туулн мөрн*, МА *tūlan* «лошадь пяти лет», х.-монг. *ажнай*, стп.-м. *ajinai* «наилучший конь», калм. *арнзл* «сказочный конь героя».

Отдельные из приведенных выше бурятских половозрастных названий лошади не только являются общемонгольскими, но и надежно этимологизируются из монгольских языков. Так, в основе термина *шүдэлэн* «трехлетняя лошадь» лежит слово *шүдэлхэ* «прорезаться» (о зубах) < *шүдэн* «зубы, зуб», ср. х.-монг. *шүд*, калм. *шудн*, стп.-м. *šidün* «зуб»; в основе *һоёолон* «пятилетняя лошадь» > - слово *һоёолхо* I) «достигать возраста, когда начинают; вырастать клыки» - о животных; 2) «прорезаться, вырастать» - о клыках < *һоёо* «клыки, клык», ср. х.-монг. *соёо*, калм. *соя*, стп.-м. *soyuγa* «клык».

Термин *дааган* «двухлетний жеребенок», как убедительно доказал Э. Ч. Бардаев [1], происходит от общемонгольского глагола *дааха* «осиливать тяжесть», вернее от его переносного значения, явственно видного в словосочетании *бэеэ дааха* «быть самостоятельным, независимым».

Не имеют соответствий в монгольских языках бурятские термины *архан* (в составе *архан хүлэг*) «рысак, аргамак», *гойр* «кляча» и *һоотой* (эхир.) «кляча». Хотя вполне вероятно, что бур. *гойр* «кляча» может иметь один корень с х.-монг. *гойрох* «похудеть телом от недостатка еды и питья» (о скоте).

Обращение к соответствующему лексическому материалу из других алтайских языков, тюркских и тунгусо-маньчжурских, показало следующую картину.

Дня тюркских языков характерны термины: *at*, *jund*, *jïlqï* «лошадь», *bi* «кобыла», *adγïr*, *ajγïr* «жеребец», *qulun* «жеребенок», *taj* I) «жеребенок»; 2) «молодой конь», *kölük* I) «вьючное животное»; 2) «повозка», *qisïr* I) «бесплодный, яловый»; 2) «нежеребившаяся кобылица», *qïsraq* «молодая кобылица», *arqun* «скакун, помесь дикого жеребца с кобылой», *jorïγa* «иноходец». Распространен в тюркских языках и термин *арғамак* «скакун, аргамак», который этимологизируется из тюркского глагола *арғы-* «бежать крупным карьером» [4, с. 171]. Широко известен в тюркских языках и термин *ағта* «мерин; кастрат», который считается иранским заимствованием [4, с. 77-78].

Как можно видеть из приведенного сравнительного материала, в тюркских языках с лошадью связаны в основном другие термины, нежели в монгольских языках. Лишь тюркские *adγïr*, *ajγïr*, *kölük*, *jorïγa*, *арғамак* и *ағта* находят параллели в монгольских *азарга*, *хүлэг*, *жороо* (< древнемонг. *jiruγa*), *аргамаг* и *агта*. Специфически бурятский термин *архан* «скакун», таким образом, можно считать тюркским заимствованным элементом в бурятском языке, так как он тоже, как и *арғамак*, производится от тюркского глагола *арғы-* [4, с. 171].

Общемонгольское слово *жороо* «иноходец» представляет собой древнее заимствование и фонетическую адаптацию тюркского *jorïγa* id., который происходит от тюркского глагола *jor-*, *jorï-* «идти, ходить, передвигаться». Тюркского же, видимо, происхождения и термин *хүлэг*, восходящий к тюркскому *kölük*, в основе которого лежит тюркский глагол *köl-* «запрягать», чему не препятствует и семантика, потому что для всех монгольских языков, кроме бурятского, характерно значение «экипаж, транспортное средство». В бурятском же языке значение «рысак, аргамак» могло развиться в результате контаминации двух древних тюркских слов: *kölük* «вьючная лошадь» и *külüg* «известный, славный, знаменитый» (< тюрк. *kü* «слава»), поскольку известность среди людей той эпохи получали не только богатыри и витязи, но и славные скакуны. Общемонгольский термин *аргамаг* тюркского происхождения. *Агта*, как склонен считать В. Севортян, – иранское слово, широко вошедшее в средние века не только в тюркские языки, но и в монгольские и тунгусо-маньчжурские [4, с. 77-78].

О тюркской этимологии тюркского термина *adγïr*, *ajγïr*,равно как и о других тюркских терминах для лошади, писал А.М. Щербак [6, с. 82-172], поэтому подробно их здесь разбирать не будем.

В тунгусо-маньчжурских языках всеобщим является видовое название лошади *морин*//*мурин* [5, с. 558-559]. Оно было известно еще древним чжурчженям, в языке которых зафиксирован термин *mulin* «лошадь» [5, с. 559]. Сюда же примыкает и корейский термин *mǎr* (северо-корейский термин mor) «лошадь», древнюю форму которого восстановил Г.И. Рамстедт [6, p. 107]. Из половозрастных терминов, относящихся к лошади, в тунгусо-маньчжурских языках известны следующие: ма. *ачжирган*, эвенк. *адирга*, эвен. *мурон көрбэ*, нан. *хусэ* «жеребец»; ма. *гэо*, эвенк. *гēг*, *гōг*, сол. *гэг*, чжур. *k'ómùlîn*, эвен. *мурон нямичанни*, нан. *эктэ морин* «кобыла»; ма. *унахан*, эвенк. *унукāн*, эвен. *мурон хутэн*, нан. *морикан* «жеребенок». При этом маньчжурский и эвенкийский термины для жеребца совпадают со средневековым монгольским словом *ajirγa* «жеребец» и являются, вероятно, монгольскими заимствованиями, хотя само монгольское слово признается тюркским по происхождению [7, с. 88].

Тунгусо-маньчжурские термины для кобылы близки общемонгольскому термину *гүүн* «кобыла», особенно его древней форме *gegün*, *gegüü*, получившей фиксацию в старописьменном монгольском языке. Есть мнение, что тунг.-маньч. *гэо*, *гēг* заимствованы из монгольского языка [2, с. 112]. Монгольскими же заимствованиями считаются и ма. *унахан*, эвенк. *унукāн* «жеребенок» [2, с. 117].

Совпадает с монгольским слово *акта*, широко распространенное в тунгусо-маньчжурских языках в виде именной и глагольной основ. Ср., например, эвенк, *акта-* «кастрировать, холостить», *акта*, *актакū* «холощеный олень», сол. *акта* «мерин», орок. *хакта-* «кастрировать», *хакта* «кастрированный олень», нан., ма. *акта морин*, чжур. *'á-tāh mŭ-lîn* «мерин». Основа эта, как указывалось выше, считается иранской по происхождению. Остальные термины созданы в тунгусо-маньчжурских языках за счет собственных языковых средств при помощи таких слов, как *эктэ*, *нямичанни* «самка», *хусэ*, *көрбэ* «самец», *хутэн* «детеныш», а также уменьшительного аффикса *-кан*.

Таким образом, сопоставление бурятских терминов, относящихся к лошади, с другими языками показало, что все они являются общемонгольскими. Видовое название *морин* имеет полное совпадение только в тунгусо-маньчжурских языках. Основные половозрастные названия имеют параллели тоже только в тунгусо-маньчжурских языках. Это бур. *азарга* «жеребец», *гүүн* «кобыла», *унаган* «жеребенок». Причем в тунгусо-маньчжурских языках они считаются монголизмами. Из тюркских языков надежная параллель есть только к бур. *азарга*, но и она образовалась за счет освоения тюркского термина монгольскими языками.

Вторичные же бурятские термины, относящиеся к лошади и характеризующие ее по разным признакам, представляют собой в основном тюркизмы. При этом иранизм *акта* тоже, вероятно, пришел в монгольские языки через тюркские. Все это позволяет сделать вывод о том, что коневодство у монгольских и тюркских племен зародилось независимо друг от друга. Монгольское коневодство связано, по всей вероятности, своим происхождением с коневодством тунгусо-маньчжурских племен, хотя и испытало впоследствии сильное тюркское влияние.

Список сокращений языков и диалектов:

бох. – боханский говор бурятского языка; бур. – бурятский язык; древнемонг. – древнемонгольский язык
зап. – западный говор бурятского языка; калм. – калмыцкий язык; ма. – маньчжурский язык; нан. – нанайский язык; окин. – окинский говор бурятского языка; орок. – орокский язык; сол. – солонский язык; стп.-м. – старописьменный монгольский язык; тунг.-маньч. – тунгусо-маньчжурский язык; тунк. – тункинский говор бурятского языка; тюрк. – тюркский язык; хор. – хоринский говор бурятского языка; х.-монг. – халха-монгольский язык; чжур. – чжурдженьский язык; эвенк. – эвенкийский язык; эхир. – эхиритский говор бурятского языка
эхир.-булаг. – эхирит-булагатский говор бурятского языка

Сокращение источников:

МА – Мукаддимат ал-Адаб

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бардаев Э.Ч.* Номадная лексика монгольских народов. (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. …канд. филол. наук. М., 1976.
2. *Новикова К.А.* Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животноводству // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
3. *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. 1-2. // Труды института востоковедения XIV. М.-Л., 1938.
4. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
5. Сравнительный словарь тунгусо-маньчужрских языков. Л., 1975. Т. 1.
6. Paralipomena of Korean Etymologies by G.J. Ramstedt / Collected and edited by Songmoo Kho. Helsinki, 1982.
7. *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Философские науки

УДК 124 + 94(470)«1894/1917»

Апрелева Виктория Александровна

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Тюменского архитектурно-строительного университета
тел.: (912) 993-29-35

Apreleva Victoria Aleksandrovna

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences of Tyumen State University of Architecture and Construction
tel.: (912) 993-29-35

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА О ЛИЧНОСТИ НИКОЛАЯ II

PHENOMENOLOGY OF NATIONAL DISCOURSE ON THE PERSONALITY NICHOLAS II

В статье предлагается сопоставление критического и апологетического дискурса о личности и правлении Николая II, осознание значимости царской власти в различных кругах общества XX в. Монарх и отношение к нему предстают в качестве предмета социальной феноменологии, а исследование, дополненное лингвистическим дискурсом, таким образом, расширяет рамки, становясь комплексным и многоплановым. Ценность статьи в том, что для подтверждения апологетический позиции используются материалы личных архивов военных русских эмигрантов во Франции.

Ключевые слова: **критика, апологетика, военная эмиграция, монархия, власть, тема вины, покаяние, стиль, эмфатичное письмо, стиль как энтелехия эмигрантской легенды.**

The article presents the comparison of critical and apologetic discourse on the personality and the reign of Nicholas II, the awareness of tsarist power in the various circles of the society of the 20th century. The monarch and the attitude to him appear as a subject of social phenomenology, and the research supplemented by the linguistic discourse, therefore, extends the framework and becomes integrated and multifaceted. The value of the article lies in the fact that for the acknowledgement of apologetic position the materials from personal archives of military Russian emigrants in France have been used.

Key words: **criticism, apologetics, military emigration, monarchy, power, theme of guilt, penance, style, emphatic letter, style as entelechy of emigrant legend.**

В последнее время исследования по истории российской монархии стремятся обосновать причины ее обреченности в России, и, якобы, готовности принять принципиально другую форму государственной власти. И какова роль в этом процессе самого Николая Александровича Романова, вступившего на российский престол по закону о престолонаследии в начале 1890-х гг. с ясной программой действий, желанием способствовать процветанию своего государства и впоследствии передачи царской власти своему наследнику? Историки, философы, политологи считают, что ответить на эти вопросы крайне важно, так как личность и характер власти Государя императора играли колоссальную роль в особенностях становления монархии в России начала XX в., накладывая заметный отпечаток на различные стороны общественной и политической деятельности.

Как строить дискурс о личности и правлении Николая II? Какими словами, красками рисовать портрет последнего императора России? Эти вопросы неизменно поднимаются перед любым исследователем эпохи последнего российского императора. Справедливо то, что однозначно ответить на эти вопросы невозможно. Одномерные подходы, схематизм, так долго определявшие понимание прошлого, не могут адекватно отразить сложное и противоречивое время монархической России.

В целом, содержание нахлынувших публикаций отражает существование двух тенденций в отечественной историографии относительно личности Николая Второго. Первая – резко **критическая,** вторая – **апологетическая**, возводящая последнего российского Императора в ранг выдающегося государственного деятеля, преданного своим окружением, принесшего поверженной России искупительную жертву вместе со своей семьей.

Содержание статьи – феноменология критического и апологетического дискурса о личности Николая II, о значимости царской власти в различных кругах общества XX в. Оценка личности самого Николая II посредством обращения к анализу дискурса возможна хотя бы потому, что в силу своей утонченной двусмысленности письмо раскрывает и то, какой монархическая власть является на самом деле, и то, какой она хотела бы выглядеть, что составляет предмет социальной феноменологии [2].

Для сравнения критической и апологетической позиций, используем типологию политических ориентаций Г. Алмонда и С. Верба, которая признается большинством западных и отечественных политологов. В соответствии с нею, рассмотрим:

познавательные ориентации (cognitive orientations) критиков и апологетов, которые фиксируют уровень и само наличие знаний об императоре и его правлении, о проводимых им реформах; победах и поражениях;

эмоциональные ориентации (affective orientations), обозначающие чувства и интерес, испытываемые по отношению к Николаю II;

оценочные ориентации (evaluational orientations), выражающие мнения или суждения, т. е. оценку личности Николая II и его правления.

Безусловно, эти ориентации абстрактны и символичны.

Познавательные ориентации

С уничижительно-критической позиции был создан целый корпус книг в России и Америке в 1960 – 1990-е гг. [1; 4; 9; 13].

Главная цель таких книг – развенчание Императора Николая II, как человека и государственного деятеля, резкая критика его духовного и физического образа. Кто субъекты критического подхода? Социал-демократы, советские историки, общественные деятели большевистского режима. Чем объяснялись обвинения, резкая критика в адрес Царя и его правления? Стремлением оправдать победу Октябрьского переворота, большевистский режим и советскую власть. Критическая позиция характерна и для большинства советских и постсоветских работ по истории российской монархии.

Особенностями аргументации в критических работах является цитирование информации, выгодной для подтверждения их точки зрения, пренебрежение фактами, которые противоречили их теориям и гипотезам. Страницы многих цитат и ссылки на очевидцев событий не обозначены точно, иногда приводимые цитаты вовсе не существуют.

Апологетическая тенденция характерна для русской монархической эмиграции. В эмигрантских архивах сохранились воспоминания о последнем императоре России тех, кто находился с ним рядом, общался, был свидетелем его решений или сомнений. Это бывшие министры, военные, подчиненные царя, его ближайшее окружение. На какой почве формировались апологетические установки? После победы большевиков многие дворяне, офицеры, образованная элита оказались на чужбине, став эмигрантами и образовав Зарубежную Россию. Тяжелой, полной лишений, оказалась жизнь эмиграции на чужбине. Генерал С. Позднышев вспоминал: «Сброшенные революцией с весов национальной истории, мы превратились, в подавляющей массе, в чернорабочих, ради куска хлеба. Тоска по родине сушила сердце, пока не зарубцевалась рана. Далекая, недоступная – она снилась нам во сне и наяву, как самая прекрасная, чудесная, одухотворенная страна…» [11, с. 8-9]. Русские эмигранты искали поддержки и помощи, чтобы выживать и сохранять потенциал личности и сознания. Практически все эмигранты, даже те из них, кто до эмиграции вовсе не был склонен к каким-либо национально-культурным пристрастиям, – становились носителями и проповедниками благоденствия и становления дореволюционной России, абсолютизация и эстетизация которой были порождены самой эмиграцией и усиливавшейся ностальгией по родине…

Эмигранты верили, что сущность монаршего служения Николая II почти мистического свойства и обычным практическим умом трудно постижима – «для этого нужно поколениями вскормленное особое монархическое сознание» [7, с. 4]. Монархия понималась как Божьей милостью отражение небесного милосердия, как явление трансцендентальное, как сила высшего порядка. А Государь-император – жалующий, милующий, прощающий, но требующий исполнения гражданского долга – являл собою в сознании русских эмигрантов высшую справедливость не земного источника, объединительное начало российской монархии.

Особенностями аргументации в апологетических работах является апеллирование к мнениям, представлениям, оценками и выводам русских эмигрантов, которые лично знали Царя и были сохранены в материалах личных архивов русской эмиграции.

Эмоциональные ориентации

Для всей **критической литературы** характерны такие эмоциональные ориентации, как острая неприязнь к Романовым, стремление изобразить их личность и деятельность в карикатурном виде. Так, книга М. К. Касвинова повествует о жизни и деяниях царя и его ближайшего окружения, о «бесславном конце Николая Кровавого»[6].

При описании настроения народа, солдат, общественных деятелей, используются такие выражения, как **«**вступление в командование всей Армией Императора Николая II было встречено с недоверием и унынием». Авторы прибегают к циничным и вульгарным выражениям**,** пишут резко, оскорбительно в адрес царя и его окружения, не скупятся на издевку и сарказм [4, с. 169-171]. Напротив, **апологетические воспоминания** о личности Николая II военных – генералов, офицеров, пажей, - которые непосредственно видели и общались с царем, написаны с огромным душевным волнением и восхищением. Часто встречаются такие фразы, как «высшее счастье», «чувство восторга и обожания», «личная любовь к несравненному Императору», «преображение чувств», «готовность к совершению подвига». Например, в сборниках «Союз Пажей», выходивших неболь-

шим тиражом в странах Европы, США, приводятся воспоминания об Императоре, посещавшем Пажеский корпус до Первой мировой войны. Бывший паж Н. Попов пишет: «Эта последняя милость Государя к нам, милость, которой никакие корпуса, никакой полк еще не удостаивались, милость, подтвердившая всем, что Пажеский корпус был, есть и будет всегда ближе других к Государю, была высшим пунктом нашего счастья. Это была действительно награда за нашу любовь к Царю, за готовность нашу всем пожертвовать ради Него» [12, с. 4].

Тема вины – одна из центральных в эмигрантском повествовании. Так, отметая все традиционные для критической позиции обвинения против Царя Николая II, автор заметки «Светлой памяти Государя императора Николая Александровича» А. Ефремов поставил самый важный вопрос истории XX в.: итак, кто же виновник преступления против России, против Монаршей власти, против будущего русского народа? Верноподданный перечисляет всех виновных. По его мнению, перед Помазанником Божьим, виноваты все сословия, генералы и члены Государственного Совета и Думы, крупная интеллигенция, больше заботившаяся о демократическом строе, чем о победоносном окончании Первой мировой войны. «Виновата знать, занимавшаяся, в своих великосветских салонах, сплетнями и клеветой; виноваты некоторые льстивые царедворцы, почуявшие опасность и разбежавшиеся от своего Благодетеля; виноваты и те, кто остался верен Царю, но не сумел Его защитить, оградить и отдать свою жизнь за Него. Кровь Царя Мученика на всех нас. За измену Русскому Царю до сих пор наказание еще несут все…» [3, с. 3].

Здесь звучит мотив трагической вины, мучительной совестливости о происходящем в истории России. Моральная вина предполагает солидарность между людьми, оказавшимися на чужбине, которая делала каждого ответственным за преступления, совершенные против монаршей власти, против Николая II. Никто, по Ефремову, не сумел предотвратить гибели Императорской семьи и крушения России в бездну – это роковое бездействие ложится на всех неизгладимой виной. Чувство вины, ощущение виновности изнутри – исток раскаяния и надежды на спасение и преображение России.

Оценочные ориентации

Для критической литературы характерна уничижительная оценка личности и правления Николая II. Выражается устойчивое убеждение, что именно личность императора сыграла огромную, поистине фатальную роль в крушении монархии в России. Было утрачено мистическое значение Государя в русской жизни. Значение его деятельности на благо России не только не понималось и не ценилось, но о нем говорили с насмешкой, с яростью. Постулировалось мнение, что каждый образованный человек может править государством не хуже Николая II. Отсюда снижение личности царя до уровня обыкновенного человека [4, 6, 9].

Напротив, апологетическая литература оценивает последнего монарха в превосходной степени, показывает свойственные ему множество благих дел, чистоту помыслов и величие целей. Жизнь последнего российского монарха осознается как крестный путь России, как судьба истинного православного христианина, погибшего как святой мученик за Россию и православную веру. В апологетическом дискурсе представлен светлый образ последнего русского царя. Согласно воспоминаниям тех, кто лично знал Николая II, его чертами были отмечены: вера в бога и в свой долг царского служения, духовная одаренность, благородство помыслов и поступков, живой ум, талант руководителя, упорство воли к осуществлению государственных планов, осмотрительность и такт, исключительное личное обаяние. Царская власть осознавалась как сила, опиравшаяся на крепкие традиции, которая была способна проводить глубокие и успешные реформы. Император Николай II представал инициатором многих экономических, социальных и земельных реформ, который вел Империю к прогрессу, благоденствию народа. Жизнь Государя и Государыни представляли собою образец, которому стремились следовать русские эмигранты [3; 7; 8; 11; 12].

Особенности стиля

Почти все, что было написано о последнем русском царе, было вызвано особенностями мировоззрения, политическими интересами, идеологическими пристрастиями авторов.

Критический стиль

1. Текст предложенных работ исходит из большевистских представлений и соответствующих им идеологических понятий. Лексика и риторика, оценивающие специфику царской власти, были сформированы в русле всей советской семиосферы и сферы прагматики. Текст американских демократов и советских историков сближали общая догматика, и политическая мифология, его аргументация обрамлена социал-демократической фразеологией. Социалистические выводы нетрудно соотнести с социал-демократической догматикой с ее постулатом об исторически неизбежном крахе монархии.

2. Критическое письмо однозначно; его лексическое единство позволяет давать единообразное объяснение действительности, характерное для тоталитарного общества, и выражения: «Са-

мовластие монарха», «властный произвол» «чиновничье-полицейский аппарат», нередкие для советского письма, служат указанием на совершенно определенный, конкретно-исторический процесс; они уподобляются алгебраическому символу.

3. Эпитеты в адрес Николая II и его власти удивительным образом повторяются не только в книгах американских демократов, но и в работах советских и постсоветских авторов. Так выражают себя стереотипы – предвзятые, субъективные обобщения, своего рода призма, через которую воспринимаются политические явления и идеи (термин Уолтер-Липпманна).

4.Тавтология – постоянный прием критического советского и постсоветского письма, ибо его цель – не обоснование фактов, но изображение жизни в монархии в заведомо негативном виде, непосредственное навязывание приговоров. Задача такого письма – фальсифицировать факты, безжалостно критикуя то, что не вписывается в систему советского мировоззрения.

Апологетический стиль

Апологетический подход выражает себя в классически верном стиле, в словесных выражениях, свойственных офицерству или дворянству, которые защищали Николая II, власть Царя как помазанника Божия. Это эмфатичное письмо. И если в результате эмиграции нормы этого письма не претерпели изменений (ибо носителем мыслительной энергии в целом продолжало оставаться одно и то же сословие, – дворяне, – и лишь его духовное начало усилилось в условиях изгнания), то сама исключительность условий, в которых протекала борьба эмиграции за сохранность национальных языковых, религиозных традиций, породила собственно апологетическое письмо. Своеобразие эмигрантского письма возникло за счет своеобразия исторического момента. Изгнание оказалось одним из таких решающих обстоятельств, когда восприятие монархического прошлого облекалось в предельно эмоциональные, возвышенные средства словесных преувеличений. Апологетика явилась тем самым эмфатическим жестом, который только и был органичен людям, ежедневно «всходившим на эшафот» – именно так возможно понимать эмигрантов, выживающих на чужбине. Язык, поражающий сегодня своим пафосом, в то время был под стать самой действительности. Он стал как бы энтелехией эмигрантской легенды: слова возвышали, побуждали и давали благословение на сопротивление забвению и предательству Идее монархии.

Дискурс о Николае II – сложившийся в XX в., выявляет феномен двойственности, амбивалентности критического и апологетического подходов к рассмотрению личности и правления Николая II. Это равнозначность двух противоположных смыслов и значений, открытость для различных и даже взаимоисключающих интерпретаций. В критическом подходе стиль, фразеология, метафоры и определения обусловлены идеологическими мерками и стереотипами большевизма, понятия монархической власти и ее решений ограничиваются узкими классовыми факторами, без учета многогранной общенародной, политической, религиозной, идейной, психологической жизни Николая II. В результате текст строится из фикций. В нем превалирует монологизм, категоричность. Прагматически-политические трактовки поглощают текст, лишенный эстетико-нравственных постулатов и гуманистических ориентаций.

В целом, критический подход к личности и правлению Николая II ангажирован партийной бюрократией, обслуживающей потребности тоталитарного советского общества. Внутри ангажированной, официозной исторической науки апологетика воспринималась как ересь, достойная осуждения.

В апологетическом подходе нашел свое выражение биографический метод источниковедения. Апологетике свойственна эстетическая составляющая, в частности, возвышенное осмысление личности Императора, ибо Государь для эмигрантов обладал несомненной положительной общественной значимостью, но в силу колоссальной масштабности не мог быть в свое время понят и полностью принят обществом. Именно поэтому личность Императора вызывала у апологетов чувство восторга или неописуемой радости, к которому примешивалось чувство вины, боли и страдания. Время переживания событий начала XX в. для апологетов реально и сакрально, с ориентацией на диалогичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. См: *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. М., 1989; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л., 1981.
2. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Р. Барт: Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму/ пер. с фр. Г.К. Косикова. М., 2000.
3. *Ефремов А.* Светлой памяти Государя императора Николая Александровича. Верноподданый. Союз Дворян. 1954. № 2. // Личный Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Франция. Хр. 5. Яч. 23.

4. *Ерзин Э.А.* Дом на песке (Некоторые идейные и духовно-политические аспекты монархического правления в России) // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000.
5. Император Николай II и Великая война. Доклад, прочитанный на траурном собрании 12 июля 1964 г. генералом С.Д. Позднышевым // Помни правду. Издание Союза Ревнителей священной памяти Императора Николая II. Личный архив Протодиакона Германа Иванова-Тринадцатого. Лион. Франция.
6. *Касвинов М.* Двадцать три ступени вниз. М.–Л., 1979.
7. *Фон Клемм О.В.* Царская Россия. Несколько мыслей и воспоминаний // Союз Дворян. 1961. № XII. Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Хр. 5. Яч. 23.
8. *Фон Клемм О.В.* Царская Россия. Несколько мыслей и воспоминаний // Союз Дворян. 1962. № II. Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Хр. 5, Яч. 23.
9. *Осипов С.В.* Император Николай II: трагедия личности как часть трагедии народа // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000.
10. *Пагануцци П.* Правда об убийстве Царской семьи. Историко-критический очерк. Св. – Троицкий монастырь Джорданвилль. New York, 1981.
11. *Позднышев С.* Немеркнущий свет / С.Д. Позднышев: Сан Пауло (Бразилия), типография И.П. Остренского, июнь 1949 г. Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Хр. 3. Яч. 23.
12. *Попов Н.* Из сборника «Союз Пажей» № 7, 1906-1907 г. Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Хр. 7, Яч. 8.
13. *Репина Т.А.* Николай II – обреченность личности // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000.

УДК 1 (091)

Бекетова Елена Николаевна

соискатель кафедры философии Северного (Арктического) Федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)
тел.: (952) 253-85-81

Beketova Elena Nickolaevna

Postgraduate Student of the Department of Philosophy of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
tel.: (952) 253-85-81

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В статье приводятся результаты исследования двух исторически сложившихся концептуальных подходов к проблеме цивилизационного развития: концепция неограниченного пространственно-временного развития и концепции относительно ограниченного пространственно-временного развития цивилизации. Обосновывается необходимость поиска иной модели развития цивилизации, в качестве которой может выступить концепция устойчивого развития.

Ключевые слова: **линейная модель, материализм, социальный прогресс, технический прогресс, развитие общества, устойчивое развитие, циклическая модель.**

SOCIO-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

In the article the results of the investigation of two historically established conceptual approaches to the problem of civilizational development are considered: the concept of unlimited space-time development and the concept of the relatively limited space-time of the development of civilization. The author substantiates the necessity to search for a particular model of civilization development which may become the concept of sustainable development.

Key words: **linear model, materialism, social progress, technical progress, development of the society, sustainable development, cycle model.**

На рубеже XX – XXI вв. цивилизация оказалась в той точке всемирно исторического процесса, которая определяет динамику и направление цивилизационного развития на длительную перспективу. В разное время эту переломную точку именовали по-разному: «революцией» – немецкий философ К.Маркс; «моментом» – французский историк И. Тэн; «надломами» – английский культуролог А. Тойнби; «узлами» – русский писатель А. Солженицын, переход на которую означает либо включение мирового общества эффективных механизмов производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности, либо завершение своего естественноисторического цикла развития, если оно не сможет ответить историческому вызову.

Таким образом, стало очевидным то, что сохранение традиционных стереотипов и ориентиров цивилизации не обеспечивает её позитивного функционирования. Кризис неолиберальной модели развития, постепенное осознание пределов роста и угрозы экологической катастрофы побудили к поискам иной модели развития цивилизации.

О том, как оно будет развиваться дальше, человечество задумывалось издавна, пытаясь выявить связь между прошлым, настоящим и будущим, наметить эволюцию мирового исторического процесса. В настоящий момент с некоторой долей условности можно выделить две концептуальные системы, в рамках которых мировое сознание пыталось предложить ответы на вопрос о перспективах развития цивилизации.

Первая из них – концепция неограниченного пространственно-временного развития. Ее суть заключается в том, что человечество, преодолевая противоречия исторического развития, неуклонно движется в сторону позитивных ориентиров, обеспечивающих гармонию социокультурного и природного процесса, которые в единстве обеспечивают социальный прогресс общества. Развитие философских и социокультурных представлений, соответствующих этой концепции начало происходить в период Античности и трактовалось как продвижение к «идеальному государству» посредством мудрого и разумного управления обществом (Платон, IV в. до н.э.), и продолжилось в эпоху Средневековья, когда мировая динамика в христианской периодизации понималась как создание Богом неба и земли (Первый день) до сотворения Им человека (Шестой день).

В эпоху Возрождения философское сознание стремилось сконструировать естественнонаучную картину мира, в рамках которой преодолевался геоцентризм и формировались основы гелиоцентризма (Н. Коперник, Дж. Бруно); выявлялась новая роль государства в цивилизационном процессе (Н. Макиавелли); разрабатывались принципы механицизма (Г. Галилей, И. Ньютон), применяемые не только к природным, но и социокультурным процессам; появлялись утопии типа «Новой Атлантиды» (Ф. Бэкон) – идеального общества, построенного на рациональных основах

науки («знание – сила») и совершенной техники («анатомирование природы»), способствующих процветанию человеческого рода и увеличению всех земных благ.

Для периода Просвещения характерно стремление устранить недостатки существующего общественного устройства и выявить контуры будущего социума, опираясь на достижение науки, исходя из идеалов добра и справедливости. Представители французской (Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, Ж.А. Кондорсе) и немецкой (И.В. Гете, В. Гумбольд) концепций полагали, что только в процессе «воспитания человеческого рода» происходит становление и развитие и человека, и социума.

Идеологи «утопического социализма» попытались придать больше социальной определенности. Остров Утопии (Т. Мор), город Солнца (Т. Кампанелла), «новое христианство» (А. Сен-Симон), фаланги (Ш. Фурье) объединяет отказ от частной собственности и ориентация на коллективные формы деятельности, надежда на то, что в обществе будущего труд станет «предметом наслаждения», а распределение благ будет осуществляться по «труду и таланту».

Историософские построения немецкой классической философии (И. Кант, Г. Гегель, Л. Фейербах) придали традиционным социокультурным концепциям значительную глубину и фундаментальность. Всеобщая история рассматривалась во всемирно-гражданском плане; динамика цивилизационного процесса трактовалась как форма выражения «мирового духа».

В XVIII-XIX вв. в понимании сущности исторического процесса доминирующим был линейный принцип, который сформулировал установку на господство человека над природой, рассматривая это как способ его самореализации и самоутверждения. Г. Гегель по этому поводу отмечал, что в своем желании познать мир, человек хочет «завладеть им и подчинить его себе», испытывает «потребность стремиться к тому, чтобы употребить природу в свою пользу, стирать ее грани, истощать ее, уничтожить ее» [1, с. 88].

Линейная модель предполагает, что развитие может происходить в двух направлениях – прогрессивном и регрессивном. Прогресс и регресс представляют собой противоречивое единство противоположностей, одна из которых на определенном этапе играет главенствующую роль. Так, Ф. Энгельс полагал, что каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, так как он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях [2, с. 302].

Идеи прогресса явились предметом изучения у представителей позитивизма О. Конта и Г. Спенсера. О. Конт под прогрессом понимал улучшение, совершенствование существующего порядка, а основой развития – прогресс человеческого разума и духа, который является: «… необходимым руководителем, который всегда должен направлять весь человеческий прогресс» [3, с. 21]. Прогресс по Спенсеру это медленная эволюция, которая стремится к полному равновесию и состоит в повышении умственного и эмоционального развития [4, с. 139].

В XIX в. преобладающими стали теории, объясняющие ход развития общества, исходя из материальных факторов. Изменения в производстве, согласно Марксу, влекут за собой изменения в других сферах жизни. Деятельность людей определяется их материальными экономическими интересами, то есть выходит из их потребностей. Исторический материализм придал цивилизационному процессу логически завершенную форму.

Альтернативой марксисткой исторической доктрине стала концепция цивилизационного развития М. Вебера. Если марксизм в основание цивилизационного процесса положил материальные факторы, диалектику взаимоотношений производительных сил и производственных отношений, то в соответствии с веберовской концепцией не «экономизм», а «протестантская этика», то есть духовные факторы, стали определяющим элементом становления и развития индустриального общества западного типа, основой формирования «экономического человека».

Другая точка зрения на динамику мирового процесса представлена в рамках концепции относительно ограниченного пространственно-временного развития цивилизации. Ее суть заключается в том, что для цивилизационного процесса характерно «негативное развитие», связанное с разрушением существующих социоприродных структур.

Один из первых идею подобного рода сформулировал античный философ-поэт Гесиод (VII в. до н.э.), который представил «регрессивную периодизацию» социума, а именно: от золотого века, где люди жили как боги, к веку серебряному и медному [5, с. 126-127].

Значительный резонанс имели воззрения французского философа и писателя Ж.-Ж. Руссо, который считал, что человек, отрывающийся от матери-природы, пытающийся вырвать из рук «своего дитяти» опасные предметы – науку и культуру, подрывает свое физическое и нравственное здоровье.

Спустя столетие, в иной социокультурной обстановке, похожие идеи были сформулированы немецким философом Ф.Ницше, который рассматривал культуру и нравственность как противо-

естественное состояние человека. Для современной цивилизации характерен не прогресс, а регресс, поскольку «теперешний европеец по своей ценности глубоко ниже европейца эпохи Возрождения» [6, с. 126].

Если одни мыслители регрессивное развитие связывали с линейностью цивилизационного процесса, то другие с его цикличностью. На философском уровне идеи подобного рода возникли в рамках античного мышления, в процессе анализа природного круговорота, значительно позднее на социокультурном уровне. Итальянский философ Дж. Вико сформулировал теорию исторического круговорота, в соответствии с которой каждый народ в своем развитии движется от божественной к героической и человеческой эпохам, соответствующим естественным периодам жизни человека (детство, юность и зрелость).

В начале XX в. эту идею обосновал и развил немецкий историк О. Шпенглер, рассматривающий социокультурный процесс по аналогии с «историей отдельного человека, животного, дерева или цветка». То есть, каждая культура имеет свое детство, юность, возмужалость и старость. С одной стороны, западная культура достигла невиданных высот в своем развитии, а с другой приходит период ее завершения («Закат Европы»).

Английский мыслитель А. Тойнби продолжил обоснование тезиса о циклическом кризисе западной цивилизации, спасении ее не на пути технического прогресса, а приобщения к Богу. Он считал, что история человечества распадается на два десятка культур, внутренне не взаимосвязанных друг с другом. Каждая цивилизация проходит этапы возникновения, роста, надлома и разложения, после чего гибнет [7, с. 79]. Но в отличие от Шпенглера, Тойнби полагает, что гибель цивилизации не означает гибели человечества.

Начало XX в. было ознаменовано идеей прогрессивного развития общества, согласно которой развитие науки и техники определяет социальный прогресс в целом. Данное направление получило название «технологический детерминизм», который корнями уходит в эпоху Просвещения, к идеям, высказанными Ф. Бэконом, А. Сен-Симоном. В связи с этим появилось некоторое количество разных концепций «индустриального», «постиндустриального», «информационного» общества Э. Тоффлера, Д. Бэлла, З. Бжезинского, в которых техника выступает в качестве «интегрирующего» механизма, определяющего развитие экономической, политической, социальной и духовных сфер жизни общества.

В действительности же развитие техники и технологии, промышленности, автомобилизация, химизация и другие изменения в области производства привели к огромному ущербу окружающей среде, к разрушению природы и к усилению неравномерности прогресса. По этому поводу немецко-американский философ и социолог Г. Маркузе сказал следующее: «Технологический прогресс множил как потребности, так и способы их удовлетворения, но в то же время, приводил к тому, что и те и другие приобрели репрессивный характер: они сами поддерживали ситуацию господства и подчинения» [8, с. 531].

Таким образом, социальный прогресс необходимо оценивать не только материально-производственными сдвигами, но и его положительными изменениями. А это в свою очередь требует поиск более подходящих форм социального прогресса.

Одной из наиболее оптимальных форм прогресса является устойчивое развитие. Свое распространение данный термин получил после доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию, где указывалось, что человечество должно придать развитию устойчивый характер, то есть: «… обеспечить долговременный поступательный прогресс человечества» [9, с. 34]. На Конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) отмечалось: «Мы принимаем историческую необходимость и нравственную обязанность сформировать новую модель развития (модель движения вперед), в которой благополучие всех и сохранение окружающей среды были бы обязательно синонимами» [10, с. 7].

В настоящий момент мировое общество интересует проблема продвижения цивилизации по пути устойчивого развития, к возникновению которой привели предпосылки, затрагивающие социальные, экономические и экологические аспекты: 1) господство «философии потребления» – на протяжении многих веков человечество придерживалось «ресурсного» пути развития, господствовали принципы: «человек – царь природы», «потребление ради процветания». В процессе истории своего развития человечество использовало окружающую природную среду в качестве источника ресурсов для удовлетворения своих возрастающих потребностей; 2) господство ресурсоразрушающих технологий, которое определялось приоритетом экономической выгоды и иллюзией неисчерпаемости ресурсного потенциала; 3) неадекватность механизма ценообразования на природные ресурсы. Возникла ситуация, когда цены на ресурсы не отражают их истинной стоимости. Результатом такого способа хозяйствования явилось истощение ресурсного потенциала и деградация природной среды.

Концепция устойчивого развития направлена на комплексное развитие человеческого общества, которое на основе принципов целесообразного существования, рационального природопользования, экономической эффективности и социальной справедливости предоставляет экологические, экономические и социальные услуги всем членам сообщества, поддерживая при этом природно-экологическую, социально-экономическую и жизнеобеспечивающую системы в стабильном состоянии и служит целям удовлетворения нормальных духовных и материальных потребностей нынешних и будущих поколений людей [11, с. 51].

Переход мирового сообщества на модель устойчивого развития необходим, но сложен и длителен в силу противоречий развития глобальной социоприродной среды, не позволяющей в необходимом объёме и степени реализовать соответствующую концепцию. В настоящий момент не просто прогнозировать явления, процессы и тенденции, которые принципиально могут изменить мировую ситуацию в ближайшем, а особенно в отдалённом будущем. Более того, представления о характере цивилизации устойчивого типа будут меняться в процессе её всемирно-исторического развития, исходя из реалий всего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гегель Г.* Соч. в 10 т. М.-Л., 1930. Т.1.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 21.
3. *Конт О.* Основные законы социальной динамики или общая теория общественного прогресса человечества // *Зомбарт В.* Социология: хрестоматия. Л., 1926.
4. *Спенсер Г.* Синтетическая философия. Киев, 1997.
5. Греческая литература в избранных переводах / сост. В.О. Нилендер. М., 1939.
6. *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству. Сочинения в 2-х т. М., 1990. Т. 2.
7. *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991.
8. *Маркузе Г.* Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб., 2000.
9. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М., 1989.
10. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992). Информационный обзор. Новосибирск, 1993.
11. *Дятлов С.А.* Основы концепции устойчивого развития. СПб, 1999.

УДК 101.1:316

Денисова Елена Анатольевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета
тел.: (918) 218-18-97

Denisova Elena Anatolievna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology and Culturology of Kuban State Agrarian University
tel.: (918) 218-18-97

Лабутина Ирина Геннадьевна

соискатель кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета
тел.: (961) 52-48-480

Labutina Irina Gennadievna

Postgraduate Student of the Department of Sociology and Culturology of Kuban State Agrarian University
tel.: (961) 52-48-480

КАТЕГОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В СЕМИОТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

MENTALITY CATEGORIES IN SEMIOTIC THEORIES: THE COMPREHENSION EXPERIENCE

В настоящей статье представлен опыт актуализации категории ментальности в работах представителей отечественной семиотической школы.

The article presents the experience of mentality categories actualization in the works of the representatives of the national School of Semiotics.

Ключевые слова: **культура, семиотика, эстетика, дискурс, знак, слово, язык.**

Key words: **culture, semiotics, aesthetics, discourse, sign, word, language.**

Структурный анализ является одним из наиболее актуальных методов гуманитарного познания как в прошлом, так и в настоящем, представляя тем самым определенный интерес для самых разных областей философского дискурса. Более того, семиотические исследования, проводимые в рамках структурного анализа культуры, имеют первостепенное значение для воссоздания системы взаимодействия индивида и того информационного поля, в котором он пребывает.

Подобное положение дел обусловлено тем, что именно расшифровка различных знаков реальности приводит к выявлению структуры культурного бытия человека, в том числе его ментальности. При этом речь, в первую очередь, идет о семиотике художественного. Обращение исключительно к этому направлению, в рамках которого семиотика сближается с эстетикой, видится оправданным по причине того, что «из всей обширной группы объектов семиотики наибольшая общность обнаруживается между языком и художественной литературой, т. е. искусством, использующим язык в качестве своего средства; поэтому семиотика языка и литературы образует центр гуманитарной семиотики» [1, с. 440].

Отдавая себе отчет в длительном пути развития, который отечественная семиотика прошла от русского символизма (П. Флоренский); русского формализма (В. Пропп, В. Шкловский); философской семиотики (А. Лосев); информационной эстетики (А. Колмогоров, В. Успенский) до тартуской школы семиотики (Б. Успенский, Б. Гаспаров), мы фокусируем свой научный интерес на семиотических теориях М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета, Ю.М. Лотмана и П.А. Флоренского.

Наш выбор обусловлен тем, что семиотический метод этих исследователей тесно соприкасается с другими, смежными подходами. В первую очередь, с феноменологическим, цель которого заключается «в выявлении “послойной” структуры явления», и герменевтическим, предметом исследования которого выступает интерпретация. Как пишет В. Фещенко, «семиотика в некотором роде объединяет эти два подхода, задаваясь вопросом о том, как внутренняя структура явления образует его смысл», хотя в действительности «все три методики оказываются пересеченными, когда необходимо описать произведение искусства в его целостном облике, с различных сторон» [2, с. 75]: не только извне, но и изнутри. Помимо этого, каждый из названных авторов прямо или косвенно говорит о творчестве не столько с позиции совокупности приемов, сколько манеры видения мира, которая вбирает в себя «манеру обращения с окружающей действительностью и внутренней, ментальной реальностью» [2, с. 91].

Являясь представителем философии всеединства, П.А. Флоренский признавал единство Бога и мира. Это единство есть «со-чувствие», «со-мыслие» человеческого и божественного. Бог имманентно-трансцендентен, со-бытиен миру, Он мыслит вещами, человеческое познание, наоборот, считает мыслитель, переводит явления в понятия.

Таким образом, философ закрепляет за языком онтологический статус, утверждая, что меж-

ду языком и реальностью существует субстанциальная, а не условно-субъективная связь, которую наиболее адекватно характеризует у Флоренского понятие символа. Символ философ определяет как «Бытие, которое больше самого себя... такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, сотворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет, таким образом, в себе эту последнюю» [3, с. 287]. В то же время символ есть слово: «Всякий образ и всякий символ, как бы сложен и труден он ни был, мы называем, и, следовательно, уже по этому одному он есть слово, входит в описание как слово, да и не мог бы войти иначе. Далее, каждое из этих слов может быть раскрыто: образ описуем, математический символ поясним и определим. Значит, вместо образов и символов могут быть подставлены их описания, своим чередом несущие в себе образы и символы, каковые опять-таки могут быть раскрыты подстановкой на место их соответственных им описаний» [3, с. 122].

Постижение бытия как символической реальности возможно, по мнению философа, в виде описания, понимания и даже вчувствования в различного рода символы, которые Флоренский называет «органами общения с реальностью». Акт познания посредством символов – это субъектно-объектное отношение индивида и мира: «Ими [символами] и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано до тех пор от нашего сознания. Изображением мы видим реальность, а именем – слышим ее; символы – это отверстия, пробитые в нашей субъективности» [3, с. 344]. При этом слово, для П. Флоренского, это «мост между Я не-Я».

Признавая первостепенную роль символа в познании действительности, Флоренский пишет о необходимость использования метода семиотического анализа, который сам он применяет при исследовании таких сфер реальности, как богословие и искусство.

Применяя метод семиотического анализа в исследовании культуры, П. Флоренский определяет культуру как «деятельность организации пространства» [4, с. 56], а вещи представляет как «складки» или «морщины» пространства. Эта идея объясняет огромный интерес философии к художественному творчеству, поскольку артефакт представляет максимально заполненное, организованное пространство, поскольку художник заставляет «пространство поддаться и вместить больше, чем оно обычно вмещает без этого усилия» [4, с. 59].

Очевидно, что философская система П.А. Флоренского предполагает необходимость семиотического анализа при исследовании и структурировании бытия человека. При этом именно П.А. Флоренским был намечен важный для семиотических исследований культуры путь сопоставления разных знаковых систем с различной степенью обусловленности означающей стороны знака.

Г.Г. Шпет – один из первых русских мыслителей, кто сознательно использует семиотику в качестве метода постижения культурной действительности. Анализируя культурное бытие человека, Г. Шпет приходит к проблеме интерпретации знака, и, прежде всего, слова. По его мнению, единственной возможностью познания исторического бытия человека является интерпретация сообщения, заключающегося в слове: «история как наука имеет дело со словом как знаком, который интересует историка прежде всего, и даже почти исключительно, со стороны своего значения, т.е. со стороны того, о чем слово сообщает» [5, с. 309]. Г. Шпет рассматривает слово с коммуникативной точки зрения: «Слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура – культ разумения, слова – воплощение разума... слово может выполнять функции любого другого знака, и любой знак может выполнять функции слова. Любое чувственное восприятие любой пространственной и временной формы, любого объема и любой длительности может рассматриваться как знак и, следовательно, как осмысленный знак, как слово» [6, с. 380].

Предлагая исследовать человеческое бытие с точки зрения семиотики, Г. Шпет аргументирует свою мысль следующим образом: «историческое познание никогда не является познанием чувственным или рассудочным или познанием внешнего, или внутреннего опыта, а всегда есть познание, предполагающее уразумение или интерпретацию как средство уразумения. Такого рода познание можно условиться называть семиотическим познанием» [5, с. 310]. Соответственно, основной проблемой, с которой сталкивается философ, становится проблема интерпретации.

Однозначность интерпретации возможна, полагает Г. Шпет, при разграничении значения и смысла. Значение – это набор закрепленных за знаком определений, смысл – это то единственное понимание, которое возникает в данном речевом контексте. «Слово кажется многозначным только до тех пор, – пишет Г.Г. Шпет, – пока оно не употреблено для передачи значения или пока мы, встретившись с ним, еще не знаем, для передачи какого значения оно здесь служит... истолкование значений слов как задачи интерпретации, таким образом, должно принимать во внимание и многообразие форм пользования словом, как и психологию пользующегося им» [7, с. 226].

Огромное значение в семиотическом исследовании культуры философ придает контексту

сообщения: «Изолированное слово, строго говоря, лишено смысла», равно как и личности автора: «за каждым словом автора мы начинаем теперь слышать его голос, догадываться о его мыслях; подозревать его поведение... значение слова сопровождается как бы со-значением» [8].

Важным теоретическим шагом Г.Г. Шпета является то, что семиотическая тематика рассматривается им на примере языков искусства. Встреча учения о знаках с учением о художественных формах мыслилась отечественным философом следующим образом: «Имен на анализе языковой структуры выражения можно с наибольшей ясностью раскрыть все ее члены как объективного, так и субъективного порядка… Язык – не просто пример или иллюстрация, а методический образец» [9, с. 482]. В данном контексте не менее важным для нас оказывается тот факт, что в дальнейшем, анализируя искусство в его разных видах, Шпет приходит к выводу, согласно которому «в других продуктах культурного творчества мы встречаемся с другим взаимоотношением частей в целом, с другой значимостью и ролью их, но принципиально с тем же составом их» [9, с. 482].

Среди основных идей М.М. Бахтина наиболее важными представляются идеи диалогического характера культуры и признания за высказыванием и словом социального характера.

Огромную роль в своей семиотической теории М. Бахтин придает контексту, он говорит о необходимости изучения слова, как основного знака культуры, «не в системе языка и не в изъятом из диалогического общения “тексте”, а именно в самой сфере диалогического общения, то есть в сфере подлинной жизни слова. Слово – не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению» [10, с. 345].

Таким образом, Бахтин признает за любым знаком необходимое пребывание в культуре, его социальный характер: «ни одно явление природы не имеет “значения”. Поэтому всякое изучение знаков... обязательно начинается с понимания» [10, с. 320], следовательно, семиотика, как способ расшифровки знаков культуры, признается необходимым элементом гуманитарного познания.

Одним из наиболее значительных понятий в философии М. Бахтина является понятие многоязычия. Культурное бытие человека, согласно его теории, нельзя описать посредством одной сложной структуры, это, скорее наложение нескольких структур, что приводит их к диалогу: «Каждый выделимый смысловой элемент высказывания и все высказывания в целом – переводятся нами в иной, активный, отвечающий контекст. Всякое понимание диалогично. Понимание противостоит высказыванию, как реплика противостоит реплике в диалоге. Понимание подыскивает слову говорящего противослово» [11, с. 463].

Говоря о диалогичности мышления субъекта, Бахтин подчеркивает, что изначально слово «ориентировано на собеседника» [11, с. 443]. Потому «внутренний мир и мышление каждого человека имеет свою стабилизированную социальную аудиторию, в атмосфере которой строятся его внутренние доводы, внутренние мотивы, оценки и пр.» [10, с. 444]. Следовательно, бытие человека – это постоянный диалог, внутренний диалог с собеседником и с культурой как таковой. При этом само поведение человека выступает, согласно философу, в качестве текста: «Человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [10, с. 311].

Знаменательно, что в диалогической концепции М.М. Бахтина субъект предстает перед нами расщепленным на две составляющие. Если обратиться к аналогии с художественным произведением, то речь будет идти, с одной стороны, о том, кто осуществляет рефлексию над познанием, т. е. об «авторе», с другой – о том, кто осуществляет само познание, выступая в качестве его «героя». Соответственно, в контексте идей Бахтина мы можем говорить о неактуальной для «мира теоретизма» внутренней структуре единого в двух лицах субъекта. Последняя обнаруживает себя только в том случае, если собственно когнитивное отношение дополняется ценностным – этическим и эстетическим. При этом одновременно выявляется и особая структура эпистемологического акта, где предполагается временная, пространственная и смысловая вненаходимость, а традиционное бинарное отношение «субъект-объект» становится, как минимум, тернарным: субъект относится к объекту через систему ценностных или коммуникативных отношений и сам предстает в двуединости «Я и Другой», и уж если и противостоит объекту, то только в таком качестве.

В данном контексте представляется весьма спорным утверждение о том, что вопрос: «Является ли человек обществом?» звучит ли едва ли не глупо, поскольку «утвердительный ответ на него был бы абсурдом, развивать который не имеет никакого смысла» [12, с. 35]. Причем, подобный вывод, сделанный нашим соотечественником, оказывается созвучным позиции Э. Жильсона.

Аргументируя свою точку зрения примерами из области искусства, французский философ настаивает на том, что в отличие от живописи, опыт общения с которой является подлинно личностным актом, музыкальное производство и музыкальный эстетический опыт суть мероприятия с выраженными чертами социальности и коллективности [13].

Несмотря на кажущуюся правоту зарубежного мыслителя, при более глубоком взгляде на вещи, становится очевидным, что в действительности философ ставит в один ряд с музыкальным искусством такие зрелищные, адресованные массам виды творчества, как цирк или спорт. Однако о недопустимости подобного шага говорят, по мысли П.С. Волковой, следующие факты: Во-первых, феномен социальности, являющий собой непременную связь с другими, никоим образом не равнозначен непосредственному контакту. Известны многочисленные примеры, когда, оставаясь в физической изоляции, человек, тем не менее, был связан с идеями, ценностями или хотя бы с социальными привычками, которые давали ему чувство «принадлежности» к большинству. Здесь, пожалуй, мы имеем все основания говорить о «внутренней социальности» (В. Махлин), отмеченной бытийной, а не когнитивной характеристикой.

Во-вторых, то обстоятельство, согласно которому зрелищность предполагает ситуацию взаимодействия между воспринимающими его людьми, что, по сути, является актуальным и для концерта, когда одобрение публики выражается в дружных аплодисментах, не позволяет, тем не менее, проводить знак равенства между одним и другим. Несмотря на то, что в действительности невозможно себе представить одиноких, разобщенных людей на трибуне стадиона или в амфитеатре цирка: зрелища просто не будет, оно не состоится, принципиальным по отношению к цирковому представлению и концерту становится, по мысли П.С. Волковой, следующее. Если цирковое представление изначально обращено непосредственно ко всем и лишь опосредованно – к каждому, то концерт, напротив, внутренне обращен к каждому отдельному слушателю и лишь как следствие этого – ко всем вместе.

Другими словами, область взаимодействия людей в рамках циркового представления являет собой такое большинство, в рамках которого отстаиваемая Бахтиным двуединость нивелируется тотальным «Мы». Напротив, ситуация, связанная с прослушиванием музыкального произведения отвечает опыту, в рамках которого «Я единственный из себя исхожу, а всех других нахожу – в этом глубокая онтологически-событийная равнозначность» [10, с. 66].

Специально оговорим, что в связи с признанием диалогического характера культуры М.М. Бахтин рассматривает знаки культуры как пограничные явления: «каждое явление культуры лежит на границе» [10, с. 234], это точка пересечения, диалога двух культурных пространств, возможность возникновения смысла.

Решая проблему понимания, М.М. Бахтин приходит к идее переводимости знаковых систем: «Всякая система знаков (т. е. всякий «язык»), на какой узкий коллектив ни опиралась бы ее условность, принципиально всегда может быть расшифрована, т.е. переведена на другие знаковые системы (другие языки); следовательно, есть общая логика знаковых систем, потенциальный единый язык языков» [10, с. 309].

Таким образом, основной идеей для семиотических исследований М.М. Бахтина является идея столкновения (пересечения) различных культур, в связи с чем, в его работах возникает идея диалогичности и существования единого метаязыка, позволяющего наиболее адекватно декодировать языки различных культур.

В дальнейшем идеи М.М. Бахтина и всех тех, чьи концепции звучали в унисон с его диалогической концепцией, были восприняты и синтезированы в московско-тартуской школе семиотики, в частности, одним из виднейших ее представителей – Ю.М. Лотманом.

Весьма важным источником порождения нового знания «семиотического остатка», являлись для Лотмана переводы с одного семиотического языка на другой. Процесс такой перекодировки создает, по мнению Лотмана, новые смыслы и задает особый тип интерпретации, который возникает в результате взаимодействия семиотических систем: «Неадекватность агентов коммуникации превращает сам этот факт из пассивной передачи в конфликтную игру, в ходе которой каждая сторона стремится перестроить семиотический мир противоположной по своему образцу, и одновременно заинтересована в сохранении своего контрагента» [14, с. 564].

При анализе процесса смыслопорождения особое значение приобретает понятие границы: «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее “свое” пространство и внешнее “чужое”... такое разбиение принадлежит универсалиям» [14, с. 263]. Ю. Лотман выделяет в культуре ядро и периферию. Процесс дешифровки текстов различных культур происходит на границах этих культур, в связи, с чем периферия является условием динамичности культуры. По мнению Ю.М.

Лотмана, граница не только отделяет одну культурную среду от другой, все пространство отдельной культуры пересечено границами разного уровня подкультур. Именно наличие многочисленных субкультур приводит, согласно идее Лотмана к порождению сюжетности, возникновению текста.

Значение понятия границы в философии Лотмана велико, ее функция «сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее... На уровне семиосферы она означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешнего, которому приписывается статус текста на чужом языке, и перевод этого текста на свой язык» [14, с. 263].

Граница в семиотическом пространстве является возможностью самоидентификации и условием познания, поскольку, отделяя «свое» от «чужого», акцентируя внимание на инаковости, отличии внешнего от внутреннего, является «толчком» для интериоризации, структуризации внешнего пространства семиозиса, дешифровки информации, закодированной в тексте.

Таким образом, выстраивание бинарных оппозиций, разграничение мира на «внутреннее» и «внешнее», «свое» и «чужое», согласно концепции Ю. М. Лотмана, является гносеологической необходимостью, имманентным свойством человеческого существования, условием возникновения культуры, поскольку только при определении объекта познания как отличного от познающего субъекта возможно познание мира, его включение в человеческое бытие, как и самоопределение человека, осознание себя отличным от окружающего мира.

В то же время, естественный язык как более сильная семиотическая система диктует свои правила более слабым системам, в связи с чем любое проявление человеческой деятельности может пониматься как текст. Следовательно, культура является «совокупностью всей ненаследственной информации» [14, с. 395], поскольку «тексты образуют свернутые мнемонические программы» [14, с. 162]. Потому одной из основных методологических предпосылок семиотического анализа культуры Ю.М. Лотмана является предположение о том что, создание семантических оппозиций является «универсалией человеческой культуры». Он видит условие генерирования информации во взаимодействии в пространстве семиозиса многочисленных субкультур, что позволяет Ю.М. Лотману определять культуру как ненаследственную память коллектива. С этой точки зрения любое произведение искусства, в том числе и поэтическое, как «текст культуры представляет собой, по мысли ученого, наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры. Поэтому его можно определить как картину мира данной культуры» [14, с. 389].

Подытоживая все сказанное, заметим, что представленные концепции с очевидностью демонстрируют коммуникативную направленность в анализе художественного текста, а также значимость самого художественного текста, хранящего в себе культурный опыт конкретного народа. Соответственно, процесс работы с художественным текстом уподобляется опыту постижения картины мира художника, выступающего выразителем лучших черт того народа, представителем которого он является.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Языкознание // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1998.
2. *Фещенко В.В.* Autopoetica как опыт и метод // Семиотика и Авангард: антология. М., 2006.
3. *Флоренский П.А.* Имясловие как философская предпосылка // *Флоренский П.А.* Соч. М., 1990. Т. 2.
4. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.
5. *Шпет Г.Г.* История как предмет логики. Критические и методологические исследования: материалы в 2 ч. М., 2002.
6. *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты // *Шпет Г.Г.* Сочинения. М., 1989.
7. *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1992. М., 1991.
8. *Почепцов Г.Г.* Русская семиотика. М., 2001.
9. *Шпет Г.Г.* Философское мировоззрение Герцена. Пг., 1921.
10. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
11. *Бахтин М.М.* Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. Фрейдизм. М., 2000.
12. *Жалкиев В.Т.* Проблема аномии в солидаризационной модели социальной реальности: дис. … канд. филос. наук. Краснодар, 2011.
13. *Жильсон Э.* Живопись и реальность. М., 2004.
14. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.

УДК 177

Румянцева Нина Леонидовна

кандидат технических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности (г. Москва)
тел.: (495) 549-86-89

Rumyantseva Nina Leonidoivna

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property
tel.: (495) 549-86-89

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА В ТРУДАХ Ф. ХАЙЕКА, Р. АРОНА, К. ПОППЕРА: ЧАСТЬ 2. Р. АРОН

SOCIAL HUMAN EVOLUTION AS THE EVOLUTION OF INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM IN THE WORKS OF F. HAYEK, R. ARON, K. POPPER: PART 2. R. ARON

Во 2-ой части статьи рассмотрены основные положения концепции социальной эволюции Р. Арона, переведшего проблему индивидуализма и коллективизма в политическую плоскость и рассматривавшего однопартийные и многопартийные режимы, их существенные черты, разновидности, различия. Он отмечает страх и насилие, на котором держатся однопартийные режимы, их революционный характер, переход к тоталитаризму. В то же время уважение к закону – основное свойство многопартийных режимов. Дан критический анализ этой концепции.

Ключевые слова: **однопартийный, многопартийный, насилие, революционный, тоталитаризм, законность.**

In the present second part of the work substantive provisions of the concept of social evolution of R. Aron who transferred the problem of individualism and collectivism into a political plane considering both one-party and multi-party systems, their essential lines, versions, distinctions are analyzed. He marks fear and violence as the basis of one-party systems, their revolutionary character, transition to totalitarianism. At the same time respect for the law is the basic property of multi-party systems. The critical analysis of this concept is given.

Key words: **one-party, multi-party, violence, revolutionary, totalitarianism, legality.**

Р. Арон (1905-1983 гг.) перевел проблему индивидуальности и коллективности в политическую плоскость и рассматривал однопартийные и многопартийные режимы, их существенные черты, разновидности и различия.

Основные понятия, через призму которых Р. Арон исследует разные общества – это понятия «законная политическая деятельность» и «конституционный характер режима»: «под законной политической деятельностью я подразумеваю участие в борьбе за реализацию власти, а также в определении плана действий и плана устройства всего сообщества»[1, с. 30]; «режим, при котором существуют многочисленные соперничающие между собой партии, носит конституционный характер» [1, с. 28].

Философ так видит принцип однопартийного режима: «принцип, лежащий в основе однопартийного режима … сочетание двух чувств. Веры и страха» [1, с. 33]. А если веры нет, то «для прочности режимов, основанных на партийном монополизме, нужны не только вера и энтузиазм верующих, но и непременно – сознание своего бессилия неверующими» [1, с. 33].

Об особенностях государства при монополии одной партии: «когда монополия на политическую деятельность у одной партии, государство оказывается неразрывно связанным с нею» [1, с. 30]. В этом случае государство вынуждено ограничивать свободу политических дискуссий: «Если вместо государства партий существует партийное государство, оно вынуждено ограничивать свободу политической дискуссии. Поскольку государство утверждает единственную идеологию – идеологию партии, монополизировавшей власть, оно официально не может разрешить поставить эту идеологию под сомнение». [1, с. 31]. Как ведет себя государство по отношению к беспартийным? «Логика такого режима не в том, чтобы обеспечить законность и умеренность в реализации власти…Государство партийного типа оставляет за собой почти безграничные возможности воздействия на тех, кто в партии не состоит. Впрочем, можно ли требовать умеренности и законности, если оправдание монополизма – размах революционных преобразований, а сами преобразования – провозглашенная цель?» [1, с. 31].

Автор полагает, что монополия на власть одной партии должна быть чем-то оправдана: «почему некая группа, и только она, имеет право на участие в политической жизни? У различных однопартийных режимов различные оправдания своей монополии…. Коммунистическая партия СССР предлагает две системы оправданий: первая основана на понятии подлинного представительства, вторая оперирует понятием исторической цели» [1, с. 30].

Арон противопоставляет отношение к насилию в разных режимах «Единственная партия – по сути своей партия действия, партия революционная. Однопартийные режимы обращены к будущему, их высшее оправдание не в том, что было или есть, а в том, что будет. Будучи режимами революционными, они связаны с элементами насилия. Нельзя требовать от них того, что образует сущность многопартийных режимов, – соблюдения законности и умеренности, уважения интересов и мировоззрений всех групп» [1, с. 31]. Насилие, революция – это прекращение законности: «Мне кажется предпочтительным сохранять за понятием революции его подлинный смысл, а именно – прекращение законности. В этом смысле режимы с единовластной партией по сути своей изначально революционны, коль скоро орудие захвата власти – насилие. Революционными они остаются в течение более или менее длительного периода…. Режимы с единовластной партией, в частности – коммунистические, склонны оставаться режимами перманентной революции» [1, с. 131]. Сам приход к власти одной партии – акт насилия: «в большинстве случаев одна партия овладевает государством не в соответствии с правилами, а силой» [1, с. 31].

О свободе слова: «Но сущность однопартийного режима, где государство определяется идеологией партии, монопольно владеющей властью, одна: запрет всех идей, изъятие из открытого обсуждения множества тем, позволяющих обнаружить различные точки зрения» [1, с. 31].

О фиктивном характере выборов в однопартийном режиме: «кто же избирает носителей власти в партии-монополисте?» [1, с. 31] – «во всех однопартийных режимах избираемые, то есть руководители, назначают избирателей, то есть секретарей ячеек, секций или федераций, короче говоря – руководителей во всех звеньях иерархии… Партийные и парламентские выборы – не более чем разновидности ритуальных приветствий, коллективные проявления энтузиазма, они не обладают ни одной из тех черт, которые свойственны выборам западного типа» [1, с. 32].

Связь однопартийности и тоталитаризма: «любой однопартийный режим в индустриальных обществах чреват расцветом тоталитаризма» [1, с. 111]. «У революционных партий есть общие черты, которые приводят к тоталитаризму, – масштабность устремлений, радикальность позиций и выбор самых крайних средств» [1, с. 112].

Каков человек коммунистического режима? «Человек, порожденный коммунистическим режимом, – не цельное существо, слившееся с определенным верованием и определенным обществом, а двойственная натура, он приемлет общие принципы с большей или меньшей убежденностью, зная, что можно, а что нельзя говорить с учетом реального положения дел. Это человек человечный, принадлежащий к индустриальным обществам, оснащенный учением, по отношению к которому он испытывает то скептицизм, то фанатизм» [1, с. 137].

Принцип многопартийного режима – уважение к закону и компромисс: «В плюралистическом режиме принцип – это сочетание двух чувств, которые я назову уважением законов или правил и чувством компромисса» [1, с. 32].

Связь партий и государства: «при западном многопартийном режиме государство считает своим достоинством то, что не руководствуется идеями ни одной из противоборствующих партий. Государство нейтрально – оно терпит многопартийность» [1, с. 30]. Государство терпит и оппозицию: «Принцип многопартийности также предполагает законность оппозиции» [1, с. 28] При различии позиций государство обеспечивает ненасильственные методы борьбы за власть и ее осуществление: режимы Запада – «это режимы, где Конституция устанавливает мирное соперничество за реализацию власти. Такое устройство вытекает из Конституции» [1, с. 28].

Пространством такого мирного соперничества являются выборы: «в мирных условиях соперничество за реализацию власти находит выражение в выборах» [1, с. 29].

Ненасильственность режима подразумевает добровольное подчинение приказам власти (т.к. власть избрана демократически): «какова же главная трудность, с которой сталкивается режим, определяемый через реализацию власти? Приказы отдаются всем от имени некоторых. В лучшем случае правители представляют некое большинство. Но даже если они представляют меньшинство, все граждане должны подчиняться его воле» [1, с. 29].

Арон разбирает варианты ненасильственного решения спорных вопросов: «как добиться согласия в стране, где партии постоянно спорят? Возможны два метода. Первый связан с государственными институтами и заключается в том, чтобы определенные функции и лица в государстве стояли над межпартийными спорами. Второй метод, куда более мучительный, но зато более действенный, заключается в том, что устанавливаются ограничения действиям правителей – с тем, чтобы ни одна из групп не поддалась искушению сражаться, а не подчиняться» [1, с. 29].

Арон не приукрашивает способы достижения успеха в этом режиме; кто может достичь высот карьеры? – «главным образом те, у кого хорошо подвешен язык, карьеру могут обеспечить и

другие достоинства: искусство кулуарных интриг, искусство компромисса, искусство манипулировать людьми» [1, с. 50].

Отмечена такая деталь: «в рамках конституционно-плюралистических режимов правящее меньшинство, разумеется, пользуется привилегиями» [1, с. 50].

Арон действительно стремится провести беспристрастный анализ режимов, и не может не замечать расхождение между тем, как должен функционировать многопартийный конституционно-плюралистический режим и тем, как он фактически функционируют в странах Запада, поэтому он говорит о разложении этого режима. Для различения здоровых и разложившихся конституционно-плюралистических режимов он вводит понятие «уровень разложения». Вот его анализ причин разложения: «Конституционно-плюралистические режимы могут разлагаться из-за избыточной олигархичности или из-за чрезмерной демагогичности. В первом случае разложение, надо полагать, наступает оттого, что некое меньшинство использует государственные институты в своих целях, препятствуя воплощению лежащей в основе режима идеи о гражданском правлении.

Второй вид разложения проявляется тогда, когда олигархия становится, так сказать, слишком незаметной, когда всевозможные группы проявляют бескомпромиссность в осуществлении своих требований и для сохранения общих интересов уже не остается реальной власти» [1, с.64].

Арон не отождествляет многопартийное и индустриальное общество, напротив, к индустриальному он относит и такое однопартийное общество, как СССР. Рассуждая о добродетельности индустриального общества, он отказывается от представлений, высказанных Монтескье: «общества, в которых мы живем, не могут быть добродетельными по Монтескье. В его понимании добродетель включает в себя стремление к равенству и умеренности, а это не имеет ничего общего с сущностью индустриальных обществ. Коммунистические или демократические общества не добродетельны и не могут быть таковыми. Их цель – производить как можно больше и как можно лучше. Невозможно вообразить общество, назначение которого – производить как можно больше и при этом распределять как можно меньше. В условиях экономики, которая старается создать изобилие, нельзя рассматривать в качестве высшей ценности умеренность» [1, с. 67].

В итоге Арон приходит к таким выводам:

Конституционно-плюралистические режимы, обычно называемые демократическими, не могут не вызывать разочарования в силу своей прозаичности и оттого, что их высшие добродетели негативны. Они прозаичны, ибо считаются с несовершенством человеческой природы. Они мирятся с тем, что власть обусловлена соперничеством групп и идей. Они стремятся ограничить реальную власть, поскольку убеждены, что заполучившие власть люди злоупотребляют ею. Есть у таких режимов и позитивные качества – уважение к конституционности, личным свободам; но все же наивысшие их добродетели скорее носят негативный характер [1, с. 63].

Но, несмотря на это, в целом и в большинстве случаев конституционно-плюралистический режим предпочтительнее режима с монополизировавшей власть партией, – если мы стремимся к экономике, которая обеспечивает благосостояние страны [1, с. 60]. Отвечая на возражение Парето («Максимальное увеличение благосостояния граждан иногда ставит под угрозу существование и оборону самого сообщества» [1, с. 61]), Арон пишет, что этот конституционно-плюралистический режим – режим миролюбивый, режим мира, а не войны: «Конституционно-плюралистические режимы задуманы для условий мира» [1, с. 61].

Отвечая на второе замечание Парето, почему этими режимами были в XIX в. так быстро завоеваны, а в XX в. быстро утрачены колонии, Арон пишет: «этим режимам все более недостает идеологических средств для оправдания своих имперских амбиций, и у них нет ни потенциала насилия, ни потенциала лицемерия, которые необходимы для стабильного проведения курса, противоречащего их идеям» [1, с. 61].

Однако столь противоположные режимы объединяет общность «индустриального общества» и «индустриального человека». «Вот почему я не думаю, что противопоставление друг другу двух типов режима означает противопоставление двух идей, коренным образом отличных. Нет оснований предполагать, что современный мир раздирается двумя идеологиями, обреченными на постоянную борьбу» [1, с. 137].

Итак, подводя итог и оценивая работу Арона, прежде всего, можно отметить, что его отношение к индивидуализму и коллективизму как принципу общественного устройства явно на стороне индивидуализма, тогда как в аспекте партийного режима – явно на стороне коллективизма. Такой вывод свидетельствует о том, что здесь один термин использован для обозначения разных понятий.

Как и Хайек, Арон для проведения задуманного анализа использует понятие принципа («мне

хотелось бы применить понятие, предложенное Монтескье, – понятие основополагающего принципа» [1, с. 32]). Но, как и Хайек, Арон вынужден констатировать отказ от принципиальности в современном многопартийном политическом режиме, который представлен странами западной цивилизации и вынужденную замену принципиальных подходов компромиссами, т.е. беспринципностью. Он понимает это противоречие, относя его к двусмысленности понятия компромисса («Это трудно уяснимое, двусмысленное понятие» [1, с. 32]). В капиталистическом обществе действительно другого выхода для разрешения антагонистических противоречий не остается. Хотя Арон и осознает недостатки такой «беспринципности»: «компромисс может быть использован и во благо, и во зло. Трагедия западных режимов в том, что компромисс в иных областях приводит к катастрофам. При проведении внешней политики компромисс весьма часто лишает возможности найти выход из затруднительного положения, поскольку приходится выбирать между политическими курсами, каждый из которых несет определенные преимущества и неудобства. Компромиссная политика не ликвидирует опасности, она их множит, подчас нагромождая неудобства, связанные с проведением каждого из возможных курсов» [1, с. 32]. Он находит, однако, оправдания этой беспринципности: «соглашаться на компромисс – значит отчасти признавать справедливость чужих аргументов, находить решение, приемлемое для всех» [1, с. 32]. Но главное оправдание – необходимость избежать насилия в любой форме.

Это оправдание неубедительно. Насилие не неизбежно в системе, связанной единой целью, но неизбежно подчинение личных целей общественным, если они им противоречат, т.е. ограничение свободы неразвитого до духовного уровня человека (свободы слова, свободы экономической деятельности и т.д.), расцениваемое Ароном в его системе категорий как «бессилие неверующих», однако отнюдь не означающее, как правило, лишение этого человека других прав, не только провозглашенных в Конституции, но и реально предоставляемых (прежде всего, права на труд). Хотя, как исключение, возможно было лишение и этих прав, если человек не подчинялся требуемым ограничениям. Физическое насилие же в некоторых конкретных ситуациях и периодах времени следует отнести к недостаткам и ошибкам системы.

Западное сознание не знает нравственных норм деятельности – они заменены правовыми нормами. Иные, не правовые нормы оно не воспринимает как нормы: действия иронично оцениваются в альтернативе «по закону» или «по понятиям». В соответствии с таким сознанием Ароном вводятся понятия «законной политической деятельности» и «конституционный характер режима» и построен дальше анализ двух политических систем. Это не значит, что действия однопартийного режима однозначно можно оценить как нравственные. Однако в указанной разнице коренится кардинальное различие в понимании свободы человека и нравственности общественного устройства. Возможно, Арон это понимает, говоря о разложении конституционно-плюралистического режима.

Арон смотрит на однопартийный режим глазами западного человека, через сетку его ценностей. Он не замечает, что нельзя характеризовать однопартийный режим только теми качествами, которые проявлялись в его реальном воплощении. Были ошибки, какие-то из них исправлялись, какие-то было невозможно исправить, но они признавались как ошибки – без учета всего этого (ошибки конституционно-демократических режимов автор признает и учитывает: «Определенные ошибки, которые совершили государственные служащие, представители частных интересов, равно как и парламентарии…» [1, с. 62]) и эмпирическая картина неполна, а построенная на ней концепция – недостоверна. Утверждая, что «сущность однопартийного режима, где государство определяется идеологией партии, монопольно владеющей властью, одна: запрет всех идей, изъятие из открытого обсуждения множества тем, позволяющих обнаружить различные точки зрения» [1, с. 31], Арон не делает различия между целью и ценностями, заданными в идеологии (и действительно незыблемыми, как незыблемы и ценности идеологии западных стран) и средствами их достижения, которые могут быть различными и должны дискутироваться в рамках однопартийного (но, возможно, многофракционного режима, что сближает его с многопартийным) или многопартийного режимов.

Потому можно согласиться с мнением Арона, что «конституционно-плюралистический режим предпочтительнее режима с монополизировавшей власть партией, – если мы стремимся к экономике, которая обеспечивает благосостояние страны» [1, с. 60], однако расхождение с автором и начинается в вопросах, к чему «мы стремимся» и как понимать «благосостояние страны».

Различие режимов в ответе на первый вопрос (к чему стремимся, т.е. какая цель?) объясняет и иную, противоположную их оценку, во всяком случае, социалистического как однопартийного и западного как многопартийного. Многопартийные конституционно-плюралистические режимы не имеют цели, не видят будущего, оно им безразлично, их благо – это благо «здесь и сейчас», а

жизнь потомков не имеет значения (как и вообще их наличие) В отличие от них при социализме строится общество, в котором достигается целостность системы. Цель всегда идеальна (Э. Ильенков), она присутствует только в воображении, но человеческая деятельность тем и отличается от жизни животного мира (тоже самоорганизующегося), что имеет осознанную цель не только индивида, но и общества – по крайней мере, сохранение его целостности. И это достигалось – Вторая мировая война это продемонстрировала. Да, тезис Арона: «их высшее оправдание не в том, что было или есть, а в том, что будет» [1, с. 31], в отстаиваемой здесь категориальной системе звучит так: «их высшее оправдание в том, что общество связано общей целью, потому оно образует систему (в отличие от западного) и жизнь человека и всего народа – стремление к этой цели».

Второй вопрос (благосостояние страны) на Западе до последнего времени трактовался с позиции экономического благополучия как человека, так и страны в целом. Вопрос духовного благополучия не стоял. Однако со второй половины прошлого века, когда витальные потребности членов общества были, в целом, удовлетворены, а духовные потребности общество не стремилось развивать, началась новая фаза того общества, которое Арон называет индустриальным – постиндустриальная, для оценки благополучия которой требуются уже иные критерии, т.к. понятия, которыми оперирует Арон, превращаются в симулякры. Тогда как в социалистическом обществе, где приоритетен дух коллективизма и человек человеку действительно «друг, товарищ и брат», где сохранена культура как носитель этого духа, благосостояние страны оценивалось не только по уровню материального благополучия, который должен удовлетворять витальные потребности человека, но и по духовной составляющей.

На этой новой фазе рассмотренное выше первое возражение Парето («Максимальное увеличение благосостояния граждан иногда ставит под угрозу существование … самого сообщества») реализуется: западное общество вымирает (такова статистика ООН), отсутствует его воспроизводство. И представляется совсем далеким от истины ответ Арона на второе возражение Парето, говоря об угасании в XX в. имперских амбиций конституционно-плюралистических режимов, Арон объясняет это угасание тем, что у этих режимов «нет ни потенциала насилия, ни потенциала лицемерия, которые необходимы для стабильного проведения курса, противоречащего их идеям».

Понятно стремление Арона отделить фашизм от конституционно-плюралистического режима и соединить его с другими не конституционно-плюралистическими режимами в один класс. Но по другому основанию (индустриальному) он соединяет в другие классы анализируемые общества и находит что-то в них общее («индустриальный» человек как человек-эгоист, потребитель). Здесь возражение: он не знает советского человека, а берет только ту часть общества, которая стремилась к власти, к карьере, к материальным благам – да, ей приходилось лицемерить и исполнять роли, но это нравственно неразвитые люди («экзистенциальный уровень»), тогда как они не представляли большинства. Более типичен другой человек – ему присуща цель сохранения целостности, хотя сама целостность имеет разные уровни (от семьи, круга друзей, земляков и т.д. до нации, этноса, вида Homo sapiens, в целом жизни на Земле), к которым он поднимается, развиваясь в коллективистской среде и культуре.

Действительно, создаваемое общество было рассчитано на скромное материальное потребление, но богатое – духовное.

Говоря о внешней политике разных политических режимов, Арон утверждает: «Режимы, где парламентарный стиль – норма, всегда избегают радикальных решений, всегда склонны к компромиссам» – в наше время Постмодерна имеет массу опровергающих широко известных фактов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
2. *Румянцева Н.Л.* Историческая эволюция индивидуализма и коллективизма как базовых ценностей человека и социума. Ч. 1. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1.

УДК 130.1

Сигида Николай Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного аэрокосмического университета тел.: (391) 291-92-87

Sigida Nikolay Aleksandrovich

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of Siberian State Aerospace University tel.: (391) 291-92-87

ВЛИЯНИЕ ХАОСА НА ВЕДЕНИЕ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE INFLUENCE OF CHAOS ON THE CONDUCT OF COMBAT ACTIVITY

В статье исследуется военный хаос, как элемент социального хаоса. Социальный хаос приводит к крушению общественных устоев. Военный хаос в ходе боевой деятельности приводит армию к уничтожению.

In this article military chaos as an element of social chaos has been studied. Social chaos leads to the collapse of social foundations. Military chaos in the course of combat activity leads to the destruction of the army.

Ключевые слова: **социальный хаос, военный хаос, воинская добродетель.**

Key words: **social chaos, war chaos, military virtue.**

В категорийном аппарате философии хаос является одной из древнейших категорий. Трактовка этой категории зависит от области его естественнонаучного применения. Сведения всевозможных проектов науки к двум основным – метафизическому и диалектическому, позволяет исследовать мир как универсум и как космос. Согласно диалектическому проекту науки необходимо мир раскрывать как космос, по мнению Н.М. Чуринова, «как определенную совокупность совершенств, в которую общество обязано встраиваться» [1, с. 71].

Так как под хаосом понимается стихия, из которой возникает все сущее, порядок, космос, то в соответствии с диалектическим проектом науки исследуется судьба совершенств: превращение хаоса в космос, или космоса в хаос. Отечественный философ Л.П. Карсавин писал: «… мало назвать социальное бытие хаосом. Оно – хаос, который становится космосом, и космос, разлагающийся в хаосе» [2, с. 402].

В социальном аспекте под хаосом понимается расстройство, сумятица, беспорядок. Борьба хаоса и порядка, присущая эволюции вселенной, на социальном уровне предстает в виде борьбы Добра и Зла. Социальный хаос влечет за собой попытки разделения общества. В обществе необходимо укреплять социальные институты, предотвращающие попытки его разделения и способствующие социальному прогрессу. Игнорирование этого правила привело, в частности, к падению Римской империи, просуществовавшей около четырехсот лет. Великий философ Августин Блаженный описывал социальный хаос, царивший в Риме накануне крушения империи, пишет, что рабы забирали расписки за долги, уничтожались закладные таблички под страхом телесных наказаний и смерти. «Кто пренебрегал суровыми их словами, того принуждали выполнять приказание еще более чувствительными ударами бичей. Дома невинных людей, оказавших им сопротивление, сравнивались с землей или сжигались…» [3, с. 269]. Для обеспечения единства общества и равенства его граждан были изданы законы о наказаниях «за оскорбление величия римского народа». Действия законов иллюстрирует другой римский автор IV века – Оптат: «Также и дороги не могли быть вполне безопасны, так как господ выбрасывали из экипажей, и они должны были бежать впереди своих рабов, усевших на место господ» [4, с. 270]. Фактически концепция равенства всех перед законом вступила в противоречие с концепцией Аристотеля о том, что всякое равенство предполагает свое собственное неравенство. Кредиторы, опутавшие долгами Рим, повергли в гибельную смуту Римскую империю. Они социально разложили римское общество, ввергли его в социальный хаос, ослабив его, и тем самым способствовали крушению империи под напором варваров и вандалов. Социальный хаос вверг общество в состояние катастрофы. Повышение социального статуса привело к расширению сферы социального хаоса, ассоциируемого с индивидуальной свободой.

История становления российского общества неоднократно свидетельствует о том, что в период социального хаоса светская власть зачастую оказывалась более слабым звеном, чем власть духовная. В период смуты в России дворянин П.П. Ляпунов под влиянием патриарха Гермогена, решил положить конец хаосу, освободив Москву от поляков. Н.И. Костомаров об этом событии пишет следующее: «Встанем крепко – писал Ляпунов – примем оружие Божие и щит веры, подвигнемся всею землею к царствующему граду Москва… У нас одна дума: или веру православную нашу очистить или всем до одного помереть» [5, с. 699]. Величие и заслуга народа и человека в

этот исторический период определялись способностью противостоять социальному хаосу.

Некоторые философы считают, что распад империй – объективный процесс. Но причиной этому процессу служит, как правило, выход из-под духовного, политического, социального контроля «плебеев», «черни». Привнеся в общество социальный хаос, «чернь», руководствуется низменными страстями и признает беззаконие главными методами («времена смуты»). Господство толпы, «черни» в обществе названо было древнегреческим мыслителем Полибием охлократией. Ухудшение экономических условий жизни, политическая нестабильность, падение нравственных устоев порождает близкое по сущности к охлократии явление – анархию (от греческого anarhia – безначалие, безвластие, стихийность, беспорядок). Как пишет И.Т. Сидоров, анархия – «это форма политического устройства, основана на отрицании дисциплины и порядка, не признании авторитета, закона и всякой государственной власти, ограничивающей свободу личности» [6, с. 23].

Исследованием данного явления занимались многие выдающиеся философы и социологи. Фундаментальное исследование социального хаоса в российском обществе провел современный ученый В.Д. Байрамов. В частности, он пишет: «…что в условиях социальной жизни как хаотической, характеризующейся высокой степенью неопределенности, ценностные ориентации теряют возможность мотивации поведенческих моделей… и способствуют воспроизводству социального хаоса, как борьбы интересов и конкуренции на основе инструментального активизма» [7].

На протяжении всей истории развития общества люди мечтали о гармоничном обществе добра, где царит добродетель и справедливость. В реальной жизни в обществе действуют две закономерные тенденции – стремление к порядку и хаосу. В обществе состояния порядка и хаоса способны чередоваться, попеременно сменяя друг друга. Это два космоса, которые характеризуют качественные состояния общества. Социальный порядок – это необходимое условие нормальной жизнедеятельности в обществе, это его урегулированность, стабильность, согласованность общественных отношений, определенная гармония в поведении людей. Социальный хаос приводит к распаду общества, его дифференциации, гибели. В.Д. Байрамов делает вывод, что социальный хаос «… характеризует состояние распада и полураспада общества, связанное с дезинтеграцией социальных отношений и “выпаданием” определенных социальных групп из системы социального взаимодействия» [7]. По мнению ученого, беспорядок означает доминирование отклонений как нормы от планируемых изменений. Кризис характеризуется отсутствием координирующего центра общественной жизни и накоплением ресурсов стабилизации, то «социальный хаос может носить как системный характер, ввергая общество в состояние социальной катастрофы, так и локальный, продуцируя эффекты стагнации и амбивалентности» [7]. В отдельные исторические периоды развития общества, под воздействием особых обстоятельств энтропийный процесс охватывает всю социальную сферу. Под социальной энтропией понимается распад объективных и субъективных нормативно-ценностных структур, сопровождающихся ослаблением или полной атрофией их социализирующих и регулятивных функций.

Древнерусские мыслители, исследуя стандарты властвования на основе учета стандартов естественности общества коллективистского типа (совершенства общественных отношений, добродетели, военной добродетели, служении Отечеству и т.д.), выступали против плюралистического стандарта своеволия западного общества индивидуалистского типа. Святой Кирилл Туровский выдвигает девиз, концентрирующий в себе этический стандарт коллективистского общества: «Пожни свою волю». Он призывает к «совлечению своя воли»: «… Ни мала своевольства утаи в сердце твоем, да не умрешь душою» [8, с. 355]. Своевольство рассматривается святым, как нечто идущее в разрез с устремлениями к совершенствованию общественных отношений. Принцип своеволия мыслитель показывает в качестве чуждого и гибельного для жизни общества, который может ввергнуть Россию в социальный хаос.

В последующем А.Н. Радищев исследовал любовь и добродетель, как основы в воспитании патриотизма у совершенной личности, способные предотвратить хаос в природе и обществе: «… любовь, а не насилие создает столь прекрасный в мире порядок и подчиненность. … Что бы такое представляла тогда природа, кроме смеси нестройной (хаоса) ежели бы лишена была оной пружины» [9, с. 266].

В современных условиях глобального мира вооруженное противоборство в межгосударственных отношениях зачастую уступает место невооруженным формам политической борьбы. Данные формы противоборства целесообразно называть войнами нового поколения, к которым можно отнести информационные войны, психологические войны, финансово-экономические войны, теоретически-социальный хаос… В случае недостижения политических результатов новыми видами войн используются средства вооружения, созданные на традиционных и новых физических принципах.

Одним из социальных институтов обеспечивающих устойчивое развитие общества и сдержива-

ние социального хаоса является армия. В армии в ходе боевой деятельности под воздействием субъективных и объективных факторов может сформироваться состояние хаоса. Под хаосом часто понимается состояние паники, охватывающее войска. Внести хаос в боевые порядки войска противника – это половина успеха в бою. Сунь-Цзы писал: «… приведи его в расстройство и бери его» [10, с. 17]. Р.Грин выделил в отдельную стратегию № 6 влияние хаоса на успех в боевой деятельности, которую назвал: «Распределяй силы: стратегия контролируемого хаоса». Он писал: «Научитесь отстранятся от хаоса на поле сражения. Пусть другие теряют головы…» [11, с. 83]. Автор приводит опыт Фридриха Великого, который расценивал панику, как путь к поражению: «… первый шаг к отступлению производит на армию удручающее впечатление, второй шаг опасен, а третий может стать роковым» [11, с. 95]. Поддержание высокого морального духа в своих воинских коллективах – залог устойчивости воинов в бою, их мужества и героизма. Р. Грин советовал: «Вы сделаетесь недосягаемым для противника, если сумеете возбудить в людях воинский дух…» [11, с. 161].

Хаос страшен тем, что его длительное развитие несет опасность существованию армии, государству и обществу. Существует несколько видов хаоса и порядка в обществе. Наиболее значимым является хаос-порядок, формулирующийся физическим подавлением одного государства другим. Данный тип хаоса-порядка имеет место при поражении государства в результате боевых действий, что влечет за собой замену одного порядка другим. Войны первого поколения, которые велись вооруженными средствами, преследовали своей целью смену одного общественного порядка другим. Новый порядок устанавливается через формирование хаоса. По мере введения в действие новых законов и морально-этических норм формируется соответствующий им порядок.

Для предотвращения военного хаоса в ходе ведения боевой деятельности в боевых уставах предусмотрены различные виды всестороннего обеспечения боевой деятельности. Определяющими среди них является морально-психологическое обеспечение воинских коллективов входящих в состав армии. В боевом уставе по подготовке и ведению общевойскового боя основными целями морально-психологического обеспечения являются:

– формирования, поддержания и восстановления у военнослужащих морально-психологического состояния, необходимого для выполнения боевых задач;

– готовности и способности к активным боевым действиям;

– постоянного наращивания морального духа личного состава; и т.д. [12, с. 552].

Решение данных целей по недопущению воинского хаоса в ходе военной деятельности обеспечивается следующими видами морально-психологического обеспечения: «информационно-воспитательная работа, психологическая работа, военно-социальная работа, … защита от информационно-психологического воздействия противника» [12, с. 552-553]. Практическая и теоретическая деятельность в рамках данных видов морально-психологического обеспечения позволяет пресекать энтропийный процесс в воинской сфере.

Под военной энтропией, являющейся частью социальной энтропии, целесообразно понимать утрату морально-боевых и морально-правовых стандартов естественности армий, приводящих к физическому уничтожению противника.

Внесение отрицательного вклада в военную энтропию возможно посредством реализации военной добродетели. Такие воинские добродетели общества коллективистического типа, как мужество, героизм, подвижничество и т.п. способны остановить военный хаос, инициирующий социальный хаос. До 1980-х гг. разрушение старого порядка через социальный хаос, инициировалось переходом к закритическому соотношению затрат труда, материалов, энергии, сырья, требуемых для расширенного производства продукции, а также подрывом духовного фактора. Военные философы так определяли этот фактор: «Под состоянием духовного фактора понимается целостное проявление совокупности конкретных идей, взглядов, чувств, доминирующих в сознании в данный момент и обобществляющих определенный качественный уровень духовных возможностей людей» [13, с. 237]. Процесс подрыва духовного фактора и производства продукции называют саморазвивающимся хаосом. В условиях глобализации социальный хаос получил качественно новое содержание и стал самостоятельным видом войн, целью которого является подчинение других государств. На бесперспективность такого пути в межгосударственных отношениях говорил в своем Послании В.В. Путин: «Риски возобладают... если будут отброшены иллюзорные расчеты на то, что хаосом можно управлять» [14].

Таким образом, социальный хаос инициирует социальную катастрофу и военный хаос в армии. Военный хаос, как элемент социального хаоса, преодолевается с помощью воинских добродетелей: подвижничества, мужества, героизма, дисциплинированности и т.п.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Чуринов Н.М.* Совершенство и свобода. 3-е изд. доп. Новосибирск, 2006.
2. *Карсавин Л.П.* О личности // Путь православия. М., 2003.
3. *Августин.* Восстание рабов под знаменем религиозной борьбы // Хрестоматия по истории древнего мира. Рим. М., 1953.
4. *Оптат.* О ереси фанатиков // Хрестоматия по истории древнего мира. Рим. М., 1953.
5. *Костомаров Н.И.* Русская история. М., 1990. Кн.1.
6. *Сидоров И.Т.* Власть и политика. Красноярск, 2008.
7. *Байрамов В.Д.* Социальный хаос в российском обществе. URL: http://www.intelros.ru/index.php?newsid=176 (дата обращения 24.02.09)
8. *Кирилл Туровский.* Литературное наследие // *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТО ДРП. М.; Л., 1956. Т. 12.
9. *Радищев А.Н.* Беседа о том, что есть сын Отечества // Избранные философские произведения. М., 1949.
10. *Сунь-Цзы.* Искусство войны: антология военной мысли. СПб., 2007.
11. *Грин Р.* 33 стратегии войны. М., 2009.
12. Боевой устав. Ч. 2. Батальон рота. М., 2004.
13. Война и армия. Философско-социологический очерк / под. ред. Д.А. Волкогонова. М., 1977.
14. *Путин В.В.* Послание президента Федеральному Собранию РФ URL: http://www.rg.ru/ (дата обращения 14.12.12).

УДК 130.12

Штумпф Светлана Петровна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
тел.: (391) 217-17-60

Shtumpf Svetlana Petrovna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
tel.: (391) 217-17-60

СИСТЕМНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ: СТАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

SYSTEMATIC STUDY OF THE SPIRITUAL OUTLOOK: THE STATIC MODEL

Статья посвящена вопросу проявления духовности в системе личности. Рассмотрены логико-смысловые особенности статической организации духовности. Результаты проведенного автором анализа позволили выделить в статической основе этого сложного социокультурного феномена структурную иерархию, включающую социальное, ментальное и сакральное измерения.

The article describes the issue of spiritual outlook in the personality system. Logico-semantic peculiarities of static organization of spiritual outlook are considered in the article. The results of the author's analysis help to single out a structural hierarchy that includes social, mental and sacral dimensions in the static basis of this complex sociocultural phenomenon.

Ключевые слова: **духовность, структура, личность, статика, ментальность, сакральность, социальность, самоосознание, деятельность.**

Key words: **spiritual outlook, structure, personality, statics, mentality, sacrality, sociality, self-awareness, activity.**

Природа человека – это тема, волнующая всех философов во все времена. Совершенно определенно можно сказать, что исследование этой проблемы до сих пор остается незавершенным, имеющим существенное значение, и некоторые достижения философской мысли по этому вопросу нуждаются в развитии. Вопрос о проявлении духовности в системе личности, ее роли в процессе развития человека весьма актуален в наши дни и требует специального рассмотрения. Целью статьи является акцентуация внимания на качественном содержании феномена духовности, детальном рассмотрении особенностей его статической структуры.

Духовность является сложным социокультурным феноменом. Возникает ли она как дух отдельно взятой личности, персонифицируясь в нравственной культуре высокой пробы, или она есть в своем генезисе дух всего социума, затем интериоризируемого личностью в процессе социализации и индивидуализации, – это не принципиально. Важно отметить, что с философско-исторической и аксиологической точек зрения она выступает интегральным феноменом, характеризующим человеческую, социальную сущность личности как разумного и целостного существа. Человек создает себя сам посредством духовной работы, которая не прекращается на протяжении всей жизни и наследуется лишь как возможность. Становление духовности личности происходит благодаря инкорпорации индивида в область объективного духа, в духовную сферу культуры, которую он присваивает в процессе воспитания и образования. Возможности эмпирического индивида как духовного существа связаны со способностью личности преобразовывать свое собственное бытие и внешний мир. Эти рассуждения приводят нас к выводу о том, что духовность играет роль непременного атрибута в общей схеме строения личности, и, мыслим, одного из основополагающих.

Многогранное содержание духовности обусловливает ее структуру – это сложное образование со своей выверенной архитектоникой. Статическая структура духовности представляет собой пространственную сферу, занимающую определенное место в структуре как личности, так и общества. Предположительно, ее исходным наполнением являются три уровня (измерения): социальный, ментальный и сакральный. Необходимо остановиться на теоретических аргументах такого допущения, послуживших основанием для их выделения.

Во-первых, действующая личность не является только абстрактным носителем социальных связей и отношений. Она непосредственно и опосредованно участвует в строительстве мира и природы, обустраивает место своего бытия. Поэтому важно учесть такую сторону, как индивидуально-преобразующая деятельность личности по производству, присвоению и потреблению тех материальных и духовных ценностей, которые накоплены человечеством. Эти основания определяют социальный уровень статической структуры духовности.

Во-вторых, мера или степень активности личности в социуме во многом определяется его субъективным интеллектуально-волевым началом. Духовность служит местом, топической привязкой в которой находится центр самодеятельности личности. Активно-преобразующий характер

обусловливает ментальный уровень в структуре духовности, а в сочетании с творческой составляющей является основанием для сакрального уровня.

В-третьих, человек живет не только в обществе и не только в мире своих личных характерных черт, потребностей и ценностей, он всегда стремится к сокрытому, священному, выходящему за пределы реального и, следовательно, является существом уникальным, находящимся на пересечении природного и космического миров. Эту мысль можно выразить иначе – личность является не только пересечением, точкой слияния социального и индивидуального, но и обладает свойством «отлетать» от нудительных социальных сил. Она располагает способностью свободы от объективных обстоятельств, возможностью «переступать» за пределы эмпирического, надэмпирического бытия. Высший Универсум, Космос выступает как сила, вечно влекущая человека. И эта устремленность предопределила выделение сакрального уровня духовности.

Как видим, статическая структура духовности представляет собой достаточно сложное образование, поэтому для его анализа мы выбрали комплексный интегральный подход, наиболее соответствующий для рассматриваемого предмета. Разберем подробнее, что представляет собой каждый из этих уровней. Точкой отсчета определим само понятие «личность». Следует оговориться, что взгляды на понимание данного феномена и его слагаемых достаточно разнятся. Не ставя перед собой задачу обсудить все существующие концепции личности, мы выделим некоторые, значимые для нашей проблемы.

Для Г.Ю. Айзенка «…личность – это более или менее стабильная и устойчивая структура характера, темперамента, интеллекта и конституции (физиологии) человека, которая определяет его индивидуальные отношения с окружающим миром» [1, с. 13]. Характер определяет систему мотивационно-волевого поведения, а темперамент – эмоционального. Интеллект стабильно отвечает за сферу когнитивного поведения. Как врач, психолог, он большее внимание уделяет физиологическим особенностям человека, его биологической ущербности.

В.С. Мерлин в своих исследованиях делает акцент на соотношении Личность – Общество. Его не столько интересуют индивидуально-своеобразные особенности человека, сколько социально-типические стороны и отношения. «Под личностью мы понимаем подсистему определенного иерархического уровня в большой системе Человек – Общество» [2, с. 58]. Рассматривая различные составляющие личности, он называет характер, способности, самосознание, обозначая их лишь как объективные функции деятельности личности в общественной жизни. Нас же больше интересует личность как субъект со специфическим душевным устройством и социально-нравственной характеристикой.

Ответ находим в работе А.В. Брушлинского: «Человек, – пишет он, – объективно выступает в бесконечно многообразных противоречивых качествах. Важнейшее из них – быть субъектом, то есть творцом своей истории: инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, познание, созерцание и другие виды специфической человеческой активности, творческой и нравственной» [3, с. 3]. Каждый человек формируется как целостность в ходе исторического и индивидуального развития. Имеющиеся природные задатки позволяют человеку лишь сливаться, совпадать со своей жизнедеятельностью. Но как творец собственной жизни, как распорядитель своих телесных и душевных сил человек способен превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, относиться к самому себе как к личности, оценивать способы деятельности, контролировать ее ход и результаты, изменять ее приемы. Чтобы стать личностью, он должен научиться активно существовать и действовать посредством самоосознания: постоянно превращать свою природу в особый функциональный орган, реализующий субъектное отношение к ней, превращать природные условия жизни в мир «второй природы» (культуры). Человек не рождается, а становится личностью в процессе общения и деятельности. По меткому выражению М.П. Арутюнян – «включается в мир» [4, с. 16].

Разные люди в одних и тех же обстоятельствах проявляют разные свойства личности. С одной стороны, эти различия объясняются внешними факторами – отношением человека к людям. С другой – индивидуальными качественными особенностями психических процессов и механизмов, темперамента, характера, уровня мышления. В различиях проявляется индивидуальное своеобразие личности. Внешние обстоятельства и внутренние установки зачастую содействуют выделению одних качеств перед другими. Однако в любом случае эти отношения и связи интериоризируют духовность из общественного бытия и переводят ее в личностный план, помогают человеку выделить себя из окружающего мира и определить свое место в системе природных и общественных событий и взаимоотношений. Это место «произрастания» духовности личного порядка, пространство социального уровня статической иерархии духовности. С одной стороны, данный уровень связан с повседневностью индивидуального бытия. С другой – каждый субъект духовности про-

ецирует свою внутреннюю деятельность с совокупным пространством духа, учится понимать сложность собственной вселенной в совокупности ее внешних связей и отношений.

Следующий уровень обозначенной нами иерархии связан с сознательной объективизацией свободной активности (волеизъявления) личности. Человек является носителем сознания, и ее сущность познается через проявление в деятельности. Он, в отличие от всех живых организмов, способен сознательно превратить свое собственное существование в предмет практического преобразования. Здесь возникает отношение к себе, осознается значение деятельности как деяния, как общечеловеческой практики, имеющей общественно-исторический характер. «Деятельность, – обозначает Л.П. Буева, – это способ существования и развития общества и человека, всесторонний процесс преобразования им окружающей природы и социальной реальности (включая его самого) в соответствии с его потребностями, целями и задачами» [5, с. 63]. Практическое, деятельностное бытие человека есть основа его сущности и возможность существования его как субъекта. Побудительными детерминантами такого бытия являются желания и воля. Проявляясь в деятельности, устанавливая цели, идеалы, они дают возможность человеческому индивиду стать действительным повелителем (организатором) собственной жизни.

Понять существенность (значительность) своего Я в полном смысле этого слова – означает констатировать его фактическое наличие; волевым усилием, активностью утвердить его в мире людей и вещей; а главное – увидеть идеальную, самоценную, совершенно осмысленную необходимость бытия. По большому счету, это вопрос о цели и смысле человеческого существования. Откровение этого смысла, восхождение к нему и есть то, что мы переживаем как духовную реальность, без чего невозможно становление нашего объективного, непосредственного самобытия. «Личность есть самость, как она стоит перед лицом высших, духовных, объективно-значимых сил и вместе с тем проникнута ими и их представляет, – начало сверхприродного, сверхестественного бытия, как оно обнаруживается в самом непосредственном самобытии» [6, с. 409]. На этой ступени духовного развития личность персонализирует, самоопределяет свою «самость» среди других, для других и тем самым – для себя. Единство душевной жизни и ее «самость» составляют личность.

Способность возвышаться над собой, энергийное, волевое начало, стремление к творчеству, познанию выводят человека на особую ступень духовного бытия – на ступень индивидуальности. В этом понятии раскрывается особое осознание социальных норм жизни, выработка собственного, сугубо индивидуального способа жизни: своего мировоззрения, собственного неповторимого лица. С духовной точки зрения, «…индивидуальность – становящееся (возрастающее) качество душевной жизни в процессе ее индивидуализации, приводящей человека в целом к его уникальности и неповторимости» [7, с. 28]. Именно так характеризует это свойство личности В.И. Слободчиков. Постижение собственной «самости» складывается из индивидуализации душевной жизни и ее интеграции с индивидуальным духом. Непременным мотивационным основанием является собственное внутреннее волеизъявление при свободном следовании внешней необходимости. Духовность может быть «взращённой в процессе», и это делает человека личностью.

Эти внутренние, активизирующие, энергийные силы и есть не что иное, как проявление ментального уровня статической структуры духовности. Это мостик, связывающий социальное и индивидуальное пространство духовной организации личности. Его конституирующим и конструирующим механизмом выступает душа человека. Она представляет собой точку соединения Космического, Вселенского и человеческой жизни. Человек никогда не является завершенным существом, он находится в состоянии непрерывного совершенствования, преобразования, движения вперед и ввысь. Это качество, – устремленность личности, – помогает ей не отставать от быстробегущей жизни общества и прогрессивно преобразовывать мир.

Способность человека изменяться, действуя по собственным побуждениям, по мотивам высокого достоинства, по идеалам добра, является результатом работы его души [8]. В жизни душевный труд человека проявляется в деятельной любви к миру, к ближнему и, восходя в ранг неотъемлемого правила, проецируется на отношение к миру дальнему. Душевный опыт человека, являясь основанием его духовной жизни, всегда обращен к Другому, к обществу, к роду человеческому в целом. Человек духовен в той мере, в какой он действует согласно высшим нравственным ценностям человеческого общества, способен поступать в соответствии с ними. Нравственность личности социальна, поскольку, только живя в общественной среде, взаимодействуя с ней, человек является нравственно действующим объектом. И этот процесс взаимообратим. Ожидая от человека нравственных действий, общество само должно быть нравственным и гуманным по отношению к человеку. Каждый индивид имеет право на свободное развитие своих положительных сущностных сил. Обязанность общества заключается в том, чтобы предоставить, обеспечить ему

реализацию этого права. Несомненно, область нравственных отношений является исключительно важной составляющей ментального измерения духовности.

Помимо стремления к совершенствованию, побуждающему влечение человека к духовности, ему дана также возможность обращения к неприкосновенному, священному, исключительно ценному – к сакральному измерению. В соответствии с семантикой данного понятия (посвященное богам, священное, святое, относящееся к религиозному культу и ритуалу), считаем необходимым, помимо светского толкования, рассмотрение религиозного аспекта сакральности.

Духовное начало в человеке не выводимо (не связано) из его природной эволюции, а в самой своей сущности свидетельствует о том, что оно соединено с Высшим Разумом, Духом. Духовная жизнь в человеке есть непрестанное, неутомимое искание Бесконечности, тем самым она направляет его в стремлении к Универсальному бытию. Будучи невыводимой снизу, непроизводной от естественно-природных особенностей силой, духовное начало сверху пронизывает всю сущность человека, его эмпирический характер, душевную жизнь. Оно есть основание и источник индивидуальности в человеке, его неповторимости во всей целостности структуры личности. В теологическом понимании сакральный уровень духовности воспринимается не просто как иная реальность, но как реальность абсолютная, вечная по отношению к земному миру субстанция. Убеждение в существовании сакрального и стремление быть сопричастным ему составляют суть теологии. Религиозная духовность есть абсолютное доверие к непостижимому [9].

В основе религиозного сознания в качестве основой идеи лежит учение об образе Божием в человеке. В раскрытии этой идеи выдвигается личностное начало в человеке – как образ и подобие Божие человек является личностью. Реализация личности означает восхождение от подсознательного через сознательное к сверхсознательному. Такой смысл придает Н.А. Бердяев значению и содержанию человеческой личности как духовной ипостаси человека [10]. В человеке все потому личностно, что соотнесено с духовным началом. В христианской антропологии человек потенциально всегда и во всем духовен. Эта целостность, нерасторжимая связность духовной стороны с душевной жизнью, осмысливается до конца в понятии личности как индивидуальной, субъективной реальности, являющейся их точкой пересечения. Пути достижения высшей степени сакральной духовности составляют три общезначимых добродетели: вера, надежда, любовь. Эти святыни подлежат безусловному почитанию и охраняются со всевозможной трепетностью, особой тщательностью. Органом, реализующим эти начала, являются человеческое сердце и совесть, которые ценятся зачастую как священное, которое больше собственной жизни.

В наши дни значительное число людей, не получая удовлетворения и духовной пищи в производственно-технологизированной социальной деятельности, ищут приюта в религиозности. Действительно, в эпоху дегуманизации жизни напоминанием о высоком назначении человека, о нравственном идеале мог бы служить образ Христа. Его глубокий нравственный смысл М.М. Бахтин описывает так: «В Христе мы находим единственный по своей глубине синтез этического солипсизма, бесконечной строгости к себе самому человека, то есть безукоризненно чистого отношения к себе самому, с этически-эстетическою добротою к другому: здесь впервые явилось бесконечно углубленное я-для-себя, но не холодное, а безмерно доброе к другому, воздающее всю правду другому как таковому, раскрывающее и утверждающее всю полноту ценностного своеобразия другого» [11, с. 373]. Этот образ несет в себе глубокий нравственный смысл. Душевная жизнь во всем ее богатстве и многообразии в качестве субъективного непосредственного самобытия является основой для индивидуализации личности и выхода к центральному вопросу о Цели и Смысле (Высшей Истине), трансензуса от эмпирического через единично-индивидуальное к потенциально бесконечному.

Параллельно теологическому пониманию сакрального в определенное время возникает осмысление этого термина в другом измерении – светском, появляется возможность для его расширительного, философского толкования. Оно предполагает в качестве доминантных этическое и эстетическое начала. И здесь определяющими становятся гуманистические основания человеческой жизни – человеколюбие, совершенная красота, истина, нравственность, вера, надежда, любовь – высшие, абсолютные, непреложные основания земной жизни человека.

Человек наделен определенным способом телесного существования, особой формой душевной жизни и интегрирующим человеческую реальность принципом духовного бытия, который выражается в индивидуальном духе. Разнообразные душевные качества, свойства, механизмы душевной жизни (эстетические, нравственные, любовь к миру, жизни, людям) выступают органами становления и способами реализации духовности человека, где они продолжают совершенствоваться. То есть душевная жизнь, собственная преобразующая жизнедеятельность являются предпосылкой становления индивидуального духа человека и далее направляют к выходу за границы наличного бытия. Эта соотнесен-

ность всей жизни человека, его индивидуального эмпирического сознания к его духовному началу, к его «сердцу», обнаруживает онтологическую неотрывность духовной, индивидуальной и душевной сторон в человеке. Лишь руководствуясь, направляясь сверху, личность обретает познавательные творческие силы, а не служит источником хаоса и бесплодных исканий. Содержание духовности в человеке, таким образом, окончательно раскрывается в его универсальности, сопричастности к Высшему Разуму, к Миру. Это, пожалуй, самый важный момент: понимание человеком бесконечности через осознание равнозначности сторон в отношении Человек – Мир.

Ступень универсальности открывает человеку осознание переживания и ощущения глубокой связи с природой, миром, своей причастности к вневременной всеобщей основе бытия, к миру как бесконечно целому. Она позволяет ему выйти за пределы развитой индивидуальности и войти в область соборных жизненных смыслов и духовных ценностей. Человеческое бытие обретает подлинно уникальный характер – целостный, объемный, глубокий, суверенный, зрелый. Эти качества наделяют личность предельной ответственностью за весь мир. Особенность человека заключается в том, что он есть частица бытия, проникающая, охватывающая все целое бытие. В отношении Человек – Мир человек выступает как противоречивое конечно-бесконечное существо, как воплощение Высшего Разума в единичном индивиде. И реализуется это противоречие в момент, когда его индивидуальное эмпирическое сознание трансцендирует, переходит границы между субъективным и особенным, то есть в форме потенциальной бесконечности. С.Л. Рубинштейн в работе «Человек и Мир» описывает эту бесконечность так: «Человек… есть часть бытия, конечное сущее, которое является зеркалом Вселенной, всего бытия; он – реальность, в которой представлено идеально то, что находится за пределами этой конечности» [12, с. 342].

Как видим, религиозное и философское истолкования сакрального уровня духовности во многом пересекаются. Это восприятие его как абсолютно непостижимого, как реальности бесконечной по отношению к земному, дольнему. Их сближает трансцендентная природа явления, обращение к высшим, непреложным основаниям человеческого бытия, человеколюбию, нравственности. У них общая основа – три общезначимые добродетели – вера, надежда, любовь. Следовательно, постижение духовного и приобретение духовности возможно для каждого свободного духом, чистого сердцем, не отягощенного материальным. Эти сакральные отношения человека к базовым идеям и идеалам сложившейся духовной культуры транслируются из поколения в поколение и являются общечеловеческим достоянием.

Проведенный анализ показал полифункциональное назначение духовности в становлении личности. Духовность представляет собой целостную систему, включающую необходимое число элементов, способных обеспечить ее оптимальную реализацию. Элементы духовности, входящие в структуру человеческой личности, могут сходиться, расходиться, пересекаться в зависимости от конкретной действительности. Сложность структуры этих элементов (систем), независимо от уровня организации, характеризуется упорядоченным взаимодействием ее составляющих, обладающих, в свою очередь, собственной структурой и связанных иерархической зависимостью. Общей чертой всех механизмов, посредством которых осуществляется духовность, является всеобщий характер ее проявления. В конечном итоге духовность как философская категория обладает свойством универсальности, но в то же время она не дается человеку изначально, а приобретается им в результате активного, деятельного отношения к бытию. Не столько общественные условия влияют на формирование личности, сколько человек сам создает свою личность своими деяниями и поступками при условии энергийного отношения к себе и к миру.

Возвращаясь к обозначенному в начале данной работы допущению о триадической организации статической структуры духовности, следует согласиться с заявленным предположением. Духовность в бытийном процессе социальной и индивидуальной жизни представляет собой не просто ограниченное пространство, ставшее для его субъектов ценностью высшего порядка. Статическую основу этого сложного социокультурного феномена составляет структурная иерархия, включающая социальное, ментальное и сакральное измерения, систему больших и малых смыслов, одинаково многозначимых как для отдельно взятого индивида, так и для общества в целом.

Истинная духовность постепенно возникает в человеке вполне понятным, определенным объяснимым путем и в то же время таинственным, загадочным, мистическим образом. Взращённый в процессе духовности человек становится социальной личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и земную реальную жизнь. И каждая такая личность живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы социокультурного пространства (Мира).

В различных сферах жизни человека и общества инвариантно-вариативные комбинации этих уровней, состоящих из множества существенных компонентов, позволяют выявить разнооб-

разные точки их соприкосновения. В таких местах в духовном мире личности соединяются совершенно явные универсальные элементы, ясно видимые с первого взгляда и придающие ему, с одной стороны, структурную устойчивость, определенность, а с другой – безграничную изменчивость внутренних возможностей. Эти возможности расположены за внешними границами, но являются базисными в феномене духовности как целостности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Айзенк Г.Ю.* Структура личности: пер. с англ. СПб.; М., 1999.
2. *Мерлин В.С.* Структура личности: характер, способности, самопознание. Пермь, 1990.
3. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. Т. 12.
4. *Арутюнян М.П.* «Человек – мир» как исходное мировоззренческое отношение // Человек. Мировоззрение. Культура: сб. науч. трудов / под. ред. М.П. Арутюнян. Хабаровск, 2009.
5. *Буева Л.П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978.
6. *Франк С.Л.* Сочинения. М., 1990.
7. *Слободчиков В.И.* Реальность субъективного духа // Человек. 1994. № 5.
8. *Панова О.Ю.* «Homo Dei». «Трансценденция Эго» у Карла Юнга и Франца Кафки // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2004. № 1.
9. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003.
10. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991.
11. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
12. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1976.

Юридические науки

УДК 347.453.4

Абдраимов Бакытжан Жарылкасынович

доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, почетный академик Национальной академии наук Республики Казахстан
тел.: (701) 759-25-42

Сулейменова Сауле Жусупбековна

доктор юридических наук, профессор Казахского национального университета им. Аль-Фараби
тел.: (701) 759-25-42

Саймова Шолпан Алтынбековна

докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
тел.: (701) 759-25-42

Abdraimov Bakytzhan Zharylkasynovich

Doctor of Law, Professor of Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Honorary Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
tel.: (701) 759-25-42

Suleimenova Saule Zhusupbekovna

Doctor of Law, Professor of Kazakh National University named after Al-Farabi
tel.: (701) 759-25-42

Saimova Sholpan Altynbekovna

Doctoral Candidate of Eurasian National University named after L.N. Gumilyov
tel.: (701) 759-25-42

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ АРЕНДЫ ЗА ЗЕМЛЮ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT AND ESTABLISHMENT OF LAND RENT IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Авторы научной статьи уделили особое внимание историко-политическому, социологическому и правовому анализу развития и становления аренды за землю. Особое внимание уделяется изучению действующего законодательства в этой области, выявление его пробелов и недостатков, разработка рекомендаций и предложений, направленных на совершенствование действующего земельного законодательства в Казахстане.

Ключевые слова: **Республика Казахстан, Российская империя, Конституция, земельное законодательство, земля, аренда земли, арендная плата.**

The authors of this work have paid particular attention to historical, political, sociological and legal analysis of the development and formation of lease of land. The authors' particular attention is focused on the studying current legislation in this area, identification of its gaps and shortcomings, development of recommendations and suggestions directed at improvement of the existing land-laws in Kazakhstan.

Key words: **Republic of Kazakhstan, Russian Empire, Constitution, land-laws, land, lease of land, rental fee.**

Исследование места и роли аренды земли на различных этапах истории Казахстана позволяет познать ее сущность, значение для экономического и общественного развития, выявить тенденции и закономерности развития юридических норм. Исторические памятники казахского обычного права свидетельствует о своеобразии и самобытности формирования аренды за землю. Тем самым исследование аренды земли на территории Казахстана нельзя вести без анализа исторических предпосылок, на основе которых происходило его становление.

Необходимость эффективного законодательного регулирования земельных отношений в современном Казахстане настоятельно требует обращения к историческому опыту для извлечения из него уроков, как позитивных, так и негативных.

Становление и развитие законодательства аренды земли явление возникшее в связи с переходом в рыночное условие. История становления земельных отношений в Казахстане подразделяется на следующие этапы: земельно-правовые отношения до вхождения Казахстана в состав России, земельные отношения Казахстана в составе России, земельные отношения в советский период, земельные отношения суверенного Казахстана [1].

До вхождения Казахстана в состав России признаки аренды земли не имели место, но регулирование земельного оборота имеет свою историю и уходит корнями в далекое прошлое. На характер земельного оборота, на его сущность, форму всегда оказывали и оказывают влияние самые различные факторы – это и природно-климатические условия, и уровень развития производственных отношений и многое другое. Все это оказывала влияние и на земельный оборот, существовавший в Казахстане до вхождения в состав России. Главным воздействующим фактором земельного оборота данного периода являлся кочевой образ жизни казахов. Право частной собственности на землю по юридическим представлениям казахов вплоть до XIX в. отсутствовала [2]. Земля юридически считалась общей соб-

ственностью родов и общин. Фактически истинными владельцами земель являлись Бии и иные феодалы, уже в XVIII в. зимовки стали находиться в частном владении отдельных феодалов.

В любом обществе, независимо от уровня развития производственных отношений, одним их главных вопросов является вопрос о собственности на землю. Не является исключением в этом смысле и Казахстан. На протяжении всей истории казахского общества, земля оставалась единственным и главным условием производства, порождающим социальные противоречия и межродовые конфликты в борьбе за лучшие кочевья. Известно, что основную причину народного восстания во Внутренней орде составляли, в том числе аграрные и земельные отношения.

Нельзя не согласиться с мнением, С.З. Зиманова и А.Е. Еренова, которые отмечали, что существование поземельной собственности в Казахстане является бесспорным и «было бы непростительной ошибкой смешивать общинное пользование отдельными кочевыми путями с общинной собственностью на землю. Внимательный анализ производственных основ казахского феодального общества показывает, что общинное пользование отдельными кочевыми участками есть явление, происходящее внутри и в условиях монопольной собственности феодалов на землю» [3]. Подтверждает их позицию существовавший тогда способ наименования плодородных земельных участков по имени владельцев-феодалов. При разрешении земельных споров суды исходили из названия земель, как признака принадлежности тому или другому владельцу. Наиболее лучшие земельные участки с водопойными источниками находились в руках феодалов. При этом многие простые кочевники часто сталкивались с препятствиями при пользовании даже речной водой. Для этого, нередко, требовалось специальное разрешение хана или владельца прилегающего к реке участка. Очевидно, что если бы пастбища с водопойными источниками находились в общинной собственности, то не нужно было бы получать такого рода разрешения.

Данные исторические факты подтверждают существование в Казахстане частной собственности на землю феодалов. Естественно, что институт частной собственности на землю того периода отличается от наших современных представлений. Категория собственности носила на себе черты патриархально-феодального общества, каковым и являлся Казахстан в тот период. Таким образом, это была феодальная собственность на землю, с особенностями, вызванными кочевым образом жизни казахского общества.

Несмотря на существование в Казахстане патриархально-феодального института частной собственности на землю, в обществе отсутствовали отношения по отчуждению земли. Это вызвано тем обстоятельством, что капиталистические отношение, в том числе, отношения по куплепродаже земельных участков, совершения гражданско-правовых сделок, в том числе договора аренды за землю еще не было, да и быть не могло. Следовательно, отсутствовали фактические предпосылки образования рынка земли. Земельный строй изменился лишь после присоединения Казахстана к Российской империи.

Процесс вхождения Казахстана в состав Российской империи носил сложный социально-политический и стратегический характер. Известно, что началом этого политического процесса послужила грамота императрицы Анны Иоанновны от 12 февраля 1731 г., а также присяга хана Младшего жуза Абулхаира 10 октября 1731 г. В этом же году и хан Среднего жуза Семеке присягнул на верность России на таких же условиях, как и Младший жуз. Немного позже, а именно в 1740 г. присягнули на верность хан Среднего жуза Сьюк Аблайханов с подвластными ему 55 462 казахами был принят в российское подданство. Фактическое присоединение Казахстана к России было осуществлено в 1847 г. [4]. Таким образом, присоединение Казахстана к России, начавшись в 1731 г., было завершено лишь в 1847 г., этот процесс проходил неравномерно – в общей сложности 116 лет.

Важно отметить, что присоединение Казахстана к России не могло не отразиться на характере земельных отношений и на их правовом регулировании.

Во-первых, весь земельный фонд перешел в собственность из рук ханскосултанского рода чингизидов в руки Российской империи.

Во-вторых, царизм сохранил для казахов общинную форму землепользования, а регулирование поземельных отношений по-прежнему осуществлялось на основе норм казахского обычного права.

В-третьих, в обычном праве казахов появились нормы, в которых признавалось право частной собственности за отдельными семьями на осенние и зимние пастбища, усадьбы, сенокосы и т.д.

В-четвертых, правовое регулирование земельных отношений, помимо обычного права, осуществлялось общеимперским российским законодательством. Важно отметить, что данный исторический этап правового регулирования рынка земли в Казахстане невозможно рассматривать в отрыве от России. Так или иначе, общероссийские социальные процессы находили свое непосредственное или косвенное отражение и в Казахстане. Несмотря на большой массив законода-

тельных актов, регулирующих рынок земли, нормативные акты не оказывали существенного влияния на земельные отношения в Казахстане. При этом, Российская империя проводила целенаправленную политику изъятия земельных угодий у коренного населения, как для военных нужд, так и для предоставления казачьему и военному населению [5].

Земельные отношения в этот период можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, в случае их возникновения между казахским населением и государственной администрацией или казачьими общинами как строго урегулированные имперским законодательством; во-вторых, регулирование землепользования, оборота земель в чисто казахской среде осуществлялось в основном нормами обычного права.

Судьбоносное влияние на земельный строй Казахстана оказала Столыпинская аграрная реформа. Она была следующим этапом развития общественных отношений, связанных с распределением и обращением земельных участков и в Казахстане. Сложившийся в результате данной реформы земельный строй просуществовал вплоть до Октябрьской революции.

Реформы П.А. Столыпина были направлены на переход господствующего права общей собственности на землю среди крестьян (общинное землевладение) к праву личной собственности главы хозяйства. Указом от 3 ноября 1905 г. вдвое были сокращены выкупные платежи, что способствовало расширению прав крестьян на землю.

В ходе аграрной реформы 1906 г. некоторые домохозяева получили возможность закреплять свои пахотные полосы (в том числе угодья) в частную собственность. Российская империя стимулировала своих крестьян объединять и укрупнять свое земельное владение [6]. Крестьяне получили право распоряжаться своими земельными наделами, в том числе продавать их, закладывать, сдавать в аренду. Таким образом, только после закрепления крестьянской земли в частную собственность появлялась возможность ее продать, сдать в аренду или совершить иную сделку. Но, как известно, вышеупомянутый процесс происходил медленно, сдерживая развития земельного рынка [7].

В период реформ, несмотря на высокую цену и кабальные условия, часть крестьян и даже бедняков покупали земли. Покупали землю и богатые крестьяне, развивая при этом товарное производство. Но больше всего среди покупателей земли были лица не крестьянского сословия: волостные старшины и писари, владельцы винных лавок, полицейские, духовенство, торговцы и т.д. Эта категория скупала землю для спекуляции (ведь земля постоянно дорожала) и для сдачи ее в аренду тем же крестьянам, причем арендная плата доходила до половины урожая.

Поскольку практика скупки земли для спекуляции и сдачи в аренду получили широкое распространение, российское правительство, обеспокоенное этим явлением, издало циркуляр, устанавливающий норму покупки надельной земли не более 6 наделов в пределах одного уезда. Однако в действительности многие спекулянты и рантье скупали (используя продажность чиновников и взятки) по 100-200 наделов [8].

Необъятные казахские степи также были затронуты столыпинской реформой – для ослабления политико-экономической остроты, вызванной аграрными преобразованиями, целенаправленно осуществлялось переселение малоземельных крестьян из густонаселенных губерний на территорию Казахстана.

Переселенческой политикой царское правительство рассчитывало разрешить ряд задач: во-первых, массовое переселение крестьян из южных, наиболее густонаселенных районов России, по его замыслу, должно было ослабить остроту аграрного вопроса в этих районах, сгладить массовое недовольство бедных слоев крестьянства и тем самым сдержать нарастающее революционное крестьянское движение; во-вторых, поселенное в казахских степях русское и украинское крестьянство должно было стать ему опорой в осуществлении колониальной политики в Казахстане; в-третьих, в лице кулаков-переселенцев царское правительство создавало себе в деревне политическую и экономическую опору. Свои стратегические замыслы чиновники Российской империи пытались завуалировать благовидной задачей освоения плодородных земель и увеличения хлебных ресурсов страны [9].

Немаловажен тот факт, что все рыночно-земельные отношения в Казахстане в период столыпинской реформы уже строго регулировались общеимперским законодательством, которое по своей сути являлось воплощением колониальной политики Российской империи.

В истории отпечатался и тот факт, что помимо общеимперских правовых установлений, принимались и действовали специальные нормативные акты, направленные на регулирование общественных отношений именно в степных областях Азиатской России [10]. Правовое положение земель, занимаемых казахским населением, определялось также в Положении об управлении степных областей [11].

Стоит отметить, что эти правовые установления во многом стимулировали повышение ак-

тивности оборотоспособности объектов рынка земли. Однако, помимо чисто прогрессивного рыночного характера, данные правовые положения носили колониальный характер – защищая в арендных отношениях приоритетность русского населения в ущерб интересов нерусских, строго определяя целевое предназначение аренды. Субъекты состав аренды зимовых стойбищ ограничивался в отношении арендатора критерием русского происхождения, т.е. казах-кочевник не мог сдать данную землю в аренду своему соплеменнику, что является еще одним доказательством дискриминационной политики Российской империи.

К 1917 г. реформа, начатая П.А. Столыпиным, еще не была завершена. Параллельно сосуществовали как право частной собственности на землю, так и право общинной собственности на надел. Кроме того, к этим правам присоединились право аренды и основное право пользования земельным участком. Почти половина пахотных земель, как и прежде, принадлежала помещикам, зачастую сдававшим землю крестьянам в аренду. Крестьяне обрабатывали ее своим инвентарем в порядке отработки арендных платежей. В ходе реформы часть земель перешла к новым землепользователям – рантье, которые широко применяли практику сдачи земли в аренду для извлечения прибыли. При этом увеличивалась площадь арендованных земель, обрабатывающихся крестьянским инвентарем. Таким образом, аренда земель не всегда способствовала развитию прогрессивных методов ведения сельского хозяйства.

После 1917 г. ситуация резко изменилась – права на землю приобрели совершенно иное содержание. Крестьянский наказ в рамках Декрета «О земле» от 26 октября 1917 г. (по старому стилю) объявил всю землю народным достоянием, отменил частную собственность на землю, запретил сдавать ее в аренду и залог [12].

Земля передавалась в распоряжение земельных комитетов, которые являлись уполномоченными органами государственной власти на местах. Тем самым земля переходила в распоряжение государств [13]. Декрет о социализации земли предусматривал, что всякая собственность на землю и другие природные ресурсы отменяется навсегда, и распоряжение ими передается органами государственной власти [14].

Таким образом, из всех юридических конструкций осталось место только праву пользование. История показывает, что это кардинально повлияло на общественное мнение о необходимости радикальных земельных преобразований к концу 1980-х гг.

В дореволюционные времена, в Казахстане вся совокупность земельных отношений регулировалась не только земельными правовыми нормами, но и гражданским законодательством – Том X Свода законов Российской империи. Гражданские правовые нормы регулировали общественные отношения по поводу земель, находящихся в частной собственности, как в городах, так и в селах. При этом правовой режим регулирования государственных земель, так называемых «казенных», был одинаковым с правым режимом частновладельческих земель. Государственные земли активно были включены в сферу рынка земли: сельскохозяйственные земли сдавались в аренду частным лицам, с торгов осуществлялась продажа лесосек в казенных лесах, взималась плата за побочное пользование в казенных лесах. Удельные земли, принадлежащие императорской фамилии в целом и кабинетские земли, являющиеся личной собственностью царя также были объектами рынка земли. Тем не менее, эффективному развитию рынка земли препятствовало стремление государственной власти «привязать» крестьянина к земле, затруднить его открепление от земли в любой форме. Это был политический курс Российской империи на протяжении нескольких десятилетий до и после отмены крепостного права в 1861 г. В основе стратегической и политической позиции российского правительства лежала боязнь, что легкость отчуждения земли создаст в обществе «язву пролетариата». Это и создавало объективные причины фактической невозможности крестьян уходить на заработки в город.

Итак, до революции при арендных отношениях применялись нормы земельного и гражданского права. Но в ряде случаев помещики, пользуясь недостатками землеустройства, принуждали крестьян к аренде земель по ценам, значительно превышающим рыночные. Это имело место в отношении скотопрогонов, водопоев, при вклинивании помещичьих земель в крестьянские, что вынуждало крестьян арендовать их, дабы не платить штрафы за потраву. При недостатке лугов, пахотных земель и при аграрном переселении, крестьяне вынуждены были арендовать соседние помещичьи земли на крайне невыгодных условиях. Юридически это способствовало созданию ситуации, когда значительная часть гражданско-правовых сделок, предполагающих равенство сторон и добровольной характер их совершения, стали вынужденно кабальными.

По Земельному кодексу РСФСР 1922 г. крестьяне пользовались государственной землей, не оформляя ни арендных, ни иных договоров. Данный Земельный кодекс, как и все остальные законы РСФСР, действовал и на территории Казахстана, являющегося тогда КазССР [15]. Разработчики ЗК

РСФСР предполагали, что он в отношении земли заменит Гражданский кодекс, а в части трудовых отношений – Кодекс законов о труде. История показала, что это мнение не оправдалось.

В период с 1920 по 1936 гг. в КазССР было принято более 14 нормативных правовых актов. Однако, была заметна тенденция того, что в земельном законодательстве общесоюзные правовые положения стали существенно преобладать над республиканскими. Ярким примером данной позиции является образование в 1930 г. Наркомзема СССР, которому непосредственно подчинились наркомземы союзных республик. Общесоюзное нормотворчество по поводу земель сельскохозяйственного назначения было направлено на осуществление коллективизации сельского хозяйства, что повлекло частичное поглощение земельного права вновь возникшим колхозным правом. В результате этого Земельный кодекс фактически утратил, юридическую силу и более не мог надлежащим образом применяться по назначению.

В 1936 г. была принята новая Конституция СССР, провозгласившая, что земля колхозов навечно закрепляется за ними в бесплатное пользование. Однако в обмен на «бесплатную» землю колхозы обязаны были оставлять государству свою продукцию по низким ценам в соответствии с установленными погектарными нормами.

Так, постепенно рыночные отношения подменялись псевдобесплатными льготными колхозами, обернувшимися для них, как известно, тотальным государственным контролем, что привело к полному отрыву земельных отношений от их естественного экономического содержания. Были прекращены даже робкие попытки денежной оценки земли, которая еще в 1920-е гг. считались необходимой, например, для обменов крестьянских земель с целью ликвидации неудобств землепользования [16].

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1937 г. была запрещена сдача в аренду земель сельскохозяйственного назначения с взиманием арендной платы [17], так как это противоречило политике советского государства [18]. На данном этапе развития арендные земельные отношения отсутствовали: земля была изъята из оборота и стала res extra commercial.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. [19] не содержал норм об аренде земли, а в комментариях приводились примеры запретов и ограничений в отношении отдельных видов имущества. Предметом аренды не могли выступать права граждан, запрещен был наем земель сельскохозяйственного назначения [20]. Отсутствие договорных поземельных отношений между государством и колхозами привело к серьезной деформации взаимоотношений между ними, породило произвол, не гарантировало хозяйствам права на произведенный ими продукт.

Сложившееся положение дел не могло оставаться не замеченным – огромные потери лучших земельных угодий, побудили законодателя отойти от концепции «бесплатности» земли. Земельный кодекс КазССР 1971 г. говоря о содержании земельного кадастра, упоминал об «экономической оценке земли». В теоретическом обосновании признания земли в качестве экономической ценности, определения ее имущественного характера и необходимости ее денежной оценки, важную роль сыграли такие ученые, как С.Д. Черемушкин [21] и В.П. Шкредов. В существовавших дискуссиях обосновывалась возможность введения института аренды земли, платности землепользования, установления и развития договорных земельных отношений и других правовых механизмов, допустимых в случаев официального признания земельных отношений в качестве имущественных [22].

Со временем эта позиция нашла понимание и поддержку даже в высших эшелонах власти СССР. Группой под руководством академика С.С. Шаталина 31 августа 1990 г. была подготовлена программа экономических преобразований, широко известная как программа «500 дней». Многие идеи этой работы носят чрезвычайно интересный и актуальный характер для нашего времени. Государством официально признавалось, только то, что человек, имеющий земельный участок, который он всегда может передать или оставить, своим детям, объективно заинтересован в стабильности общества, социальном и национальном согласии. Земля, входящая в личное подсобное хозяйство, объявляется личной собственностью крестьянской семьи либо передается ей за небольшую плату. Законодательно закрепляется право свободного выхода работника из колхоза переходящим в его собственность земельным наделом. В республиках учреждаются Земельные банки, осуществляющие кредитование, приобретение земли в собственность, ипотечный кредит. Наиболее действенным рычагом земельной реформы является платность земли. Государство осуществляет контроль за заключением торговых сделок по поводу земли. В личную собственность городского населения за небольшую плату отводятся садово-огородные участки размером до 6 соток. Главной задачей реформы является разгосударствление земли [23].

С обретением государственной независимости в Республике Казахстан за сравнительно короткий период времени произошли кардинальные изменения в земельных отношениях и по существу, был создан новый земельный строй. Переход к рыночной экономике объективно вызвал необходи-

мость введения различных форм собственности на землю, платности землепользования, законодательного решения о статусе земельной недвижимости, как предмет (объект) правового регулирования. Реформирование земельных отношений это длительный, сложный процесс, требующий постоянного и поэтапного развития. С момента приобретения независимости за 20 лет земельные отношения подверглись определенным изменениям и представили перед собой цели и направления.

Становление и развития законодательства аренды земли независимого Казахстана подразделяется на несколько этапов:

Первый этап – 1990-1993 гг. На этом этапе были приняты Земельный кодекс КазССР, Законы «О земельной реформе», «О крестьянском хозяйстве», «О земельном налоге» и другие нормативные правовые акты заложившие основу новых земельных отношений. Безусловно они сыграли определенную положительную роль в создании новых форм хозяйствованиия на земле. Но с внедрением рыночных отношений, развитием частного предпринимательства исключительная монопольная собственность государства на землю стала сдерживающим фактором этих процессов. На начальном этапе земля находилась исключительно в государственной собственности и совершение каких-либо сделок с землей запрещалось. Однако, признаки экономического механизма использования земель выражались во взимании арендной платы и земельного налога. В соответствии с ЗК КазССР землевладение и землепользование являлись платными. Плата за землю взималась в формах земельного налога и арендной платы, определяемых в зависимости от качества, местоположения и водообеспеченности земельного участка. Платежи за землю поступали в местные бюджеты и направлялись в первую очередь на охрану земель, повышение их качества, на материальное стимулирование землевладельцев и землепользователей, в том числе аредаторов, на осуществление этих мероприятии, а также на землеустройства и социально-культурное развитие территории [24]. Закон «О Земельной реформе» был принят в целях преобразования земельных отношений для создания правовых, экономических и социальных условий для эффективного функционирования различных форм хозяйствования на земле, обеспечения рационального землепользования и охраны земель [25].

Анализируя нормативные правовые акты, принятые на начальном этапе становления и развития рыночных земельных отношений и законодательства аренды земли, можно сделать вывод о том что в условиях перехода к рыночной экономике государство продвигалось к созданию земельного рынка и дальнейшему его совершенствованию.

Второй этап становления и развития рыночных земельных отношений и законодательства аренды земли начался с 1994 г. На этом этапе развития земельных отношений и постепенный переход к платному землепользованию связан с адаптацией земельного законодательства к условиям формирующего земельного рынка. На этом этапе вышли в свет Указы Президента Республики Казахстан «О некоторых вопросах регулирования земельных отношений» и «О дальнейшем совершенствовании земельных отношений», позволившие впервые включить в рыночный оборот права на землепользование. Согласно этим Указам граждане РК имели право получить земельный участок в пожизненное наследуемое владение, независимо от срока их проживания на территории республики, во временное пользование на условиях аренды на срок до 5 лет (краткосрочная аренда) и до 99 лет (долгосрочная аренда) [26].

Земельные отношения с признаками экономического механизма нашли отражения в Указе Президента РК «О дальнейшем совершенствовании земельных отношений» [27]. Согласно Указу Президента главам местных администраций было разрешено, в пределах установленной им компетенции по предоставлению земельных участков, продавать право на пожизненное наследуемое владение землей гражданам и юридическим лицам (если земли не принадлежат государству) – право пользования либо право аренды земельного участка. Граждане, которым земельные участки предоставлены в пожизненное наследуемое владение, могли продавать, дарить, сдавать в аренду и залог право пожизненного наследуемого владения землей другим гражданам и юридическим лицам; а юридические лица (если их собственность не принадлежит государству), которым земельные участки предоставлены в пользование, либо в аренду, – продавать, сдавать в аренду или залог право пользования или право аренды земельного участка гражданам и другим юридическим лицам. Граждане и юридические лица могли передавать соответственно право пожизненного наследуемого владения, право пользования либо право аренды земельного участка в качестве взноса в уставные фонды (капиталы) акционерных обществ, товариществ, кооперативов, в том числе с иностранным участием. Возникшие отношения регулировались земельным а также гражданским законодательством. Важно отметить, что в это время совершались гражданско-правовые сделки с земельными участками и земельный участок частично признавался объектом рыночного оборота [28].

Третьим этапом перехода к земельному рынку стало введение института частной собствен-

ности на землю. 30 августа 1995 г. была принята Конституция Республики Казахстан, в соответствии с которой, признавались и равным образом защищались государственная и частная собственность на землю и изменился правовой статус земельного участка, как недвижимого имущества [29]. В последующим, Указ Президента РК «О земле» принятый 22 декабря 1995 г., решил принципиальный вопрос – это законодательный статус земельной недвижимости, как предмета правового регулирования. Собственник земли должен был обрести право полного распоряжения землей, как недвижимостью – покупать и продавать, дарить, использовать в залоговых операциях, сдавать в аренду [30]. Постановка решения этих сложных проблемных вопросов в условиях рыночной экономики требовала нового перехода как с точки зрения теории, методологии, так и в развитии законодательно-нормативных актов и механизма их реализации.

Принятые нормативные правовые акты в этот период в целях регулирования земельных отношений были направлены на введение земельных участков и прав на них в рыночный оборот.

В соотвествии с положениями Указа Президента РК формами платы за землю являлся земельный налог, арендная плата за землю и плата за передачу земельных участков. Передача земельных участков из государственной собственности в частную производится за плату. При продаже земельных участков в частную собственность, при их предоставлении государством в постоянное землепользование, а также при сдаче государством или государственными землепользователями земельных участков в аренду, базовая ставка платы за передачу земельных участков устанавливается Правительством Республики Казахстан [31]. На этом этапе в соответствии с Конституцией и Указом Президента РК «О земле» были приняты нормативные правовые акты, направленные на привлечение земельных участков в рыночный оборот.

Четвертый этап становления и развития рыночных земельных отношений и законодательства аренды земли начался с момента принятия Закона Республики Казахстан «О земле», который привел отдельные положения земельного законодательства в соответствии с изменившимися нормами гражданского, природоохранного и других законодательств. В соответствии с положениями Закона «О земле» земельные участки, находящиеся в собственности, постоянном землепользовании или первичном безвозмездном временном землепользовании, облагались земельным налогом в соответствии с налоговым законодательством РК. Закон был ориентирован на широкое развитие арендных отношений. Однако законом не был предусмотрен институт частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения, что сдерживало рыночный и хозяйственный оборот [32].

Пятый этап развития законодательства начинается с момента принятия действующего Земельного Кодекса РК [33]. Основная задача настоящего акта заключается в расширении предела частной собственности на землю и введение института частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения. За годы земельной реформы в республике формируются земельные отношения, ориентированные на вовлечение земельных участков и право землепользования в рыночные условия, а также на развитие рынка земли.

Таким образом, в Казахстане аренда за землю всегда отличалась особой проблематичностью. И триста лет назад, когда при хане Тауке «Казахское ханство остро нуждалось в дополнительных пастбищных угодьях, но не находило свободных земель», и при хане Касыме, когда активно шел процесс «собирания земель», и в 1861 г., когда было отменено крепостное право, и в период столыпинских реформ, и тем более во время Октябрьской социалистической революции. Острота земельного вопроса отмечалась не только в дореволюционный и советские периоды, она заявляет о себе и в настоящее время [34]. Именно аренда за землю взбудоражила общественное мнение, и в конечном итоге, проявилась в небывалой политической активности граждан.

Реформы проводимые на территории Казахстана периодически повторяют основные исторические ошибки прошлых земельных реформ, среди которых: отсутствие программы проведения реформы, а также противоречивость и несовершенство законодательной базы. Новое земельное законодательство во многом восполнило указанные пробелы правового регулирования договора аренды земельных участков, но не устранило их полностью, что не позволяет функционировать арендным земельным отношениям полноценно.

Переход к рыночной экономике, приватизация аграрного сектора, построение вторичного земельного рынка, необходимость эффективного управления государственными и частными земельными ресурсами потребовали создания соответствующих правовых норм, создающих цивилизованные основы оборота земельных участков на праве аренды, без наличия правовых коллизий между ними. В целях оптимизации структуры собственности, изменения подходов к управлению недвижимым имуществом, вовлечения максимального количества земель в экономический оборот объективной необходимостью стало совершенствование законодательства в соответствии с экономическими требованиями,

предъявляемым к земельным участкам как к одному из основных средств получения капитала. Думается, что использование опыта гармонизации законодательства в области правового регулирования аренды земли приобретает особое значение как для Казахстана, так и для новых интеграционных объединений, членом которых он является.

Конечно, недопустимо механично и поспешно переносить зарубежный правовой опыт на казахстанскую национально-юридическую почву. Казахстан – это неповторимая и уникальная страна, в которой есть свои собственные правовые традиции, обусловленные социально-экономическими, этнокультурными и природно-географическими особенностями [35]. В этой связи при взаимодействии и сотрудничестве с другими государствами необходимо исходить, в первую очередь, из собственных интересов Казахстана, обусловленных спецификой исторического развития нашего государства. Поэтому готовые западноевропейские программы развития аренды земельных участков на казахстанскую почву следует переносить очень осторожно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Архипов И.Г.* Земельное право Республики Казахстан. Алматы, 1997.
2. *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995.
3. *Зиманов С.З, Еренов А.Е.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане // Труды Алматинского юридического института., Алма-Ата, 1955.
4. *Таймаганбетов Ж.К. [и др.].* История Казахстана с древнейших времен до наших дней / Ж.К. Таймаганбетов, К.М. Байпаков, Б.Е. Кумеков, К.А. Пищулин. Алма-Ата, 1993.
5. *Дюков Л.В. [и др.].* История государства и права Казахской ССР. В 2-х ч. / Л.В. Дюков, А.Н. Таукелов, Г.С. Сапаргалиев, К.А. Жиреншин / под ред. С.С. Сартаева. Алма-Ата, 1982. Ч. 1
6. *Ахметшина Л.М.* Аренда земли по российскому законодательству: дис. …канд. юрид. наук. Казань, 2001.
7. *Скребкова О.П.* Договор аренды земельных участков: дис. …канд. юрид. наук. Самара, 2003.
8. Крестьянская реформа в России 1861: сборник законодательных актов. М., 1954.
9. Сборник декретов 1917-1918 гг. М., 1920.
10. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 года. Об образовании автономной Киргизской ССР // Собрание законодательства КАССР. Алматы, 1969.
11. *Черемухин С.Д.* Теория и практика экономической оценки земли. М., 1963.
12. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
13. О переходе земли в распоряжение земельных комитетов. Принято СНК РСФСР 5 ноября 1917 г. // СУ. 1917. № 2.
14. Советское земельное право / под ред. Н.И. Краснова, В.П. Балезина. М., 1977.
15. Земельный кодекс РСФСР от 30 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
16. Земельный кодекс // Энциклопедия государства и права. М., 1925. Т. 1.
17. СЗ СССР. 1937. № 37.Ст. 150.
18. *Чуркин В.Э.* Правовое регулирование аренды земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2000.
19. Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
20. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. С.Н. Братуся. М., 1982.
21. *Черемухин С.Д.* Теория и практика экономической оценки земли. М., 1963.
22. *Шкредов В.П.* Экономика и право. М., 1990.
23. *Ясин Е.Г.* Судьба экономической реформы в России // Вопросы экономики. 1993. № 2.
24. *Хаджиев А.Х.* Земельное право Республики Казахстан в условиях становления и развития рыночной экономики (проблемы теории, законотворчества и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2004.
25. Казахская ССР. О земельной реформе в Казахской ССР. Закон // Ведомости Совета КазССР. 1991 г. 28. Ст. 384.
26. *Хаджиев А.Х.* К вопросу введения права частной собственности в контексте проблем рыночного и хозяйственного оборота сельскохозяйственных земель Республики Казахстан // Земельное законодательство и судебная практика. Алматы, 2002. Вып. 2.
27. О дальнейшем совершенствовании земельных отношений: Указ Президента РК от 5 апреля 1994 г. № 1639 // Предприниматель и право. 1994. № 7(8).
28. Указ. соч.
29. Конституция Республики Казахстан. Алма-Ата, 1995.
30. Президент Республики Казахстан. О земле: Указ от 22 декабря 1995 г. // Ведомости. 1995. № 24.
31. Указ. соч.
32. *Алиев У.Ж., Есиркепов Т.А. [и др.]* Актуальные проблемы земельных отношений в свете проекта Закона Республики Казахстан «О земле». Алматы, 2000.
33. Земельный кодекс Республики Казахстан от 20 июня 2003 г. Алматы, 2011.
34. *Абдраимов Б.Ж.* Правовое обеспечение земельных отношений: обзор мировой практики // Земельное законодательство и судебная практика. Вып. 2. Алматы, 2002.
35. Указ. соч.

УДК 343. 359

Васильева Марина Владимировна

**кандидат экономических наук, доцент,
генеральный директор АНО содействия развитию современной отечественной науки Издательский дом «Научное обозрение» (г. Москва)
тел.: (902) 387-27-73
marinavv2010@mail.ru**

Vasilieva Marina Vladimirovna

**PhD in Economics, Associate Professor,
Director General of "Scientific Review" Publishing House (Moscow)
tel.: (902) 387-27-73
marinavv2010@mail.ru**

Алыхова Мария Владимировна

**студентка Института мировой экономики и финансов Волгоградского государственного университета
тел.: (8442) 62-86-96**

Alykhova Mariya Vladimirovna

**Student of the Institute of World Economy and Finance of Volgograd State University
тел.: (8442) 62-86-96**

Ксандопуло Ксения Валерьевна

**студентка Института мировой экономики и финансов Волгоградского государственного университета
тел.: (906) 401-49-03**

Ksandopulo Kseniya Valerievna

**Student of the Institute of World Economy and Finance of Volgograd State University
тел.: (906) 401-49-03**

БОРЬБА С НАЛОГОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: СУЩНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

FIGHT AGAINST TAX CRIMES: ESSENCE, TENDENCES AND PROSPECTS

В статье раскрыта сущность, тенденции и направления противодействия налоговой преступности. Дана оценка уровня выявленных налоговых преступлений за 2009-2011 г., проведен анализ доли поступивших налогов и сборов в начисленных к уплате, анализ задолженности по налогам, сборам, пеням, штрафам для выявления связи между названными показателями.

Ключевые слова: **налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, задолженность по налогам.**

In the article the essence, tendencies and directions of counteraction to tax crime is considered. The assessment of the level of the detected tax crimes for the period of 2009-2011 is given, the analysis of the share of the received taxes and fees accrued to payment, the analysis of debts on taxes, collection, fines, penalties for interconnection identification between the above-named indicators is carried out.

Key words: **tax crimes, evasion from payment of taxes, tax debt.**

Обязанность платить налоги установлена ст. 57 Конституции РФ, что подчеркивает значимость данной процедуры. Однако недобросовестные налогоплательщики не выполняют обязанность по уплате налогов и сборов, то есть уклоняются от налогов. Уклонение от налогов заключается в непредставлении налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо включении в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений (ст. 198, 199 УК РФ) [1, стр. 14; 2, стр. 15].

Налоговая преступность – это массовое явление современности, которое представляет собой совокупность налоговых преступлений, совершенных на определенной территории за установленный период времени. Налоговые преступления проявляются в уклонении от уплаты налогов, сборов с физических лиц, сборов с организаций, неисполнение обязанностей налогового агента, сокрытии денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов. Налоговым преступлением признается виновно совершенное противоправное деяние налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое Налоговым Кодексом установлена ответственность [6, с. 137-141].

Борьба с налоговыми преступлениями – это системная и многоплановая проблема, решение которой требует усилий со стороны органов внутренних дел, со стороны иных учреждений и органов государства. В настоящий момент пресечение неуплаты налогов является основным направлением деятельности многих государственных органов и занимает одно из главенствующих мест в налоговой политике, в текущем, стратегическом государственном налоговом менеджменте. Мероприятия по предотвращениям и противодействиям очень многогранны. Они охватывают несколько сфер деятельности и включают в себя комплекс мероприятий и деятельность высших органов государственной вла-

сти [3].

К основным направлениям противодействия налоговым правонарушениям относятся: реализация системы мер профилактики налоговых правонарушений и преступлений и реализация основных направлений уголовной политики в сфере налогообложения.

С принятием Федерального закона от 06.12.2011 № 407-ФЗ органы внутренних дел фактически отстранены от выявления налоговых преступлений. Конечно, за ними сохранена функция по раскрытию этих преступлений, однако результативность данной деятельности в отсутствии функции по выявлению налоговых преступлений, которая и определяет, в конечном счете, статистические показатели деятельности органов внутренних дел, вызывает сомнение. При этом важно отметить, что налоговые проверки по всем налогам проводятся исключительно налоговыми органами. Если обратиться к официальной статистике, то она свидетельствует о том, что не более 8% налоговых преступлений выявляются по результатам проверок налоговых органов.

В 2010 г. было раскрыто лишь за первый квартал 717 преступлений (статьи 198 и 199 УК). В первые полгода 2011 г. выявили 104 преступления, а за первое полугодие 2012 г. – лишь 91, из которых к тому же многие закрыты по нереабилитирующим обстоятельствам (к примеру, если истек срок давности). Динамика числа выявленных преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, за период с 2009 по 2011 г. показана на рисунке.

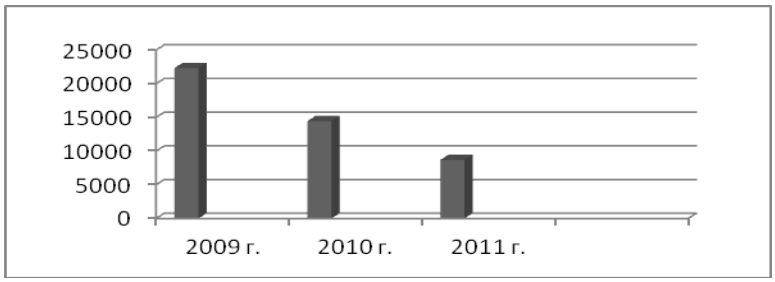

Рис. 1. Динамика выявления налоговых преступлений за период 2009-2011 гг.

Таким образом, можно сделать неоднозначный вывод о работе специализированных органов полиции по борьбе с налоговыми преступлениями. То есть с одной стороны уменьшение выявленных налоговых преступлений свидетельствует об эффективной работе по предотвращению их, с другой стороны, очевидно неполное их выявление. Доля поступивших налогов и сборов в начисленных, а также задолженность по налогам и сборам представлена в табл. 1.

Таблица 1.

Доля поступивших налогов и сборов в начисленных к уплате, млрд р. [8]

Показатель	**Период**		
	2009г.	2010г.	2011г.
Начислено	4,713	5,876	7,420
Поступило	6,997	8,415	9,715
Разница между поступившими и начисленными налогами и сборами	2,284	2,539	2,295

Начисленные налоги и сборы значительно меньше, чем фактически поступило в бюджет Российской Федерации. Возможно это следствие погашения задолженностей по налогам, сборам, пеням и штрафам. Уменьшение или увеличения задолженности можно рассмотреть в табл. 2.

Таблица 2.

Задолженность по налогам, сборам, пеням, штрафам, млн р. [9]

Показатель	**Период**		
	2009г.	2010г.	2011г.
всего	698,9	585,1	553,2
по налогу на прибыль организаций	144,8	179,6	160,8
по НДС	327,1	313,2	305,0

Задолженность уменьшается с рассматриваемого периода, то есть увеличение поступлений по налогам и сборам (табл. 1) можно связать именно с выплатой задолженностей по налогам. Уменьшение задолженностей происходит достаточно равномерно и по уровням налогообложения, и по видам налогов.

Таким образом, проводится эффективная политика по предотвращению налоговых правонарушений и уменьшению налоговых преступлений. Однако задолженность по-прежнему остается на высоком уровне, а количество правонарушений налогового законодательства увеличивается и появляется ряд новых, поэтому государство постоянно должно следить за видами правонарушений и в случае необходимости редактировать законодательство.

Кроме того невысокий уровень преступлений, выявленных налоговыми органами в 2011 г. обуславливается второстепенностью задачи противодействия налоговой преступности. Основной их функцией является налоговое администрирование и налоговый контроль, в ходе которых налоговые органы проверяют правильность исчисления налогоплательщиками сумм налогов, осуществляют доначисление выявленных недоимок и принимают меры, направленные на обращение взыскания на денежные средства и имущество недобросовестных налогоплательщиков.

В настоящее время налоговые преступления носят глобальный характер, следовательно, для предотвращения преступлений необходимы координированные усилия в международном масштабе. Самым распространенным налоговым преступлением является уклонение от уплаты налогов. Уклонение от уплаты налогов является нелегальным способом уменьшения налоговых обязательств и наказывается мерами налоговой и уголовной ответственности Примерами уклонения от уплаты налогов являются: 1) сокрытие выручки и доходов; 2) осуществление деятельности без регистрации; 3) заключение фиктивных договоров на выполнение работ, оказание услуг и т.д.

В настоящее время наблюдается динамика роста уровня налоговых преступлений в мире. Для того чтобы эффективно бороться с ними в рамках глобального характера, необходимо заключать международные соглашения, учитывая специфичность уголовно-правовой природы финансовых и налоговых преступлений. Следует помнить о важности глобального информационного обмена при предотвращении налоговых преступлений.

Предлагаемое ужесточение санкций, вплоть до усиления уголовного преследования, имеет своей целью увеличение степени рисков, которые должен осознавать плательщик налогов, имеющий намерение на уклонение от налогообложения, а также доведение до субъектов, вынашивающих подобные намерения, неотвратимости наказания.

Также к методам предотвращения налоговых преступлений относится пропагандистское информирование, а именно: 1) формирование правовой культуры населения в вопросах налогового законодательства; 2) обеспечение широкого информирования общественности о результатах деятельности отделов по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями; 3) создание среди широких слоев населения максимально благоприятного имиджа отделов по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями как быстро развивающейся, перспективной и необходимой правоохранительной структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бен-Акил А.Х.* Уголовная политика государства при назначении наказания за налоговые преступления // Современное право. 2011. № 10.
2. *Васильева М.В.* Мировой опыт реформирования современных систем налогообложения экономически развитых стран // Налоги и финансовое право. 2008. № 7.
3. *Васильева М.В., Соловьев К.А.* Развитие принципов налогообложения // Финансы и кредит. 2008. № 35.
4. *Васильева М.В., Урбанович А.Р.* Стратегические направления и ориентиры социально-экономического развития регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 2.
5. Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г . № 306 // СПС « Консультант Плюс».
6. *Михалко Е.Р., Терзиди А.В.* Противодействие угрозам экономической безопасности России: коррупция и налоговые преступления // Черные дыры в Российском законодательстве. 2010. № 5.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.07.2012) // СПС «Консультант плюс».
8. составлено авторами на основании данных официального сайта Федеральной налоговой службы РФ. URL: http://www.nalog.ru. (дата обращения 23.11.2012).
9. составлено авторами на основании данных официального сайта Федеральной налоговой службы РФ. URL: http://www.nalog.ru. (дата обращения 23.11.2012).

УДК 340.11

Милетич Ольга Олеговна

аспирантка Института государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, отдел теории государства и права, главный юрисконсульт публичного акционерного общества «Украинский научно исследовательский институт авиационной технологии» (Киев, Украина)
тел.: 38 (063) 186-97-12

Miletich Olga Olegovna

Postgraduate Student of the Institute of State and Law named after V.M. Koretsky of the National Academy of Sciences of Ukraine, Department of Theory of State and Law, Legal Adviser of the Public Company "Ukrainian Research Institute of Aviation Technology" (Kiev, Ukraine)r
tel.: 38 (063) 186-97-12

ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

FORMS OF RIGHT ABUSE: GENERAL THEORETICAL ASPECT OF RESEARCH

Автор анализирует основные подходы к градации форм злоупотребления правом: соотношение влияния квалифицирующих критериев и аспектов на градацию форм злоупотребления правом, в том числе и значение категории «цель» в механизме функционировании исследуемого явления.

The author analyzes the main approaches to gradation of the forms of right abuse: the ratio of the influence of qualifying criteria and aspects on gradation of the forms of right abuse including the meaning of the category of "purpose" in the functioning mechanism of the under study phenomenon.

Ключевые слова: **злоупотребление правом, формы злоупотребления правом, осуществление права, цель, намерение нанести вред.**

Key words: **right abuse, forms of right abuse, realization of right, purpose, intent to inflict harm.**

Право оставляет умонастроению полную свободу. Мораль же касается умонастроения и требует, чтобы поступок совершался из уважения к долгу. Следовательно, и соответствующий праву образ действий морален, если он определяется уважением к праву.
Г.В.Ф. Гегель [1, с. 202].

Злоупотребление правом является одной из наиболее дискуссионных правовых проблем современной юридической науки. Со времен древнеримского права не ослабевает исследовательское внимание к этой тематике. Новые концепции и идеи, воплощенные в аналитических и научных работах теоретиков права не только не разрешают извечный правовой спор, но и порождают все новые и новые вопросы, противоречивые взгляды на правовую природу исследуемого нами феномена. В этом и усматривается актуальность исследования, обусловленная теоретической и практической значимостью вопроса.

В разные времена, отечественные и зарубежные исследования относительно правовой природы злоупотребления правом были представлены, в частности, в работах признанных классиков юриспруденции: Ж.-Л. Бержеля, Е. Годэмэ, Э. Дженкса, В. Доманжо, Л. Дюги, Р. Иеринга, Л. Жоссерана, Н. Козюбры, Н. Политиса, В. Таджера, Г. Шершеневича, Я. Янева. Среди современных авторов проблематикой злоупотреблений, пределами осуществления субъективных прав, определением квалификационных критериев злоупотреблений занимались: В. Емельянов, Л. Васильев, А. Волков, Н. Дурново, С. Зайцева, К. Иванов, Н. Малеин, А. Малиновский, Т. Полянский, Н. Рабинович, А. Рогач, О. Скакун, А. Шабуров и др. Многочисленность научных подходов так и не привели юридическую науку к единообразному общетеоретическому подходу в понимании категории «злоупотребления правом», ее основных форм, и видовой принадлежности к правомерному или неправомерному поведению. Нет единства и в категориальном понимании самого понятия «злоупотребления правом».

По-своему интересным, является терминологическое определение исследуемого явления, предоставленное балканским ученым Владимиром Водинеличем: «zloupotreba prava je nedopušteno (zabranjeno) vršenje prava» (Злоупотреблением правом есть недопустимое (запрещенное) осуществление права) [2, с. 4]. Данное определение кратко определяет один из ключевых аспектов исследованного явления. Интересной тенденцией последнего времени является также рассмотрение злоупотребления правом в контексте теории правового конфликта в качестве социального противоречия, которое выступает предпосылкой возникновения правового конфликта [3, с. 181]. Это говорит о том, что наука старается рассматривать все грани этого многоаспектного феномена. В основном, общетеоретические исследования в данной области являются фрагментарными, бессистемными, и обоснованы, скорее, в плоскости отраслевых правоотношений. Соответственно, из этого, можно сказать, что практика диктует закономерности возникновения форм злоупотребления правом, а не научно синтезированное знание.

Исходя из сказанного, целью данной статьи является исследование форм злоупотребления правом, общетеоретических закономерностей их возникновения и функционирования. Для достижения поставленной цели автор считает необходимым поставить перед собой в качестве задания исследование таких концептуальных аспектов как: обзор подходов к вопросам классификации основных форм злоупотребления правом; соотношение влияния квалификационных критериев и аспектов на градацию форм рассматриваемой категории, в том числе, такого элемента субъективной стороны, как «цель», в осуществлении права.

Прежде, чем перейти к обзору существующих подходов градации форм злоупотребления правом, уместно определиться, что подразумевается под формой, как категорией в целом, и формой злоупотребления правом в частности. Форма (лат. forma) – прежде всего внешнее очертание, воплощение предмета, внешнее выражение какого-либо содержания, а также, и внутреннее строение, структура, определенный и определяющий порядок предмета или порядок протекания процесса [4, с. 489]. Данное определение является общим понятием категории, нас же интересует ее правовое воплощение в рассматриваемом явлении. Исходя из выше сказанного, учитывая одновременно, основные признаки злоупотребления правом, можем прийти к выводу, что формой злоупотребления правом является некое внешнее воплощение, внутренняя структура и определенный порядок реализации уполномоченным субъектом предоставленного ему субъективного права. Причем, реализация этого права осуществляется способом, который противоречит основному социальному назначению этого права, для достижения конкретной, определенной субъектом права цели, в результате чего наносится или может быть нанесен вред обществу, государству, личности.

Многочисленные учения, теории и концепции злоупотребления правом принесли множество подходов к пониманию данного явления, а также к его классификации. Рассмотрим некоторые взгляды теоретиков права на вопрос градации форм злоупотребления правом. Так, украинский теоретик права О. Скакун приводит следующие формы злоупотребления правом: а) злоупотребление правом, не характеризующееся явной противоправностью; б) злоупотребление правом, характеризующееся явной противоправностью, т. е. относящееся к разряду правонарушений. Последнее, может выражаться в социально вредном поведении управомоченного лица, опирающегося на принадлежащее ему субъективное право, или выражается в выходе лица за пределы установленного законом объема субъективного права, влекущем искажение назначения права [5, с. 458-463]. Как видим, данная градация выведена, исходя из рассмотрения злоупотребления в качестве особого вида правого поведения.

Иной, несколько специфический, подход в осуществлении градации форм злоупотребления правом демонстрирует балканский ученый В. Водинелич, разделяя следующие формы злоупотребления правом:

1. Осуществления права, с исключительным намерением нанести вред /Šikanozno vršenje prava/; иными словами, небезызвестная шикана [2, с. 5].

2. Бесполезное осуществление права /Beskorisno vršenje prava/. Осуществления права, без оправданного на то интереса. Категория «интереса», в данной форме является ключевой [2, с. 13]. Исследованием подобного критерия занимались многие ученые, при этом устанавливались определенные закономерности между категориями «интерес» и «злоупотребление правом». К примеру, как указывает А. Малько и В. Субочев: «право вытекает, прежде всего, из интересов людей и способов, которыми последние пытаются воплотить их в жизнь. Необходимость закрепления сложившегося порядка удовлетворения вновь появившихся интересов, желание изменить способы реализации, опять-таки, существующих интересов – вот гносеологическая предпосылка существования самого права. Поэтому именно интерес как категория, обобщающая причины динамики разнородных общественных отношений, является «правообразующей», определяющий тот или иной набор специфических юридических средств и механизмов, воздействующих на общественные отношения» [6, с. 31].

3. Злонамеренное осуществление права, /Protivciljno vršenje prava/ злоупотребление, возникающее, когда намерение для осуществления права (выполнения обязательства) находится за пределами законных норм [2, с. 17]. Полагаем, что к данному виду можно отнести злоупотребления правом с таким основным их признаком, как использования права в противоречии с его основным назначением.

4. Неуместное осуществление права /Neprimereno vršenje prava/. Под данным видом, теоретик подразумевает: «осуществление прав (для других) излишне обременительным способом» [2, с. 23], акцентируется внимание на критерии «неуместности» использования своего права. Автор приводит известный еще со времен древнеримского права пример злоупотребления правом, – владелец дома, который перед его продажей счищает со стен гипсовые украшения и живопись с един-

ственной целью – досадить будущему собственнику [2, с. 24].

5. Противоречивое осуществление права /Protivrečno vršenje prava/ Автор указывает на запрет контрадикторного (противоречивого, непоследовательного) поведения в процессе осуществления права [2, с. 27]. Полагаем, уместно в этом контексте вспомнить об: антиномиях (противоречия в законе), которые могут служить платформой для злоупотреблений; принципах о запрете противоречивого поведения при реализации права venire contra factum proprium nemini licet и venire contra factum proprium nulli concidetur, установленных еще средневековой юриспруденцией.

6. Безнравственное осуществление права /Nemoralno vrsenje prava/. Способ осуществления права, в котором мораль является границей осуществления права [2, с. 43]. Мораль важна для поведения индивидуумов, поскольку является его мотивом, она требует соблюдения не только законов, но и обязанностей, внутренних побуждений, с учетом мнения окружающих. Право, закрепленное в правовых нормах, не может заставить человека быть честным, порядочным, справедливым, а мораль, как внутренний регулятор призывает, требует и побуждает к этому [7, с. 14].

7. Недобросовестное осуществление права /Nepravično vršenje prava/. В данном случае, основным критерием градации автор называет добросовестность [2, с. 47].

Как видим, единый четкий критерий градации этих форм злоупотребления правом отсутствует, распределение идет на основе признаков исследуемого явления; способов осуществления права; целей, которые может преследовать злоупотребитель. Допустимо ли назвать их формами злоупотребления правом? На наш взгляд, автором приведены скорее способы ненадлежащего злоупотребительного осуществления права. Данные формы, скорей отражают внутреннюю структуру механизма злоупотребления правом, нежели его внешнее выражение. Также, отражается здесь проблема реализации самого права. Как указывает Н. Витрук, реализация прав и свобод есть использование их носителем. Возможность, заключенная в праве или свободе и очерченная нормами права, никогда не превратится в реальность без ее использования личностью [8, с. 333]. К сожалению, порою, подобная реализация находит не вполне правовые формы.

Достаточно интересную классификацию форм злоупотребления правом предлагает в своем теоретико-правовом исследовании А. Малиновский. В свою очередь, он различает правомерное и противоправное злоупотребление правом. Правомерное злоупотребление, по его мнению, является разновидностью правомерного поведения, которое можно определить, как поведение, соответствующее нормам права. Такое поведение обусловлено культурными и моральными принципами личности, является социально допустимым, а потому юридически не запрещено. Соответственно, противоправное злоупотребление, ученый разделяет на: злоупотребление правом, которое является правонарушением, и которое им не является. Противоправное злоупотребление правом, которое не является правонарушением – есть деяние, которое противоречит прямому запрету на злоупотребление конкретным правом. И напротив, противоправным злоупотреблением права, которое является правонарушением, теоретик определяет таким, что содержит все признаки правонарушения и влечет за собой юридическую ответственность лица [9, с. 207]. Обращаем внимание, что противоправное злоупотребление правом, все-таки, отличается от правонарушения в традиционно понимаемом смысле тем, что субъект в данном случае, совершает противоправное деяние посредством осуществления своего субъективного права. Злоупотребляя правом, субъект не присваивает не принадлежащие ему права, и не превышает свои, он действует в границах, предоставленного ему законом права. Подобная градация совершена, в большей степени, в соответствии места злоупотребления правом в структуре правового поведения.

Следует отметить, что приведенные выше подходы к вопросу классификации основных форм злоупотребления правом выдержали испытание временем и критикой, потому могут быть признаны классическими. Обращает на себя внимание тот фактор, что в большей своей мере, данные градации совершены с учетом влияния также квалификационных критериев и аспектов. Намерения, цели, интерес, все эти поведенческие элементы играют свою неизменную роль в конструкции механизма злоупотребления правом. Но, как только рассматривается квалификация категории «злоупотребления правом», разбирается форма вины, мотивы и прочие элементы субъективной стороны деяния, отнести то или иное деяние, к какой либо, из приведенных форм злоупотребления правом становится достаточно сложно, а порой, и не возможно. Расплывчатость определений, не ясность признаков, неоднозначность толкования исследуемого феномена, – все это сказывается, и соответственно порождает трудности юридической квалификации. Теория отделяется от практики, и рушатся созданные юридические конструкции.

В связи с этим, рассмотрим правовую природу такого элемента субъективной стороны деяния, как «цель» и его влияние на процесс классового определения того или иного деяния, к какой-либо из

форм злоупотребления правом. Подобное взаимоотношение усматривается в рассмотрении злоупотребления правом в плоскости правового поведения. Проследив закономерности подобного соотношения, раскроем еще один из аспектов правовой природы исследуемого феномена. В интересующем нас аспекте – цель – мысленная модель (идеальный образ будущего результата, представление о результате), к достижению которого стремится лицо [10, с. 55]. Также понятие «цель» трактуется как «предмет желания, что необходимо или желательно достичь, осуществить» [11, с. 776]. Цели, по своему содержанию, могут быть самыми разнообразными: достижение корыстного результата; нанесения вреда, получение выгоды, и проч. Определенная субъектом цель может быть одной, либо объединенной с иными целями, причем, вполне социально допустимыми. Т. Полянским относительно категории «цель злоупотребления правом» используется другой сходный по значению термин – «намерение» [12, с. 98]. По нашему мнению, термин «намерение» в отношении квалификации злоупотребления правом уместно употреблять только при квалификации «вины», поскольку, он содержит интеллектуальный и волевой аспекты, но никак не категории «цель».

Профессором Н. Стефанчуком и доцентом В. Грибом было высказано позицию, что при злоупотреблении правом злоупотребитель имеет намерение, прежде всего на осуществление своего субъективного права, а не на причинение вреда. По мнению же Т. Полянского при злоупотреблении правом, злоупотребителю присуще намерение нанести вред другому лицу. Такой умысел, по мнению теоретика, может быть единственной целью поведения, либо соединятся с иными, вполне социально допустимыми целями, и даже социально желательными. Среди них может быть также желание злоупотребителя осуществить свое право [12, с. 39]. Можем выделить две основные формы злоупотребления правом, согласно приведенному подходу: злоупотребление правом с намерением нанести вред и злоупотребление правом без намерения нанести вред. Полагаем, что подобные правовые позиции теоретиков оправданны, но только отчасти. Как видим, данные точки зрения формирует несколько иной подход к рассмотрению содержания субъективной стороны. Считаем в связи с этим, что не следует применять схоластический подход к пониманию динамичных категорий, одной из которых, и является злоупотребление правом.

По нашему мнению, злоупотребление правом не всегда имеет своей целью сугубо реализацию своего субъективного права или сугубо намерение нанести вред. Оно также может выступать процессом достижения поставленной лицом конкретной цели, направленной определенными субъективными мотивами (побуждениями), в ходе, которого, осуществление предоставленного законом права выступает средством достижения цели, а вред выступает следствием подобного деяния, а не самоцелью. Данная теоретическая конструкция автора подтверждается, к примеру, нормами, признающими недопустимыми (преступными) деяния, совершенные с корыстной целью или с целью получения неправомерной выгоды.

Учеными В. Грибом, Н. Стефанчуком и Т. Полянским были выведены две формы злоупотребления правом на основании содержания субъективной стороны злоупотребления правом, но, по нашему мнению, данное явление может выступать также и процессом достижения цели (как законной, так и незаконной) с помощью осуществления права, которое причиняет вред другим лицам. И данная сущность может выступать третьим проявлением правовой природы категории «злоупотребления правом», а «цель», как составляющий элемент субъективной стороны деяния может выступать одновременно квалифицирующим и классифицирующим признаком (критерием) и иметь двойственную правовую природу. В данном контексте невозможно говорить о таком существенном признаке злоупотребления правом, как непропорциональность нанесенного вреда общественным отношениям, как это определяет Т. Полянский [12, с. 39]. При этом считаем, что не является необходимым придерживаться какой-либо одной точки зрения относительно статуса «цели» в механизме злоупотребления правом, поскольку, она может найти свое отображения во всех приведенных формах. Именно эта многоаспектность злоупотребления правом и формирует его правовую сущность.

С учетом изложенного, можно прийти к выводу, что одним из аспектов правовой природы категории «злоупотребления правом», который может воплощаться в ее формах, является механизм использования предоставленного лицу субъективного права, движимый определенными субъективными мотивами, для достижения им конкретной цели. В результате чего может быть причинен вред общественным отношениям, охраняемым законом интересам, иным лицам, обществу, государству. В данном механизме цель может выступать движущей силой. При этом, не обязательным является конечное достижение поставленной цели, того корыстного или выгодного результата, достаточным есть присутствие данной категории на ранних этапах, поскольку в ходе осуществления, вред может настать, а вот цель достигнута не будет. В рассмотренном аспекте, проявление формы злоупотребление правом совершается, скорее, не посредством ее внешнего выражения, а

путем внутренней структуры содержания, поскольку рассматривались квалификационные аспекты.

В ходе совершенного исследования выведено терминологическое определение понятия «форма злоупотребления правом»; проанализированы основные подходы к градации и пониманию форм злоупотребления правом, как классические, так и новаторские; прослежено соотношение влияния квалификационных критериев и аспектов, в том числе такого элемента субъективной стороны, как «цель» в осуществлении права. Автор надеется, что альтернативный подход к рассмотрению исследуемой категории, а также дальнейшее развитие представлений о злоупотреблении правом позволит по- новому переосмыслить правовую природу данного явления, в особенности его общетеоретический уровень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет: в 2 т. / сост., общ. ред. А.В. Гулыги. М.,1971. Т. 2.
2. *Dr. Vladimir V. Vodinelić.* Takozvana zloupotreba prava. Beograd, 1997.
3. *Бобровник С.В.* Компроміс і конфлікт у праві: антрополого-комунікативний підхід до аналізу: монографія. Киев, 2011.
4. Философский энциклопедический словарь. М., 2004.
5. *Скакун О.Ф.* Теория государства и права: учебник. Харьков, 2000.
6. *Малько А.В., Субочев В.В.* Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004.
7. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах: монографія / за заг. ред. Н.М. Оніщенко. Киев, 2009.
8. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008.
9. *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2010.
10. *Кожевников С.Н.* Правомерное поведение и правонарушение: сущность и содержание: учеб.-метод. пособие. Н.Новгород, 2001.
11. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М., 1983.
12. *Полянський Т.Т.* Феномен зловживання правом (загальнотеоретичне дослідження) // Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково – дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Національної академії правових наук України / Сер. 1. Дослідження та реферати. Вип. 25. Львів, 2012.

УДК 94

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России
milena.555@mail.ru

НЕФОРМАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СТРУКТУРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИХ ПОВЕДЕНИЯ ОТ ДЕВИАНТНОГО К КРИМИНАЛЬНОМУ

Преступную (криминальную) субкультуру несовершеннолетних можно определить как поведенческие особенности несовершеннолетних, имеющих групповой характер, отражающие асоциальные устремления, чуждые общепринятым социальным ценностям, и оправдывающие совершение общественно опасных деяний искаженно понимаемыми целями жизненного благополучия и целями их достижения.

Ключевые слова: **субкультура, несовершеннолетних, девиантность, поведение, трансформации.**

Uporov Ivan Vladimirovich

Doctor of History, PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
milena.555@mail.ru

INFORMAL SUBCULTURE OF MINORS IN THE MECHANISM OF TRANSFORMATION OF THEIR BEHAVIOR FROM DEVIANT TO CRIMINAL

The criminal subculture of minors can be defined as behavioral features of the minors possessing group characteristics, reflecting antisocial aspirations alien to the standard social values and justifying commission of socially dangerous acts by means of misunderstood purposes of vital wellbeing and the purposes of their achievement.

Key words: **subculture, minors, deviance, behavior, transformations.**

Высокий уровень преступности, наблюдаемый в России в последние годы, не мог не повлиять отрицательно на изменение преступной субкультуры в целом, имея в виду ее более широкое распространение. На этом фоне неформальная субкультура несовершеннолетних, среди девиантной ее части, также является, по сути, преступной субкультурой. Этому способствовало в немалой степени и определенная «героизация» лиц криминальной направленности в средствах массовой информации, что привело к искажению правового сознания среди молодого населения России. Так, по данным С.Л. Сибирякова, проведенному среди несовершеннолетних в Волгоградской области, у большинства учащихся старших классов общеобразовательных школ «отчетливо наблюдается наиболее яркая тенденция равнения на так называемых “новых русских”. Это означает, что карманы должны быть полны денег, одежда – “от фирмы”, очки – “поларoид”, а дома чтобы были сотовый телефон, музыкальный центр, видеомагнитофон, видеокамера, телевизор последней модели, мебель лучших западных образцов, импортная машина …Главное, ради чего человеку стоит действовать – “красиво отдохнуть” (70% опрошенных)» [1]. Эта оценка во многом относится и к современному состоянию.

При этом следует заметить, что развитие преступной субкультуры имеет место далеко не только в местах лишения свободы, как обычно это представляется, хотя, безусловно, в исправительных учреждениях, она пускает глубокие корни и формируется, а затем распространяется за пределами мест лишения свободы, в том числе среди несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности. На последнее обстоятельство мы обращаем особое внимание, поскольку девиантное поведение несовершеннолетних, находящихся на свободе, можно расценивать как связующее звено между таким девиантным поведением и их потенциальной преступной деятельностью. В связи изложенным представляется необходимым более точно определить понятие преступной субкультуры несовершеннолетних.

Прежде всего заметим, что в переводе с латинского термин «субкультура» (sub – под; под чем-то) означает часть основной культуры[2]. Криминальная субкультура – это духовная жизнь относительно ограниченной части общества, а именно граждан криминальной направленности. Когда говорят о преступной субкультуре, то имеют в виду криминальные традиции и обычаи, жаргон и татуировки, неформальные нормы поведения и особенности проведения досуга. Преступная субкультура несовершеннолетних – это разновидность социально негативной неформальной культуры (формальная культура имеет в основе закрепленные в нормах права правила поведения, которые, разумеется, не могут быть преступными). Такая неформальная культура, в свою очередь, развивается в неформальных объединениях молодежи. Так, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в нашей стране тема неформальных объединений молодежи довольно активно обсуждалась, что было актуализировано начавшимися экономическими и общественно-политическими изменения-

ми, приведшими, в частности, к ликвидации формальных молодежных структур и прежде всего комсомола и пионерских организаций. Обсуждение имело и криминологическую направленность. Среди прочих обсуждались вопросы о неформальных группах с криминальной и асоциальной характеристикой: что это за группы, запрограммированы они или аномальны, как их изучать, как они образуются, кому выгодны, каким целям и ценностям соответствуют, существуют ли устойчивые массовые группировки с асоциальными или криминальными целями, можно ли превратить «плохую» неформальную группу в «хорошую», каковы перспективы изменений в молодежной среде и т.д. Было издано немало работ по проблематике неформальных объединений молодежи, в том числе учеными-правоведами (О.А. Белявская, Е.Г. Бааль, В.Д. Ермаков, Г.И. Збрянский, В.В. Лунеев, С.Л. Сибиряков, В.С. Овчинский), психологами (В.Ф. Пирожков, Б.Н. Алмазов, В.Т. Лисовский), философами (С.И. Плаксий, В.Ф. Левичева, Э.П. Теплов) и др. Прошел ряд обсуждений за круглыми столами, в том числе среди криминологов. Однако в дальнейшем интерес к этой проблеме среди ученых снизился, что, на наш взгляд, можно объяснить (в качестве одной из причин) ослаблением государственного влияния на формирование социально полезного поведения несовершеннолетних лиц и соответственно невостребованностью результатов соответствующих научных исследований.

Далее нужно заметить, что преступная субкультура – это не только неформальная культура, но и асоциальная культура, поскольку предполагает поддержку преступной идеологии. В группах несовершеннолетних, придерживающихся принципов преступной субкультуры, насаждаются нормы, ценности, атрибуты, оправдывающие преступный характер деятельности и обеспечивающие единство в достижении криминальных целей. Такие нормы, ценности, установки, атрибуты, опознавательно-знаковая система, соответствующий жаргон составляют содержание преступной (криминальной) субкультуры. Такого рода понимание имело место еще в 1920-е гг. [3]. В.Ф. Пирожков криминальную субкультуру определяет как совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих жизнь и преступную деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, криминальной активности и мобильности, преемственности поколений правонарушений. Особенности криминальной субкультуры составляют чуждые гражданскому обществу ценности, нормы, традиции, различные ритуалы объединившихся в группы молодых преступников. В них в искаженном и извращенном виде отражены возрастные и другие социально-групповые особенности несовершеннолетних, ее социальный вред заключается в том, что она уродливо социализирует личность, стимулирует перерастание возрастной оппозиции в криминальную, способствует воспроизводству преступности в молодежной среде [4]. Как нам представляется, в этом определении, с основой которого мы согласны, не находит должного отражения возрастная специфика несовершеннолетних.

Подытоживая, преступную (криминальную) субкультуру несовершеннолетних можно определить как поведенческие особенности несовершеннолетних, имеющих групповой характер, отражающие асоциальные устремления, чуждые общепринятым социальным ценностям, и оправдывающие совершение общественно опасных деяний искаженно понимаемыми целями жизненного благополучия и целями их достижения.

Говоря о роли негативной субкультуры в среде девиантов, о механизме трансформации их девиантного поведения в преступные действия, следует отметить, что в этом процессе большое значение имеет наличие наглядных примеров «успешной преступной деловой карьеры» старших братьев, друзей, знакомых с улицы – тех, кто еще несколько лет назад были такими же, как он, а сегодня разъезжают на иномарках, занимаются «частным» бизнесом, располагают современными айфонами и айпадами, кого боятся и уважают в криминальном мире. Из сознания подростков вытесняется информация о тех молодых преступниках, которые находятся в местах лишения свободы, прячутся от правосудия и тех, кто стал жертвой «разборок». Еще в 1975 г. Ю.М. Антонян в своих исследованиях доказал, что на преступное поведение несовершеннолетних преступников наибольшее влияние оказывают лица, которые либо совершали преступления, либо мелкие правонарушения и аморальные поступки [5]. Стремление войти в состав референтной группировки криминальной направленности порождает повышенную внушаемость, конформность, т.е. беспрекословное согласие со всеми требованиями группы, даже если это противоречит личным убеждениям новых членов, готовность выполнять самые непрестижные поручения. Наличие в дворовой компании авторитетных лиц с преступным прошлым ускоряет процесс повышения криминализации и организованности группы.

Следует согласиться с тем, что преступному поведению учатся, взаимодействуя в процессе общения с другими людьми; обучение преступному поведению происходит главным образом в

группах; чем более часты и устойчивы связи индивида с моделями преступного поведения, тем больше вероятность того, что индивид станет преступником [6]. Вместе с тем жесткой предопределенности преступного поведения под влиянием «дурной компании» не установлено. Предкриминальные группы функционируют не более двух-трех лет. Многие члены дворовой (уличной) компании в течение этого времени взрослеют, женятся, меняют образ жизни. Но некоторые распадаются на простые преступные группы по 2–5 чел. или начинают входить в организованные преступные группировки микрорайона, города.

В последние годы, как известно, в связи с происходящими в нашей стране социально-экономическими процессами, заметен процесс разделения населения по имущественному признаку, что не могло не повлиять на содержание криминальной субкультуры среди несовершеннолетних. В частности, функционирование дворовых компаний и других девиантных групп молодежи связано с неудовлетворенностью своим положением подростков из низших слоев населения. Такие подростки поставлены в условия, которые не позволяют им добиться успеха законным путем, или они опасаются неудачи в достижении своих целей социально одобряемыми средствами.

Указанные условия способствуют тому, что девиантное поведение несовершеннолетних (наркомания, алкоголизм, проституция и др.), подпитываемое криминальной (преступной) субкультурой, с большой вероятностью могут трансформироваться в преступное поведение, и отсюда вытекает необходимость более эффективного решения вопросов, связанных с противодействием криминальной (преступной) субкультуре, а это предполагает пропаганду социально полезной культуры, и прежде всего в средствах массовой информации, повышение эффективности семейного и школьного воспитания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Сибиряков С.Л.* Ребенок в опасности. Как предотвратить беду: наркоманию, пьянство, насилие, преступность. СПб., 2002.
2. Словарь иностранных слов. М., 2009.
3. *Познышев С.В.* Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926.
4. *Пирожков В.Ф.* Психологические основы перевоспитания учащихся специальных ПТУ. М., 1988.
5. *Антонян Ю.М.* Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятное влияние на личность в микросреде). М., 1975.
6. *Фоке Б.* Введение в криминологию. М., 2001.

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.

Материалы следует направлять по электронной почте: **editor@hist-edy.ru**, дублируя копию письма **editor.hist.edu@gmail.com** , либо на надежном оптическом носителе (только CD-R) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу: **350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.** редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».

Редколлегия журнала принимает материалы, присланные по электронной почте файлами, прикрепленными к электронному письму. Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** прилагается заявка на публикацию работы, в которой обязательно должны быть отображены следующие сведения о каждом из авторов: фамилия, имя, отчество (полностью) в именительном падеже, ученая степень, ученое звание, место работы (с указанием конкретного подразделения), должность, город проживания, контактный телефон/факс, E-mail, почтовый адрес для отсылки бесплатного авторского экземпляра, наименование страны (для иностранных авторов).

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** на английском языке дублируются: фамилии имена и отчества авторов **ПОЛНОСТЬЮ,** (без сокращений), название статьи прописными буквами, ученая степень и звание, если имеется, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, аннотация и ключевые слова. Файл именуется следующим образом: **«summary.фамилия первого автора, напр. Иванов А.А.»**.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением **.jpg** или **.pdf.**

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 2 рецензии к своей работе авторитетных специалистов в изучаемой области (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Наличие рецензий на статью увеличивает шансы автора на положительное решение редколлегии и скорую публикацию статьи. Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение ***«данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК»***, а также наличие подписи и печати.

В отдельных случаях, при наличии среди членов редколлегии специалистов нужного профиля, автор может письменно уведомить редакцию журнала о необходимости рецензирования статьи. Данная услуга дополнительна и является платной.

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Статьи соискателей степени кандидата наук не должны превышать **0,5 п.л. (20 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**, кандидатов, докторов наук и соискателей степени доктора наук – **1 п.л. (40 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема.

Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Члены редколлегии знакомятся со статьей и в месячный срок принимают решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, в обсуждение достоинств и недостатков статьи редакция с автором не вступает. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с письменного согласия редакции.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Требования к оформлению авторских материалов

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word или в функционально идентичном альтернативном ПО, в формате А 4 с полями 25 мм. Файл должен иметь расширение **.doc** или **.rtf. НЕ ПРИНИМАЮТСЯ ФАЙЛЫ С РАСШИРЕНИЕМ .docx** (Microsoft Word 2007).

Последовательность изложения материала (каждый из пунктов начинается с новой строки):

1) индекс УДК;
2) название работы (прописными **жирными** буквами), точно отражающее содержание работы;
3) инициалы и фамилии авторов на русском языке **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности), если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;
4) аннотация на русском языке объемом до 500 печатных знаков (считая пробелы и знаки препинания), характеризующая основную тему, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну;
5) ключевые слова (не более 7);
6) страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В **библиографических ссылках** приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия автора, его инициалы (набираются курсивом);
2) название источника;
3) по ГОСТу вид издания, если он указан (монография; учеб. пособие; сб. науч. тр.; материалы Междунар. конф.; тезисы докладов и т.д.);
4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
5) издательство или издатель (например: Наука; Мысль; Просвещение; Кубанский гос. ун–т);
6) год издания;
7) при ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается: URL: электронный адрес первичного источника информации и дата обращения.

При ссылке на архивные данные полное название архива пишется только при первом упоминании, затем сокращенное. После названия архива указывается номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа (все именно в такой последовательности).

При повторной ссылке на ту же книгу вместо полного ее названия пишется: Указ. соч. Если повторная ссылка следует сразу же за первой, ее оформляют словами: Там же.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Выравнивание по левому краю, первая строка – отступ 1 см, междустрочный интервал – полуторный, шрифт Times New Roman, размер 14, автоматические переносы не допускаются. Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

Сноска [1, с. 290-316, 344]
[2, л. 290-316. лл. 2-22, 23-30, 208-212]
[7, л. 29-31, 31 об.]

После текста перед концевыми сносками по центру малыми прописными дается рубрика

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

либо

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

В оригинальных статьях желательно не более 15 источников, в обзорных – до 50. Шрифт сносок: Times New Roman размер 12. ***Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке.*** В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].

Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 4. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия. Заголовки граф должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения. Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются. Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.

Годы указываются только в цифровой форме: 1920-е гг.; XX в.;XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.

Буква ***ё*** ставится только в тех случаях, когда замена на ***е*** искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только **е**.

Сокращения: *др., пр., т.п., т.д.* даются только в конце предложения. Слова *так как, в том числе, потому что* не сокращаются.

При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: *млрд; млн; тыс.* После слов *млрд* и *млн* точка не ставится.

Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: *дол., фр., р., ф. ст.,* остальные денежные знаки пишутся полностью.

В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания: « “ ” ».

Историческая
и социально-образовательная мысль
2012. № 6 (16).

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Сдано в набор 25.01.2013
Подписано в печать 29.01.2013
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,6
Тираж 550 экз.

**Тираж изготовлен на полиграфической базе
Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института**

г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», 2012